С. Н. Кривенко.

На распутьи.

(Культурные скиты и культурные одиночки).

ИЗДАНІЕ ВТОРОЕ

С. Дороватовскаго и А. Чарушникова.

Цѣна 80 коп.

МОСКВА.
Типо-лит. В. Рихтеръ, Тверская, Мамоновскій пер., с. д.
1901.

С. Н. Кривенко.

На распутьи.

(Культурные скиты и культурные одиночки).

ИЗДАНІЕ ВТОРОЕ
С. Дороватовскаго и А. Чарушникова.

МОСКВА.
Типо-лит. В. Рихтеръ, Тверская, Мамоновскій пер., с. д.
1901.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Выпуская второе изданіе настоящей книжки, считаю нужнымъ сказать, что составилась она, главнымъ образомъ, изъ журнальныхъ статей, печатавшихся въ 1893—7 г.г., къ которымъ присоединены одинъ старый, давно написанный очеркъ (1 оч. II гл.) и нѣсколько новыхъ, напечатанныхъ лишь частью или совсѣмъ еще нигдѣ непечатанныхъ. Второе изданіе пополнено также фактическимъ матерьяломъ, который удалось собрать послѣ выхода перваго изданія; но, за всѣмъ тѣмъ, большая часть книги, къ сожалѣнію, всетаки остается въ томъ же непереработанномъ видѣ, какъ была напечатана въ журналахъ. Слишкомъ строгій читатель можетъ поставить мнѣ въ вину эту непереработанность и будетъ, конечно, правъ, съ своей точки зрѣнія; между тѣмъ, изъ сырого и недостаточнаго матерьяла, какой былъ у меня подъ руками, трудно было сдѣлать что-нибудь иное, кромѣ настоящихъ очерковъ, составляющихъ къ тому же только часть задуманной мною работы. Мнѣ хотѣлось собрать наиболѣе характерные факты общаго застоя и порожденнаго имъ разброда людей, идей и направленій, какой обнаружился за послѣдніе годы во всей нашей общественной жизни, не исключая и литерутуры. Какъ самое явленіе это, къ которому ближе всего подходитъ названіе распутья, такъ и породившія пріостановку жизни, внѣшнія и внутреннія причины и выясненіе ихъ роли и взаимоотношенія представляютъ значительный интересъ. Но исполнить это желаніе мнѣ пока не удалось и пришлось ограничиться только тѣми незначительными явленіями, на которыхъ я остановился потому, что они представляются мнѣ наиболѣе искренними попытками исканія выхода изъ настоящаго положенія. Исканіе это прои-

сходитъ также въ разбродъ, гдѣ кого застала и кого куда толкнула жизнь, при чемъ даже колонисты не могутъ водворить единодушія въ своихъ колоніяхъ. Не могу, между прочимъ, умолчать, что напрасно нѣкоторые изъ колонистовъ подумали, что я будто бы отношусь къ нимъ недружелюбно (сужу объ этомъ по слухамъ, одному личному заявленію и двумъ письмамъ). Я пользовался только тѣми матерьялами, какіе были въ печати и не опровергались или относительно которыхъ былъ увѣренъ, что они справедливы, а затѣмъ никого по имени и самыхъ даже колоній не называлъ, за исключеніемъ одного случая съ положительнымъ отзывомъ автора, писавшаго о видѣнной имъ колоніи. Рядомъ съ этими матерьялами, у меня, въ полученныхъ мною письмахъ, были другіе, которыми, однако, какъ не провѣренными, я не счелъ себя вправѣ воспользоваться. Вообще же долженъ сказать, что рѣшительно ничего противъ г.г. колонистовъ не имѣю. Знаю я слова писанія: „когда настанетъ мерзость запустѣнія, то ступайте въ горы", понимаю и значеніе общественныхъ экспериментовъ, и право человѣка устраивать свою жизнь, какъ онъ хочетъ, и болѣе глубокія основанія для этого и попытку разрѣшить вопросъ о несчастномъ культурномъ пролетаріатѣ, котораго у насъ такъ много. Я не могу только придавать такого значенія колоніямъ, какое придаютъ сами колонисты, въ особенности, когда онѣ принимаютъ піэтистическое направленіе и главною цѣлью ставятъ достиженіе личной праведности. Подчеркивая эти стороны, я прежде всего высказалъ этимъ желаніе, чтобы попытки устройства колоній были какъ можно проще и стояли какъ можно ближе къ жизни. Въ этомъ отношеніи тѣ люди, которые идутъ въ жизнь будить сонныхъ, защищать слабыхъ, останавливать несправедливыхъ и такимъ образомъ поднимать упавшій пульсъ общественности, поступаютъ правильнѣе, и я не скрываю, что симпатіи мои поэтому принадлежатъ больше имъ.

ГЛАВА I.

Культурные скиты.

I.

Отъ времени до времени въ печати появляются извѣстія о колоніяхъ культурныхъ людей, которые пытаются устроиться на землѣ и обрабатывать ее своими руками. Нѣкоторые связываютъ эти попытки съ именемъ гр. Л. Н. Толстого и называютъ колонистовъ „толстовцами", что не совсѣмъ вѣрно, какъ хронологически, такъ и по существу. Попытки сѣсть на землю и жить собственнымъ трудомъ имѣли мѣсто гораздо раньше, чѣмъ гр. Толстой одобрилъ и благословилъ такое стремленіе. Онъ началъ шить сапоги и пахать землю, когда другіе уже отшились и отпахались. Достаточно припомнить покойнаго А. Н. Энгельгардта, дававшаго у себя работу „тонконогимъ", какъ называли крестьяне культурныхъ косцовъ и пахарей, которые потомъ въ той же Смоленской губерніи и другихъ мѣстахъ пробовали обзаводиться собственнымъ хозяйствомъ. Очеркъ „Годъ въ батрачкахъ", принадлежащій перу одной изъ такихъ работницъ, давно уже написанъ. Но и раньше Энгельгардта дѣлались подобныя же попытки: на Кавказѣ, напр., въ концѣ 60 и началѣ 70 годовъ было три совершенно отдѣльныхъ и самостоятельно возникшихъ колоніи; знали мы также одну колонію въ Тамбовской губ., которая потомъ была перенесена въ Черноморскій округъ; слышали о подобныхъ же начинаніяхъ и планахъ въ другихъ губерніяхъ, а нѣсколько человѣкъ, приблизительно съ такими же цѣлями, ѣздили въ Америку.

Различались и до сихъ поръ различаются такія колоніи и по существу, несмотря на то, что общій источникъ — недовольство жизнью и исканіе правды и внутренняго равновѣсія — былъ, по

всей вѣроятности, у всѣхъ одинъ и тотъ же. Первоначальныя колоніи не отрекались отъ окружающаго міра, и если иногда изолировались, то только на время и по соображеніямъ, истекавшимъ изъ других причинъ, причемъ міръ все-таки являлся исходнымъ пунктомъ, стимуломъ и цѣлью дѣятельности: колонисты стремились не столько къ личному успокоенію, сколько къ рѣшенію общественныхъ вопросовъ; задавались намѣреніями не только доказать возможность и пользу физическаго труда для интеллигенціи, но имѣли и болѣе широкіе замыслы—произвести рядъ соціальныхъ опытовъ надъ выработкою болѣе раціональнаго и альтруистическаго уклада жизни, съ наименьшею зависимостью и наибольшимъ просторомъ для личности, съ лучшими условіями для развитія ея духовныхъ силъ и приложенія способностей, и думали о примѣненіи этого уклада къ жизни, въ увѣренности, что не только новыя, воспитанныя иначе, поколѣнія, но даже наиболѣе неразвитые и плохіе общественные элементы, будучи поставлены въ иныя условія имущественныхъ и другихъ взаимныхъ отношеній, могутъ стать гораздо лучше и дать совсѣмъ иные индивидуальные и общественные результаты. Насколько такого рода опыты могли быть поучительны или, наоборотъ, безплодны—другое дѣло, но во всякомъ случаѣ отличительною чертою ихъ былъ общественно-экспериментальный характеръ. А. Н. Энгельгардтъ также ставилъ вопросъ на вполнѣ реальную почву, можетъ быть, даже черезъ-чуръ реальную и слишкомъ экономическую: работай, питайся и живи такъ же, какъ мужикъ-батракъ живетъ, получай такую же заработную плату, а затѣмъ устраивайся самъ съ товарищами на землѣ и живите по-крестьянски, стараясь улучшать хозяйство и увеличивать его доходность приложеніемъ научныхъ знаній. Это былъ искусъ, нѣчто вродѣ суровой школы труда, которая отводила мечтамъ, разговорамъ и вообще идиллической сторонѣ деревенской жизни чуть-ли не самое послѣднее мѣсто, почему дѣйствовала на тѣхъ, кто былъ склоненъ преимущественно къ пріятному времяпровожденію, подобно холодному душу, и они съ неудовольствіемъ говорили, что у Энгельгардта „кулацкіе порядки". Суровость эта вызывалась отчасти личными взглядами Энгельгардта, а отчасти необходимостью, такъ какъ говоруновъ, распространявшихся о поэзіи и пользѣ труда, было гораздо больше, чѣмъ людей, дѣйствительно желавшихъ работать. Во всякомъ случаѣ, мы видимъ тутъ на первомъ мѣстѣ уже вопросъ о личной судьбѣ людей, ихъ выносливости и пригодности для дѣла и

иной жизни. Въ колоніяхъ же послѣднихъ лѣтъ, которыя по преимуществу основывались „толстовцами", экономическія и соціальныя задачи отодвигаются на второй планъ, а на первое мѣсто выступаютъ личная этика и задачи собственнаго внутренняго совершенствованія. Колонисты изолируются отъ міра и хотятъ прежде всего привести въ порядокъ собственную душу,—ощущенія, побужденія, желанія и т. д., хотятъ, какъ изъ загроможденной комнаты, одно совсѣмъ вынести вонъ, другое поставить на мѣсто, изъ головы перенести кое-что въ сердцѣ, а изъ сердца въ голову. Они прямо называютъ себя „толстовцами" (даже печатно, какъ, напр., въ „Недѣлѣ"), противъ чего, какъ понятно, возражать нельзя, тѣмъ болѣе, что и гр. Толстой отъ нихъ не отрекается, бесѣдуетъ съ ними и даже не прочь сняться съ нѣкоторыми изъ нихъ фотографическою группою среди сельской обстановки, хотя, съ другой стороны, мы не думаемъ, чтобы онъ пожелалъ признать полную свою солидарность и взять подъ защиту своего авторитета все, что высказывается и дѣлается его послѣдователями: у нѣкоторыхъ изъ нихъ міросозерцаніе пріобрѣтаетъ слишкомъ метафизическую и порою даже мистическую окраску, а затѣмъ жизнь въ нѣкоторыхъ поселеніяхъ принимаетъ совсѣмъ сектантскій характеръ, начинаетъ походить на жизнь въ скитахъ съ суровымъ педантическимъ режимомъ для всѣхъ и каждаго, тогда какъ онъ остается въ міру и практически врядъ-ли способенъ надѣвать такія узкія колодки на человѣческую личность. Я живо помню встрѣчу съ однимъ изъ такихъ колонистовъ, перебиравшимся съ нѣсколькими маленькими дѣтьми и женою изъ одной колоніи въ другую. На вопросъ мой, почему онъ перебирается, онъ съ грустью отвѣтилъ: „да, видите ли, тамъ слишкомъ строго стало: потребовали, чтобы я оставилъ жену и дѣтей, а я ихъ люблю и трудно мнѣ это исполнить, да и дѣвать-то мнѣ ихъ некуда... Ну, а въ Т—ской колоніи, куда я ѣду, смотрятъ на это снисходительнѣе". Это ужъ слишкомъ сурово, суровѣе даже аракчеевскаго. Въ писаніи сказано: могій вмѣстити да вмѣститъ, но не сказано—непремѣнно вмѣщай и бросай даже дѣтей. Нельзя затѣмъ не замѣтить, что и среди колонистовъ послѣдняго времени есть люди, которые, въ свою очередь, отмежевываются отъ Толстого и его воззрѣній, желаютъ остаться самостоятельными и смотрятъ на задачи жизни въ деревнѣ проще, а вмѣстѣ съ тѣмъ и жизненнѣе.

Говоря все это, мы ни на минуту не думаемъ посягать на

славу гр. Толстого, какъ родоначальника культурныхъ поселеній послѣдней формаціи, а просто желаемъ возстановить только факты и сказать, что нельзя соединять безъ разбора въ одинъ приходъ всѣ такого рода попытки. Тѣмъ болѣе считаемъ необходимымъ сдѣлать настоящую оговорку и намѣтить въ общихъ чертахъ внутреннее различіе между культурными поселеніями, что объ этой внутренней сторонѣ, касающейся самой сущности стремленій на землѣ, врядъ-ли придется много говорить въ настоящемъ очеркѣ. Это едва-ли не самая интересная сторона вопроса, но слишкомъ мала для этого матеріала. Говорятъ, что даже тотъ скудный матеріалъ, какой имѣется, не всегда достовѣренъ. Поэтому намъ хочется прежде всего собрать тѣ отрывочныя и разбросанныя свѣдѣнія, какія случайно попадались въ газетахъ, и затѣмъ попросить указаній и свѣдѣній у людей, болѣе знающихъ и слѣдившихъ за предметомъ.

Явленіе ухода культурныхъ людей въ колоніи не особенно велико и иногда кажется больше, чѣмъ на самомъ дѣлѣ, потому что однѣ колоніи закрываются, а другія возникаютъ, одни и тѣ же люди переѣзжаютъ изъ одной губерніи въ другую; но во всякомъ случаѣ оно не таково, чтобы его игнорировать, какъ по размѣрамъ, такъ и по существу. Опасенія покойнаго Н. В. Шелгунова, что будто бы 100 т. молодежи можетъ быть охвачено подобнымъ стремленіемъ, разумѣется, были неосновательны, да и самъ онъ, конечно, не вѣрилъ въ возможность такого массоваго ухода и употреблялъ такой пріемъ лишь съ цѣлями чисто публицистическими, чтобы показать на большомъ, крайнемъ примѣрѣ значеніе убыли культурныхъ силъ, значеніе отвлеченія ихъ отъ другихъ, болѣе насущныхъ и важныхъ задачъ жизни. Это было какъ разъ во время полемики его съ восьмидесятниками, когда нѣкоторые органы печати усиленно стояли за малыя дѣла и самоувѣренно указывали, что задачи жизни—внутри самого человѣка, въ его душевномъ равновѣсіи и приспособленіи къ обстоятельствамъ. Однимъ словомъ, составлять карту географическаго распространенія колоній еще преждевременно, такъ какъ ихъ можно и по пальцамъ пересчитать: было два или три поселка въ Смоленской губерніи, одинъ въ Харьковской, одинъ въ Черниговской, одинъ въ Самарской, одинъ на Сѣверномъ Кавказѣ и два въ береговой Черноморской полосѣ, пять въ Тверской губ., одинъ въ Курской, одинъ въ Пермской, одинъ въ Кіевской и слышно было еще о сборахъ поселиться въ Херсонской, Екатеринославской и Каменецъ-

Подольской губерніяхъ. Очень возможно, что я дѣлаю пропуски. Какіе изъ этихъ поселковъ закрылись, какіе еще существуютъ и какъ существуютъ—также не знаемъ. Сами колонисты не любятъ писать и вообще сообщать о себѣ, вѣроятно, отчасти въ виду неодобрительнаго отношенія къ нимъ почти всей печати, а отчасти въ виду различныхъ неудачъ, которыя постигаютъ ихъ маленькія предпріятія. Поселенія являются дѣломъ домашнимъ нѣсколькихъ лицъ, трехъ-четырехъ товарищей, и рѣдко достигаютъ численности 10—15 человѣкъ, даже съ временными лѣтними гостями, которые пріѣзжаютъ поработать и отвести душу въ разговорахъ. Ясное дѣло, что людямъ непріятно, пока жизнь ихъ еще не устроилась, пока многое въ ней не ладится и представляется въ видѣ вопросовъ, чтобы о нихъ говорили, судили вкривь и вкось ихъ намѣренія и интимный обиходъ, трогали и разсматривали ихи душу, нерѣдко несомнѣнно больную. Не всякій согласится жить подъ стеклянымъ колпакомъ, тѣмъ болѣе на глазахъ общества, отъ котораго ушелъ; но весьма возможно, что въ нѣкоторыхъ случаяхъ подобное нежеланіе обусловливается и высокомѣрнымъ отношеніемъ къ міру. Внѣшнее смиреніе часто граничитъ съ высокомѣріемъ. Многіе сектанты этимъ отличаются. Мы не понимаемъ, впрочемъ, и высокомѣрнаго отношенія къ колонистамъ со стороны гг. газетныхъ корреспондентовъ и большинства органовъ печати. Отношеніе это далеко не объективно и сплошь и рядомъ отличается нетерпимостью.

На дѣятельность человѣка можно смотрѣть съ двухъ точекъ зрѣнія: съ личной и общественной. Такъ, по крайней мѣрѣ, обыкновенно смотрятъ. Если человѣкъ отъ большого и дѣйствительно живого общественнаго дѣла забивается куда нибудь въ щель, бросаетъ науку и погружается въ схоластику, клянетъ огуломъ цивилизацію и превозноситъ хожденіе на четверенькахъ, то это, разумѣется, не хорошо; но если онъ и безъ того ничего путнаго не дѣлаетъ и предается дѣятельностямъ сомнительнаго качества,—служитъ въ какой-нибудь банкирской конторѣ, въ обществѣ заклада движимыхъ имуществъ, бражничаетъ въ „Аркадіи“ или испытываетъ нужду, околачивая ноги въ поискахъ за какими-нибудь занятіями, и вообще думаетъ только о пропитаніи живота своего, — то не все-ли равно, если онъ въ одинъ прекрасный день скажетъ: надоѣло мнѣ просиживать конторскіе стулья, надоѣло питаться трактирною дрянью, надоѣло думать о квартирныхъ удобствахъ, кланяться сильнымъ, носить крах-

мальныя рубашки, заботиться о томъ, чтобы на сюртукѣ не было пятенъ и т. д., и рѣшить промѣнять все это на болѣе простую и дешевую деревенскую жизнь. Когда люди такихъ категорій— а категорій этихъ не мало — покупаютъ себѣ имѣнія и начинаютъ хозяйничать на обыкновенныхъ основаніяхъ, нанимая рабочихъ, или ѣдутъ въ провинцію на какія-нибудь мѣста, въ качествѣ управляющихъ, техниковъ, чиновниковъ, то объ этомъ никто не говоритъ, всѣ обсуждаютъ даже, выгодно-ли человѣкъ купилъ землю и какова земля, достаточное-ли получилъ жалованье и сколько изъ него можетъ оставаться; но какъ только человѣкъ снялъ сюртукъ и надѣлъ полушубокъ, перересталъ щелкать насчетахъ и взялся за заступъ, такъ на него уже смотрятъ подозрительно. Прежде всего это дѣло личнаго вкуса, личныхъ взглядовъ и настроенія. Въ предѣлахъ одинаковой общественной безполезности или сомнительной полезности они мѣняютъ только одно положеніе на другое, стремясь при этомъ быть наименѣе вредными обществу—довольствоваться минимумомъ благъ и жить собственнымъ трудомъ. Хотя до плюса далеко, но, по крайней мѣрѣ, имѣется въ виду уменьшеніе минуса. Это, въ сущности,—стремленіе къ экономическому нулю, которымъ живая и здоровая душа, разумѣется, не можетъ удовлетвориться, но въ общественно-экономическомъ смыслѣ меньшій минусъ все-таки лучше большого минуса. Живая душа не можетъ удовлетвориться и одною экономикою, въ особенности, когда балансъ начинается съ произвольнаго момента. Когда человѣкъ сталъ работникомъ, общество въ правѣ ждать отъ него производительной дѣятельности, а онъ вмѣсто этого говоритъ ему: „ну, хорошо,—мы старые счеты похѣримъ и начнемъ все сначала“. Но мы сравниваемъ людей одной категоріи, сравниваемъ дѣятельности личныя, когда другіе и этого не говорятъ. не думая объ этомъ предметѣ или воображая, что приносятъ обществу пользу. Не знаю, почему можно отдавать предпочтеніе, положимъ, человѣку, просиживающему до 5 часовъ въ какомъ-нибудь желѣзнодорожномъ правленіи (несмотря даже на извѣстную долю приносимой пользы) и потомъ освѣжающему себя чтеніемъ петербургской газеты и оперой, передъ человѣкомъ, находящимъ большее удовольствіе въ земледѣліи и философскихъ размышленіяхъ, хотя бы послѣднія, съ иной точки зрѣнія и были праздными. Первый больше всего пользы приноситъ гг. акціонерамъ, а потомъ себѣ, давая извѣстный плюсъ, даетъ въ то же время значительный минусъ; второй, не давая плюса, уменьшаетъ свой минусъ. Скучно возиться съ такими величинами, но онѣ несомнѣнно соизмѣримы, и я не знаю, на какомъ основаніи можно порицать людей, уходящихъ на землю, за то, что одному изъ нихъ надоѣло существовать перепиской и уроками, за то, что другой не высидѣлъ за банковской рѣшеткой и усталъ угождать и кривить душой, за то, что третій не нашелъ равновѣсія между своимъ внутреннимъ и внѣшнимъ міромъ и отступилъ передъ слишкомъ грубыми компромиссами, передъ ежедневными сдѣлками съ совѣстью, за то, что четвертый промѣнялъ замкнутый городской кружокъ на такой же замкнутый другой, или, измученный жизнью, ушелъ, какъ звѣрь, отдыхать въ одиночку въ лѣсную чащу. Психическіе моменты, какъ увидимъ ниже, играютъ, въ данномъ случаѣ очень болшую, даже самую главную роль. Порицаніе, конечно, возможно, но только съ другой болѣе высокой точки зрѣнія.

Безъ всякаго сомнѣнія, есть дѣятельности гораздо болѣе необходимыя и плодотворныя, но развѣ за волосы къ нимъ притащишь людей, и развѣ привлеченные такимъ способомъ могутъ представлять значительную и надежную величину? И сочувствующій колонистамъ г, Исаевъ, и отрицательно относящійся къ нимъ Вл. Соловьевъ, и другіе—больше всего боятся опрощенія. Опрощеніе это представляется нѣкоторымъ изъ нихъ какимъ-то нашествіемъ тьмы съ востока, гибелью культуры и возвращеніемъ къ варварству. Конечно это вещи тяжелыя и удручительныя; но во-1-хъ, явленіе, о которомъ идетъ рѣчь, т.-е. стремленіе на землю, настолько скромно по размѣрамъ и настолько непопулярно, что не можетъ быть источникомъ тьмы (это скорѣе одно изъ частныхъ ея послѣдствій), а во-2-хъ, развѣ всѣ культурные люди предаются только дѣятельностямъ высшаго порядка и не учавствуютъ въ дѣятельностяхъ низшихъ, вредныхъ, прямо тьму порождающихъ и защищающихъ. Мало-ли такихъ дѣятельностей, открыто враждебныхъ культурѣ, и смѣшивать съ ними явленія производныя, послѣдствія тьмы и попытки исканія выхода къ свѣту, хотя бы и неудачныя, будетъ, конечно, ошибкою. Но, говоря это, я долженъ сказать, что нѣкоторые, колонисты, дѣйствительно, заходятъ слишкомъ далеко въ порицаніи культуры, точно съ разбѣга перескакиваютъ не только черезъ отрицательныя, но и черезъ положительныя ея стороны. Съ этого пункта начинается различіе между колонистами. Въ то время, какъ одни, дѣйствительно, забрасываютъ книги, машутъ рукой на науку и провозглашаютъ культъ сердца, дѣлая его чуть-ли

не единственнымъ факторомъ жизни, причемъ, однако, впадаютъ въ противорѣчіе, такъ какъ безсердечно отрѣшаются отъ міра, забывая объ остающихся тамъ слабыхъ, и замыкаются сами въ себѣ; другіе, напротивъ, говорятъ, что внѣшнее опрощеніе не означаетъ еще отрицанія цивилизаціи, что, живя въ деревнѣ и занимаясь земледѣліемъ, можно не только оставаться культурнымъ человѣкомъ и слѣдить за наукой и литературой, но и нести съ собою туда, къ еще болѣе слабымъ и темнымъ культурную миссію (просвѣщеніе, медицинскія, агрономическія, юридическія и другія знанія), миссію очень разнообразную, можетъ быть, въ отдѣльныхъ случаяхъ и меньшую, чѣмъ другія, но по существу очень важную и въ общемъ итогѣ огромную и крайне необходимую. Они говорятъ, что даже наиболѣе замыкающіеся колонисты не могутъ вполнѣ изолировать себя отъ окружающей жизни, что если не они идутъ къ ней, то она вторгается къ нимъ съ своими вопросами и запросами, съ своими печалями и нуждами, и что, въ концѣ-концовъ, и они не устоятъ противъ общенія. Какъ два объема воды различной температуры и плотности вступаютъ между собою въ обмѣнъ, какъ водородъ, заключенный въ шаръ, вступаетъ въ диффузію съ окружающимъ воздухомъ даже черезъ плотную оболочку шара, такъ же будто бы будетъ и здѣсь. Охотно этому вѣримъ, не смотря на то, что исторія можетъ дать массу примѣровъ, когда знаніе въ теченіе многихъ вѣковъ оставалось изолированнымъ и наслѣдственнымъ, и въ данномъ случаѣ насъ прежде всего интересуетъ вопросъ: что представляютъ собою сами колонисты и что могутъ они дать окружающей средѣ? Мы не говоримъ здѣсь о тѣхъ изъ нихъ, которые тяготѣютъ къ деревенскому быту во имя ясныхъ и вполнѣ реальныхъ личныхъ или общественныхъ стремленій и группами или въ одиночку осѣдаютъ на землѣ, а о колонистахъ съ ясно выраженнымъ сектантскимъ духомъ, которыхъ пугаетъ холодъ жизни и страшитъ борьба съ нею, которые ищутъ разрѣшенія всѣхъ вопросовъ въ глубинахъ своей души и буравятъ ее самоанализомъ, какъ артезіанскими колодцами, предаваясь, въ концѣ-концовъ, піетизму. Если не во всѣхъ, то въ извѣстномъ числѣ случаевъ у тѣхъ и другихъ могутъ быть одинаковые мотивы, одинаковая точка отправленія, но задачи ихъ совсѣмъ различны. Я не только не имѣю ничего возразить противъ первыхъ, но не безъ интереса посмотрѣлъ бы на тѣхъ, кто имѣетъ подобную смѣлость. Противъ вторыхъ же можно сказать многое, хотя видѣть въ нихъ „тьму съ востока“ или какое-то спеціаль-

ное русское явленіе ни-коимъ образомъ нельзя. Мистическія настроенія встрѣчаются и на Западѣ, поглощая постоянно извѣстное количество неустойчивыхъ душъ распространяясь временами на значительныя массы населенія. Культурные люди занимаются спиритизмомъ или создаютъ что нибудь въ родѣ извѣстнаго теософическаго общества, а низшіе классы проникаются суевѣріями. Встрѣчаются въ Европѣ и попытки создать идеальный строй жизни (утопіи Мора, Фурье, Компанеллы и др.), который могъ бы служить коррективомъ дѣствительности, а въ Америкѣ мы видимъ цѣлый рядъ совершенно такихъ же общинъ, какъ наши. Очень было бы интересно сопоставить ихъ между собой, что, можетъ быть, мы и сдѣлаемъ впослѣдствіи. И у насъ за послѣдніе годы появились вовсе не одни только „толстовцы“. Читатель вѣроятно, знаетъ, напр., о пашковцахъ и объ „Апостольской общинѣ“, также существующей въ Петербургѣ.

Какъ бы кто ни посмотрѣлъ на эти стремленія и на самыя идеи, которыя фиксируютъ на себѣ вниманіе людей и овладѣваютъ ими, фактъ тотъ, что подобныя стремленія существуютъ, какъ и раньше существовали въ теченіе многихъ вѣковъ. Есть-ли какая разница и эволюціонная преемственная связь между ними, а съ другой стороны, съ состояніемъ культуры въ разныя эпохи—очень интересно было бы прослѣдить. Иногда эти стремленія очень возвышенны, прогрессивны и являются несомнѣнными порывами духа впередъ; иногда въ нихъ, наоборотъ, сказывается страхъ передъ дѣйствительностью и неизвѣстнымъ будущимъ, угнетеніе, слабость и какое-то замираніе мысли, порою даже прямо стремленіе къ смерти и самоуничтоженію, на извѣстныхъ, впрочемъ условіяхъ. Одни желаютъ, чтобы погибъ одновременно и весь міръ, другіе хотятъ быть непремѣнно вознагражденными лучшею загробною жизнью и увѣренностью въ земномъ посмертномъ почетѣ, третьи желаютъ именно самоуничтоженія, т.-е. уничтоженія отъ собственныхъ рукъ, чтобы не погибнуть какъ-нибудь иначе, и самоуничтоженія непремѣнно медленнаго, чтобы была возможность, если окажется нужнымъ, измѣнить это рѣшеніе. Большинство этихъ необуддистовъ предпочитаютъ, впрочемъ, бытіе небытію, довольствуясь самыми тѣсными рамками жизни и находя большое удовольствіе во внутреннихъ процессахъ самоанализа, самобичеванія, самоусовершенствованія и, главнымъ образомъ, самодовольства. Слово „впрочемъ“, которое я подчеркнулъ, необыкновенно предательское слово. Гейне не даромъ давно уже замѣтилъ:

Впрочемъ, жить, какъ и погибнуть,
За отечество пріятно.

Встрѣчается очень часто это слово и у Щедрина. Необуддистовъ не мало и въ жизни, и въ литературѣ, только піетизмъ замѣняется у нихъ отчасти пессимизмомъ, отчасти метафизикою. Мы, можетъ быть, и не говорили бы о толстовскихъ колоніяхъ, если бы это явленіе не было болѣе распространеннымъ и не представляло особаго рода гамму. Въ прекрасномъ и несомнѣнно возвышенномъ лиризмѣ Надсона и Гаршина слышатся уже ноты, которыя потомъ опредѣленнѣе повторяются такъ называемыми „восьмидесятниками“, достигаютъ философской абракадабры въ книгѣ Минскаго („При свѣтѣ совѣсти“) и переходятъ въ визгливы ноты гг. Волынскаго, Дѣдлова, Р. Д, и др., составляющія уже полный диссонансъ съ прогрессомъ. Начинается явленіе по хорошему и остается такимъ въ натурахъ честныхъ, искреннихъ и деликатныхъ, но затѣмъ въ натурахъ менѣе одаренныхъ и болѣе грубыхъ принимаетъ грубую форму двусмысленныхъ и прямо реакціонныхъ стремленій.

Порождаются подобныя явленія, конечно, факторами вполнѣ конкретными, хотя, можетъ быть, нѣкоторыя изъ нихъ и не вполнѣ изслѣдованы. Тутъ могутъ играть роль и личныя органическія причины, и причины общаго характера. Духъ человѣческій переростаетъ временныя формы, а съ другой стороны преграды, которыя встрѣчаетъ цивилизація, и самый ходъ ея — не равномѣрно поступательный, а скачками—вызываютъ такія перемѣны во внутреннихъ и внѣшнихъ общественныхъ отношеніяхъ, которыя заставляютъ личность быстро къ нимъ приспособляться и переприспособляться. Далеко не всѣ эти перемѣны цѣлесообразны и благопріятны для личности. Съ нѣкоторыми изъ нихъ она никакъ не можетъ примириться и не можетъ признать ихъ цѣлесообразными и для самого общества. Одинъ капиталистическій режимъ, съ служащею ему изобрѣтательностью и милитаризмомъ и усиленіемъ вездѣ въ Европѣ войскъ, вызываетъ столько перемѣнъ въ условіяхъ экономической и духовной жизни народовъ, что въ нихъ не могутъ разобраться даже верхи общества, т.-е, интеллигенція. Цивилизація, которая идетъ этимъ путемъ,—а она идетъ имъ въ значительной степени, — далеко не всегда представляется яснымъ и чистымъ потокомъ. Потокъ этотъ сплошь и рядомъ мутенъ, несетъ много сору, обездоливаетъ и превращаетъ мелкихъ самостоятельныхъ хозяевъ въ пролетаріевъ, цѣлую человѣческую личность въ дробь, и только потомъ очищается, а вѣрнѣе—только еще сулитъ очиститься и дать всѣмъ живую и чистую воду. Ожиданіе такъ томительно отдаленныя утѣшенія такъ не гармонируютъ съ дѣйствительностью, надежды столько разъ смѣняются отчаяніемъ, что невольно могутъ являться сомнѣнія: правъ ли былъ Панглосъ, что все идетъ къ лучшему въ мірѣ, вѣренъ-ли тотъ путь, какимъ идетъ человѣчество, будетъ-ли конецъ противорѣчіямъ, не удаляются-ли люди отъ правды и останется-ли ей мѣсто въ жизни, и т. д. При такихъ условіяхъ и крайне неравномѣрномъ распредѣленіи культуры, духовные кризисы представляютъ такое же естественное явленіе, какъ и кризисы экономическіе. Въ моменты ихъ наибольшей интенсивности только сильныя крылья поднимаютъ сознаніе надъ этою историческою сутолокою и открываютъ болѣе широкіе горизонты; только сильные мыслью или здоровымъ инстинктомъ люди сохраняютъ вѣру въ добро и продолжаютъ не плакать о немъ, а дѣйствовать для скорѣйшаго его наступленія. Слабые же страдаютъ и ищуть тишины, говорятъ, что если бы и всѣ такъ же усѣлись подъ своими кущами, то было бы очень хорошо. Мы не говоримъ о людяхъ несомнѣнно страдающихъ, испытывающихъ боль, но не знающихъ ея причины. Нѣкоторые въ самомъ дѣлѣ вѣдь думаютъ, что зло только въ двухъ вещахъ: въ потребленіи человѣчествомъ мяса да въ отношеніяхъ половъ, результатомъ которыхъ является потомство. Другіе въ самомъ дѣлѣ вѣдь полагаютъ, что нужно, какъ въ докучной сказкѣ, повѣсить мочало и начать опять сначала, по крайней мѣрѣ, съ Кантовской философіи и опредѣленія категорическаго императива... Обратимся, однако, къ культурнымъ колоніямъ и колонистамъ.

II.

Е. А. Соловьевъ въ вышедшей 1893 г. книгѣ *) разсказываетъ документальную исторію одной колоніи, пріютившейся на Черноморскомъ берегу. Однимъ изъ первыхъ основателей ея былъ человѣкъ 60-хъ годовъ, нѣкоторое время участвовавшій, по выходѣ изъ университета, въ артельной мастерской, какихъ не мало тогда основывалось. Когда дѣла мастерской, вслѣдствіе внутреннихъ неурядицъ, разстроились, онъ переѣхалъ въ

*) „Въ раздумьи“ гл. IV.

У—скую губернію, гдѣ скоро основалась изъ 6 чел. (3 м. и 3 ж.) община, въ которую отчасти вошли и другіе участники артели. Неудачно заарендованная земля, трудность приспособленія къ климату и тяготѣніе къ югу заставили колонистовъ перебраться въ П—скую губернію, но здѣсь оказались другія неудобства (высокая арендная плата, „характеръ окружавшей жизни“, мѣшавшій предпринятому дѣлу, кулачество), и колонисты перебрались на Кавказъ, о которомъ и раньше еще мечтали. Южное хозяйство гораздо больше подходитъ къ силамъ культурнаго человѣка и лучше вознаграждаетъ трудъ. Первымъ дѣломъ колонисты принялись, конечно, за устройство жилищъ, потомъ за хозяйство. Матеріальныя ихъ средства были очень ограниченны. Начались тяжелые дни, такъ какъ приходилось добывать самое необходимое для жизни. Разработка сильно заросшей каменистой почвы также представляла трудности. Но всѣ эти невзгоды были перенесены. Начали садить табакъ, разводить виноградники, увеличивать постройки. Все это дѣлалось своими руками, такъ какъ наемный трудъ не допускался. Съ восходомъ солнца каждый принимался за работу,—мужчины въ полѣ, женщины дома: „каждый видѣлъ самъ, что надо дѣлать“... Въ 8 часовъ пили чай или ячменный кофе; въ 12 обѣдали. Пища состояла изъ овощей, молочныхъ и мучныхъ продуктовъ, яицъ, рыбы; мяса не употребляли, но не потому, чтобы это воспрещалось, а потому, что никто изъ колонистовъ „не оказался способнымъ взять на себя обязанность бить скотъ, обращаться же къ посторонним *не позволяли принципы колоніи*“ (139). Впрочемъ, добавляетъ г. Соловьевъ, „отсутствіе мясной пищи не оказывало вреднаго вліянія; напротивъ всѣ чувствовали себя хорошо, и пріѣзжавшіе люди, часто изнуренные, въ продолженіе 2—3 мѣсяцевъ становились совершенно неузнаваемыми“. Физическій трудъ не былъ особенно обременителенъ, потому что, благодаря климатическимъ условіямъ, для полевыхъ работъ было гораздо больше времени, чѣмъ въ средней полосѣ. Мужчины пахали, косили, сѣяли и т. д.; въ жнитвѣ хлѣба и уборкѣ сѣна участвовали и женщины. Лѣтомъ, конечно, нечего было и думать о какихъ-либо умственныхъ занятіяхъ; но зимой свободное время посвящалось чтенію и музыкѣ. У колонистовъ были рояль и довольно цѣнная библіотека. Одною изъ главныхъ заботъ было воспитаніе дѣтей, чтобы изъ нихъ прежде всего вышли люди, „у которыхъ слово не отдѣлялось бы отъ дѣла“. Кромѣ умственнаго развитія, рѣшено было вводить ихъ постепенно въ обязанности колоніи. Для записыванія всего, касающагося воспитанія, заведенъ былъ дневникъ.

Когда колонисты жили еще въ П—ской губ., къ нимъ присоединились еще двое молодыхъ людей. Одинъ изъ нихъ скоро освоился съ основами внутренней жизни общины и вошелъ въ нее вполнѣ, другой же только симпатизировалъ ей, но не могъ „проникнуться принципами общины и чувствовалъ въ себѣ отсутствіе воли“ (?), а потому вполнѣ къ ней не присоединился. Не смотря на всѣ симпатіи и къ нему со стороны колоніи, на общемъ совѣтѣ рѣшено было „полюбовно“, чтобы онъ уѣхалъ и на свободѣ разсудилъ, какъ ему лучше поступить. Тотъ уѣхалъ, прослужилъ гдѣ-то полгода и тутъ только, оцѣнивъ общину, снова вернулся и сдѣлался вполнѣ ея членомъ.

Сначала колонисты не чуждались внѣшняго міра: роль колоніи въ окружающей средѣ (крестьянствѣ) исключительно была культурная“ и сводилась, главнымъ образомъ, „на пропаганду примѣромъ и дѣломъ новыхъ формъ сельско-хозяйственнаго труда, нравственныхъ правилъ“. „О политической роли никто не думалъ“. Общеніе съ крестьянами было постоянное. Колонисты принимали участіе въ церковныхъ дѣлахъ, присутствовали на сходахъ, вступали въ разговоры; предполагали устроить для нихъ школу (своихъ дѣтей, однако, думали въ школу не пускать, чтобы не испортились), больничку, аптеку, разводить лекарственныя травы и т. п. Не смотря на то, что, по недостатку средствъ, это были лишь предположенія, но и о предположеніяхъ такихъ пріятно слышать. Вообще, жизнь колоніи въ этомъ періодѣ (до 1887 г.) производитъ очень пріятное впечатлѣніе. Ушли люди въ хорошую мѣстность и живутъ себѣ, какъ хочется, дѣлая, что могутъ для ближнихъ. Хотя ближнихъ въ той мѣстности было не особенно много, такъ какъ береговая полоса очень рѣдко населена, но, по крайней мѣрѣ, вы видите, что сердце ихъ не оглохло и нѣтъ боязни „обмиршиться“. Словомъ, было отчасти и по-христіански, и по-американски, а объ Америкѣ мало-ли бываетъ мечтаній въ юности. Но въ 1887 году происходятъ перемѣны, омрачающія спокойную жизнь, происходитъ принципіальное разногласіе и распаденіе колоніи.

„Въ это время,—какъ гласитъ одна изъ лѣтописей,—далеко не всѣ еще колонисты имѣли опредѣленный, твердо установленный взглядъ на задачи жизни; у нѣкоторыхъ идея интеллигентной колоніи только что созрѣвала, но, по мѣрѣ того,

какъ она выяснялась, они уже не хотѣли мириться съ существующей организацией. Имъ не нравилось, что ихъ хозяйство идетъ по обыкновенному пути всѣхъ хозяйствъ, что самая ихъ жизнь не задается идеальными цѣлями, а довольствуется лишь обиходными интересами. Открыто и прямо заявили они объ этомъ, а также о твердой рѣшимости начать новую, болѣе строгую и принципіальную жизнь. Отсюда расколъ. Одушевленныхъ высокими стремленіями оказалось только четыре человѣка. Всѣ остальные были уже утомлены упорной борьбой изъ-за куска хлѣба; прежній жаръ ихъ остылъ и, увидѣвъ передъ собой новую, еще болѣе трудную работу, новыя еще менѣе вѣрныя усилія,—они предпочли совсѣмъ удалиться".

Есть еще указанія на ихъ „эгоизмъ": у супруговъ П—ыхъ, напр., по случаю рожденія второго ребенка, всѣ другія соображенія оказались пересиленными „вдругъ нахлынувшимъ семейнымъ эгоизмомъ". По „родительскому малодушію", стали говорить они, что нельзя оставлять дѣтей „внѣ гражданскаго общества", „не снабдить ихъ должными документами", дипломами и пр. Поэтому „поцѣловались, поплакали, ушли".

Оставшіеся четверо образовали изъ себя ядро будущей колоніи, въ основу которой должны были лечь „новыя основанія". Остановимся на минуту на этихъ основаніяхъ, чтобы стало понятнѣе послѣдующее и чтобы видѣть, гдѣ въ нихъ ошибка и съ какого момента утрачиваютъ они свою реальность и переходятъ въ піетизмъ. Г. Соловьевъ приводитъ ихъ также изъ документовъ, которые были у него въ рукахъ. Вотъ эти основанія.

„Все современное намъ общество ушло цѣликомъ въ служеніе формѣ. Культъ ея мы видимъ повсюду... Форма совершенно подчиняетъ себѣ внутренній міръ личности, *положеніе* всегда оказывается сильнѣе отдѣльнаго человѣка. Не говоря уже о формализмѣ чиновниковъ и торгово-промышленной дѣятельности, спросимъ: гдѣ та работа, которая исходила бы изъ нутра, а не была бы тяжелой, непріятной и даже часто проклинаемой обязанностью? Особенно это вѣрно по отношенію къ нашей интеллигенціи, которая переписываетъ бумаги, выдергиваетъ зубы, обучается языкамъ и предметамъ и проч., почти никогда не любя своего дѣла, зачастую даже презирая его и въ 90 случаяхъ изъ ста тяготясь имъ". Словомъ, „форма одолѣла человѣка и самая жизнь становится понемногу простой формальностью": формальность—брачная жизнь, поддерживаемая „лишь для соблюденія приличія", формальность—та работа, которая,

„не удовлетворяя человѣка, совершается имъ во имя денегъ, подъ ежеминутной угрозой голода", когда человѣкъ не имѣетъ „ни опредѣленной цѣли, ни опредѣленнаго мѣста", когда онъ „случайный дѣятель, котораго всякій другой ежесекундно можетъ замѣнить, безъ вреда и пользы для дѣла". Въ результатѣ этого чисто языческаго культа формы мы видимъ „почти полную потерю внутренняго смысла жизни, полное отсутствіе равновѣсія, справедливости и любви въ отношеніяхъ людей"; убѣжденіе и дѣйствіе, слово и дѣло, требованія природы и общественнаго положенія находятся въ постоянномъ непримиримомъ разладѣ. Дѣятельность—одно, человѣкъ—другое. Объ осуществленіи работой какого-нибудь нравственнаго идеала нѣтъ и помина. „Это разладъ коренной, органическій, никакими софизмами и самообманами нельзя его уничтожить, и его вліяніе отражается на каждомъ шагѣ, на каждомъ поступкѣ человѣка". Природа мститъ за нарушеніе *основнаго закона жизни:* отнимаетъ бодрость и вѣру, доводитъ человѣка до отчаянія, „ежеминутно внушая ему презрѣніе къ самому себѣ, недовольство собой и окружающимъ; равнодушнымъ или изстрадавшимся взглядомъ заставляетъ она смотрѣть на міръ Божій, и этотъ міръ, утерявъ для него—этого раздвоеннаго человѣка—свой смыслъ, свою красоту, свое величіе, какъ храма Господня, представляется ему безпорядочно нагроможденной кучей камней, голой пустыней, по которой такъ страшно, такъ утомительно страшно идти". Жизнь—не праздная вещь, а „храмъ Господень, и въ этомъ храмѣ живетъ Онъ". Его-то справедливую мысль и обязаны люди, по мѣрѣ силъ и возможности, осуществлять на землѣ. Но могутъ-ли они дѣлать это?

„Обратитесь къ человѣку, на всю жизнь свою приставленному къ какому-нибудь колесу машины, и онъ не пойметъ васъ. Каждый шагъ его—есть постоянное внушеніе о собственномъ ничтожествѣ, о безплодности и безполезности его усилій. Чувствуя себя безконечно малой величиной въ какомъ-то громадномъ, чуждомъ ему дѣлѣ, видя себя порабощеннымъ мощными силами капитала, традиціи, государственности и еще болѣе мощной силой—борьбы за существованіе, человѣкъ какъ бы махнулъ рукою на жизнь и, утерявъ въ ней мѣсто свое, пересталъ видѣть въ ней серьезный нравственный долгъ, а видитъ лишь страшное, ежеминутно готовое проглотить его, чудовище. Человѣкъ не вѣритъ въ себя, человѣкъ только боится жизни... Передъ вами не человѣкъ, а *дробь*

человѣка, одна милліардная цѣлостнаго, гармонически полнаго существа!“

За исключеніемъ раздѣленія труда во времени, такъ какъ нельзя все дѣлать сразу, „каждый изъ насъ долженъ представлять своей жизнью полноту человѣческой дѣятельности. Не должно быть людей-плотниковъ, людей-писателей, должны быть просто люди, въ лучшемъ смыслѣ этого слова, т. е. существа, сознательно и путемъ работы стремящіяся осуществить нравственный идеалъ“.

„Интеллигенція—это не болѣе, какъ уродство современной намъ жизни. Можно-ли представить себѣ что-нибудь болѣе ненормальное и вредное! Развѣ можно жить одной мыслью, развѣ можно отрывать свою мысль отъ дѣйствительности? Интеллигентъ, какъ человѣкъ вообще, долженъ быть прежде всего работникомъ, быть же только мыслящимъ существомъ никто не имѣетъ права. За это жизнь наказываетъ очень строго. И что же представляетъ изъ себя большинство нашихъ интеллигентовъ?—*Прихвостней* капитализма, ни болѣе, ни менѣе. И если интеллигентъ хочетъ быть самостоятельнымъ, то прежде всего онъ обязанъ отказаться отъ всѣхъ своихъ мечтаній на счетъ жалованья и найти оправданіе своего бытія въ непосредственной работѣ надъ землею“.

Тяжелый опытъ приводитъ людей, которымъ дорога духовная, идейная жизнь, къ убѣжденію, что „только организаціей отдѣльныхъ общинъ и путемъ временнаго обособленія ихъ интересовъ отъ интересовъ окружающаго міра можно помочь и себѣ, и другимъ. Общество слишкомъ погрязло въ злѣ, сами мы слишкомъ слабы, чтобы дѣйствовать внутри кипящаго котла“... Удаленіе отъ міра не есть „черствый эгоизмъ“: личное благосостояніе тамъ удобнѣе устроить; выдѣляемся мы изъ него „не для радости, самоуслажденія и веселья“, а для тяжелаго упорнаго труда, какъ физическаго, такъ и нравственнаго“. Цѣль наша—осуществить такую общину, въ которой человѣкъ, при содѣйствіи товарищей, могъ бы идти „къ нравственному усовершенствованію“. „Только путемъ воздѣйствія на самаго человѣка можно измѣнить господствующій порядокъ вещей, т.-е., ту *страшную рознь*, существующую между людьми, ту страшную дисгармонію и неравенство въ положеніи отдѣльныхъ людей, которыя мы видимъ вокругъ себя“. Для умственнаго, физическаго и эстетическаго усовершенствованія существуютъ спеціальныя учрежденія въ цивилизованномъ мірѣ, нравственное же

совершенствованіе человѣка, какъ члена общечеловѣческой семьи, игнорируется. Вотъ почему, обращая „по мѣрѣ силъ и возможности“ вниманіе на другія стороны, община должна обращать главное вниманіе на послѣднюю сторону. Что же должно быть цѣлью нравственнаго совершенствованія?

„Цѣли бываютъ различныя: „для спасенія своей души“—говорятъ монастырскіе анахореты; „для полученія духовной независимости и свободы“—говорятъ буддисты... Мы же считаемъ необходимымъ нравственно совершенствоваться человѣку для *другихъ же людей*, для *того*, чтобы примѣромъ своимъ влiять на всѣхъ, соприкасающихся съ нами, для *того*, чтобы развивать въ себѣ такія стороны и свойства, которыя могли бы лечь въ основаніе иной, болѣе гармонической, братской жизни между людьми. Община наша должна быть такова, чтобы всякій нравственно удрученный, усталый и измученный въ житейской борьбѣ человѣкъ могъ найти въ нашей средѣ пріютъ и отдыхъ; чтобы всякій юный, не установившійся еще человѣкъ, ищущій правды, любви и добра, могъ окрѣпнуть у насъ въ своихъ идеалахъ, пріобрѣсти необходимые нравственные устои на своемъ жизненномъ пути, чтобы каждый изъ насъ и всѣ мы вкупѣ могли оказывать плодотворное вліяніе и внѣ нашей общины, въ смыслѣ осуществленія въ мірѣ идей любви, правды и гармоніи“.

Посмотримъ теперь на средства, какими колонисты думали приблизиться къ намѣченной цѣли.

Однимъ изъ главныхъ средствъ считалось воспитаніе дѣтей, не для нихъ только самихъ, но и для взрослыхъ, потому что „ничто не исключаетъ въ такой мѣрѣ эгоизма, ничто не заставляетъ такъ серьезно вдумываться въ свои поступки и слова, какъ присутствіе ребятъ и желаніе подѣйствовать на нихъ благотворнымъ образомъ“. За воспитаніемъ дѣтей шла „взаимная братская помощь всѣхъ участниковъ общины въ дѣлѣ искренняго, любовнаго и правдиваго указанія на недостатки другого“, артельная организація собственности и труда, какъ средство взаимнаго сплоченія, и личный трудъ, составлявшій краеугольный камень общежитія. По этому поводу говорится слѣдующее: „наша производительность въ силу прошлаго нашего воспитанія, крайне ограниченна“; отсюда уже вытекаетъ необходимость „уменьшить до крайняго минимума наши матеріальныя потребности, чтобы не жить на чужой счетъ“. Кромѣ того: „чѣмъ менѣе матеріальныхъ потребностей у человѣка,

тѣмъ болѣе онъ становится свободнымъ и независимымъ въ духовномъ отношеніи". Къ этому же побуждаетъ также и обиліе имѣющихся „умственныхъ и нравственныхъ потребностей удовлетвореніе которыхъ мы ставимъ на первомъ планѣ". Съ другой стороны, колонисты считали необходимымъ увеличить до максимума свою производительность, чтобы имѣть возможность оказывать посильную помощь нуждающимся. Въ этихъ видахъ они думали даже объ организаціи „спеціальныхъ работъ, результатъ которыхъ исключительно предназначался бы на дѣло помощи и поддержки людямъ и учрежденіямъ, стоящимъ внѣ общины". Затѣмъ, они ждали отъ общины содѣйствія каждому изъ ея членовъ въ умственномъ и эстетическомъ отношеніяхъ и указывали въ этомъ смыслѣ на устройство коллективныхъ чтеній, систематическое сообщеніе другъ другу прочитаннаго, изученіе сообща какого-нибудь научнаго предмета и „коллективныя занятія музыкой, пѣніемъ". Все это, конечно, очень мило и разнообразно. Наконецъ, мы читаемъ слѣдующія характерныя строки, которыя служатъ дополненіемъ ко всему вышесказанному:

„*Мы безусловно противъ всякаго насилія*, противъ всякихъ искуственныхъ мѣръ, клонящихся къ измѣненію существующаго строя въ обществѣ; а тѣмъ болѣе мы и противъ всякаго насилія личности въ нашей средѣ... Мы считаемъ безусловно необходимымъ *ревниво оберегать индивидуальность каждаго члена нашей общины* и всячески избѣгать какого-бы то *ни было посягательства* на все. Намѣченными нами мѣрами въ этомъ отношеніи являются: отдѣльныя индивидуальныя помѣщенія, выдѣленіе, насколько это окажется возможнымъ, въ безотчетное личное пользованіе продуктовъ труда, падающаго на долю каждаго, возможно большее предоставленіе свободнаго времени на личныя потребности въ теченіе дня и недѣли, періодическія каникулы на болѣе продолжительное время и пр. Помимо всего этого, мы считаемъ неприкосновенность индивидуальности каждаго изъ нашихъ товарищей-общинниковъ единственнымъ прочнымъ основаніемъ для послѣдовательнаго, цѣльнаго развитія и *органическаго* роста всякой общины. Въ этомъ же смыслѣ *мы отрицаемъ* и *всяческій обсолютизмъ*, всякое утвержденіе незыблемыхъ, абсолютныхъ положеній, какъ начала, кладущаго печать смерти на *самобытный органическій* ростъ сознанія. Постоянное стремленіе и забота развить въ себѣ сознаніе и *неустанно* держать его въ активномъ состояніи одно только и можетъ спасти общество отъ тѣхъ роковыхъ заблужденій и недоразумѣній, къ которымъ оно пришло".

Мы останавливаемся такъ подробно на этой мотивировкѣ потому, что она представляется лучшею и наиболѣе полною. Можетъ быть, другіе колонисты также думаютъ и не могутъ только выразить такъ хорошо свою программу, но намъ кажется, что они и смотрятъ на вещи уже. Собственно говоря, мы и здѣсь не видимъ какой-нибудь особенной, еще невѣдомой широты горизонтовъ, но все-таки тутъ много правды и хорошихъ желаній. Чрезвычайно также симпатичны заботы о сохраненіи нравственной и умственной жизни отдѣльной личности, о сохраненіи индивидуальности и о примиреніи ея интересовъ съ общественными. Видимъ мы здѣсь также и вполнѣ естественный источникъ такихъ стремленій. Г. Соловьевъ, какъ намъ кажется, совершенно правъ, говоря, что тутъ дѣло идетъ не столько о спасеніи души, сколько о спасеніи „собственной своей человѣческой личности, придавленной окружающимъ міромъ и пригнетенной": „эта личность затерялась среди мощныхъ сооруженій торговли, промышленности и государственнаго начала, и попыткой ея вернуться къ самой себѣ, подчинить себѣ жизнь, а не только постоянно подчиняться ей,—и является интеллигентная колонія". Не всѣ попытки, разумѣется, удаются, но это не портитъ объясненія г. Соловьева. Выдержки изъ дневника одного колониста, которыя онъ приводитъ, полны страданій такой подавленной личности и самыхъ горькихъ размышленій; но отсюда же, изъ этой интенсивности личнаго чувства и сознанія своей слабости, начинается, по всей вѣроятности, и то, что человѣкъ уводитъ себя отъ страданій и считаетъ это единственнымъ средствомъ. Если нѣтъ или не видно иныхъ путей для этого, то не надо, по крайней мѣрѣ, отрицать возможности ихъ существованія и считать исканіе ихъ тщетнымъ. Отсюда же приходитъ ошибочный и односторонній взглядъ на психическую сторону человѣка и, вообще, на человѣческую природу, дѣла и отношенія. Ошибочный взглядъ этотъ приноситъ много неожиданныхъ сюрпризовъ, съ которыми и приходится колонистамъ считаться на практикѣ. Въ царствѣ животномъ борьба за существованіе вырабатываетъ цѣлый рядъ типовъ, характеровъ, свойствъ и органовъ нападенія и защиты. Въ одномъ случаѣ служатъ зубы, въ другомъ длинныя ноги и быстрый бѣгъ. Отвратительный хищникъ,—волкъ имѣетъ

небольшіе, но дальнозоркіе глаза, которые онъ постоянно щуритъ; у зайца отъ постояннаго таращенья глаза выпучены, какъ у близорукихъ людей, и сидятъ почти по сторонамъ головы, чтобы охватывать большее поле зрѣнія, но онъ видитъ хуже волка и долженъ компенсировать зрѣніе слухомъ,—длинными ушами. Какъ ни гадокъ волкъ, но не думаемъ, чтобы заяцъ былъ индивидуально счастливѣе. Человѣкъ, конечно, не волкъ и не заяцъ, и всего менѣе желательно, разумѣется, чтобы онъ походилъ на волка, хотя немного лестнаго также и въ заячьей фигурѣ. Развитіе въ немъ альтуризма и возможно большее удаленіе отъ четвероногихъ составляетъ задачу настоящей цивилизаціи; но никто, вѣроятно, не будетъ спорить, что задача эта не вполнѣ еще достигнута и что въ природѣ человѣческой есть еще дурныя, чисто животныя качества. Если, скорбя объ этомъ и желая ихъ устранить, мы будемъ употреблять только одинъ какой-нибудь методъ, то въ этомъ будетъ большая ошибка: въ однихъ случаяхъ воспитаніе даетъ результаты хорошіе, въ другихъ незначительные и всегда неравномѣрные и разновременные; въ однихъ случаяхъ достаточно измѣненія внѣшнихъ условій и общественной обстановки въ болѣе гармоничную, чтобы люди измѣнились, въ другихъ—нѣтъ; въ однихъ случаяхъ эгоистическое, антиобщественное чувство лучше поддается положительному воздѣйствію, въ другихъ, наоборотъ, отрицательному, т. е. сопротивленію, какое встрѣчаетъ; въ третьихъ ни тѣмъ, ни другимъ путемъ его не уничтожишь, но зато легко перевести въ другое, менѣе вредное, и обратить на общественную пользу и т. д. Вопросъ этотъ очень сложенъ, и я не думаю теперь о немъ распространяться, а хотѣлъ только сказать, что односторонній взглядъ на вопросъ рѣдко приводитъ къ желанному результату. Почти во всѣхъ колоніяхъ происходятъ распри и дрязги, иногда буквально изъ-за выѣденнаго яйца; замѣчается лѣнь и склонность къ разговорамъ, а отсюда недостатокъ средствъ; несмотря на обѣты смиренія и уваженія къ свободѣ личности, нѣкоторые обнаруживаютъ склонность къ преобладанію, захвату власти и нетерпимость, а другіе только и дѣлаютъ, что критикуютъ всѣхъ и вся; накопляется взаимное раздраженіе; люди надоѣдаютъ сами себѣ, но такъ какъ самъ человѣкъ себя никогда не винитъ, то переноситъ раздраженіе на другихъ; все это разстраиваетъ нервы, сфера мысли постепенно суживается, а внѣшнихъ впечатлѣній мало, чтобы давать пищу уму и чувству; являются на выручку аскетизмъ, мистика и схоластика, но и они не спасаютъ, и колонисты бѣгутъ другъ отъ друга. Сказавъ выше, что большинство нашего бездѣльничающаго культурнаго общества не имѣетъ рѣшительно никакого права высокомѣрно смотрѣть на колонистовъ, я долженъ сказать также, что сами колоніи представляютъ любопытный образчикъ неуживчивости и отсутствія творчества культурныхъ людей. Возвратимся, однако, къ нашей колоніи.

Послѣ упомянутой реформы, въ отчетѣ, „очевидно написанномъ однимъ изъ четырехъ“, читаемъ: „По нашему искреннему убѣжденію, возможно полное ограниченіе матеріальныхъ потребностей не только желательно, но и необходимо для нашего нравственнаго благополучія. Евангеліе ясно высказывается за величайшую воздержанность, ибо у Вдохновителя его не было ничего общаго съ Мамономъ. Служащіе же Мамону Ему служить не могутъ... Жизнь—серьезная, большая вещь, послѣ которой у всякаго—и слабаго, и сильнаго—руки и ноги будутъ въ крови, и *должны быть*“. Это ужъ, какъ видите, нѣчто иное, чѣмъ было вначалѣ. Положимъ, что для воздержанія могла быть и другая почва: хозяйство колонистовъ, несмотря „на работу въ потѣ лица и всяческое стараніе“, шло плохо, и „дефицитъ являлся аккуратно каждый годъ“. Съ 10 окт. 1887 г. по 1 окт. 1888 г. продукты, произведенные самой общиной, оцѣнивались въ 449 р. 32 к. Куплено же было продуктовъ на 535 р. 51 к. Такимъ образомъ, на 19 потребителей было израсходовано 984 р. 83 к., или по 51 р. 84 к. на человѣка. Чего кажется, меньше; это составитъ лишь по 4 р. 32 к. въ мѣсяцъ. Но не въ этомъ дѣло: у колоніи все-таки былъ дефицитъ въ 535 р., она получила субсидію и, по словамъ отчета, это „всѣхъ мучило“. Колонистовъ въ это время было 10 чел., 1 подростокъ и пятеро дѣтей. Изъ 15 человѣкъ, прежде бывшихъ взрослыхъ, одинъ умеръ, трое оказались неподходящими и послѣ разлада уѣхали, а одинъ находился во временной отлучкѣ. Число наличныхъ колонистовъ нѣсколько не совпадаетъ съ числомъ потребителей, но это объясняется, по всей вѣроятности, тѣмъ, что вопреки принципу, „были случаи найма на работу постороннихъ“.

Жизнь колоніи шла слѣдующимъ образомъ. Старые члены, по удаленіи нѣсколькихъ человѣкъ, пригласили на ихъ мѣсто новыхъ, причемъ, вѣроятно, въ порывѣ увлеченія новой организаціей, „не справились хорошенько, что это были за люди“.

Составъ получился самый разношерстный. Г-нъ Е. Соловьевъ видитъ въ этомъ большую ошибку. Когда четверо старыхъ членовъ предложили свою аскетическую программу, то поднялись споры и дебаты. То же повторялось и при всякихъ другихъ предложеніяхъ: о необходимости собраній для общихъ чтеній, о необходимости строгой записи расходовъ и т. п. „Пошли неудовольствія, ссоры явныя и тайныя, послышались обвиненія въ насиліи“. Между всѣми „не было ни умственной, ни нравственной связи. Всякое начинаніе сопровождалось невниманіемъ или насмѣшкой, на общія бесѣды приходилось собирать новыхъ членовъ съ трудомъ; самыя бесѣды шли какъ-то формально, нѣкоторые считались съ другими работами, бывали попытки партіозности, даже нашептываніе и сплетни имѣли мѣсто“. Отчетъ, по замѣчанію г. Соловьева, вообще очень скупой на отрицательныя характеристики, говоритъ, что большинство—были люди изъ различныхъ общественныхъ сферъ, съ весьма нелѣпыми, хотя иногда и „весьма хорошими стремленіями“, но что были также и „другихъ свойствъ люди“ (?). А одинъ изъ колонистовъ объ этомъ времени писалъ въ частномъ письмѣ слѣдующее:

„Представьте себѣ, мы совершенно недоумѣваемъ, что дѣлать съ новыми людьми. Съ ними постоянно случаются то трагическіе, то комическіе эпизоды. Между прочимъ, явился къ намъ какой-то отставной военный писарь, и, такъ какъ мы никому не отказываемъ, то не отказали и ему, полагая, что совершенствованіе доступно каждому. Прошелъ, однако, день и этотъ самый писарь раздобылъ водки, напился пьянъ, потребовалъ бумаги и перо и принялся строчить доносъ, обвиняя насъ почти въ чернокнижіи и предлагая высшему начальству—насъ, колонистовъ, немедленно сослать на каторгу, а его, писаря, наградить за правильныя чувства... Но этотъ писарь пустяки. Что посовѣтуете дѣлать съ гг. диллетантами? Удивительный народъ,—милый, пріятный, честный, способный,—и рѣшительно никуда не годный. И жаль ихъ, и ничего съ ними не подѣлаешь. Никакъ, вѣдь, не могу понять, чего собственно ради наѣзжаютъ они къ намъ, а наѣзжаютъ. Съ одной стороны, имъ, дѣйствительно, какъ будто хочется новую жизнь начать,—съ другой, очевидно, что главный мотивъ ихъ появленія—это утомленіе отъ прежней жизни, жажда разнообразія хоть какого-нибудь и любопытство, ужасное, возмутительное, совсѣмъ корреспондентское. Первые дни для нихъ на новомъ мѣстѣ—это постоянные восторги, постоянное сниманіе сливокъ. Ходятъ повсюду; на рѣчку любуются, подпрыгиваютъ и все реформаторскіе проекты сочиняютъ. Только отъ нихъ и слышишь: „фаланстеръ!!!“ „религіозную коммуну!!!“ „сенъ-симонистскую общину!!!“, „полный аскетизмъ!!!“ А пройдетъ мѣсяцъ-два и опять ихъ тянетъ туда-туда, въ эту туманную даль, за новыми впечатлѣніями, за старыми грѣхами. Есть, наконецъ, и совсѣмъ нестоющіе люди“.

Наконецъ, „одинъ изъ самыхъ вредныхъ“ для колоніи господъ уѣхалъ, а за нимъ послѣдовали и остальные—диллетанты и „совсѣмъ не стоющіе люди“. Временно наступили тишина и согласіе. Начали появляться: „солидарность“, полное взаимное довѣріе, заботливость о каждомъ, отсутствіе попытокъ считаться работой, отсутствіе мелочности и грошоваго самолюбія, словомъ, „началъ образовываться сплоченный общественный организмъ“, когда „всякій дурной поступокъ другого вызываетъ горечь, стыдъ; всякій хорошій—радость, подъемъ духа“. По приподнятому тону отчета можно думать, что хорошихъ поступковъ было больше: „одинъ изъ братьевъ бросилъ курить, другая сестра перестала наряжаться“; затѣмъ, когда однажды „вечеромъ и послѣ молитвы“ былъ предложенъ кѣмъ-то вопросъ: зачѣмъ товарищи держать при себѣ свои драгоцѣнности, то, „вмѣсто отвѣта всѣ братья разошлись по своимъ помѣщеніямъ и черезъ минуту на столѣ лежали часы, кольца, деньги, серьги. Все это было пожертвовано на общую пользу“. И относительно пищи „ограниченіе до минимума потребности“ также прошло. Прежде это предложеніе вызывало „большое неудовольствіе и даже ссору“, а теперь было принято. Мало этого: когда, по словамъ отчета, въ колоніи присутствовалъ „элементъ, обладающій болѣе животными свойствами, слишкомъ много говорили объ ѣдѣ; съ удаленіемъ же этого элемента разговоръ объ ѣдѣ прекратился и только тогда имѣлъ мѣсто, когда рѣчь шла о пищѣ въ экономическомъ или гигіеническомъ отношеніяхъ“. Можно подумать, что колонія состояла изъ какихъ-то гурмановъ, которые разрабатывали культъ ѣды, когда весьма вѣроятно, что люди, не желавшіе изводить себя, просто хотѣли ѣсть: при бюджетѣ въ 4 р. 32 к. на всѣ потребности въ мѣсяцъ, это весьма возможно. Умѣренность въ ѣдѣ очень хорошая вещь, но изложеніе этого пункта въ отчетѣ носитъ такой характеръ, что

можно подумать, будто въ дальнѣйшемъ будущемъ имѣлось въ виду совсѣмъ отучить людей отъ ѣды.

Всѣ эти „положительныя стороны" очень радовали руководителей колоніи. Шли разговоры о постройкахъ объ особомъ зданіи для временно пріѣзжающихъ и практикантовъ и о помѣщеніи въ общемъ зданіи готовившихся присоединиться къ колоніи („для выработки способности къ общежитію"); рѣшено было ознаменовывать выдающіеся праздники соотвѣтственнымъ чтеніемъ: на страстной недѣлѣ читали Евангеліе, а въ день Усѣкновенія главы Іоанна Крестителя—„Иродіаду" Флобера, и въ оба раза „впечатлѣніе получалось хорошее"; кромѣ того, происходили еще еженедѣльныя бесѣды и все, происходившее на нихъ, заносилось въ протоколы; установили праздники: 1 октября—экономическій (къ этому дню составлялся отчетъ объ экономическомъ положеніи колоніи), и 1 января, къ которому составлялся отчетъ о духовной жизни, а затѣмъ еще частныя празднованія—дни рожденія каждаго члена, при чемъ читалась „критическая совмѣстная оцѣнка его, записанная въ отдѣльный журналъ для руководства, какъ самому члену, такъ и обществу". Праздновались и дни рожденія дѣтей, также съ отчетностью за годъ, что, вѣроятно, для нѣкоторыхъ изъ нихъ превращало эти дни хуже, чѣмъ въ будни. Хотѣли еще основать одинъ праздникъ: кто-то предложилъ въ память основанія общины посадить каждому по дереву и ежегодно праздновать этотъ день, пріурочивая къ пасхальному времени, но предложеніе это почему-то „было встрѣчено враждебно и поднято на смѣхъ". На нравственное взаимное усовершенствованіе были направлены всѣ усилія. Въ этихъ видахъ было предложено проредактировать слова пѣсень и несоотвѣтственныя выкинуть, но это не состоялось; говорили о водкѣ и табакѣ, но первую оставили, по случаю лихорадокъ, а на второй махнули рукой. Была, по примѣру американскихъ перфекціонистовъ, предложена публичная коллективная критика личности. Сначала предложеніе это было встрѣчено несочувственно, но потомъ прошло и „практиковалось не разъ въ теченіе года". Поводы для критики, очевидно, бывали. Не знаемъ подвергались-ли критикѣ такія вещи, какъ, напр., „постановленіе не заводить никакихъ сношеній съ внѣшнимъ міромъ" (до тѣхъ поръ, пока колонія не станетъ прочно на ноги) и въ то же время наемъ на работы постороннихъ, „случай удержанія собственности въ своихъ рукахъ" (Стр. 147) и т. п.

Что касается умственной жизни, то „съ этой стороны колонисты страдали болѣе всего". На собранія для общихъ чтеній собирались неохотно, неаккуратно. Причина этого, по словамъ отчета, лежала, съ одной стороны, „въ неравномѣрной научной подготовкѣ членовъ, въ непривычкѣ большинства изъ нихъ къ самостоятельному мышленію, въ нѣкоторой лѣности мысли", а съ другой—„въ незнакомствѣ съ высокимъ наслажденіемъ саморазвитія. Но *главная* причина заключалась „въ недостаточно проникнутомъ и усвоенномъ сознаніи" (?). Такъ какъ послѣднее довольно трудно понять, то г. Соловьевъ дѣлаетъ попытку дать этому объясненіе: а центральные четверо" стремились къ полной духовности, хотѣли побороть во что бы то ни стало, какъ въ самихъ себѣ, такъ и въ своихъ товарищахъ, „унизительную зависимость духа отъ матеріальныхъ условій жизни"; поэтому „проникнутое и усвоенное сознаніе" обозначаетъ, вѣроятно, такое, которое, возвысившись надъ плотью, подчинивъ ее себѣ, находитъ высокое счастье въ собственной непрестанной работѣ, (148). Насколько удачно подобное объясненіе—трудно сказать. Насъ гораздо больше интересуетъ и, какъ намъ кажется, даетъ лучшее объясненіе слѣдующее: рядомъ съ горячими доводами о необходимости умственнаго труда, мы встрѣчаемъ заботу *о коллективномъ мышленіи*; предлагаемыя мѣры, въ родѣ составленія по очереди конспектовъ, необходимости записывать и обсуждать всякую мысль, великую и малую, и т. п. служатъ только средствомъ къ *коллективному мышленію*. А коллективное мышленіе покоится, видите-ли, на слѣдующемъ фундаментѣ:

„*Отдѣльному человѣку, отдѣльному сознанію не дана истина, и только гордость предполагаетъ противное*. Все равно какъ въ мірѣ физическомъ, такъ и въ мірѣ умственномъ главный залогъ успѣха—коллективная работа, простое товарищеское сотрудничество. Какъ выясняется и ширится мысль, разъ она была высказана въ дружескомъ собраніи, разъ любовно разсмотрѣли ее и безъ соперничества, безъ раздраженія высказались откровенно по ея поводу. Чѣмъ больше народу оказалось на ея сторонѣ—тѣмъ, значитъ, она справедливѣе; *только всеобщее согласіе можетъ ручаться за безусловную истинность мысли*".

Сколько недоразумѣній въ этихъ нѣсколькихъ строкахъ. Мы на прямомъ пути къ такому стѣсненію и дисциплинированію мысли, съ какимъ она, по самой природѣ своей, не можетъ

примириться. Идя дальше, можно придти къ требованію думать по командѣ, не думать безъ другихъ, думать, какъ въ классѣ, только въ опредѣленные часы, и т. д. Индивидуальная мысль, встрѣчая поддержку, дѣйствительно оказывается въ благопріятныхъ условіяхъ, но если таковой поддержки она не встрѣчаетъ, а встрѣчаетъ только неодобреніе, – тогда какъ быть? Если бы, напр., Галилей вполнѣ проникся *усвоеннымъ сознаніемъ*, что только всеобщее согласіе можетъ ручаться за безусловную истинность мысли, то не слѣдовало-ли ему бросить свое упрямство относительно вращенія земли, и было-ли бы это выгоднѣе для человѣчества? Неужели нѣтъ никакихъ иныхъ путей для того, чтобы привести индивидуальную мысль въ полную солидарность съ общими интересами, какъ только надѣвая на нее путы, при самомъ ея возникновеніи? Все это уже значительно уклоняется въ сторону отъ того, что раньше говорилось. Не потому-ли и самыя собранія посѣщались неаккуратно и такъ неохотно? Рядомъ съ этимъ мы видимъ еще установленіе контроля надъ поведеніемъ колонистовъ, который возводится въ принципъ, и, хотя теоретически принадлежитъ каждому въ отдѣльности и всѣмъ вообще, но практически остается, конечно, въ рукахъ тѣхъ, кто чувствуетъ къ нему склонность и не чувствуетъ отвращенія. По всей вѣроятности, контрольныя обязанности плохо исполнялись, потому что явилась необходимость въ выборѣ особаго старшины, который наблюдалъ бы „за выдержкой въ принятомъ на себя дѣлѣ и въ строгомъ отношеніи къ слову и обѣщанію“. Контроль, говоритъ г. Соловьевъ, это самый важный пунктъ: „возможно строгій и любовный надзоръ за поведеніемъ, взаимное ограниченіе, взаимная помощь въ исправленіи и усовершенствованіи—излюбленный пунктъ мечтаній „четырехъ“. Эти четверо начинаютъ все настойчивѣе и настойчивѣе проводить въ жизнь свои аскетическіе идеалы. Среди вопросовъ, предлагаемыхъ на обсужденіе собраній, мы уже встрѣчаемъ такіе: „желательно-ли выработать въ себѣ привычку не возражать немедленно, когда дѣлаютъ замѣчанія, а, напротивъ, обратить свой взоръ внутрь себя и только спустя нѣсколько дней отвѣтить“, или: „необходимо-ли развить въ себѣ способность повиновенія, какъ высшаго проявленія свободы духа?“ „Половая любовь и семья еще существуютъ, но четверо уже недовольны этимъ, и ихъ аскетическое міросозерцаніе плохо уживается съ этимъ, развѣ какъ съ компромиссомъ и уступкой въ пользу человѣческой слабости и малодушія“. Не безъ большого

любопытства, говоритъ г. Соловьевъ, слѣдили мы по краткому, къ сожалѣнію, отчету за тѣмъ, какъ развивалась ихъ мысль, какъ становилась она все болѣе упорной, упрямой, непримиримой... „Недосягаемый, быть можетъ, идеалъ строгой, нравственной жизни носился передъ ихъ умственнымъ взоромъ. Нетерпѣливо ждали они его осуществленія, не боясь насмѣшекъ и даже вражды... Сами они уже поднялись на нѣкоторую высоту, откуда всѣ эти мелочи—куреніе табаку, тщеславіе, дилетантизмъ, хорошая ѣда, увеселенія и проч. казались имъ такими пустыми, такими презрѣнными. И они хотѣли, чтобы эти мелочи исчезли изъ окружающей ихъ жизни, они требовали этого“. Они говорили:

„Неужели шутка наша жизнь, неужели Богъ, создавшій ее, приказалъ веселиться и плясать? Будетъ время для веселья, но не въ этомъ мірѣ съ проникающимъ его суровымъ нравственнымъ долгомъ. Ты, тщеславный, легковѣсный, диллетантски настроенный братъ, что скажешь ты Господу Богу на вопросъ о жизни твоей? Скажешь-ли ты, что ты курилъ и плясалъ, или, быть можетъ, начнешь своими любовными побѣдами, перечислять проглоченныя и просмакованныя тобою кушанья?.. Обрати свой взоръ вглубь себя и открой намъ всѣмъ, твоимъ братьямъ и товарищамъ, душу свою. Вѣрь, что если тамъ найдется хоть искра хорошаго, мы поддержимъ дружескимъ дыханіемъ ея трепетъ, мы поможемъ возгорѣться свѣтильнику. Любовно, по мѣрѣ силъ, не боясь лишеній, забывъ о себѣ, излѣчимъ мы твои наболѣвшія раны и постараемся искоренить зло твоего сердца. Братъ, не замыкайся отъ насъ, не прячься за спину твоего личнаго самолюбія, будемъ едины, будемъ братья безъ тайны, секретовъ, со стыдомъ другъ передъ другомъ, но безъ укрывательства!“

Такимъ образомъ, мы понемногу оказываемся въ общинѣ съ ясно выраженнымъ піетистическимъ направленіемъ, оказываемся въ настоящемъ скиту. Всѣ поднимаемые вопросы: „объ активности“, что такое нравственность“, объ ограниченіи потребностей“ и т. п. носятъ уже не обыкновенную, а особую, своеобразную окраску. Община не употребляетъ противъ несогласномыслящихъ обыкновенныхъ принудительныхъ мѣръ, а только уговариваетъ и убѣждаетъ ихъ, только слѣдитъ за ними (и, въ крайнемъ случаѣ, предлагаетъ удалиться). Но что же можетъ быть тяжелѣе этого слѣженья не только за каждымъ вашимъ шагомъ, а и за помыслами? Что можетъ быть больнѣе этихъ

тисковъ, которыми васъ сдавливаютъ за каждую мелочь, за каждую попытку иначе понимать вещи и думать? Что можетъ быть несноснѣе этихъ доброжелательныхъ глазъ, которые со всѣхъ сторонъ васъ окружаютъ и все за вами примѣчаютъ.

Когда весною 1888 г. въ колонію пріѣхали новые члены, практиканты и нѣсколько лицъ, желавшихъ ознакомиться съ этою своеобразною жизнью, то они не могли, разумѣется, не почувствовать всей тяжести этого режима, не потому, чтобы они были лучше или несли съ собою нѣчто высшее, а просто потому, что имъ стало душно въ этой замкнутой атмосферѣ добродѣтелей. Тяжесть и духота общей жизни, отъ которой они уходили, все-таки оставляла кое-что нетронутымъ, не посягала, по крайней мѣрѣ, на внутреннюю свободу мысли, не выворачивала душу; здѣсь же все это дѣлалось надъ послѣдними остатками личности. Прежде всего не могла не поразить программа вопросовъ, составленная для пріѣзжающихъ и представлявшая собою нѣчто среднее между экзаменомъ и исповѣдью:

„Почему именно къ намъ пріѣхалъ, а не въ крестьянскую среду, гдѣ можно непосредственно принести пользу; къ чему клонятся симпатіи: къ общинной или индивидуальной жизни; какую разницу видитъ между общиной и ассоціацей; какіе нравственные интересы стремится осуществить по отношенію къ внѣшнему міру; какъ смотритъ на самого себя, по отношенію къ достиженію желаемыхъ результатовъ, и считаетъ-ли нужнымъ вырабатывать въ себѣ извѣстныя свойства для достиженія этихъ результатовъ; какія свойства считаетъ нужнымъ пріобрѣсти“ и т. д.

Между прочимъ, не безлюбопытенъ этотъ вопросъ о собственныхъ свойствахъ, о взглядѣ на себя и вообще о самочувствіи. Намъ кажется, что когда у людей есть какіе-нибудь, дѣйствительно, живые интересы, какое-нибудь большое—научное, общественное или иное—дѣло, то они меньше всего задаются такими вопросами, меньше всего интересуются собою и нерѣдко даже совсѣмъ забываютъ о себѣ, кто и что они такое; здѣсь же какъ разъ наоборотъ: съ этого все начинается и этимъ продолжается. Есть шансы, что этимъ же все и кончится. Я нарочно сопоставляю эту бросающуюся въ глаза черту съ совершенно противоположными для личности результатами, получающимися на практикѣ, чтобы показать, насколько ошибочно, при разрѣшеніи вопроса о человѣческомъ счастьѣ, руководиться только однимъ столь одностороннимъ методомъ и полагать, что

препятствіе къ счастью лежитъ исключительно въ самой же личности. Передъ нами не область целлюлярной патологіи, а область гораздо болѣе обширная и сложная, да и целлюлярная патологія не игнорируетъ внѣшняго міра и другихъ отраслей естествовѣдѣнія и не считаетъ, что источникомъ всѣхъ болѣзней является исключительно сама же клѣточка. Я говорю, что живое дѣло способно поглощать человѣческое вниманіе и отвлекать человѣка отъ себя; тутъ же сплошь и рядомъ видите, что люди сами не знаютъ, чего хотятъ, не забываютъ о себѣ, за интересами идеи, а не знаютъ себя и прежде всего хотятъ заняться разсмотрѣніемъ себя въ микроскопъ и самоопредѣленіемъ. Г. Соловьевъ приводитъ изъ дневника одного колониста слѣдующую характерную цитату:

„Колонія не цѣль въ самой себѣ и такою быть цѣлью не можетъ. Но я читалъ гдѣ-то, что прежде существовалъ чудный обычай предаваться посту и молитвѣ передъ важнымъ какимъ-нибудь начинаніемъ. Надо сосредоточиться, надо оцѣнить свои силы и способности, надо взвѣсить ихъ какъ можно тщательнѣе, и тогда уже браться за дѣло. Я хочу взяться за дѣло, за великое дѣло служенія народу, но я не знаю себя и боюсь приблизиться къ мужику чтобы не испортить его. Быть можетъ, я слишкомъ дряблъ и ничтоженъ и не смѣю мечтать даже о томъ, чтобы сдѣлать кого-нибудь лучше, чѣмъ онъ есть. И я пойду въ колонію. Я знаю, что тамъ товарищи помогутъ мнѣ опредѣлиться, я знаю, что тамъ я увижу, есть-ли во мнѣ сила воли, чтобы переносить матеріальныя лишенія, тяжелый физическій трудъ; есть-ли во мнѣ любовь, чтобы поддерживать и охранять общежитіе. Мнѣ придется отказаться отъ комфорта и праздности, отъ легкаго самолюбія, отъ паскудныхъ привычекъ, созданныхъ городскою жизнью. Но я радостно смотрю впередъ. Пусть тяжелы будутъ дни испытанія, крупны капли пота... Мнѣ надо знать, есть-ли во мнѣ *воля и любовь*. Безъ нихъ нѣтъ жизни!..“

Какіе долгіе сборы, сколько лирическихъ словъ для простыхъ вещей, а между тѣмъ человѣкъ даже не знаетъ еще—есть-ли въ немъ воля и любовь! И для опредѣленія этого нужно время, помощь товарищей, дни испытаній и крупныя капли пота. Какъ, съ другой стороны, не соотвѣтствуютъ эти крупныя капли пота съ заработкомъ только въ 40 р. *) въ годъ, который можетъ

*) 449 р. 32 к. было заработано всею колоніей, состоявшей изъ 11 взрослыхъ, 1 подростка и 5 дѣтей.

имѣть всякій послѣдній поденщикъ. Лиризма, вообще, очень много. Самые незначительные факты выражаются самыми огромными словами. Если, напр., человѣкъ бросилъ курить, то объ этомъ говорится: „одинъ изъ братьевъ бросилъ курить во имя свободы духа и личнаго самоусовершенствованія". (148); если кто-нибудь пожертвовалъ „на общую пользу" кольцо или серебряные часы, то это сейчасъ же заносится въ лѣтописи общины, какъ подвигъ самоотверженія.

Вновь пріѣхавшіе скоро стали находить, что сдѣлано мало, „даже, пожалуй, ничего"; стали упрекать въ безпорядкѣ и плохомъ веденіи хозяйства, обвинять „въ халатности, потому что есть капиталы за спиной", говорить, что „все находится въ области благихъ пожеланій, что не ясно сформированы цѣли, не строго установлены формы жизни", роптать на распредѣленіе работъ, наконецъ, „сгруппировались вмѣстѣ и составили вродѣ партіи противъ старыхъ членовъ колоніи".

„Было что-то похожее,—говоритъ отчетъ—на травлю насъ. Впечатлѣніе отъ всѣхъ собраній было удручающее. Мы терпѣли, не собирались отдѣльно, чтобы не подать повода къ обособленности, но, наконецъ, не въ моготу пришло; мы рѣшили на Страстной недѣлѣ собраться старикамъ отдѣльно... Пришли мы въ хатку, удрученные жгучимъ вопросомъ: „За что они насъ травятъ? Что мы имъ сдѣлали?" Взяли Евангеліе и стали читать его... Нѣтъ просвѣтлѣнія... Все-таки горько!.. Еще стали читать; читали до тѣхъ поръ, пока на душѣ свѣтло стало, мы внутренне опять примирились со всѣми, подняли удрученный духъ свой и разошлись подкрѣпленные. Этимъ закончились наши задушевныя, интимныя собранія, заложенныя зимой. Больше они не повторялись и до сего дня!"

Старики жаловались, что „появился игривый, легковѣсный тонъ", что праздники, посвящавшіеся прежде каждымъ своему развитію, стали стараться употреблять на веселье и что вообще вся жизнь получила видъ милаго общежитія, а не „серьезнаго стремленія къ созданію новыхъ, лучшихъ формъ жизни". Женщины жаловались, что къ нимъ стали относиться не какъ къ товарищамъ, а какъ къ женщинамъ. Молодежь же жаловалась на „четверыхъ", задававшихъ тонъ жизни, что они не хотятъ знать потребностей человѣческой природы, что „имъ бы все работать да искоренять грѣхи въ сердцѣ своемъ". Они ходили постоянно „унылые и мрачные", „косились на смѣхъ, на забаву, на шутку", „раздражительно отвѣчали на вопросы, предполагая въ нихъ скрытую насмѣшку". Ихъ скучныя фигуры наводили тоску. Пріѣзжіе говорили:

„Вся работа общины сосредоточена внутри себя, безъ всякаго отношенія къ внѣшнему міру. Когда кончится такое уединеніе —неизвѣстно. Да и кончится ли когда-нибудь? Вмѣсто обѣщаннаго свѣточа жизни, получается какой-то монастырь. Сегодня возстаютъ на ѣду и питье, а завтра на веселье, потомъ на одежду, и т. д." Они говорили старымъ членамъ: „Сколько въ васъ гордости, и гордости самой незаконной. Чего добились вы, устроивши свою колонію и предаваясь ежегодно и ежеминутно самоусовершенствованію? Только права презирать другихъ, которые представляются вамъ погрязшими въ грѣхахъ. Но неужели по вашему это право законно? Ваши мрачныя фигуры наводятъ уныніе, въ вашихъ рѣчахъ лицемѣрное смиреніе. Богъ съ вами, оставайтесь одни!"

Одинъ изъ пріѣзжихъ даже разочаровался „въ самомъ принципѣ общинной жизни" и объявилъ себя „индивидуалистомъ". Собранія носили „нелюбовный, горькій тонъ": „какой-то мракъ, какое-то темное облако окутало насъ", говоритъ отчетъ, „всѣ чувствовали себя неловко, непріятно." Въ августѣ пріѣзжіе стали понемногу уѣзжать. Приближалось 1 октября—время экономическаго праздника, но „о немъ какъ бы забыли". Ни напоминанія, ни просьбы потолковать по этому поводу не дѣйствовали. Наконецъ, 12 октября, праздникъ состоялся *). На другой день, утромъ, послѣ пѣнія церковныхъ пьесъ и завтрака, бывшаго, вѣроятно, уступкой пріѣзжимъ, приступили къ чтенію записокъ и обсужденію вопросовъ о томъ, что должно лечь въ основу сельско-хозяйственной организаціи колоніи и о наемномъ трудѣ. Послѣдній вопросъ вызвалъ, наконецъ, горячія пренія, длившіяся до 16 числа, которыхъ, къ сожалѣнію, історіографъ не передаетъ. На другой день, 17 октября, уѣхали

---

*) Не могу не сказать нѣсколькихъ словъ объ этомъ праздникѣ носившемъ, какой-то казенно-учебный характеръ. Вечеромъ въ 9 час. собрались вмѣстѣ и пропѣли „Гремятъ хвалой", послѣ чего подняли занавѣсъ, отдѣлявшій залу отъ временно устроенной сцены, на которой была живая картина, освѣщенная бенгальскимъ огнемъ и изображавшая аллею; впереди разложены были образчики полученныхъ за годъ продуктовъ, въ глубинѣ стояла группа дѣтей, держа модели сельскохозяйственныхъ орудій. Картина должна была изображать сельскохозяйственную выставку, модели орудій были эмблемой направленія, а дѣти выражали идею органическаго роста общины.

всѣ остальные гости, и колонисты остались одни. Можно было думать, что все пойдетъ по старому и снова потечетъ тихая жизнь, но не тутъ-то было:

„Ни пѣніе, ни чтеніе не удаются, говорить отчетъ. - Нѣтъ гармоническаго настроенія! На молодежь въ смыслѣ объедпненія, разсчитывать нечего; но вотъ горе, что между стариками какая-то стѣна! 7 мѣсяцевъ жизни внѣшней, практической, назойливость экономическихъ вопросовъ, отсутствіе интимныхъ собраній стариковъ по внутреннимъ духовнымъ вопросамъ общины—потушили еще лѣтомъ тлѣвшій огонекъ, поддерживаемый надеждою на зимнее время. Страданія были ужасны! Какъ звѣри въ клѣткѣ, метались мы по одиночкѣ, ища выхода. Ни молитва, ни чтеніе, ни размышленія ничто не помогало“... Колонія очевидно, переживала тяжелый кризисъ.

Нѣкоторые бросились искать просвѣтлѣнія къ прошлому; всѣ почти говорили, что прежде, чѣмъ устраиватъ внутреннюю духовную жизнь, нужно заняться устройствомъ внѣшняго благосостоянія, что „прежде надо накормить, а потомъ книгу дать прочитать“. И это направленіе одержало верхъ, не только въ силу необходимости, но и, какъ намъ кажется, въ силу совершенно естественнаго стремленія къ простотѣ и желанія отдохнуть отъ трудныхъ психическихъ экспериментовъ. Само собою разумѣется, что „четверо“ были этимъ очеть недовольны и жаловались на полное почти отсутствіе какихъ-либо вопросовъ, кромѣ практическихъ, и на то, что серьезные вопросы замѣняются „анекдотцами“ и „пустою болтовнею“. Недовольство это привело ихъ къ слѣдующему объясненію испытанныхъ неудачъ и къ слѣдующимъ практическимъ мѣрамъ. Причины неудачъ они дѣлили на внѣшнія и внутреннія и говорили, что первыя (частыя лихорадки, „переутомленіе, вслѣдствіе большой смѣны впечатлѣній отъ пріѣзда новыхъ лицъ“; и хозяйственныя неудачи), будучи достаточно сильными, чтобы „смущать людей внѣшняго міра“, недостаточно сильны, чтобы смутить людей, „берущихся за общественное дѣло, на знамени котораго было написано: неустанная борьба, стремленіе къ самоусовершенствованію не для себя, а ради другихъ“. Что же касается причинъ внутреннихъ, то, по ихъ мнѣнію, всѣ онѣ истекали изъ одной главной, а именно: что колонисты были недостаточно „проникнуты мыслью, что духовная жизнь должна главенствовать надъ матеріальной“. А отсюда, какъ слѣдствіе, явились слѣдующія мѣры: 1) ограничить число вновь пріѣзжающихъ; 2) дѣлать чрезмѣрно строгій выборъ приглашенныхъ „изъ людей только идейныхъ, съ альтрустическими задатками“; 3) кореннымъ членамъ не тратить силъ „на привлеченіе молодежи къ своей организаціи жизни (?) а неуклонно продолжать свои частныя собранія (образовать совѣтъ коренныхъ членовъ)“, и, главное, 4) самоусовершенствованіе при помощи единственнаго средства — религіи. Отчетъ 1888 г. заканчивается слѣдующими словами:

„Отведемъ для нашей духовной жизни надлежащее мѣсто и время, стряхнемъ съ себя всѣ заботы практическія; какъ въ домъ Божій, войдемъ на наши духовныя собранія чинно, торжественно, созерцательно, священнодѣйствуя; и мы получимъ и объединеніе, и силу, и крѣпость на весь страдный годъ!... Мы должны объединиться... иначе горе намъ! Мы сами падемъ, разрозненные, подъ тяжестью невзгодъ. Не о себѣ хлопочемъ, Господи! Помоги намъ!“

Въ то время, когда писалъ г. Соловьевъ, описанная колонія существовала очень плохо. Въ ней жило только три четыре семьи. Даже изъ центральныхъ четырехъ оставался лишь одинъ. На интеллигенцію колонисты совсѣмъ махнули рукой, „совершенно прекратили пріемъ новыхъ членовъ“, занимались обученіемъ крестьянскихъ ребятишекъ въ школѣ и ждали „у моря погоды“. Можетъ быть, если бъ колонисты съ этого начали, т.-е. съ болѣе простой и естественной жизни, то было бы гораздо лучше, и тогда не пришлось бы имъ замыкаться отъ себѣ подобныхъ и отъ интеллигенціи, ищущей иной правды и иной дѣятельности на землѣ. Впрочемъ, по послѣднимъ свѣдѣніямъ, дѣла колоніи пошли къ лучшему: хозяйство стало на болѣе прочную ногу, и сами колонисты стали гораздо менѣе изолироваться и чуждаться внѣшняго міра и общественной жизни. Число ихъ, правда, стало меньше, чѣмъ было во время пріѣзда „культурныхъ гостей“, занимавшихся преимущественно разговорами; но зато увеличилось число учениковъ — дѣтей, которые учатся и гораздо лучше работаютъ, и на которыхъ они возлагаютъ надежды; какъ на будущій контингентъ колоніи.

Теперь посмотримъ на другія колоніи.

III.

О колоніи, пріютившейся въ 15—18 верстахъ отъ Харькова; мы очень мало знаемъ. Газеты сообщали, что это послѣ-

дователи гр. Л. Н. Толстого. Всѣхъ колонистовъ въ 1890 г. было 12 человѣкъ,—9 мужчинъ и 3 женщины. Жили и одѣвались они по крестьянски: занимались хлѣбопашествомъ. У колоніи было около 50 дес. собственной земли. Внутреннее убранство помѣщеній было въ строго-крестьянскомъ вкусѣ. Изъ имѣвшихся въ колоніи сочиненій, по словамъ „Юж. Кр.". можно было встрѣтить Ренана, житіе святыхъ, Евангеліе и сельско-хозяйственныя сочиненія. Беллетристы были изгнаны, какъ предметъ роскоши. Одинъ изъ колонистовъ шилъ на всю колонію обувь. Черезъ два года послѣ того какъ основалась колонія, между колонистами возникъ уже разладъ: „партія ярыхъ послѣдователей гр. Толстого никакъ не могла согласиться съ другой партіей, имѣвшей свои личные взгляды". Но въ то время, къ которому относится это сообщеніе (1890 г.), „дѣло ограничивалось пока однѣми горячими бесѣдами" („Волж. Вѣстн." № 291). Харьковская молодежь очень интересовалась этими спорами; нѣкоторые посѣщали колонію и принимали участіе въ дебатахъ. Среди колонистовъ были люди несомнѣнно искренніе и безусловно порядочные. О дальнѣйшей судьбѣ колоніи газеты сообщаютъ слѣдующее: несогласія членовъ, по словамъ „С.-Пет. Вѣд.", начались около трехъ лѣтъ назадъ. Недовольные порядками общины уходили, на ихъ мѣсто „являлись новыя лица, еще болѣе чуждыя другъ другу, какъ по характерамъ, такъ и по воззрѣніямъ". На практикѣ, когда общинѣ пришлось столкнуться съ заботою о средствахъ къ существованію, колонисты „сознали свое безсиліе". „Явилась такая разладица среди членовъ колоніи, что иниціаторъ устройства ея, а вмѣстѣ съ тѣмъ и собственникъ недвижимости въ колоніи. П—скій, рѣшилъ прекратить дѣятельность общины". При этомъ уходя изъ послѣдней, владѣлецъ земли, распорядился ею такимъ образомъ: всѣ 55 десятинъ земли, за которыя было заплачено 7,000 руб., и инвентарь, стоимостью въ 1,000 руб., онъ раздѣлилъ между 11 крестьянскими семьями слободы Шуляковки, Харьковскаго уѣзда, взамѣнъ чего крестьяне обязались выдать одному изъ членовъ, общины 500 руб., которые этотъ послѣдній затратилъ на колонію и пожелалъ теперь получить обратно. Такимъ образомъ, Харьковская колонія распалась. („Гражд." № 225, 1894 г.).

О кіевской общинѣ толстовцевъ разсказываетъ нѣкто г. Ивановичъ въ „Каз. Бирж. Листкѣ". Къ сожалѣнію, сообщеніе это отличается корреспондентскою хлесткостью и стремленіемъ, во что бы то ни стало, „отдѣлать" предметъ описанія, что обыкновенно заставляетъ недовѣрчиво относиться къ самому описанію; но врядъ-ли все таки возможно такое искаженіе фактовъ, чтобы въ нихъ не оставалось и тѣни правдоподобія. Опускаемъ излишнія украшенія и порицанія, направленныя противъ „приготовительнаго класса" (такъ называетъ г. Ивановичъ кіевскую общину), и перейдемъ прямо къ фактической сторонѣ, которую онъ видѣлъ и слышалъ во время личнаго посѣщенія общины. Девизъ общины, говоритъ онъ, „тотъ же самый, что у всѣхъ нашихъ соотечественниковъ—ничего-недѣланіе; но прибавляютъ они, когда-нибудь, можетъ быть, и мы чѣмъ-нибудь займемся, и вотъ въ мечтаніяхъ объ этомъ неизвѣстномъ дѣлѣ надо къ нему приготовляться".

По существу, здѣсь нѣтъ никакихъ обязанностей: въ основѣ лежитъ тотъ же взглядъ, — что зло и добро находятся и коренятся въ самой же личности, что прежде всего надо начинать съ самихъ себя, съ подавленія и искорененія зла и развитія добра — и только процессъ этой внутренней переборки и переработки поставленъ тутъ настолько болѣе изолированно отъ жизни, поставленъ настолько самъ себѣ исключительною цѣлью, замкнутъ въ себѣ и отдѣленъ отъ какой бы то ни было дѣятельности, что естественно, уже въ силу одного того, происходятъ еще большія крайности, чѣмъ въ другихъ случаяхъ. Мы уже упоминали мимоходомъ выше, что въ самомъ такомъ взглядѣ, въ самомъ такомъ исканіи причинъ зла и средствъ спасенія видна извѣстная односторонность, а когда такой взглядъ доводится до крайности и выражается въ крайней формѣ, то односторонность, разумѣется, увеличивается. Не о неизвѣстномъ какомъ-то дѣлѣ мечтаютъ колонисты, а о преобразованіи себя, безъ чего нельзя браться ни за какое дѣло. Все, что мѣшаетъ этому, все, что отвлекаетъ и соблазняетъ, должно быть устранено. Отсюда одинъ только шагъ до буквальнаго пониманія словъ: изми око, соблазняющее ти, и т. д. Совершенно путемъ такой же логики скопцы приходятъ къ своимъ „печатямъ", а другіе сектанты къ самоистязанію. На вопросъ: что надо дѣлать? кіевскіе колонисты отвѣчаютъ: „Мы ничего не дѣлаемъ потому, что у насъ не развиты общественныя чувства, потому что мы живемъ только личной жизнью... Если авторъ „Крейцеровой сонаты", изъ того факта, что большинство нашихъ брачныхъ связей совершается не по человѣчески, вывелъ заключеніе о необходимости упраздненія брака вообще, то и мы скажемъ прямо: если личная жизнь

мѣшаетъ намъ быть общественными людьми, то посвятимъ всю нашу жизнь на уничтоженіе личной жизни“.

И можете себѣ представить, говоритъ г. Ивановичъ: молодежь, ходящая во тьмѣ, при неумѣньѣ правильно мыслить, ухватилась за это, какъ за аріаднину нить, какъ за конецъ спасательной веревки. Безъ разсужденія съ слѣпой вѣрой, молодежь упомянутой категоріи приняла, какъ великое, живое дѣло, слѣдующія обязательства: перестать жить личной жизнью и для этого прежде всего вытравить изъ сердца двѣ личныя привязанности, если онѣ есть, и не допускать ихъ въ будущемъ, Всякая любовь: къ женщинѣ, къ мужчинѣ, къ роднымъ, къ друзьямъ — безусловно воспрещается. Достаточно, чтобы ученикъ приготовительнаго класса пожелалъ съѣздить къ отцу или матери, чтобы онъ былъ немедленно исключенъ изъ этого класса... Ученики обязаны исповѣдываться другъ передъ другомъ во всѣхъ своихъ мысляхъ, чтобы всегда можно было опредѣлить: не таится-ли въ завѣтномъ уголкѣ сердца какая-нибудь личная привязанность. Безусловно запрещаются: музыка, театръ, и вообще всякое удовольствіе. Всѣ люди, кромѣ учениковъ приготовительнаго класса, считаются пѣшками, стадомъ; общеніе съ ними допускается только „продуктивное“, т. е. съ цѣлью привлеченія кого-нибудь въ приготовительный классъ. Способъ этого привлеченія своеобразенъ. Эта этическая теорія естественно больше всего боится критики; поэтому ученики приготовительнаго класса никогда не спорятъ съ тѣми, кто съ ними не согласенъ и не пропагандируютъ своего ученія. Они ищутъ только способныхъ къ пассивному воспріятію чужихъ мыслей и, только убѣдившись изъ наблюденій, что новичекъ разсуждать и спорить не будетъ, излагаютъ ему свою вѣру. Чтеніе допускается только „продуктивное“, при условіи не мудрствовать, лукаво, пассивно усвоивая тенденціи прочитаннаго. И вотъ, молодые люди пресерьезно вѣрятъ, что, занимаясь самоискалѣченіемъ, они вырабатываютъ въ себѣ общественнаго человѣка. Есть люди, которые изъ-за деревьевъ, не видятъ лѣса; но есть и такіе, которые, созерцая лѣсъ, позабываютъ, что онъ состоитъ изъ деревьевъ, и заботясь о благосостояніи лѣса, увѣряютъ, что самое лучшее для этого средство вырубить деревья. Но молодежь не въ состояніи выполнить до конца задачу самоискалѣченія, и лучшіе ученики оказались уже исключенными изъ приготовительнаго класса („Спб Л.“ № 44, 91 г.)

Насколько достовѣрно приведенное сообщеніе судить не беремся, а пропустить его мы считали себя не вправѣ: мало-ли есть вещей, кажущихся невѣроятными; а въ данномъ случаѣ, мы видимъ только продолженіе и доведеніе до крайности той же самой доктрины, которую видѣли и въ другихъ мѣстахъ. Если ради задачъ внутренняго самоусовершенствованія и „свободы духа“ возможно предъявленіе къ человѣку требованій, чтобы онъ оставилъ на произволъ судьбы маленькихъ дѣтей и представлялъ на общественное разсмотрѣніе всѣ свои помыслы, то отчего невозможно сдѣлать еще одинъ шагъ въ томъ же направленіи и не потребовать прекращенія всѣхъ вообще кровныхъ связей и сердечныхъ привязанностей, всякихъ стремленій мысли и чувства, кромѣ установленныхъ. Наконецъ, подобныя требованія вовсе не составляютъ чего-то неслыханнаго и невиданнаго въ области мистицизма, въ которую вступаютъ люди. Даже выраженіе „приготовительный классъ“, если только оно принадлежитъ самимъ колонистамъ, а не г. Ивановичу, не представляетъ ничего особеннаго, такъ какъ существуетъ не мало подходящихъ выраженій для неофитовъ и вообще для подготовительныхъ стадій и въ другихъ подобнаго рода общинахъ, а когда основатель американской секты библейскихъ коммунистовъ, Нойесъ проповѣдывалъ свое ученіе, то также основалъ сначала въ Петнеѣ (въ Вермонтѣ) библейскій подготовительный классъ.

Пускай сообщенія о колоніяхъ грѣшатъ извѣстною долею прикрасъ и пристрастія, онѣ все-таки не могутъ настолько искажать фактовъ, чтобы въ нихъ ничего не оставалось отъ дѣйствительности и чтобы по нимъ нельзя было судить объ общемъ направленіи мысли. Не сговариваются же въ самомъ дѣлѣ люди писать изъ разныхъ мѣстъ почти одно и тоже. Вотъ почему не можемъ мы пройти молчаніемъ и исторію одной изъ смоленскихъ колоній, разсказанную въ „Смол. Вѣстникѣ“ 1891 г.

Колонія эта названа въ очеркѣ вымышленнымъ именемъ — Шавѣевской; равнымъ образомъ измѣнены или прикрыты псевдонимами и имена дѣйствующихъ лицъ; но самый разсказъ о ходѣ дѣла, очевидно, держится фактовъ; это не беллетристика и сатира, а именно очеркъ жизни. Кое что изъ написаннаго колонисты опровергали (на что мы въ своемъ мѣстѣ укажемъ), но опроверженія больше касались либо фактовъ второстепен-

ныхъ, либо самаго пониманія и истолкованія ихъ, чѣмъ наличности, или же представляли собою общія указанія на предвзятое и пристрастное отношеніе къ дѣлу. Нельзя мимоходомъ незамѣтить, что колонисты, вообще ведутъ себя въ подобныхъ случаяхъ довольно странно; вмѣсто того, чтобы выставить принципіальныхъ защитниковъ своего ученія и дѣятельности, они обыкновенно оставляютъ безъ вниманія и разъясненія даже то, что о нихъ пишется и нуждается въ разъясненіи, вслѣдствіе чего всему написанному приходится вѣрить. Есль-ли это прямая гордыня или смиреніе, которое также бываетъ иногда паче гордости, судить не беремся, а отмѣчаемъ только фактъ, будучи вполнѣ увѣрены, что если бы колонисты обращались къ печати, то мѣсто въ ней нашлось бы.

Обратимся къ Шавѣевской колоніи.

Лѣтъ шесть тому назадъ,—разсказываетъ авторъ вышеупомянутаго очерка,—пріѣхали изъ К—ска два брата, химикъ и агрономъ, и купили себѣ небольшой развалившійся хуторокъ Шавѣево близъ Днѣпра. Старшій братъ—Андрей—человѣкъ высокаго роста, хорошо сложенный, приблизительно лѣтъ 40. Онъ много путешествовалъ, слушалъ лекціи въ заграничныхъ университетахъ, наблюдалъ и всматривался въ жизнь американскихъ общинниковъ и сектантовъ; человѣкъ, безспорно, всесторонне образованный, умный, впечатлительный. Другой братъ, Аѳанасій, младшій, также человѣкъ образованный. Окончивъ курсъ въ университетѣ, онъ началъ было писать диссертацію по химіи, разсчитывая попасть на каѳедру; но тутъ случился у него душевный переворотъ, отвергнувшій науки и заставившій его пахать землю; братья заплатили 7 тыс. да столько—же положили на приведеніе въ порядокъ построекъ и всего хозяйства. Состояніе у нихъ было хорошее, только находилось въ нераздѣльномъ видѣ съ другими родственниками. Мѣстоположеніе Шавѣева довольно веселое. Въ двадцати шагахъ отъ усадьбы протекаетъ Днѣпръ, за которымъ, по ту сторону его, версты на двѣ въ ширину тянутся луга, а дальше, на приднѣпровской возвышенности, виднѣются села, барскія усадьбы и крестьянскія селенія. Хуторокъ стоитъ, прислонившись къ тѣнистой березовой рощѣ, гдѣ такъ хорошо укрыться отъ лѣтняго зноя и повседневныхъ мелочей, дабы въ духѣ вознестись къ Отцу, собраться съ мыслями, подумать наединѣ. Постройка теперь тутъ вся новая изъ хорошаго матеріала, прочно срубленная и приспособленная къ общинной жизни

въ широкихъ размѣрахъ... На одной сторонѣ расположены: двѣ хаты, по 12 арш. стѣна, конюшня и коровникъ; на другой—такой же величины хата, гдѣ находится очень богатая библіотека, сарай для земледѣльческихъ орудій, кладовая; далѣе, налѣво, амбаръ; направо хорошо ремонтированный господскій домъ, куда толстовцы послѣ складывали сѣно. Еще дальше, за рощей, гумно и остальная постройка. На краю березовой рощи, почти на самомъ косогорѣ, спускающемся къ Днѣпру, въ тѣни деревьевъ построена въ господскомъ вкусѣ просторная баня, скорѣе смахивающая на веселенькій домикъ, чѣмъ на баню... Обстановка жилыхъ хатъ такая: длинный простой столъ; по стѣнамъ лавки; простая печь, палати; перегородка, за которой почевали женщины; на этой перегородкѣ за столомъ виситъ портретъ Л. Н. Толстого—уже старика, съ Евангеліемъ въ рукахъ, между этой хатой и другой небольшія сѣни („См. В.“ № 81).

Глядя на колонистовъ, ближайшіе крестьяне думали что въ сосѣди къ нимъ пріѣхали „господа богатые и, повидимому, смирные“, а потому сразу же опредѣлили, какъ имъ нужно вести себя по отношенію къ нимъ. Колонисты же мало были заинтересованы въ установленіи отношеній къ крестьянамъ: они задумали создать жизнь на новыхъ началахъ, ничего общаго не имѣющую съ жизнью сосѣдняго крестьянства. Однако, эта внѣшняя, окружавшая Шавѣево, жизнь *неудержимо*, *насильственно*, время отъ времени, „вторгалась въ общину и ставила тамъ довольно щекотливые вопросы“, которые какъ потомъ увидимъ, „не мало содѣйствовали разрушенію Шавѣевской общины“.

Чтобъ устроить хозяйство, которое потомъ должно было вестись собственнымъ трудомъ, пришлось допустить компромиссы, въ видѣ наемнаго труда, наслѣдственныхъ денегъ и т. п. Заготовка вышла основательная: телѣги, сбруя, лошади, коровы и прочее были поставлены въ прочномъ и надлежащемъ видѣ. Но компромиссы съ жизнью продолжались и дальше: нельзя было на *первыхъ порахъ* обойтись безъ работника, котораго колонисты „иронически называли рабомъ“; а затѣмъ приходилось во все время шестилѣтняго существованія общины нанимать пастуха, такъ какъ никто изъ толстовцевъ не хотѣлъ быть пастухомъ. Правда, на другой годъ, когда колонистовъ было уже пятеро (прибыли 1 м. и 2 дѣвушки), стали обходиться безъ наемнаго труда, но пастухъ все-таки нанимался и деньги со стороны притекали. „Вообще, слѣдуетъ сказать, что въ Шавѣевской общинѣ

не было членовъ, у которыхъ не нашлось бы деньжонокъ, а потому они не отказывали себѣ въ поѣздкахъ, иногда дальнихъ, на родину или къ знакомымъ интеллигентнымъ людямъ. Пѣшкомъ же нѣкоторые толстовцы ходили отсюда чаще всего по принципу". Достаточность дозволяла и костюмъ носить „приличный и прочный". Для мужчинъ установилось въ колоніи нѣчто въ родѣ формы: поддевка коричневаго сукна, синяя рубаха и синіе штаны изъ старо-ярославскаго холста, простые сапоги и шапка суконная или „черепкой". О домашнемъ обиходѣ читаемъ слѣдующее: сначала чай пили только разъ въ недѣлю, по субботамъ, но потомъ во время усиленнаго наплыва интеллигентныхъ людей", дѣйствовалъ большой самоваръ, въ который входилъ цѣлый ушатъ воды. Спали на сѣнникахъ. Бѣлье мыли и штопали „бабы". какъ въ шутку называли женщинъ. Это мытье, штопанье, а также и печенье хлѣба сначала исполнялись очень неудачно, но потомъ мало-по-малу научились и мыть, и стряпать. „Харчи" были незавидные: щи съ затолокой, чечевица, вареный горохъ, молоко. Старались обходиться собственными продуктами, но случалось всегда такъ, что своихъ продуктовъ не хватало на годъ", и если бы не присылали денегъ изъ К—ска, то пришлось бы плохо. Шесть дней общинники работали, а „въ седьмой, т. е. въ субботу, почивали отъ дѣлъ своихъ". День этотъ имѣлъ значеніе только отдыха отъ работъ. Однажды задумали было ввести по воскресеньямъ чтеніе Евангелія, но опытъ оказался неудачнымъ: кто „слушалъ, кто начиналъ спорить по поводу прочитаннаго, а кто просто зѣвалъ и не хотѣлъ слушать"...

Если бы интеллигентные работники, говоритъ авторъ цитируемаго очерка,—имѣли снаровку къ физическому труду и, не мудрствуя лукаво, работали потихоньку по своимъ силамъ, то хозяйственное дѣло могло бы идти хорошо; но выходило другое: когда они работали съ подсылкою денегъ, то несостоятельность ихъ работы еще не такъ бросалась въ глаза; что не додѣлывали руки—додѣлывали копѣйки: засѣвался хлѣбъ по 3 дес. въ каждомъ полѣ, убирались луга, чистились заросли; когда же вздумали жить „взаправду, по крестьянскому положенію", то хозяйство не замедлило имъ объяснить, что оно не въ состояніи прокормить людей, „плохо да и съ не особенной охотой воздѣлывающихъ землю". Къ этому присоединилось еще новое осложненіе: оживленная переписка Андрея съ интеллигентными молодыми людьми имѣла послѣдствіемъ усиленный наплывъ молодежи въ колонію. Однажды на лѣто собралось до 20 чел. мужчинъ и женщинъ.

На такое количество нужно было имѣть 15 дес. запашки и штукъ 20 скота, а въ Шавѣевѣ было только 4 дес. запашки, 7 коровъ и 4 лошади. Много было людей праздныхъ, которымъ не къ чему было рукъ приложить; были также люди, преимущественно работавшіе языкомъ, и выходило такъ, что и въ маленькомъ хозяйствѣ не справлялись съ дѣлами: хозяйство шло черезъ пень въ колоду, въ работахъ не было порядка, каждый дѣлалъ что вздумается, по своему усмотрѣнію. Нѣкоторые „совсѣмъ не работали и проводили время въ бесѣдахъ, спорахъ и метафизическихъ размышленіяхъ"

„Горячо толковали на тему, что нужно трудами рукъ своихъ доставать себѣ пропитаніе, что каждый, кто не воздѣлываетъ самолично землю, сидитъ на плечахъ у ближняго своего, и въ то же время въ дѣйствительности кушали чей-то, только не свой хлѣбъ... Нѣкоторые оправдывали свое дармоѣдство тѣмъ, что они пріѣхали сюда не жить, а присмотрѣться, обмѣняться мыслями и многому поучиться; но дѣло въ томъ, что ученикамъ этимъ было лѣтъ по двадцати пяти отъ роду, жили они въ Шавѣевѣ не пять, шесть дней, а почти все лѣто, что Шавѣево было — не земледѣльческая казенная ферма, а пунктъ, гдѣ основывалась жизнь человѣка на новыхъ началахъ, и что совѣсть должна была подсказать каждому, какъ поступить въ этомъ неловкомъ положеніи. А положеніе прихлынувшей сюда молодежи, дѣйствительно, было неловко: интеллигентная толпа буквально съѣдала маленькое хозяйство, которое только потому и устояло отъ этого нашествія, что вывозили деньги, высылаемыя изъ К—ска Андрею".

Послѣдній потомъ и самъ жалѣлъ, что „много трубилъ", какъ въ письмахъ, такъ и во время своихъ поѣздокъ, о Шавѣевской общинѣ, якобы прочно уже установившейся. Собравшіеся не сознавали всей тяготы и суровости физическаго труда; трудъ этотъ представлялся имъ въ милыхъ идиллическихъ перспективахъ: „въ товариществѣ поработаешь, съ аппетитомъ пообѣдаешь, заснешь крѣпкимъ, здоровымъ сномъ, въ свободное время почитаешь, побесѣдуешь, поспоришь; и весело будетъ, и душу свою спасешь", и не будешь небо коптить и будешь „интеллигентомъ въ высоко-благородномъ смыслѣ". „Горячія бесѣды о духовной сторонѣ человѣческой жизни почти совсѣмъ отодвигали въ сторону вопросъ о добываніи пищи, одежды и крова; эти бесѣды часто отвлекали молодежь отъ работы и вносили безпорядокъ въ хозяйство". Наконецъ, нѣкто С., чело-

вѣкъ „наиболѣе устойчивый и понимающій сельское хозяйство“, поднялъ вопросъ о томъ, что въ хозяйствѣ долженъ быть человѣкъ, который руководилъ бы работами и которому *добровольно и сознательно* подчинялись бы на работахъ другіе. Большинство съ нимъ согласилось и выбрало С. завѣдующимъ работами. Нѣкоторые промолчали, нѣкоторые отнеслись иронически къ этой хозяйственной реформѣ. Попробовалъ было С. повернуть общинниковъ на трудовую линію, но ничего изъ этого не вышло: будучи человѣкомъ крѣпкимъ, выносливымъ и привычнымъ къ работамъ, онъ сталъ являться вездѣ первымъ на работы, думая примѣромъ увлечь товарищей, но тѣ все-таки „на работу шли вяло, нѣкоторые отговаривались какой-нибудь маловажной причиной, были и такіе, у которыхъ въ самую горячую пору что-нибудь болѣть начинало“. С, невольно сталъ терять всякое терпѣніе. Вотъ пробуетъ онъ „ругнуть по-товарищески лѣнивыхъ“, но вызываетъ протестъ.—„Это насиліе воли человѣка! что я волъ или батракъ у помѣщика, что долженъ выслушивать какія-то нелѣпыя приказанія“, восклицаетъ одинъ.—„Я, быть можетъ, нахожусь въ такомъ настроеніи, что работать совсѣмъ не могу“, говоритъ другой. Напрасно С. указываетъ, что земля *плачется* и требуетъ своевременной работы, что его сами же уполномочили завѣдывать работами; ему отвѣчаютъ: „при чемъ тутъ полномочіе! Можно-ли уполномочить кого распоряжаться моими мыслями, чувствами, моей душой!..“ Завязываются продолжительные споры. Общинники разбиваются на группы и глубокомысленно обсуждаютъ случившееся; одни говорятъ за, другіе противъ, а время летитъ. Въ очеркѣ разсказывается нѣсколько случаевъ работъ и неумѣлаго и неряшливаго отношенія къ земледѣльческимъ орудіямъ, лошадямъ и проч. Скошено, напр.. сѣно, цѣлую недѣлю косили; выдается хорошій денекъ, сѣно просохло и его нужно убирать; С. говоритъ объ этомъ за завтракомъ, но колонисты и ухомъ не ведутъ: одинъ идетъ письмо писать, другой беретъ книгу и уходитъ въ тѣнистое прохладное мѣсто, третій говоритъ, что у него ломитъ нога и ложится на лавку, четвертый садится на лугу, собираетъ въ кучку женщинъ и разсказываетъ имъ тихимъ, плавнымъ голосомъ, что Шавѣевская община представляетъ, собственно говоря, „нелѣпость“, такъ какъ „жизнь человѣка—въ духѣ и стремленіи отойти къ Отцу, а не въ заботахъ о пропитаніи и заготовкѣ хлѣба; эти заботы только „тормозятъ дѣло спасенія души“, что можно видѣть и на примѣрѣ птицъ небесныхъ, и на примѣрѣ богатаго евангельскаго юноши и т. д.

С., видя все это, взялъ грабли и пошелъ убирать сѣно; за нимъ еще двое побрели; остальные остались; а къ вечеру нашла туча, разразилась проливнымъ дождемъ и сѣно испортилось. Или: „поѣхалъ толстовецъ за водой на Днѣпръ; при подъемѣ на горку лопается черезсѣдельникъ; что тутъ долго думать? Вынимаетъ ножикъ изъ кармана, обрѣзаетъ гужъ у хомута и надвязываетъ черезсѣдельникъ“. Съ граблями обращались такъ, что „на третій день сѣнокоса уже нечѣмъ было грести“. Правда, грабли были непрочны и отличались больше изяществомъ, дѣлалъ ихъ столяръ; но не менѣе виноваты были и руки, которыя „управляли граблями“; онѣ, эти ручки, безъ всякой осторожности, что называется съ плеча, драли граблями по лугамъ, не придавая ровно никакого значенія тому, что зубья вылетаютъ“... На это смотрѣли какъ на пустяки, какъ на мелочи жизни: сломанныя грабли кидались куда попало, а на другой день каждый старался захватить поскорѣй здоровыя грабли, не признавая своими сломанныхъ; „поэтому наиболѣе смѣтливые старались съ вечера запрятать куда-нибудь подальше свои грабли, чтобы не остаться потомъ при трехъ зубьяхъ или сломанной колодкѣ“.. Нужно было бы, говоритъ авторъ очерка, „приставить хорошаго старосту-мужичка къ этимъ интеллигентнымъ работникамъ“, чтобы научить ихъ, какъ обращаться съ орудіями производства, скотиной, беречь сбрую, до-сыта кормить и во время поить лошадей и т. п. Они, продолжаетъ онъ, просто не знали жизни и не понимали того, какъ трудно своими руками добыть все, отъ обуви до шапки, отъ куска чернаго хлѣба до послѣдней вещи въ хозяйствѣ; а главное —наиболѣе видныхъ дѣятелей колоніи интересовало больше нѣчто другое: жизнь физическую и матеріальное довольство, по ихъ ученію, слѣдовало отодвинуть на второй планъ и стремиться къ осуществленію другихъ началъ, къ развитію духовной стороны. Они смотрѣли на тѣло, „какъ на испорченный сосудъ, въ которомъ жизнь духа принижена или вовсе погублена“, но которому, однако, „дана возможность возродиться духомъ, очистить себя отъ грѣховъ и начать жизнь въ духѣ“. На этомъ основаніи они отрицали, напр., бракъ: мужчины должны были видѣть въ женщинѣ только сестру и человѣка, а женщины въ мужчинахъ только братьевъ и людей.

Они говорили: цѣль жизни въ Богѣ. Во мнѣ положена Отцомъ частичка божества, качества, ничего общаго неимѣю-

щаго съ жизнію плоти, напротивъ, отрицающаго жизнь плоти. Каждый человѣкъ можетъ, если захочетъ, подняться надъ жизнію плоти и крови, можетъ познать въ себѣ единеніе съ Отцомъ и ожить духомъ, потому что онъ обладаетъ свободной волей и въ душѣ живетъ, какъ бы ни былъ человѣкъ испорченъ, голосъ совѣсти. Богъ свѣтится во мнѣ черезъ любовь мою къ ближнему; любовь къ ближнему—это уже явленіе не физическаго міра, а духовнаго; жить для другого и полагать счастье свое въ счастьи ближняго не можетъ человѣкъ плоти или міра сего; потребности такого человѣка обратныя: какъ можно больше заполучить благъ земныхъ и въ личномъ, земномъ счастіи найти сущность жизни. Но все физическое по существу своему измѣняемо и мертвенно; жизнь плоти уже въ самой себѣ носитъ смерть и разрушеніе, и счастіе такой жизни призрачно и сопровождается страданіями; альфа и омега такой жизни—суета суетъ и всяческая суета. Только жизнь въ духѣ, по существу своему неизмѣняемомъ и безсмертномъ, есть истинная жизнь, и только она можетъ избавить людей отъ страданій и смерти. Всѣ страданія людскія суть послѣдствія плотской жизни. Человѣкъ же, живущій въ духѣ и положившій цѣль жизни своей приближаться къ Богу путемъ духовнаго самоусовершенствованія, не умираетъ, а вѣчно живетъ. Распадется и умретъ только земная форма жизни, а жизнь въ духѣ будетъ безконечно развиваться.

Основатель колоніи говорилъ, что онъ долго путешествовалъ и наблюдалъ жизнь сектъ и общинъ, какъ на западѣ и по ту сторону океана, такъ и у себя дома, и пришелъ къ убѣжденію, что община на экономическихъ началахъ не можетъ долго существовать и непремѣнно распадется, потому „что истиннаго единенія между людьми не можетъ быть тамъ, гдѣ главные интересы положены на благахъ міра сего“. Ясно, что такая постановка вопроса могла порождать споры. И колонисты, дѣйствительно, вели „безконечные споры и бесѣды о духѣ и Богѣ или метафизической сторонѣ ученія, по поводу толкованія Евангелія“, о примѣненіи христіанскаго ученія въ жизни, о непротивленіи злому и „особенно о бракѣ“. Споры эти, вслѣдствіе различныхъ точекъ зрѣнія, разности образованія и „иногда мелочнаго самолюбія“, заходили нерѣдко „за границы сдержанной рѣчи“. Рядомъ съ людьми хорошо образованными и начитанными встрѣчались и не окончившіе курса гимназисты; рядомъ съ настоящими

метафизиками схоластиками попадались и такіе, которые старались доказать отсутствіе въ человѣкѣ духа, „какъ отдѣльной субстанціи“. Встрѣчались и сатирики, какъ П—скій, который „постоянно сводилъ ученіе о духѣ на шутовскую линію“, и оригинальные мыслители, какъ Б—въ, который находилъ „наивысшее проявленіе жизни и разума въ деревѣ“ („См. В.“, № 86). Впрочемъ, замѣчаетъ авторъ, присутствіе такихъ господъ содѣйствовало оживленію бесѣдъ и болѣе всестороннему обсужденію вопросовъ, такъ какъ „иначе обычныя бесѣды толстовцевъ грозили бы перейти въ молитвенныя воззванія, или въ долбленіе почти съ буквальной точностью однихъ и тѣхъ же изреченій“. Не желая утомлять читателя, не будемъ приводить подробностей происходившихъ споровъ, но для того, чтобы дать о нихъ общее понятіе, приведемъ два-три образчика. Нѣсколько мѣсяцевъ сряду велась, напр., такая бесѣда:

— Вы спрашиваете, что такое Богъ?—говоритъ Андрей.— На этотъ вопросъ никто вамъ не отвѣтитъ, потому что, чѣмъ точнѣе человѣкъ будетъ опредѣлять Бога, тѣмъ дальше его опредѣленія будутъ отъ истины. Въ этихъ опредѣленіяхъ скажется обычный антропоморфизмъ, который вездѣ замѣчается въ человѣческихъ опредѣленіяхъ божества... Бога никто не знаетъ; но человѣкъ, возродившійся духомъ, всѣмъ существомъ своимъ чувствуетъ въ себѣ присутствіе Бога, живое въ любви единеніе съ Нимъ; это доказать нельзя, и меня пойметъ только тотъ, кто такъ же думаетъ и чувствуетъ, какъ и я. Я чувствую, всѣмъ существомъ своимъ чувствую, что есть Отецъ, именно, Отецъ, который далъ всему и мнѣ жизнь и любитъ меня, и зоветъ меня къ себѣ. Я чувствую, что Онъ есть безконечное совершенство и любовь, и приближаться къ Нему можетъ только человѣкъ, любящій, духовно возрожденный, любящій ближняго своего... Живущій во плоти жизнію животною не можетъ войти въ единеніе съ Богомъ въ царствіе Божіе.

М. И—чъ: „Я чувствую“... Что такое значитъ: я чувствую въ себѣ Бога? Можетъ-ли быть это чувствованіе безъ сознанія? Если я могъ объяснить, что я чувствую, значитъ, я въ сущности не чувствую, а сознаю...

Андрей: Сознаніе это—актъ психики и должно быть отнесено къ области физіологіи; но есть внутреннее зрѣніе, такъ сказать, духовное око, которое видитъ то, чего нельзя объяснить, ибо всякое объясненіе будетъ дано въ формахъ

пространства и времени, въ предѣлахъ земного, естественнаго...

Охотскій: Я представлю примѣръ. Случайно ребенокъ заброшенъ въ среду распутныхъ людей, гдѣ зло называютъ правдой, а правду зломъ. Ребенокъ росъ и воспитывался подъ вліяніемъ такой среды. Изъ него сложился человѣкъ тоже распутный. Почти нѣтъ никакихъ шансовъ, чтобы онъ возродился духомъ... Въ чемъ же вина его, если внутреннее его око остается закрытымъ?

Андрей: Его никто и не винитъ; нѣтъ людей виноватыхъ, а есть люди только заблудившіеся... Какъ бы ни былъ испорченъ человѣкъ, голосъ совѣсти, время отъ времени, призываетъ его къ Богу.

М. И—чъ: А развѣ не можетъ быть и такихъ случаевъ: человѣка призываетъ этотъ голосъ совѣсти, онъ хочетъ перемѣнить свою дурную жизнь и не можетъ...

Андрей: Это значитъ только, что время не пришло. Придетъ время и въ такомъ колеблющемся человѣкѣ совершится уже рѣшительный поворотъ.

Ж: Богъ, идѣже хощетъ, дышетъ.

М. И—чъ: Это что такое? Ужъ не хотите-ли вы сказать, что Богъ по выбору призываетъ къ себѣ людей?

Ж: Нѣтъ, не то. Онъ дышетъ тамъ, гдѣ человѣкъ по волѣ своей переходитъ отъ смерти къ жизни; только въ этомъ случаѣ Онъ и хощетъ...

Березкинъ: Вотъ вы, господа, употребляете выраженія: „Отецъ, Онъ любитъ, Онъ дышетъ, призываетъ“,—все это качества личнаго Бога; вы переносите на Бога человѣческія понятія и тѣмъ ограничиваете Его, дѣлаете Его личностью.

Андрей: Когда я говорю „Отецъ“, то я именемъ этимъ называю живого и любящаго Бога. Это выраженія образныя; духъ, а не человѣкъ, конечно, употреблялъ бы другія выраженія, а быть можетъ, передалъ бы всю мысль другому духу и безъ словъ...

Еще характернѣе собесѣдованія и споры о „непротивленіи злому насиліемъ“. Такъ какъ формулѣ этой за послѣдніе годы суждено было играть въ нашемъ сознаніи значительную роль, то нельзя пройти молчаніемъ этихъ геркулесовыхъ столбовъ метафизики. Основатель колоніи говорилъ: „мало сдержать себя, когда наносятъ тебѣ оскорбленіе, мало не отвѣтить на оскорбленіе оскорбленіемъ,—нужно оскорбляющему тебя отвѣтить добрымъ дѣломъ“. Нѣкоторые находили, что не отвѣтить на обиду обидой еще возможно, а отвѣчать на оскорбленіе добрыми дѣлами—не всякій можетъ; но онъ стоялъ, что жизнь въ духѣ только такимъ путемъ и можетъ быть достигнута.

— Какъ вы оцѣните такой мой поступокъ,—сказалъ М. И—чъ: ѣду я, положимъ, лѣсомъ съ женой или дочерью. На меня нападаетъ недобрый человѣкъ съ явнымъ намѣреніемъ меня убить, а женщину взять живою для совершенія гнуснаго поступка; и вотъ я тутъ, сознаюсь, могъ бы совершить два дѣйствія: если я сильнѣе нападавшаго на меня человѣка, то я валю его на землю, связываю ему руки и ноги и ѣду дальше, а если я слабѣе его, то вынимаю револьверъ и начинаю грозить ему выстрѣломъ; если это не дѣйствуетъ, что дѣлать—спускаю курокъ...

— И въ томъ, и въ другомъ случаѣ вы поступаете не какъ христіанинъ, а какъ язычникъ.

— Въ послѣднемъ случаѣ, положимъ, такъ, а въ первомъ?

— Вы связываете человѣка, значитъ, противитесь злому насиліемъ.

— Но вѣдь слѣдствіемъ такого моего противленія злому было то, что человѣкъ убійства и насилія надъ женщиной не совершилъ, да и самъ вдобавокъ живъ и здоровъ остался.

— И все-таки вы поступаете не какъ христіанинъ... Въ чемъ тутъ несчастіе, въ чемъ тутъ дѣйствительная бѣда? По моему въ томъ, что человѣкъ, братъ мой, хочетъ погубить душу свою, задумавъ убить ближняго своего. Что до того, что разбойникъ этотъ убьетъ меня? Ну, и пусть убиваетъ тѣло мое; важно то, что человѣкъ гибнетъ. И если я люблю ближняго своего, то брошусь на колѣни передъ этимъ разбойникомъ и со слезами на глазахъ буду умолять, чтобы онъ не губилъ души своей; и если въ такой моментъ не столько поразитъ меня опасность быть убитымъ, сколько духовная гибель разбойника, въ которомъ я вижу только брата своего, вѣрю, убійства не будетъ совершено; у разбойника не поднимется рука убить человѣка, который любитъ его, разбойника, и не боится физической смерти.

— Едва-ли найдется среди людей такой любящій человѣкъ. Даже Христосъ не могъ не проявлять гнѣва по отношенію къ книжникамъ и фарисеямъ.

— И если бъ этого гнѣва не было, едва-ли книжники и фарисеи подняли руки на Христа. Любовь всегда побѣждаетъ.

Подобныя бесѣды затягивались иногда до поздней ночи. Колонисты располагались кто за столомъ, кто на лавкахъ, а нѣкоторые забирались на палати и слушали оттуда, свѣсивъ головы. Женщины чинили въ это время бѣлье, или просто сидѣли, сложа руки, и также вставляли свои замѣчанія и возраженія. Не смотря на это, говоритъ авторъ очерка, сейчасъ же было видно, что „метафизическаго Бога онѣ не перевариваютъ и въ душѣ остаются съ вѣрою въ православнаго Бога“, только не имѣли мужества громко заявить объ этомъ. Нѣкоторыя изъ нихъ, въ концѣ концовъ, стали *безсознательно* повторять слова основателя колоніи и „говорить заученными тирадами“. Основатель колоніи производилъ на нихъ чарующее впечатлѣніе. Однако, бесѣды эти „къ концу лѣта до того надоѣли шавѣевской братіи, что нѣкоторые стали затыкать уши, какъ только завязывался споръ о метафизическихъ предметахъ. Бесѣды эти остыли и сократились сами собой, вслѣдствіе комичнаго и ежедневнаго долбленія объ одномъ и томъ же“.

Авторъ дѣлитъ колонистовъ на увлекавшихся новымъ складомъ жизни и на убѣжденныхъ, и говоритъ, что послѣднихъ было меньше. Большинство бесѣдовало, главнымъ образомъ потому, что интересно было бесѣдовать; когда же бесѣда потеряла новизну, собесѣдники стали „позѣвывать и иронически улыбаться по поводу избитыхъ изреченій“. По поводу непротивленія злу насиліемъ происходили забавные и поучительные эпизоды: жизнь, несмотря на всю свою замкнутость, давала колонистамъ наглядные уроки, ставила вопросы, повидимому, совершенно не приходившіе никому въ голову во время теоретическихъ препирательствъ и создавала то комическія, то грустныя положенія. Толки о непротивленіи велись такъ долго и горячо, что проникли и въ крестьянскую среду черезъ крестьянъ, заходившихъ по тому или другому дѣлу въ Шавѣево. Особенно хорошо было понято крестьянами то, что „сосѣдей этихъ бояться нечего, потому вѣра у нихъ такая: дѣлай ты съ ними что хочешь, въ судъ не пойдутъ, люди смирные, тихіе, а что они промежъ себя дюже громко орутъ, словно за горло другъ дружку схватить хотятъ, такъ это у нихъ манеръ такой; ссоры тутъ никакой нѣтъ: глядишь, опять пошло по старому, начнутъ весело разговаривать—народъ хорошій, только въ хозяйствѣ пути никакого“...

Идутъ, напримѣръ, колонисты въ поле и видятъ, что крестьянскіе телята ходятъ по ихъ овсу, согнали разъ, согнали другой и просили мужиковъ не пускать; смотрятъ, а телята опять въ овсѣ. Остановились и не знаютъ, что дѣлать; заспорили: П—ъ говоритъ, что нельзя сгонять, потому что это будетъ насиліе, а И—чъ говоритъ, что это будетъ не насиліе, а доброе дѣло, потому что овесъ будетъ спасенъ. Стоятъ да спорятъ, а телята топчутъ и ѣдятъ овесъ. Неизвѣстно, чѣмъ бы это дѣло кончилось если бы не прибѣжала какая-то баба и не угнала телятъ, а онѣ все стоятъ да спорятъ: нужно-ли загонять телятъ въ хлѣвъ или не нужно?“...

Или взяли разъ колонисты къ себѣ на воспитаніе въ сосѣднемъ городѣ уличнаго мальчишку, Петьку, лѣтъ 13. Не имѣя близкихъ родныхъ, онъ бродилъ по городу, попрошайничалъ и, къ сожалѣнію, рано познакомился со многими пороками, но былъ мальчикъ впечатлительный, способный и смѣлый.

Вотъ видитъ онъ, что зипунишка на немъ сталъ разваливаться, а на толстовцахъ пиджаки и поддевки все здоровые; всталъ утромъ пораньше всѣхъ, выбралъ себѣ поддевку по росту и надѣлъ, а зипунишко свой забросилъ. Проснулись и видятъ этотъ случай. Хозяинъ поддевки обращается къ мальчишкѣ.

— Ты зачѣмъ надѣлъ мою поддевку?

— Потому что моя развалилась, а твоя мнѣ понравилась.

— Ну, ну, скидавай? Что бобы-то разводить.

— Зачѣмъ я буду скидавать? Эта поддевка моя.

— Скидавай, говорятъ тебѣ! А то самъ сниму.

— Ну-ка, попробуй! Что-жь, ты вѣру свою хочешь смѣнять? Сказано злому не противься.

Впечатлѣніе получилось довольно сильное: нѣкоторые искренно разсмѣялись, другіе серьезно и вдумчиво вперили свои взоры въ оригинальнаго мальчика; хозяинъ поддевки не зналъ что дѣлать; стоялъ сконфуженный и недовольный такимъ казусомъ.

— Ну, ну, Петька, довольно шутить; мнѣ на работу нужно идти,—сказалъ онъ.

— Какія тутъ шутки! Вотъ еще, что выдумалъ! Сказано не дамъ. А если станешь снимать, такъ и тресну! Что ты мнѣ сдѣлаешь? Драться тебѣ нельзя...

Женщины возмутились и стали читать мальчику нотаціи:

— Какъ тебѣ не совѣстно такія глупости дѣлать! Тебя

пріютили, обмыли, накормили, одѣли, а ты за это ругаешься, да еще и бить хочешь; неужели у тебя стыда нѣтъ никакого.

— Эка, чѣмъ вздумали хвалиться: напоили, накормили! Вы и должны это дѣлать, потому вѣра ваша такая... То-то! Говорите одно, а дѣлаете другое: поддевки жалко стало. Сказано: не отдамъ... *)

Случай этотъ вызвалъ горячіе споры и цѣлый рядъ вопросовъ: мальчикъ прожилъ въ общинѣ нѣсколько мѣсяцевъ, почему же среда не оказала на него оздоравливающаго вліянія, почему онъ остался „такимъ же негодяемъ“, какъ и прежде? Не виноваты-ли въ этомъ сами же колонисты и то, что у нихъ велась одна только безконечная бесѣда о жизни и духѣ, а самой жизни, гдѣ примѣнялись бы высокіе принципы, не было; не было организованнаго дѣла и послѣдовательности, а шло только какое-то броженіе мыслей и чувствъ; не вправѣ-ли былъ каждый, знавшій, сколько наговорено было о любви къ Богу и ближнему, спросить: гдѣ же дѣла любви, милосердія и состраданія? Стоило-ли брать при такихъ условіяхъ мальчика и не лучше-ли было выпроводить его опять за ворота и вообще какъ-нибудь отъ него отдѣлаться? Сторонниковъ послѣдняго было не мало, тѣмъ болѣе, что „у толстовцевъ стали пропадать карманныя деньги и разныя вещицы“; но Петька остался въ колоніи.

Въ то время, когда гг. колонисты волновались этими вопросами, никто изъ нихъ не попробовалъ посмотрѣть на дѣло съ такой точки зрѣнія: вѣдь 13-ти-лѣтній Петька остался, въ сущности побѣдителемъ надъ ними, одинъ надъ цѣлою группою людей взрослыхъ, образованныхъ и исполненныхъ благородныхъ мыслей и чувствъ. Никто не попробовалъ расширить этого примѣра на всю жизнь, на все грѣховное земное пространство и время и посмотрѣть, какого рода могли бы быть послѣдствія, когда одна часть человѣчества вполнѣ проникласъ бы ученіемъ гр. Толстого, а другая, напротивъ, осталась бы совершенно глухой къ этикѣ „непротивленцевъ“ и не обращала бы рѣшительно никакого вниманія на ихъ доводы и мольбы. Не привело-ли бы это къ господству Петекъ и зулусовъ, о которыхъ когда-то говорилъ гр. Толстой, къ господству низшихъ расъ и натуръ надъ высшими, къ развитію дурныхъ инстиктовъ и сторонъ человѣческой природы, къ измѣненію въ этомъ смыслѣ естественнаго подбора и истребленію и вымиранію лучшей части человѣчества? Гдѣ и въ чемъ гарантія, что этого не было бы? Когда сторонники непротивленія злу иллюстрируютъ свое ученіе примѣрами, то обыкновенно упускаютъ изъ виду нѣкоторыя маленькія подробности, которыя имѣютъ, однако, по нашему мнѣнію, очень существенное значеніе. Такъ, въ примѣрѣ насилія разбойника надъ женщиной, который столько разъ приводился, разсматриваются только два лица: разбойникъ и спутникъ женщины, а сама женщина оставляется въ сторонѣ въ полной беззащитности, точно какой-то неодушевленный предметъ. Казалось бы, по обыкновеннымъ понятіямъ, она, безсильная, имѣетъ право на защиту третьяго лица, а это третье лицо обязано ее защитить; между тѣмъ объ этомъ ни слова. Предполагается, по всей вѣроятности, что она должна просить и умолять разбойника, чтобы онъ не губилъ душу свою. Точно также и въ примѣрѣ личнаго оскорбленія: оскорбленный ни на какую защиту разсчитывать не можетъ. Самъ человѣкъ, разумѣется, можетъ не защищать себя, если это ему нравится, или если онъ убѣжденъ въ пользѣ этого, но если онъ видитъ ничѣмъ незаслуженныя страданія ближняго, если этотъ ближній проситъ его защиты отъ неправды, то гдѣ же и въ чемъ выразится его любовь къ нему, когда онъ и пальцемъ не хочетъ пошевелить?

*) Случай этотъ вызвалъ возраженіе со стороны колонистовъ и былъ разсказанъ нѣсколько иначе въ „Недѣлѣ“; но было также и контр-опроверженіе.

Точно также и въ примѣрахъ о благахъ міра сего: совершенно вѣрно, что тотъ, кто возлюбитъ блага міра сего паче ближняго и Бога, не хорошо поступаетъ, но когда передъ нимъ возникаетъ сопоставленіе труда и пропитанія, съ одной стороны, и, положимъ, такого же разбойничьяго нападенія и грабежа, съ другой, то неужели онъ долженъ обращаться къ одной страдающей сторонѣ и говорить ей, что суть и задача жизни не въ благахъ міра сего. Ученіе о непротивленіи злу, вывернутое на изнанку и превращенное въ ученіе о непротивленіи добру, подъ гарантіей защиты отъ зла, безъ всякаго сомнѣнія гораздо болѣе справедливо. Хотя понятія о добрѣ и злѣ и относительны, но человѣчество знаетъ, во 1-хъ, элементарныя зло и добро, которыя въ теченіе вѣковъ остаются таковыми и врядъ-ли когда-нибудь измѣнятся, а во 2-хъ, и въ каждую данную эпоху можетъ опредѣлять, куда клонятся извѣстныя явленія. Относительно явленій новыхъ возможны, разумѣется, разнорѣчія, но для разъясненія и прекращенія этихъ несогласій имѣется наука и другія средства у человѣчества.

Много было словъ и мало дѣла въ Шавѣевѣ. Живой, пло-

дотворной и одушевляющей дѣятельности не замѣчалось. По странной ироніи судьбы, чѣмъ больше было толковъ о духѣ, тѣмъ животная и растительная жизнь выдвигалась сильнѣе на первый планъ: ѣли, сидѣли, бродили, спали, немного работали или „много суетились по поводу работы“. Поработавши настолько, чтобы развить надлежащій аппетитъ и плотно пообѣдавъ хлѣбомъ, капустой и молокомъ, нѣкоторые брали книжку и предавались кейфу, другіе бесѣдовали. „Такой порядокъ нѣкоторымъ даже по душѣ приходился“; но многимъ это безконечное словоговореніе начинало уже надоѣдать: въ самомъ дѣлѣ, на долю психики доставались одни только отвлеченные, пустопорожніе разговоры. Возникъ вопросъ о томъ, чтобы допустить сношеніе съ внѣшнимъ міромъ; въ деревнѣ Машино сидѣлъ на однодушевомъ надѣлѣ старикъ, отстававшій обыкновенно въ работѣ отъ сосѣдей,—пошли и подвалили ему траву; завели на Днѣпрѣ лодку, на которой иногда перевозили и крестьянъ; пускали ихъ по субботамъ мыться въ свою баню; устроили было школу, куда стали ходить крестьянскія дѣти, „но школка эта, по распоряженію начальства, была скоро закрыта“. „Вотъ и всѣ,—говоритъ авторъ,—наиболѣе выдающіяся дѣла милосердія“. Колонисткѣ, открывшей школу грамотности въ Машинѣ, знающіе посторонніе люди совѣтовали соблюсти нѣкоторыя формальности, но она отъ этого отказалась, находя, что это будетъ компромиссомъ съ совѣстью, и открыла школу безъ разрѣшенія. Затѣмъ, отличалась она также нетерпимостью ко всѣмъ учебникамъ, кромѣ учебника Л. Н. Толстого. Произошло же изъ этого слѣдующее: „попы скоро провѣдали, по какимъ книгамъ учитъ эта учительница, вознегодовали и донесли по начальству, что-де объявилась въ приходѣ учительница-еретичка, которая Богу не молится, постовъ не соблюдаетъ и учитъ дѣтей по книгамъ Толстого; а потомъ пріѣхалъ становой и закрылъ школу“ („См. В.“ 1891 г. № 86). Школа просуществовала только два мѣсяца.

— „Я имѣлъ случай, — говоритъ авторъ очерка, — не разъ видѣть занятія этой женщины съ дѣтьми и пришелъ къ тому заключенію, что изъ нея могла бы выйти прекрасная учительница, если бы она поработала подъ руководствомъ опытныхъ педагоговъ... Она вкладывала въ дѣло всю душу“.

Наконецъ, въ Шавѣевѣ стало замѣтно общее явленіе: сталъ увеличиваться „нравственный разладъ. Отыскивая причины этого, нѣкоторые изъ колонистовъ пришли къ убѣжденію, что это обусловливается „поведеніемъ, характеромъ и вообще личностью“ остнователя колоніи, Андрея. Вліяніе его на весь складъ шавѣевской жизни было настолько велико, что „многіе члены общины чувствовали себя нравственно связанными, духовно приниженными; имъ казалось, что Андреево вліяніе какъ бы похищаетъ у нихъ свободу воли, что они или гостятъ здѣсь, или же, еще хуже, работаютъ въ качествѣ батраковъ Андрея, господина этого хутора. И самъ Андрей сталъ сознавать свое исключительное или господствующее положеніе въ Шавѣевѣ и не могъ не замѣчать своего подавляющаго вліянія на товарищей“.

Нужно было разогнать шавѣевскія тучи, устранить отсюда все, что вноситъ разладъ въ общинную жизнь и прежде всего нужно было покончить съ вопросомъ о земельной собственности. Что бы не казаться господиномъ хутора въ глазахъ товарищей, Андрей заявилъ, что онъ отказывается отъ земли въ пользу всей общины, что христіанство отрицаетъ собственность и что совѣсть запрещаетъ ему владѣть шавѣевской землей. Но и остальные общинники сказали то же самое, т.-е., что и имъ совѣсть запрещаетъ владѣть землею, а главное—никто изъ нихъ не считалъ себя постояннымъ членомъ этой колоніи. Общинники эти, за исключеніемъ трехъ-четырехъ человѣкъ, почти ежегодно передвигались съ мѣста на мѣсто, путешествовали. Положеніе было крайне непріятное: всѣ члены общины отказывались отъ земли и въ то же время хорошо понимали, что безъ земли имъ обойтись нельзя. Толстовское ученіе гласитъ: каждый долженъ воздѣлывать землю; но воздѣлывать землю на нашей планетѣ можно или въ качествѣ собственника, или въ качествѣ батрака, а собственникъ уже не можетъ быть истиннымъ христіаниномъ; равнымъ образомъ, христіанинъ сознательно не возьметъ на себя батрацкаго ига, такъ какъ у истинныхъ христіанъ не можетъ быть продажи человѣческаго труда; а работать у людей, за хлѣбъ и одежду — это значило бы оставлять излишекъ труда людямъ, которые изъ этого излишка могутъ сдѣлать и дурное употребленіе.

Получилось нѣчто вродѣ мертвой точки; между тѣмъ становой ѣздилъ и требовалъ уплаты по окладнымъ листамъ. Владѣлецъ не хотѣлъ уплатить, говоря, что онъ уже фактически отказался отъ земли; другіе также не брали на себя этой коммиссіи. Наконецъ становой заявилъ, что, въ случаѣ неплатежа, имущество будетъ описано и продано. По долгомъ обсужденіи

этого инцидента, рѣшено было, чтобы юридическимъ собственникомъ земли былъ кто-либо изъ желающихъ, такъ какъ безъ этого компромисса нельзя было сидѣть на землѣ. На этомъ основанiи Андрей сдѣлалъ нотарiальную дарственную запись на имя С. и двухъ женщинъ-колонистокъ. Колонистамъ желательно было сдѣлать такъ, чтобы земля была ничьей, чтобы фактическаго собственника совсѣмъ не было, чтобы каждый приходилъ, работалъ и жилъ не въ частномъ имѣнiи, а въ общинѣ; но осуществить это было труднымъ юридическимъ вопросомъ. Къ тому же ни даритель, ни номинально получившiе землю въ даръ почему-то „не уплатили и не хотѣли платить установленныхъ пошлинъ, при совершенiи дарственной", такъ что de jure земля продолжала оставаться за прежнимъ собственникомъ. Разладъ и несогласiя продолжались и „по прежнему многимъ казалось, что не будь тутъ Андрея, дѣла колонiи пошли бы совсѣмъ иначе". Не въ этомъ, конечно, была главная причина разлада, а въ отсутствiи живого дѣла, въ искуственности жизни, въ томъ, что мысль и душа человѣческая были посажены въ какой-то каменный мѣшокъ, забрели въ какой-то закоулокъ, въ какой-то заколдованный кругъ, въ которомъ и вращались, и чѣмъ сильнѣе вращались, тѣмъ больше увеличивали путаницу и взаимную сумятицу, но отчасти и личность основателя колонiи, какъ творца этой арены для духа, могла играть извѣстную роль. Раздражало не только то, что земля. хотя-бы и вопреки его желанiю, осталась опять за нимъ, но и самая его личность, сперва, какъ мы видѣли, чарующая и подавляющая своимъ духовнымъ авторитетомъ, а потомъ по закону реакцiи людей подавленныхъ, тѣмъ сильнѣе обвиняемая, чѣмъ больше было неудачъ, чѣмъ меньше получалось искомыхъ результатовъ. Вотъ что читаемъ мы по этому поводу въ очеркѣ:

Андрей, по складу своего ума и характера, не могъ быть тѣмъ ровнымъ, простымъ и задушевнымъ товарищемъ, при которомъ откровенно говорится и легко дышется... Затѣмъ, въ присутствiи его какъ-то виднѣе казались всѣ грѣхи и недостатки общинниковъ; каждый говорилъ подумавши и взвѣсивши напередъ свои слова, каждый чувствовалъ себя какъ бы подтянутымъ, словно на смотру у генерала Армiи Спасенiя, въ то же время каждый понималъ, а лучшiе изъ молодыхъ людей мучились тѣмъ, что подтянутость эта чисто внѣшняя, что здѣсь только кажущiйся подъемъ духа, что скорѣе здѣсь взаимное соглядатайство, чѣмъ простое и душевное отношенiе товарищей... Все это сознавалось и не могло содѣйствовать нравственному подъему колонистовъ.

Весной,—читаемъ мы дальше, — прiѣзжали сюда молодые люди въ настроенiи „высоко-нравственномъ, съ живой вѣрой въ будущность общинной жизни", съ желанiемъ поработать физически и усовершенствовать себя въ духовномъ отношенiи, а къ осени оптимистическое настроенiе смѣнялось тонкимъ и щепетильнымъ анализомъ чувствъ, мыслей, поступковъ; разбирали до мельчайшихъ подробностей отношенiя другъ къ другу, недостатки свои и товарищей, и „все это велось не открыто, простодушно, а въ тиши... отчего отношенiя не могли быть лучше". Одни, наиболѣе искреннiе и безпристрастные разглядѣли въ себѣ и товарищахъ—„не возрожденныхъ духомъ", а людей „физически и духовно слабенькихъ, которые взяли задачу жизни не по силамъ, а главное — не видятъ, или еще хуже,—не хотятъ видѣть своихъ недостатковъ, стараются приписать вину несогласiя не себѣ лично, а товарищу своему, забывая извѣстное изреченiе о сучкѣ въ глазу". Они скоро отправились изъ Шавѣева путешествовать „по святой Руси, чтобы поглубже вникнуть въ жизнь человѣческую, посерьезнѣй изучить себя и другихъ; а главное—*уйти поскорѣе изъ колонiи, гдѣ съ каждымъ днемъ дышалось тяжелѣе*" Другiе полагали, что община можетъ существовать при условiи, если сойдутся люди съ одинаковыми убѣжденiями и подходящими характерами, и намѣчали другiя колонiи, куда намѣрены были сходить посмотрѣть, какъ тамъ живется. Нѣкоторые же стали отрицать общинную жизнь, находя болѣе разумнымъ жить отдѣльно, по рознь. Имъ представлялось невозможнымъ сходиться вмѣстѣ и для спасенiя души, и для добыванiя хлѣба, потому что „плоть и хлѣбъ все дѣло испортятъ", а нужно было жить каждому семейству отдѣльно для добыванiя хлѣба, а для духа—всѣ люди, все человѣчество". Окрытiе конечно, не особенно большое. Нельзя сказать, чтобы такимъ способомъ рѣшилась поставленная задача, тѣмъ болѣе, что задача была не изъ легкихъ: если вѣрить одной изъ колонистокъ писавшей въ „Недѣлѣ", нужно было работать надъ собою и физически, и нравственно, желая „какъ бы вывернуться на изнанку и обновиться душой и тѣломъ". Толстовцамъ, по ея словамъ, подчасъ *не подъ силу* бывала та жизнь, какую они избирали, они оказывались *слабы*. Мука жизни толстовца заключалась въ *двойственности*, какая существовала „между высотою его чувствъ и низостью его поступковъ". Отсюда про-

истекали *безконечныя* мученія, отчаяніе и упадокъ духа („Недѣля“ № 45, 1891 г.). Женщины, впрочемъ, даже въ самыя трудныя минуты „не переставали вѣрить въ возможность общинной жизни вообще и шавѣевской въ частности“.

Наконецъ, выступилъ вопросъ о бракѣ и стало ясно обнаруживаться движеніе въ пользу брачной жизни. Если мы припомнимъ, что безбрачіе было положено въ основу колоніи, то поймемъ, что дѣло шло объ одномъ изъ краеугольныхъ ея камней.

— За коимъ же шутомъ природа сотворила мужчину и женщину? — сказалъ одинъ изъ свѣтскихъ чернецовъ. — По ошибкѣ, что-ли, она его сдѣлала или только для того, чтобы наплодить людей и потомъ уничтожить ихъ? По „Крейцеровой сонатѣ“ въ прекращеніи рода человѣческаго будетъ исполненъ законъ жизни; выходитъ — продолженіе рода человѣческаго совершается вопреки закону жизни, — тогда кто или какой грѣхъ будетъ виновникомъ размноженія человѣчества и для какой цѣли будетъ продѣлана вся эта комедія съ людьми? По этому закону жизни, люди не должны были и появляться на свѣтѣ.

Эта философія ничего не доказываетъ — отвѣчали ему. Я живу, и это фактъ; первая причина земной жизни теряется въ глубинѣ вѣковъ, тутъ мы ничего путнаго сказать не можемъ; но зачѣмъ я живу, — съ этимъ вопросомъ уже не можетъ, развязаться человѣкъ, разъ у него пробудилось сознаніе. И вопросъ этотъ люди всегда рѣшали на два манера: живи, ѣшь, пей и потомъ умри, и вся тутъ жизнь твоя; второй маноръ: въ человѣкѣ два начала; животное и духовное, первое — конечное, второе — безсмертное; преобладаніе начала животнаго ведетъ гибели духовной, къ смерти; наоборотъ, преобладаніе начала духовнаго ведетъ къ вѣчной жизни и, по разрушеніи плоти духомъ побѣжденной, человѣкъ будетъ вѣчно жить, духовно совершенствуясь. И если ты признаешь въ человѣкѣ это духовное начало, то признаешь и борьбу его съ другимъ, противоположнымъ началомъ, и будешь стремиться побѣдить въ себѣ двухъ китовъ, съ которыми борется духъ: кита ѣды и кита самца.

Но доводы эти не убѣждали протестанта, и онъ говорилъ:

— Нельзя упускать изъ виду, что физическій міръ управляется законами, нарушать которые безнаказанно нельзя. Не думаю, чтобы духъ отрицалъ ѣду совсѣмъ, тогда стоило бы себя только уморить голодомъ, и законъ жизни исполненъ... Доказано также житейскимъ опытомъ и наукой, что лишеніе

половыхъ отправленій въ зрѣломъ возрастѣ ведетъ къ серьезному физическому и душевному разстройству; по моему отрицать брачную жизнь — аналогично съ тѣмъ, какъ если бъ мы стали утверждать что вода должна катиться вверхъ, на горы, а не внизъ, а если она теперь катится внизъ, то это потому, что нарушенъ здѣсь законъ движенія жидкихъ тѣлъ. Дѣло другое, если безнравственный бракъ разрушаетъ жизнь человѣка, физическую и духовную; другое дѣло, если ѣду человѣкъ сдѣлаетъ цѣлью своей жизни; въ этомъ случаѣ также будутъ нарушены законы физическаго міра.

На эти возраженія слѣдовали новые доводы и примѣры, но мы слѣдить за ними не будемъ. Достаточно сказать, что подавленное естественное чувство походило на тлѣвшую золу, неоднократно пробивалось наружу, и споры, разумѣется, затушить его не могли, а только раздували. Многіе изъ колонистовъ только молчали объ этомъ китѣ, только скрывали его другъ отъ друга, воображая, что ничего не видно подъ покровомъ метафизическихъ разговоровъ. Странныя создавались положенія: одинъ изъ „самыхъ убѣжденныхъ“ толстовцевъ по части безбрачія рѣшилъ жениться; другой, разошедшійся съ женой ради общины, опять съ нею сошелся и уѣхалъ изъ Шавѣева; даже самъ основатель колоніи, не смотря на то, что держалъ себя „съ выдающимся тактомъ“, внушалъ подозрѣнія, тогда какъ послѣднія не должны были бы имѣть мѣста въ бóльшой еще степени, чѣмъ относительно жены Цезаря. Женщины увлекались духовными качествами своего учителя, его вдохновенной рѣчью, умомъ и т. п.; въ началѣ онѣ, повидимому, ухаживали за нимъ, какъ сестры за любимымъ братомъ; но когда между ними установились натянутыя отношенія, когда среди сестеръ этихъ заговорила ревность и пошли капризы и перебранки, тогда стало ясно, что „эпизодъ этотъ не можетъ быть отнесенъ къ области духовной“. Самъ основатель колоніи также держалъ себя какъ то странно: то „казалось, что онъ просто не замѣчаетъ, что за нимъ ухаживаютъ“, но въ то же время напѣвалъ иногда „веселенькіе, совсѣмъ мірскіе куплетики“ и награждался за это „милой улыбкой“ и ласковымъ женскимъ словомъ, то чуть не въ грубой формѣ говорилъ, „что бракъ — животное установленіе“, что семья „тормозитъ духовное развитіе“ и что если сестры выходятъ замужъ, то лучше всего сдѣлать это въ міру, а не въ колоніи, куда люди „собрались не для того, чтобы увеличивать народонаселеніе отечества“. За нимъ замѣ-

чались самомалѣйшія мелочи, вродѣ указанныхъ куплетиковъ, улыбокъ и донъ-жуановскихъ позъ, и все ему ставилось въ строку. Несомнѣнно, что подозрѣнія иногда цѣликомъ падаютъ на подозрѣвающихъ, на счетъ ихъ собственныхъ слабостей, но, какъ изъ пѣсни слова не выкинешь, такъ не выкинешь и изъ очерка, что отношенія его къ женщинамъ „остались для многихъ загадкой".

Къ С., о которомъ мы упоминали выше, пріѣхала жена съ ребенкомъ. Нужно замѣтить, что этотъ С., любя жену и будучи ею любимъ, на третій годъ послѣ женитьбы бросилъ ее, отказался отъ довольно хорошаго имѣнія и ушелъ въ шавѣевскую колонію. Дѣлалось все это изъ принципа. Сколько было „пролито слезъ и вынесено душевныхъ мукъ доброю симпатичною женщиной", не могшею раздѣлять взглядовъ мужа. По всей вѣроятности, мучился и онъ. Это была цѣлая драма. Наконецъ, черезъ годъ, послѣ долгой переписки, она сама пріѣхала въ Шавѣево, чтобы, всмотрѣвшись въ новую жизнь, или остаться тамъ, или еще разъ „попытать счастье—вернуть домой мужа". Пріѣздъ ея былъ встрѣченъ неодобрительно. Съ перваго же дня установилось къ ней, какъ къ мірскому человѣку, „иронически-презрительное отношеніе". „Наиболѣе благоразумные еще соблюдали нѣкоторый тактъ, остальные же въ десяткахъ мелочей повседневной жизни давали понять мірскому человѣку, что его отдѣляетъ отъ общинниковъ цѣлая бездна, и что онъ, по своему умственному складу, даже понять не можетъ ихъ". Чувствовала она себя тутъ „умственно и нравственно приниженной, затертой и заброшенной". Даже говорили съ нею „съ видимой неохотой, и то отрывочными, короткими фразами". Уже по первому пріему она почувствовала свое положеніе „навязчивымъ, тягостнымъ". Готовитъ, напр., толстовка-большуха обѣдъ; наливаетъ въ горшокъ воды, кладетъ капусты и бросаетъ туда кусокъ сала. Жена С. говоритъ, что хорошо было бы заправить капусту мукою и лукомъ.—„Вотъ еще что выдумала! отвѣчаетъ та. Это у васъ тамъ заправляютъ, чревоугодіемъ занимаются". Жена С. говоритъ, что лично для нея „все равно", и что это она такъ сказала, „спроста, думая, что лучше ѣсть вкусное блюдо"; но на это ей отвѣчаютъ: „если ты дѣйствительно такъ думаешь, то напрасно разсталась съ своими котлетами, а мы не расположены потѣшать тѣлеса свои", Другія женщины также обнаруживали „явное недоброжелательство". Авторъ очерка объясняетъ это довольно прозаически, говоря, что самъ С. былъ

молодой человѣкъ, статный, довольно красивый и что поэтому „нѣтъ ничего удивительнаго, если нѣкоторыя толстовки были неравнодушны къ нему". Любя жену и будучи человѣкомъ добрымъ, сердечнымъ, С. очень обрадовался ея пріѣзду, „еще больше былъ радъ видѣть ребенка", но въ первое время стѣснялся проявлять свою радость, чувствовалъ себя какимъ-то измѣнникомъ „принципу общинной жизни". Такъ на него, дѣйствительно, всѣ и смотрѣли. Когда же, оправившись отъ ложной конфузливости, онъ сталъ ласкать ребенка и душевно бесѣдовать съ женой, то произошла разъ такая сцена. Сѣли они въ уголъ и говорятъ, жена всматривается съ любовью въ лицо мужа, а ребенокъ тутъ же возлѣ нихъ весело болтаетъ. Подходитъ одинъ изъ колонистовъ, „величественно останавливается, скрестивъ руки", и говоритъ:

— Вотъ она, плоть-то! Вотъ онъ—грѣхъ-то міра сего!

— Ты что хочешь этимъ сказать? Обличеніемъ, что-ли грѣха нашего хочешь заняться или зависть тебя обуяла?—спрашиваетъ С.

— Зачѣмъ обличать? И чему завидовать?

— Такъ зачѣмъ-же попусту зубы-то чесать...

— Мнѣ грустно, оттого и говорю, грустно за то, что въ жизни нашей движенія плоти взяли перевѣсъ надъ движеніемъ духа, оттого среди насъ и мира нѣтъ.

— Полно, не грусти; а лучше сознайся, что въ твоемъ сердцѣ замѣчается это движеніе плоти. Зачѣмъ хитрить-то? Общинникъ повернулся и отошелъ.

Интересно впечатлѣніе, произведенное жизнью въ колоніи на жену С. На вопросъ мужа по этому поводу, вотъ что сказала она: „Душно у васъ очень; да еслибъ мнѣ одной, это понятно было бы, а то вѣдь и другимъ душно жить, и все-таки почему-то живутъ. А душно, по моему, оттого, что нѣтъ между вами откровенности; собрались все люди разные, и мыслями не столкуются, и характерами не сходятся... Искусственности тутъ много; такая жизнь неестественна"... Кончилось тѣмъ, что С. уѣхалъ съ женою изъ Шавѣева. Колонія потеряла въ немъ „самаго надежнаго и хозяйственнаго работника". Шавѣевскій скитъ, видимо, распадался, но основатель его уходить не хотѣлъ, все еще чего-то выжидалъ, какъ бы употребляя послѣднія усилія спасти свое дѣтище. Полагая, что причина неудачъ заключается въ несоотвѣтственномъ личномъ подборѣ, что не мало среди колонистовъ людей съ неустановившимися взглядами, онъ вызвалъ

нѣкоего П., тоже семейнаго человѣка. Человѣкъ этотъ, „по происхожденію еврей, много мыслилъ и читалъ, много занимался саморазвитіемъ“, такъ что былъ интереснымъ собесѣдникомъ, „способнымъ къ самымъ головоломнымъ размышленіямъ“, но, кромѣ того, онъ „умѣлъ какъ-то сберечь душевную свѣжесть, нравственную порядочность, почти юношеское простодушіе и откровенность“. Словомъ, это былъ „безспорно симпатичный, душевный и искренній толстовецъ, хорошій мужъ и добрый отецъ“; но и онъ нашелъ также, что въ Шавѣевѣ душно и не могъ выжить тамъ болѣе мѣсяца. Онъ уѣхалъ въ одинъ изъ южныхъ городовъ и сталъ тамъ заниматься столярнымъ ремесломъ, а основателю колоніи, Андрею, сказалъ передъ отъѣздомъ, что тотъ „сдѣлаетъ доброе дѣло, если удалится“, потому что личность его тяжело ложится „на порядки и нравственный складъ общины“. Совѣтъ этотъ совпадалъ съ мнѣніемъ другихъ колонистовъ.

Подходила глухая осень, читаемъ мы далѣе въ очеркѣ. Послѣдніе желтые листья шавѣевской рощи слетѣли на землю Погода стояла пасмурная; накрапывалъ мелкій дождикъ. Общинниковъ оставалось въ Шавѣевѣ только 9 человѣкъ... Отношенія между ними настолько обострились, что почти у каждаго залегла мысль уѣхать или уйти оттуда и устроиться гдѣ-нибудь въ другомъ мѣстѣ Андрей ходилъ по хозяйству съ поникшей головой и тяжелой думой. Наконецъ, расхаживая однажды по гумну съ Р., онъ сказалъ ему о своемъ намѣреніи удалиться. Неудача колоніи произошла, по его мнѣнію, отъ соединенія религіозныхъ принциповъ съ экономическими, съ добываніемъ хлѣба, и что это добываніе хлѣба и общинная работа, будто бы, и вносили, главнымъ образомъ, „разладъ въ общину, которая должна была преслѣдовать исключительно духовный интересъ“. Припоминая первыя христіанскія общины, онъ указывалъ на то, что онѣ „о хлѣбѣ насущномъ не думали“, а молились, постились, милосердствовали и покорили весь языческій міръ, и говорилъ: „живущій въ духѣ и истинѣ всегда будетъ пропитанъ, творящій ближнему своему добро не изъ разсчета не будетъ голоденъ, такого человѣка всегда покормятъ“. Хотя это и не совсѣмъ такъ, потому что христіанство, за самыми незначительными исключеніями, труда никогда не отрицало; но не въ этомъ дѣло, такъ какъ мы интересуемся только заключительнымъ мнѣніемъ основателя колоніи. — „Найти истинную форму жизни, — говорилъ онъ, — дѣло трудное... А она, безъ сомнѣнія, есть; быть можетъ,

она скромно пріютилась въ какомъ-нибудь скромномъ уголкѣ, и о ней нѣтъ разговора; свѣтится она тихимъ свѣтомъ, радужнымъ привѣтомъ. Бѣда въ томъ, что мы еще недостаточно ознакомились съ разными формами жизни... Я думаю уйти отсюда; думаю походить побольше, повнимательнѣй всмотрѣться въ жизнь, еще поучиться у жизни“,

Когда остальные узнали, что основатель колоніи уходитъ, то ихъ всѣхъ интересовалъ вопросъ, куда онъ пойдетъ и что будетъ съ хуторомъ. Наступила какая-то выжидательная пауза: „притихло и присмирѣло все, что прежде спорило и шумѣло, выжидая серьезнаго момента въ шавѣевской жизни“. Наконецъ, этотъ моментъ насталъ: выдался хорошій осенній денекъ, и Андрей собрался въ путь. Сборы были короткіе: „надѣлъ онъ поддевку коричневую, на плечи синюю кису, взядъ въ руки попирашку и пошелъ по дорогѣ къ Днѣпру“. Въ послѣднемъ словѣ къ колонистамъ, между прочимъ, было сказано:

— „Еще разъ повторяю вамъ, что я тутъ не имѣю никакой собственности, ни земельной, ни движимой; все, что тутъ есть, принадлежитъ общинѣ, т.-е. тѣмъ, которые будутъ жить здѣсь по ученію Христа. Мое-же все при мнѣ. И какъ я хорошо чувствую себя, имѣя въ кисѣ своей только кусокъ хлѣба на сегодняшній ужинъ! Самая тяжелая ноша есть ноша міра сего, ноша матеріальная. Мнѣ понятно, почему Христосъ сказалъ: „бремя мое легко есть“. Прошу васъ сохранить библіотеку. Въ ней результаты вѣковой человѣческой мысли, въ ней можно найти исторію жизни человѣчества. А знать нужно, какъ много люди страдали и страдаютъ только потому, что избрали ложный путь жизни; такое знаніе удержитъ отъ соблазна міра сего и еще лучше освѣтитъ путь истинный“.

Женщины, сильно огорченныя разлукой, провожали уходившаго настоятеля до дер. Ратниковой. У стараго деревенскаго кладбища, гдѣ подъ кривыми березами торчали покачнувшіеся кресты, усѣлась эта маленькая группа, и уходившій опять говорилъ, что не слѣдуетъ грустить и жалѣть при проводахъ, что чувство это есть продуктъ слабости, что въ духовномъ отношеніи онъ всегда будетъ съ ними, а кромѣ того отъ времени до времени будетъ писать имъ. Равнымъ образомъ и ихъ просилъ писать и добавилъ: „главное же — ведите непрестанно борьбу съ самими собою и не вините никогда брата своего; если я враждую съ ближнимъ своимъ, то всегда я виноватъ, и если бы всѣ люди сознали это, то не было бы мѣста въ мірѣ враждѣ

и всякимъ утѣсненіямъ ближняго". Да, если бы, да кабы... Сколько словъ было сказано и преподано совѣтовъ другъ другу гг. колонистами относительно взаимной любви и міролюбія вообще, и между тѣмъ, ни одна колонія не обошлась безъ вражды, хотя и совершенно особенной—тихой шипучей; но тѣмъ не менѣе вражды настоящей, которая только прикрывалась елейными словами. Напрасно шавѣевцы думали, что если основатель колоніи уйдетъ, то равенство и согласіе сейчасъ же возстановятся. Вышло чуть-ли не наоборотъ. Женщины громко и душевно жалѣли объ ушедшемъ, мужчины угрюмо молчали. Всѣмъ стало ясно, что „общинная жизнь настолько уже разъѣхалась", что нѣтъ возможности склеить ее. Скука, бездѣятельность, отсутствіе цѣли приводили всѣхъ къ желанію поскорѣе уйти съ хутора. Къ этому присоединился еще вопросъ о хлѣбѣ насущномъ: цѣлое лѣто въ колоніи жило около 20 толстовцевъ, которые работали; но хлѣба было наработано такъ мало, что къ октябрю весь урожай новаго года былъ почти уже съѣденъ; оставался только одинъ мѣшокъ муки да часть необмолоченнаго еще хлѣба, который надо было молотить, а работа не шла на умъ. Дѣлали только то, чего нельзя было не дѣлать: кормили 9 коровъ, 4 лошадей, ѣздили за водой на рѣчку, да ходили еще къ сосѣду-доктору, „гдѣ обыкновенно наѣдались до разстройства желудковъ, и гдѣ велись въ сотый разъ одни и тѣ же разговоры о судьбѣ общины и злополучномъ шавѣевскомъ духѣ". Спасибо, Андрей прислалъ изъ К—ска 100 р. Это на время поддержало. Женщины очень о немъ скучали. Дни полученія отъ него писемъ были днями радостей. Онъ писалъ нѣчто вродѣ апостольскихъ посланій, совѣтуя опять то же самое—жить въ мірѣ и любви. „Кто знаетъ,—говорилось въ одномъ изъ писемъ,—быть можетъ, я когда-нибудь зайду къ вамъ въ качествѣ странника и тогда объединю васъ". Въ другихъ письмахъ столь же чувствительно и картинно разсказывалъ онъ „о своихъ странствованіяхъ отъ Волги до Новороссійскаго края" и говорилъ: „были случаи, когда мнѣ отказывали въ кускѣ хлѣба, прогоняли, называли дармоѣдомъ" (вѣроятно, всего этого можно было бы избѣжать, если бы не идти пѣшкомъ, а проѣхать по желѣзнымъ дорогамъ), но были также случаи „и по истинѣ христіанскаго участія". Разсказъ объ убогой хижинѣ, гдѣ старикъ со старухой приняли его, какъ родного сына, причемъ онъ всѣмъ существомъ своимъ почувствовалъ, что среди нихъ былъ Христосъ, „дѣйствовалъ сильно, неотразимо на женщинъ

и заставлялъ думать, что Христа можно и въ мірѣ встрѣтить"... Это, повидимому, было цѣлымъ открытіемъ.

Хотя авторъ очерка и говоритъ, что съ уходомъ иниціатора стало въ Шавѣевской колоніи еще хуже, но, съ другой стороны, мы видимъ и просвѣтленіе мыслей. Въ томъ же очеркѣ говорится, что колонисты начали критически относиться „къ установившемуся въ Шавѣевѣ міровоззрѣнію", что мысль, освободившись отъ внѣшняго вліянія, „стала работать самостоятельнѣе" и „на челѣ толстовца не замѣчалось уже обычной печати спасителя человѣчества". Самые даже разговоры стали жизненнѣе. Конечно, расползавшееся по швамъ дѣло трудно было спасти, но мы почти увѣрены, что если бы раньше оно было поставлено ближе къ жизни, къ дѣйствительнымъ потребностямъ общества и личности, которыя состоятъ вовсе не изъ однихъ только матеріальныхъ интересовъ и нисколько не исключаютъ идеальныхъ, духовныхъ стремленій, то изъ шавѣевскаго поселенія, какъ и изъ другихъ такого же рода попытокъ, могло бы выйти нѣчто лучшее. Относительно идеальныхъ стремленій вопросъ только въ критеріѣ, въ желаніи, чтобы они не ограничивались безплодными пареніями да праздными словесами и не были ретроспективными, а были прогрессивными и проникнутыми дѣйствительною любовью къ ближнему. Вотъ какіе дебаты стали вестись въ колоніи по поводу изолированности ея отъ жизни. Въ то время, какъ одни держались прежняго взгляда, что такъ и должно быть, другіе находили это неправильнымъ и эгоистичнымъ.

— Я тебѣ представлю такой примѣръ,—говорилъ одинъ изъ колонистовъ:—жители одного города съ самой глубокой старины имѣли обычай всѣ свои нечистоты и отбросы оставлять на улицахъ и площадяхъ, отчего тамъ постоянно гнѣздились всякія болѣзни; но жители эти старались только лечить болѣзни, не догадываясь, откуда болѣзни разводятся; а леченіе болѣзней еще больше разрушало здоровье города; очевидно, дѣло тутъ клонилось къ полному уничтоженію гражданъ этихъ. Не разумнѣе ли всего заняться тутъ вывозкою нечистотъ, или же совсѣмъ бросить это гнѣздо заразы и перейти на другое, здоровое мѣсто, чѣмъ безъ толку метаться съ помощью по лазаретамъ и домамъ? Допустимъ, я понялъ, откуда бѣда идетъ, отчего люди тутъ умираютъ; что я долженъ дѣлать? Я долженъ кричать гражданамъ о найденной причинѣ бѣдствій, я долженъ звать ихъ на дѣло очистки города отъ

нечистотъ, и если они не послушаютъ меня или, вѣрнѣе всего, станутъ глумиться надо мною, я беру тогда семью мою, приглашаю съ собою друзей моихъ и переселяюсь на новое мѣсто, чтобы не погибнуть вмѣстѣ съ тѣми гражданами.

— И ты будешь, отвѣчаетъ на это другой,—спокойно сидѣть на новомъ мѣстѣ съ твоими друзьями, зная, что тысячи людей страдаютъ, умираютъ по неразумію своему. Нѣтъ, это будетъ какой хочешь поступокъ, только не христіанскій... Разъ ты созналъ, отчего бѣда завелась въ городѣ, работай и дѣлай тамъ въ этомъ направленіи. Если тебя не послушаютъ старые, воспитай молодыхъ такъ, чтобы они тебя поняли и взялись потомъ за уничтоженіе причины бѣдствій. Наконецъ, возьми въ руки тачку и начни вывозить нечистоты отъ жилища твоего, заведи чистоту въ домѣ твоемъ, будь добрымъ примѣромъ ближнему.

— Но тебѣ не позволятъ нечистоты вывозить; тебѣ скажутъ, что эта навозная масса—историческая необходимость, и что граждане только и могутъ дышать этимъ навознымъ воздухомъ, а отъ чистаго воздуха задохнутся.

— Я и съ этимъ не согласенъ: не будь рѣзокъ, не иди на проломъ, умѣй приспособиться къ условіямъ времени и мѣста, и дѣло тогда найдено будетъ, и добро будетъ сдѣлано.

— Нѣтъ, ужъ это будетъ не добро, а компромиссъ съ жизнью, сдѣлка съ совѣстью; но разъ ты началъ допускать уступки условной жизни, ты потомъ сдѣлаешь цѣлый рядъ невольныхъ уступокъ и, въ концѣ концовъ, станешь выть съ волками. („См. В.“ № 101, 91 г.).

Передъ вами, какъ видите, живой разговоръ, два взгляда, которые ничего туманнаго въ себѣ не заключаютъ и не ограничиваются вовсе однимъ только навозомъ, а касаются и высшихъ вопросовъ: науки, просвѣщенія, развитія, правъ личности и общества и т. д.

Тяжелѣе всего былъ финалъ Шавѣевской колоніи. Прежде всего дали чрезвычайно суровый и памятный урокъ крестьяне дер. Машина, которымъ колонисты не сумѣли внушить къ себѣ ни уваженія, ни серьезнаго расположенія, и которые продолжали смотрѣть на нихъ, какъ на добрыхъ, простыхъ господъ. Какъ только узнали они, что хозяинъ хутора ушелъ, бросилъ его, не скоро возвратится, а можетъ и совсѣмъ откажется отъ земли („потому у нихъ вѣра такая: ежели что касательно души ничѣмъ не подорожатъ“), такъ и потянулись въ Шавѣево просить дровъ, лѣсу, старыхъ колесъ, саней, денегъ, одежды. Одна баба просила на похороны дочери, которая и не думала умирать; другіе изобрѣтали другія нужды. Помогать было нечѣмъ, потому что колонисты сами нуждались; приходилось отдавать необходимое. Стали обсуждать вопросъ о благотворительности, т.-е. помогать или нѣтъ, а пока шло это обсужденіе, число просителей не уменьшалось. Одинъ, выпросивъ, напр., сѣделку, уходилъ, а вслѣдъ за нимъ сейчасъ же отворялись двери и опять слышалось: „сдѣлайте божескую милость“... Назойливость этихъ просителей ускорила отъѣздъ еще двухъ колонистовъ. Колонисты положительно не знали, что дѣлать: и помогать-то имъ хотѣлось, и „приводилъ въ смущеніе видимый нападъ просителей“. Нѣкоторые стали прятаться, избѣгать встрѣчи съ крестьянами, но тѣ словно охотились на нихъ, какъ на дичь, выслѣживали ихъ, разыскивали въ хатахъ, на гумнѣ и снова запѣвали: „сдѣлайте божескую милость не откажите“... Что-то *недоброе, зловѣщее*, слышалось въ этомъ систематическомъ хныканьѣ и завываньѣ просителей. Нѣкоторыя просьбы были такъ назойливы, что казались колонистамъ „издѣвательствомъ надъ святымъ принципомъ ученія, и это глубоко огорчало ихъ“. Когда же вновь прибывавшій въ Шавѣево, нѣкто, Б., имѣлъ мужество объявить, что помогать нечѣмъ и что благотвореніе прекращается, то вышло слѣдующее: машинцы разломали замокъ на дверяхъ въ библіотеку и сдѣлали тщательный обыскъ въ письменномъ столѣ. Искали, по всѣмъ признакамъ, денегъ, такъ какъ среди крестьянъ ходила молва, что въ Шавѣевѣ запрятана неисчислимая казна, что колонисты „только прикидываются бѣдняками, а на самомъ же дѣлѣ они богачи страшные“. Они же проложили еще по первой порошѣ тропу къ окну заброшеннаго барскаго дома, гдѣ раскиданы были коекакія вещи и, между прочимъ, лежалъ чемоданъ удалившагося основателя колоніи съ тонкимъ голландскимъ бѣльемъ: „все это машинцы растащили“. Въ это время въ Шавѣевѣ находились только двое колонистовъ (мужчина и женщина); третій былъ Б., котораго они своимъ не считали. Было страшно ночевать, ночью обыкновенно крѣпко запирались. Совсѣмъ Шавѣево опустѣло. „Одинъ только небольшой слѣдокъ тянулся отъ Днѣпра къ хутору. Метель засыпала притихнувшую колонію, гдѣ изрѣдка пройдетъ отъ пуни по двору субъектъ, изображающій интеллигента, или же покажется у днѣпровской проруби батракъ съ

большой бочкой". Вѣроятно, отъ скуки, а, можетъ быть, отчасти и отъ страха оставшійся толстовецъ, И—чъ, и толстовка Т., поженились и собрались ѣхать на Кавказъ, гдѣ И—чъ „выпросилъ" у какихъ-то своихъ „бывшихъ патроновъ" клочекъ земли. Новобрачные ждали только отъ нихъ 300 р. на дорогу. Наконецъ, уѣхали и они, и остался въ Шавѣевѣ только Б. съ нанятымъ за 3 р. въ мѣсяцъ работникомъ. Крестьяне думали, что съ удаленіемъ хозяевъ хуторъ и земля перейдутъ, на тѣхъ или другихъ основаніяхъ, къ нимъ: земля эта, дѣйствительно, была имъ съ руки (деревня находилась только въ 60 саж. отъ Шавѣевскаго хутора) и безъ нея было имъ трудно. Хотя и не вполнѣ, но отчасти по ихъ и вышло: пріѣхалъ Андрей, распродалъ лошадей, а землю и хуторъ со скотомъ отдалъ крестьянамъ на 1 годъ въ даровое пользованіе „съ тѣмъ, чтобы они сберегли имущество, постройку, библіотеку, лѣсъ и проч. и засѣяли столько озимаго хлѣба, сколько получили сами". Нѣкоторые изъ колонистовъ нашли, что поступилъ онъ непослѣдовательно. Таковъ финалъ Шавѣевской колоніи. Всѣ ушли, осталась одна только проживающая неподалеку отъ Шавѣева ярая послѣдовательница, которая, какъ Диккенсовая лэди Гавишамъ (въ „Богатыхъ ожиданіяхъ"), все еще вѣритъ, что Андрей возвратится и опять устроитъ общину на болѣе прочныхъ началахъ.

Нельзя не остановиться еще на Буковской колоніи, существовавшей нѣкоторое время по сосѣдству съ смоленскимъ имѣніемъ покойнаго А. Н Энгельгардта—Батищево. Объ этой колоніи мы находимъ нѣкоторыя свѣдѣнія: во первыхъ, въ книжкѣ г. А. Мертваго „Не по торному пути" (СПБ. 1895 г.), а затѣмъ болѣе подробное описаніе въ статьѣ „Буковскій интеллигентный поселокъ", напечатанной въ журналѣ „Новое слово" (1895 г.) и принадлежащей перу Николая Энгельгардта, сына Александра Николаевича. Поселку этому, основанному его учениками, работавшими у него въ Батищевѣ, предназначалось, повидимому, играть нѣкоторую преемственную роль въ дѣлѣ сохраненія его идеаловъ и практическаго осуществленія ихъ, въ видѣ интеллигентной деревни, которая должна была продолжить начатое въ Батищевѣ. А. Н. Энгельгардтъ не разъ высказывалъ опасеніе, что послѣ его смерти погибнетъ и Батищево, гдѣ многое было ему дорого: онъ производилъ тамъ не только агрономическіе опыты, имѣвшіе серьезное общественное значеніе и предназначенные къ понятію русскаго сельскаго хозяйства,

но и пытался создать практическую академію труда, которая должна была перердить культурнаго человѣка и направить его дѣятельность къ болѣе счастливой и полезной жизни. — Вотъ при какихъ условіяхъ создалась Буковская община.

„Буково—деревня и небольшое помѣстье, принадлежавшее двумъ владѣльцамъ. Часть, купленная поселенцами, нѣкогда принадлежала мелкопомѣстной барынѣ. Когда-то у нея отлично шло хозяйство. Было много птицы, гусей, утокъ, домъ — полная чаша. Послѣ ея смерти имѣньице перешло къ мѣстному попу, который его въ конецъ разорилъ, а отъ него къ общинникамъ. Другой участокъ принадлежалъ дворянину, давно превратившемуся въ мужика и жившему въ деревнѣ. Такихъ дворянъ-мужиковъ много въ Смоленской губерніи. Когда ѣдешь, напр., въ Бѣлый, то по тракту встрѣчаешь поселокъ, носящій названіе „Комары". Обитатели его все графы, они-же и горшечники. Земля буковской барыни и помѣщика вся къ тому времени поросла кустами и всецѣло принадлежала къ... безпредѣльной области „пустошей" *). Относительно земли послѣдняго находимъ нѣсколько строкъ и въ „Письмахъ изъ деревни" А. Н. Энгельгардта, который говоритъ, что у него на землѣ ничего не было, кромѣ кабачка, который держалъ безсрочно отпускной уланскій вахмистръ... И вотъ, съ марта 1882 г., эта одичалая земля, гдѣ всюду торчали пни и лѣзла молодая поросль, „была заарендована батищевскими „тонконогими" —„Капитаномъ", Иваномъ и еще нѣкоторыми лицами".

„На первый разъ они купили у дьячка съ постройкой вмѣстѣ навозъ и принялись распахивать старое буковское поле. Піонеры помѣстились въ вышеописанной крохотной 8-аршинной избенкѣ, гдѣ прежде былъ кабакъ. Разгородили избу перегородкой, за которой помѣстились „капитаны", а въ передней части помѣстились холостые. Тутъ-же была свалена сбруя, плуги, бороны и хрюкалъ поросенокъ. Къ избѣ прилегали сѣни, а въ нихъ стояли три лошади. Вотъ и все помѣщеніе, вся постройка" (ib. с. 27).

Буковскій поселокъ былъ послѣднимъ изъ попытокъ такого рода, дѣлавшихся по идеѣ А. Н. Энгельгардта — создать трудовую деревенскую общину, которая могла-бы служить образцомъ не только высшей формы хозяйства, но и высшей формы жизни. Попытокъ такого рода не слѣдуетъ смѣшивать съ коло-

*) „Буковскій интел. поселокъ" „Н. Сл." № 3, 1895 г. ст. 26.

ніями толстовцевъ, хотя и ихъ преслѣдовали тѣ же неудачи и конечные результаты у тѣхъ и у другихъ были одинаковы. Буковская попытка была послѣдней. Кромѣ нея было еще двѣ, описанныя Н. Энгельгардтомъ въ „Книжкахъ. Недѣли“ 1895 г. (мартъ—іюль, ст. „Батищевское дѣло“).

„Въ тѣ годы, говоритъ онъ, когда создавалась буковская община, когда въ Батищево хлынула волна отзывчивой, горячей молодежи, когда тамъ вѣрилось и легко дышалось въ этой идейной атмосферѣ, въ тѣ годы отвѣтовъ у молодежи могло быть два: одни желали скораго подвига, и такихъ было большинство; другіе мечтали о подвигѣ тихомъ, о дѣятельности среди народа, и, конечно, Батищево было далеко не единственнымъ центромъ, гдѣ зрѣло это направленіе. Буковскіе піонеры были прежде всего энтузіасты; правда, трезвый взглядъ самого Энгельгардта, при его громадномъ жизненномъ опытѣ, умѣрялъ этотъ порывъ, но и самъ онъ прежде всего *вѣрилъ* и жилъ этою вѣрою“. Онъ помогалъ буковцамъ и матеріально, и знаніями и совѣтомъ. Онъ то сидитъ и составляетъ длинный и подробный „организаціонный планъ буковскаго хозяйства“, то осматриваетъ ихъ поля и говоритъ, что и гдѣ нужно сдѣлать, то толкуетъ съ колонистами объ общихъ основаніяхъ такого рода колоній и т. д. Вообще, онъ вкладывалъ въ это дѣло всю душу и входилъ во всѣ интересы общины, которые были ему не менѣе близки, чѣмъ и самимъ колонистамъ.

„Личный составъ буковскаго поселка въ первое время былъ таковъ: „капитанъ“ и товарищъ его, нынѣ покойный „дикій капитанъ“, получившій такое прозваніе за крайнюю мрачность характера, но человѣкъ, въ сущности, добрѣйшій, вѣчно занятый біологіей Спенсера и писавшій какое-то ученѣйшее сочиненіе, которое, однако, такъ и погибло. Иванъ—главный заправила. Затѣмъ, къ слѣдующей веснѣ примкнули Владиміръ съ женой и Константинъ. Первый, сынъ богатаго помѣщика, красавецъ-полякъ, женившійся на „тонконожкѣ“. Второй—бывшій „лѣсникъ“. Затѣмъ нѣкто Филиппъ, нервный юноша, энтузіастъ. Собралось всего 12 человѣкъ. Успѣхъ превзошелъ ожиданія. Собралась артель отличныхъ работниковъ, на первыхъ порахъ дружная, согласная... Простая цѣль—работать и кормиться трудами рукъ своихъ—объединяла всѣхъ. Относительно этого никто не спорилъ“ *).

*) „Нов. Сл.“, № 4, 1896 г.

Весной скотину изъ сѣней перевели въ хлѣва, купили навозу для удобренія и принялись за хозяйство. Кругомъ усадебки стояли старыя березы—остатокъ вырубленной когда-то на дрова рощи. Около разбили огородъ, гдѣ скоро появились капуста, бураки, огурцы.

Вотъ какое впечатлѣніе произвело весной 1882 г. буковское хозяйство на г. Мертваго, когда онъ его осматривалъ съ А. Н. Энгельгардтомъ.

Проѣхавъ батищевскія поля, разсказываетъ онъ, мы „въѣхали въ сплошную заросль выпустошеннаго лѣса.,. Лишь только мы переѣхали межу, разговоръ нашъ получилъ другой характеръ. Здѣсь всякое хозяйственное замѣчаніе создавало само по себѣ тему для разговора, такъ какъ впечатлѣнія воспринимались сознательно и надъ ними работала вся голова, а не одни глаза, какъ то было въ батищевскомъ хозяйствѣ, гдѣ всякій шагъ давно изученъ, и глазъ помимо воли дѣлаетъ свои наблюденія надъ всѣмъ, что уклонилось отъ выработанной формы“.

„...Здѣсь, если подчистить кусты, будетъ отличный покосъ... а вотъ эту заросль можно на лѣто вырубить—хорошая горочка... а эту низину можно поправить, сдѣлавъ канаву... Вотъ этотъ покосъ трудно сохранить, пока будутъ кусты, отъ потравы, такъ какъ межа крестьянская прямо къ нему подходитъ“...

„Такимъ образомъ, разбирая въ деталяхъ условія будущаго хозяйства, проѣхали вдоль всего арендованнаго имѣнія, состоявшаго изъ 78 десятинъ пустошей и 5 десятинъ истощенной льнами пахатной земли. На этой послѣдней былъ посѣянъ овесъ, который вышелъ, какъ можно было и ожидать, плохъ; проѣхавъ мимо овса, очутились на пашнѣ, обработанной подъ рожь; тщательность обработки поднятой залуженной земли обѣщала и въ послѣдствіи оправдала великолѣпный урожай ржи“.

„Эта земля подходила подъ окна только что поставленной избы, которая была связана сѣнями со старой избенкой, служившей нѣкогда кабакомъ; къ избамъ примыкали строившіеся для скота и корма сараи, а за всѣми этими постройками опять начиналась пашня только что поднятой пустоши. „Американцевъ“ не нашли дома. „Капитанша“ собирала гдѣ-то на пустошахъ щавель для щей, а мужчины всѣ были на разработанной пустоши, которую двое тщательно раскварживали боронами и старались разбить ими упрямую дернину, одинъ

же подчищалъ кусты, межующіе съ пашней. Пріятно было смотрѣть на ихъ работу, да они всѣ, видимо, работали съ удовольствіемъ“ *).

Вотъ что говорилъ въ это время А. Н. Энгельгардтъ о буковцахъ, когда г. Мертваго спросилъ его объ ихъ общинѣ:

— „Община, деревня или артель, это неизвѣстно еще что будетъ—дѣло не въ кличкѣ; дѣло въ томъ, что *работаютъ* и работаютъ великолѣпно. Нужно дѣло дѣлать, а не сидѣть надъ „вопросами“ и мучиться. Имъ тяжело было жить, обманывая себя своей самостоятельностью, они хотѣли жить такъ, чтобы непосредственно видѣть возможность жить результатами своей работы, и они принялись добиваться своей цѣли, и если такъ будетъ дѣло идти, то добьются и когда-нибудь не только создадутъ хозяйство въ Буковѣ, но можетъ быть дѣло разростется и возьмутъ на себя Батищево, и тогда я увѣренъ, что все, что я сдѣлалъ въ Батищевѣ, не пропадетъ также, какъ не можетъ пропасть то, что создается монастыремъ; личная собственность не дастъ гарантій преемственности, а общественная дѣятельность безлична и потому при ней преемственность болѣе обезпечена...“ **)

Улучшилось скоро положеніе колонистовъ и въ другомъ отношеніи. За дорогой отъ избушки на курьихъ ножкахъ, гдѣ они жили, раскидывалась „попова земля“, на которой виднѣлся старый барскій домикъ и кое какія постройки. Земля эта, при денежномъ содѣйствіи капитана, скоро была куплена, что дало возможность помѣщаться женатымъ въ домѣ, а холостымъ —въ избѣ. Стало, такимъ образомъ, просторнѣе, а съ прибавкой земли прибавилось и работы. „Вся эта земля находилась въ одной межѣ съ Батищевымъ, и Ал. Н. Энгельгардтъ, ежедневно объѣзжая свое хозяйство, заѣзжалъ и къ буковцамъ“.

На второй годъ поселокъ имѣлъ, такимъ образомъ, главныя необходимыя постройки, лошадей, коровъ и инвентарь. Земли было „дворянской“ 83 дес. и вновь купленой „поповской“ —30 десятинъ. Пахоты было около 20 дес., лугу 5, остальная земля, хотя и была подъ кустами, но на лужайкахъ и полянкахъ можно было косить сѣно и пасти скотъ. „Кромѣ того, смежная съ Батищевымъ пустошь была готова къ пахотѣ, и буковцы заарендовали облогу въ Батищевѣ“. „Можно смѣло сказать, говоритъ г. Н. Энгельгардтъ, что поселокъ былъ обставленъ неизмѣримо лучше, чѣмъ уфимскіе поселки“, и хозяйственный второй годъ буковскаго поселка закончился *блестяще*: урожай былъ превосходный, рожь по нови дала великолѣпный урожай, которому могли бы позавидовать приусадебныя десятины въ любомъ хозяйствѣ; яровое уродилось хорошо; ленъ родился высокорослый, цѣнный, отлично вылежался; сѣна было накошено на 7 штукъ скота. Итоги превзошли лучшія надежды. Буково кипѣло жизнью. На томъ мѣстѣ, гдѣ всего два года тому назадъ былъ пустырь, „ширилось и строилось сложное хозяйство. Дружная, веселая артель изъ 10 молодцовъ работала съ пѣснями отъ зари до зари. Казалось, мечта А. Н. (Энгельгардта) осуществляется“.

*) „Не по торному пути“, с. 168—9.

**) Ib, стр. 167.

Между прочимъ, насколько онъ въ это время вѣрилъ въ будущее Буковскаго поселка, доказываетъ его желаніе поступить въ общину „внѣшнимъ“ членомъ. Въ бумагахъ его сохранился слѣдующій проектъ такого поступленія, который приводится его сыномъ въ цитируемой нами статьѣ *):

„1) Пользуюсь правомъ голоса въ общинѣ и имѣю право участвовать во всѣхъ ея собраніяхъ, но участіе въ собраніяхъ для меня необязательно. Всѣ рѣшенія собраній, вошедшія въ законную силу, т.-е. рѣшенныя требуемымъ числомъ голосовъ, точно формулиророванныя и занесенныя въ журналъ, для меня обязательны. 2) Пока я не живу въ общинѣ и занимаюсь своими дѣлами внѣ общины, всѣ мои внѣшнія дѣйствія контролю общины не подлежатъ. Дѣйствія же мои, какъ члена общины, подлежатъ ея контролю. 3) Такъ какъ я не участвую въ работѣ своимъ личнымъ трудомъ, то обязанъ вносить въ общину ежегодно опредѣленную сумму. Эту сумму я долженъ вносить въ опредѣленный срокъ и затѣмъ уже могу быть членомъ, *въ качествѣ старика* или *немощнаго для работы члена*. (Могу внести заразъ всю сумму) 4) Какъ только пожелаю, могу поступить во внутренніе члены общины, но долженъ продолжать вносить плату до истеченія срока, когда *записываюсь въ старики*. Затѣмъ, община должна меня содержать по смерть. *Вступивъ во внутренніе члены, душою и тѣломъ посвящаю себя общинѣ и никакими внѣшними дѣлами не занимаюсь, никакого имущества внѣ общины не имѣю*“.

Проекту этому, однако, не суждено было осуществиться. Успѣхъ Буковской общины былъ тѣснѣйшимъ образомъ связанъ

*) „Буковскій интел. поселокъ“, стр. 22—23, „Н. Сл.“, № 4, 1896 г.

съ такими внутренними дефектами, которые скоро вызвали ея разложеніе.

Прежде всего, по точному подсчету хозяйственнаго прихода и расхода, оказалось, что прихода еле хватаетъ на точные расходы, тогда какъ для поддержанія хозяйства и увеличенія живого и мертваго инвентаря требовалось еще не менѣе 1500 р. которые приходилось занимать. Но не въ этомъ дѣло: деньги какъ-нибудь можно было достать, а были „болѣе глубокія причины“, которыя „тайно подтачивали общину и готовили внезапное и плачевное ея разложеніе“. Въ хозяйственномъ отношеніи не всѣ могли какъ слѣдуетъ работатъ, а нѣкоторые предпочитали отлынивать отъ работъ, проживая въ столицахъ и разъѣзжая по теплымъ краямъ; никто не зналъ ремеслъ, вслѣдствіе чего никакимъ промысломъ, какъ подсобнымъ источникомъ средствъ, нельзя было заняться, благодаря чему зимнее время совсѣмъ пропадало, а учиться ремесламъ было уже поздно; хорошей хозяйки, которая такъ много значитъ въ деревенскомъ дѣлѣ, совсѣмъ не было, а распорядителя хозяина изъ общинниковъ „не хотѣли слушаться“ и „вообще, свободу понимали въ видѣ произвола“. „Не имѣлъ нравственнаго авторитета въ общинѣ“ и А. Н. Энгельгардъ, говоритъ его сынъ, даже „болѣе того, посѣщенія его бередили самолюбіе буковцевъ, совѣты и указанія стали приниматься, какъ досадное вмѣшательство въ чужія дѣла“. Такъ какъ онъ не работалъ и не могъ самъ взяться за плугъ, то оставался попрежнему „бариномъ“... „Барами по отношенію къ Букову являлись и „капитаны“, проживавшіе въ Петербургѣ. А между тѣмъ, и отъ нихъ, и отъ А. Н. буковцы матеріально зависѣли“... Въ концѣ концовъ, создалось такое положеніе: Иванъ, человѣкъ энергичный, самолюбивый и отличный работникъ, оказался во главѣ дѣла и всѣмъ распоряжался; за это на него роптали, но предпринять и сдѣлать что надо цѣлесообразное въ этомъ смыслѣ—не могли. Затѣмъ, поселокъ развивался на средства одного изъ членовъ, который, однако, активнаго участія въ дѣлѣ не принималъ и „постоянно находился въ отъѣздѣ“. Невольно являлась мысль, что онъ вернется къ прежней интеллигентной жизни, а отсюда являлись вопросы и опасанія: въ какое положеніе станутъ къ нему члены, должны-ли будутъ отдать ему, какъ владѣльцу, все хозяйство, или онъ откажется отъ него въ пользу общины и она будетъ выплачивать ему свой долгъ? Далѣе: часть земли была арендована на имя Ивана, а постройки на ней были сдѣланы на средства капитана. Послѣдній, „по семейному положенію“, долженъ былъ отказаться отъ участія въ дѣлѣ, но отъ собственности въ пользу общины не отказывался, и мало того, что не отказывался, но желалъ даже управлять ею, осуществлять въ ней „идеалъ жизни на землѣ, самъ живя въ городѣ“. Иванъ стоялъ за общинныя начала, капитанъ за артельныя; тотъ желалъ соблюденія принципа жизни „трудами рукъ своихъ“, чтобы избѣжать наемныхъ рабочихъ, а „капитанша“, по слабости здоровья, не могла работать и приходилось нанимать *бабу* для печенія хлѣба и держать постоянную работницу. Вопросъ: на кого работаютъ буковцы и что изъ всего этого выйдетъ, не могъ ихъ не безпокоить и не порождать недоразумѣній, подозрѣній, недовольства и т. д. Вотъ что говоритъ г. Мертваго, видѣвшій колонію въ это время:

„Рознь въ поселкѣ почувствовалась только съ осени 1882 г., когда „капитаны“ поѣхали въ Петербургъ на зиму“. Теперь Иванъ представлялъ большинство и былъ единственнымъ изъ основателей поселка, а потому считалъ себя вправѣ принимать новыхъ членовъ. Зимою поселокъ быстро увеличился, и въ него прибавились новые члены, незнакомые съ „капитанами“ и уже за зиму привыкшіе на нихъ смотрѣть, какъ на людей, отъ которыхъ будущность поселка зависитъ матерьяльно, Новая молодежь желала работать и вѣрила въ то, что заработаетъ свое существованіе, но то не принималось въ разсчетъ, что *хозяйство живетъ работою прошлаго года* и что результатами труда трехъ работниковъ надо будетъ содержать 11 человѣкъ.

„Несмотря на малыя потребности, несмотря на то, что костюмъ членовъ состоялъ изъ крестьянскаго платья и, слѣдовательно, былъ не изъ дорогихъ матерьяловъ, несмотря на то, что всѣ курили махорку и почти не пили чаю, расходъ на содержаніе 11 человѣкъ обходился довольно дорого и, конечно, превышалъ то, что получено было съ 4 дес. ржи и десятинъ 8 ярового, которыя должны были удовлетворить бюджету 1883 года“.

Когда у капитана „деньги изсякли“, пришлось дѣлать заемъ, но это служило только временной поддержкой и отсрочкой того, что должно было случиться: первоначальной связи между членами уже не было; нуженъ былъ наемный трудъ и для уборки хлѣба и для молотьбы, а въ концѣ концовъ, по словамъ Н. Энгельгардта, „поселокъ оказался состоящимъ изъ лицъ, имѣю-

щихъ каждый свои взгляды на жизнь и мечтающихъ о своихъ формахъ осуществленія на практикѣ жизни своимъ трудомъ“.

„Приходилось, говоритъ онъ, подвести итоги. Результаты дебатовъ были печальные. Поставили вопросъ: быть ли поселку общиной или артелью? Холостые стояли за общину, женатые—за артель. Режимъ жизни предлагался столь суровый, что женатые члены общины не могли на это пойдти. Жены постоянно были больны и требовали доктора. Дѣтей тоже предполагалось завертывать, по меньшей мѣрѣ, въ „валансьенъ“... Дѣло кончилось тѣмъ, что двое семейныхъ;—капитанъ и Владиміръ, въ концѣ 1883 года, вышли изъ членовъ. Иванъ de facto становился хозяиномъ всего. Но рознь отъ этого не уменьшилась. Члены злобились другъ на друга и на Ивана и выражали свой протестъ молчаливымъ уходомъ въ Батищево къ А. Н. или отъѣздомъ въ свои края... Члены общины выходили одинъ за другимъ, и къ 10 янв. 1884 г. оставалось двое: Иванъ и Филиппъ, да одинъ изъ вышедшихъ членовъ оставался въ „батракахъ“, ожидая свѣтлаго будущаго... Въ началѣ мая вышелъ изъ общины Филиппъ, и остался одинъ Иванъ, какъ Марій на развалинахъ Карѳагена“ *).

А. Н. Энгельгардтъ все еще думалъ спасти буковскую общину. Къ послѣднимъ днямъ ея относится очень интересное его письмо (отъ 6—V 84 года) къ капитану. Разсказавъ въ восторженныхъ выраженіяхъ о блестящемъ состояніи буковскихъ посѣвовъ: „рожь—чудо какъ хороша, верхъ совершенства; по общему отзыву, это лучшая рожь въ округѣ“ и т. д., онъ говоритъ:

„Но ужасно прискорбно думать, что все это добро можетъ пойдти прахомъ, въ ту прорву, какую представляетъ Буково. Поэтому вы можете себѣ представить, какъ обрадовался я, получивъ ваше послѣднее письмо, изъ котораго вижу, что вы съ охотой вернулись бы въ Буково. Я думалъ, что васъ привлекаетъ именно Крымъ или что другое, а Буково кажется нестоющимъ вниманія,—думалъ это потому, что вы такъ рѣзко порвали дѣло, не оставили себѣ заручки и уступили такъ легко право на аренду, чѣмъ передали, такъ сказать, въ единыя руки все имущество, по крайней мѣрѣ, по закону. Я не хочу этимъ бросать какую-либо тѣнь на Ивана относительно его честности, но всѣ люди смертны: заболѣй, умри

*) „Буков. интел. поселокъ“, „Н. Сл.“, 1896 г.

Иванъ, мировой судья наложитъ запрещеніе на все буковское имущество, и оно поступитъ наслѣдникамъ Ивана. Ну, да это уже все сдѣлано, и говорить объ этомъ нечего много. Вы пишете, чтобы я переговорилъ съ буковцами, но я считаю это пока невозможнымъ, т. к. не знаю вашихъ плановъ относительно Букова, не знаю, на какое вы пойдете соглашеніе... Все это можно рѣшить только въ вашемъ присутствіи. Поэтому самое лучшее мнѣ подождать вашего пріѣзда: обдумайте и рѣшите все; затѣмъ пріѣзжайте сюда и дѣйствуйте, но, пожалуйста, не назначайте себѣ короткаго срока пребыванія здѣсь, не спѣшите, какъ спѣшили покончить въ январѣ. Главное же обдумайте все обстоятельство... напередъ. Жить, конечно, будете у меня. Помѣщенія довольно. Имѣйте въ виду, что въ послѣдней трети мая я ѣду на геологическую экскурсію въ Рославскій уѣздъ. Хотя, впрочемъ, это не помѣшаетъ мнѣ, когда нужно, тотчасъ же пріѣхать... Теперь о положеніи Букова. Отчетности и вообще письменности никакой. Деньги всѣ у Ивана, который продаетъ, покупаетъ, мѣнеетъ, и никто не знаетъ что есть. Хозяйствомъ распоряжается Иванъ, и никто ничего не знаетъ, что и какъ. Филиппъ говорилъ, что Иванъ послѣднее время сталъ съ нимъ совѣтоваться, но или Иванъ неясно все объясняетъ Филиппу, или Филиппъ неясно понимаетъ,—только поминутно встрѣчаются противорѣчія. Денегъ у буковцевъ нѣтъ, хлѣбъ тоже на исходѣ, солому продали не только яровую, *но и ржаную* (200 пуд. по 10 к.), оставшіяся сѣмена клевера продали. Покосы въ кустахъ и въ нижней части рва сдали съ половины, жнитво ржи сдали бабамъ, ленъ сѣютъ съ половины на особыхъ условіяхъ. За всѣ работы предполагаютъ платить натурой изъ будущаго хлѣба. Между тѣмъ, опять все обгораживаютъ около дома тщательно. Для пастьбы лошадей наняли пастушка. Дружбы, даже простой пріязни и довѣрія между членами нѣтъ. Нѣтъ даже равнаго распредѣленія работъ; Константинъ и Филиппъ преимущественно заняты черной работой, городьбой и пр. По моему мнѣнію, въ Буковѣ происходитъ полное разложеніе, какъ въ нравственномъ, такъ и въ матерьяльномъ отношеніяхъ, и я не вижу никакого свѣтлаго луча. Новыхъ лицъ не прибываетъ. Поступилъ, было, одинъ купеческій сынокъ изъ Влад. губ., но пробылъ недолго, перешелъ жить къ Ж—ву и похаживаетъ въ Буково работать—изгороди городить. Отъ скуки же поторговываетъ,

продаетъ топоры, пилы, косы, выписанные имъ изъ Москвы (дома онъ торговалъ скобянымъ и прочимъ желѣзнымъ издѣліемъ). Другой поступившій, нѣкто К..., тоже мало подаетъ надежды. Да и вообще, при такомъ отношеніи къ дѣлу... безъ отчета, безъ взаимной дружбы и пріязни, безъ ясно опредѣленной цѣли, что же можетъ быть? Еще тонконогихъ не поступало.

Изъ мужчинъ никого почти и въ виду нѣтъ, по крайней мѣрѣ нѣтъ никого надежнаго. Женщинъ есть нѣсколько желающихъ поступить, но что женщины! утлые сосуды!...»

А. Э.

„Милый дорогой капитанъ“ котораго призывалъ А. Н. для спасенія Букова, пріѣхалъ; но пробылъ у него всего лишь три дня и уѣхалъ въ Крымъ, оставивъ его „своимъ довѣреннымъ по буковскимъ дѣламъ“ и уполномочивъ дѣйствовать, какъ ему заблагоразсудится... Изъ другаго письма А. Н. (отъ 8/V 1884 г.) узнаемъ, что онъ совѣтовалъ „капитану повести хозяйство, взявъ на себя постройки, инвентарь и всѣ долги, т. е. освободивъ другихъ буковцевъ отъ личнаго долга“. „Понятно, добавляетъ онъ, что я о своихъ деньгахъ не забочусь: потеряемъ съ капитаномъ по тысячкѣ, куда ни шло“. Говорилъ онъ затѣмъ и съ Иваномъ, сообщивъ ему о своихъ полномочіяхъ и совѣтуя продолжать дѣло колоніи на тѣхъ началахъ, какія были положены въ основу ея устройства, причемъ высказывалъ увѣренность, что, при правильномъ, разумномъ хозяйствѣ и точной отчетности, не только будетъ возможность уплатить личные долги, но и довести колонію до цвѣтущаго состоянія. Изъ разговоровъ этихъ, однако, ничего не вышло, какъ краснорѣчиво ни говорилъ А. Н. о необходимости для такого рода колоній „высоко держать свое знамя“, „понимать свое значеніе и строго держаться своихъ основныхъ принциповъ“; а кончилось дѣло весьма прозаично: „Въ сентябрѣ 1884 года пріѣхалъ „капитанъ“, и, принявъ хозяйство у Ивана, завелъ батраковъ и повелъ хозяйство обычнымъ путемъ. Иванъ тоже усталъ и разочаровался. Онъ ушелъ, и пучины русскаго моря поглотили его... Общины не стало“ *).

А вотъ и ликвидаціонный ея документъ, писанный рукою самого А. Н. Энгельгардта, который рисуетъ, какъ матерьяльную сторону, такъ и тѣ основанія, на какихъ была произведена ликвидація:

*) Ib. стр. 26.

„За выбытіемъ въ декабрѣ 1883 года изъ буковскаго товарищества четырехъ членовъ, была произведена общимъ собраніемъ товарищей (28 декабря 1883 г.) оцѣнка остающагося имущества и признано, что это имущество стоило 2,000 р., а такъ какъ всего было затрачено на буковское дѣло денегъ 4,200 рублей, то постановленіемъ товарищей было признано считать 2.200 р. безвозвратно потраченными, прожитыми, и уплата этихъ 2.200 руб. была возложена, въ видѣ личнаго долга, на 6-рыхъ, товарищей: 2 капитановъ, Ивана, Филиппа, Константина и Александра въ равной суммѣ на каждаго.

„По постановленію товарищей 5 января 1884 г., Иванъ и Филиппъ остались продолжать въ Буковѣ дѣло, согласно программѣ, выработанной Иваномъ и капитаномъ, при чемъ аренда земли переведена на одного Ивана, такъ какъ Филиппъ, по несовершеннолѣтію, не могъ быть внесенъ въ контрактъ. Иванъ и Филиппъ должны были продолжать дѣло, *пока не убѣдятся въ невозможности его вести*, и тогда производятъ ликвидацію, уплачивая 2.000 р. долга, обезпеченнаго принятымъ ими имуществомъ.

„Въ Іюнѣ 1884 г. Филиппъ оставилъ дѣло и затѣмъ выбылъ изъ Букова, заявивъ „капитану“, что въ случаѣ, еслибы при ликвидаціи, которая необходимо должна быть произведена за выбытіемъ одного изъ 2-хъ товарищей, которымъ было поручено дѣло, оказалось, что буковское имущество не покроетъ долга въ 2.000 руб., то онъ, Филиппъ, уплатитъ причитающуюся на его долю часть недостающаго. 21-го сент. 1784 г. была произведена окончательная ликвидація дѣла, и все буковское имущество куплено въ частную собственность капитаномъ, при чемъ капитанъ приплатилъ Ивану 570 р., такъ какъ, влѣдствіе хорошаго урожая сѣна и хлѣба въ 1884 г., ими, капитаномъ и Иваномъ, было признано, что буковское имущество, принятое Иваномъ и Филиппомъ, за лѣто 1884 г. увеличилось на эту сумму. Аренда земли передана капитану“.

„Что касается суммы въ 2.200 р., признанной потраченною, прожитою во время веденія дѣла товарищами, и возложенной на 6-хъ членовъ, въ видѣ частнаго долга, то капитанъ и Энгельгардтъ, которыми дана была эта сумма (въ количествѣ 1.200 р. первымъ и 1.000 р. вторымъ) въ долгъ на веденіе дѣла, принимая во вниманіе, что они, капитанъ и Э., были инициаторами дѣла и что члены товарищества за свою работу,

во время пребыванія въ товариществѣ, никакой платы не получили, признали справедливымъ принять этотъ долгъ 2.200 р. на себя и освободить членовъ товарищества отъ уплаты каждымъ изъ нихъ шестой части долга, о чемъ и увѣдомляютъ товарищей.

„Что касается суммы 500 р., уплаченной Ивану капитаномъ, при пріемкѣ буковскаго имущества, то деньги эти капитаномъ выданы Ивану, и симъ увѣдомленіемъ предоставляется товарищамъ на усмотрѣніе, въ чью пользу должны поступить эти деньги.

„Во время существованія товарищества былъ сдѣланъ имъ еще долгъ въ 280 р., подъ личную отвѣтственность 8 человѣкъ, по 35 р. на каждаго человѣка. При пріемѣ Букова Иванъ и Филиппъ приняли на себя гарантію уплаты этихъ 280 р. При ликвидаціи дѣла съ Иваномъ, падающая на Филиппа и Ивана часть этого долга въ 70 руб. была вычтена изъ слѣдовавшей приплаты въ 570 руб., признанной капитаномъ, и потому капитанъ, при пріемѣ буковскаго имущества, уплатилъ Ивану деньгами лишь 500 р. Гарантія же уплаты остальныхъ 210 р. принята капитаномъ на себя".

Намъ остается еще вкратцѣ сказать о колоніи въ Самарскомъ уѣздѣ, которая интересна не столько со стороны мистицизма, котораго въ ней было мало, сколько по неопредѣленности стремленій и практическому неумѣнью культурныхъ людей устроиться на землѣ. Колонія эта возникла подъ непосредственнымъ вліяніемъ идей гр. Толстого и при содѣйствіи отзывчиваго на добрыя начинанія землевладѣльца Самарской губ. г. С. Увлеченный этическою проповѣдью нашего знаменитаго романиста, г. С. предложилъ ему для лицъ, которыя пожелали бы заняться земледѣльческимъ трудомъ и которыхъ онъ укажетъ, отвести необходимое количество земли въ своемъ имѣніи, дать инвентарь и средства для начальнаго обзаведенія. Въ то время стоялъ близко къ Л. Н. Толстому нѣкто О., преподаватель желѣзнодорожнаго училища, имѣвшій, повидимому, нравственное вліяніе на учениковъ, которымъ говорилъ о независимомъ и коллективномъ трудѣ, развивая передъ ними міровоззрѣніе, сходное съ толстовскимъ. Около него образовался кружокъ юношей, очень ему преданныхъ и увлеченныхъ его идеями. Когда стало извѣстно о предложеніи г. С. и о возможности образовать земледѣльческую колонію въ Самарской губ., то первыми кандидатами и явились нѣкоторые изъ этихъ юношей, а затѣмъ къ

нимъ примкнули еще кое-кто изъ исключенныхъ владимірскихъ семинаристовъ. Ядро колоніи составилось на первый взглядъ изъ людей, соотвѣтствовавшихъ дѣлу: во 1-хъ, всѣ они были юношами, увлеченными, хотя и не вполнѣ опредѣленнымъ, стремленіемъ устроить земледѣльческое трудовое общежитіе, а въ-2-хъ, были уже нѣсколько подготовлены и къ труду: желѣзнодорожные ученики хорошо знали слесарное и кузнечное ремесла, а семинаристы съ дѣтства были знакомы съ условіями земледѣльческаго хозяйства. Получивъ отъ С. на проѣздъ деньги, они отправились въ Самарскую губ. Скоро, однако, оказалось, что указанныхъ данныхъ было недостаточно и что прочное основаніе колоніи вовсе не такъ просто. Не смотря на то, что колонистамъ отведена была прекрасная земля, предложено было выбрать изъ обширнаго хозяйства машины и другой инвентарь, даданы были и деньги, — дѣло и тутъ пошло плохо. Однихъ благихъ намѣреній да техническихъ навыковъ было мало. Фатальными причинами неуспѣха были, повидимому, слѣдующія: то, что всѣ колонисты были юноши съ крайне незначительной житейской опытностью и неокрѣпшими воззрѣніями; всѣ нуждались въ нравственномъ и практическомъ руководствѣ и всѣ были людьми холостыми, не отрицавшими, однако, семейной жизни, подобно шавѣевцамъ; а затѣмъ отчасти отозвалось на нихъ и переходное состояніе, въ какомъ находилось тогда имѣніе г. С. Рѣшено было обратиться за помощью къ *мужику* и былъ приглашенъ въ колонію одинъ бывшій дворовый съ семьею, состоявшею изъ жены, сына и дочери. Приглашенный посмотрѣлъ на дѣло чисто практически: пожелалъ „воспользоваться всѣми хозяйственными выгодами, какія можно было извлечь изъ данныхъ средствъ". Сынъ же и дочь его оказались людьми не совсѣмъ заурядными: „во многомъ готовы были раздѣлить воззрѣнія колонистовъ на устройство общей жизни, и примкнули къ нимъ духовно". Съ появленіемъ практическаго элемента, дѣла колоніи стали какъ будто налаживаться, въ хозяйственномъ смыслѣ, тѣмъ болѣе, что въ это время и отношеніе колонистовъ въ конторѣ имѣнія опредѣлилось точнѣе: имъ отведенъ былъ совершенно отдѣльный хуторъ съ живымъ и мертвымъ инвентаремъ. „Въ это время, — пишетъ одинъ мой старинный пріятель,—мнѣ пришлось проѣздомъ навѣстить ихъ. Я засталъ тогда въ колоніи человѣкъ пять (кромѣ семьи крестьянина). Всѣ они жили въ одномъ домѣ. Домашнимъ хозяйствомъ управляли жена и дочь крестьянина. Въ это же время къ нимъ прі-

ѣхали на лѣто, собственно изъ любопытства и чтобы присмотрѣться къ дѣлу, еще кое-кто изъ молодыхъ людей, интересовавшихся колоніями. Такъ, наприм., въ полѣ я встрѣтилъ медика, разъѣзжавшаго на большой жатвенной машинѣ, запряженной парой сильныхъ лошадей, и вызывавшаго разговоръ любопытствующихъ зрителей изъ окрестныхъ крестьянъ и нѣмцевъ колонистовъ. Часть колонистовъ въ это время занималась у молотилки". Дѣлаю дальнѣйшія выписки изъ того же письма, писаннаго человѣкомъ, симпатизировавшимъ такого рода трудовымъ опытамъ, и направившимъ въ эту колонію нѣсколько человѣкъ желавшихъ туда поѣхать, которые къ нему обратились.

„Меня, главнымъ образомъ, занимало ихъ душевное настроеніе, и, насколько можно было выяснить въ этотъ періодъ, между ними шли горячіе принципіальные споры по тремъ существеннымъ пунктамъ: 1) одни, особенно поддерживаемые практикомъ-крестьяниномъ, стояли за то, чтобы, прежде всего, дать колоніи хозяйственную устойчивость, привести въ надлежащее направленіе весь сельско-хозяйственный ходъ на хуторѣ, который былъ крайне неурядливъ, по неумѣнью приспособиться къ дѣлу, отчего колонія должна была или постоянно обращаться за помощью къ конторѣ, или же терпѣть нужду. Такъ, одно время, передъ моимъ пріѣздомъ, они двѣ недѣли питались исключительно одной картофельной похлебкой, забѣленной молокомъ. Между тѣмъ, у нихъ въ распоряженіи было достаточное количество прекрасной земли, которую они не могли осилить своими силами. Поэтому, одни изъ нихъ предлагали на первое время обратиться къ помощи наемнаго труда, въ пособіе къ своему личному, пока хозяйственное дѣло не станетъ прочно и не перестанетъ отбивать многихъ отъ колоніи и служить поводомъ къ разнымъ неблагопріятнымъ слухамъ. Большинство, однако, возставало противъ этого проекта и стояло за чистоту лично трудовой колоніи, насколько хватитъ собственныхъ силъ. Во 2) шли теоритическіе разговоры на счетъ устоевъ, которые слѣдовало положить въ основу колоніальной жизни: одни стояли за нѣчто вродѣ общаго коммунистическаго порядка, другіе отстаивали, по крайней мѣрѣ, на первое время, типъ крестьянскаго посемейно-общиннаго устройства, какъ наиболѣе сподручный, знакомый и удобный для вновь поступающихъ, и менѣе могущій приводить къ нежелательнымъ мелочнымъ столкновеніямъ. Но это было для нихъ пока вопросомъ, вполнѣ теоретическимъ, такъ какъ они, какъ

холостяки, могли жить просто по товарищески, какъ жили раньше на ученическихъ квартирахъ. Наконецъ, 3-й пунктъ, имѣвшій также большое значеніе въ разговорахъ, касался отношеній къ народу. Опять одни больше склонялись къ тому, чтобы, прежде всего, отдаться устройству колоніи самой по себѣ, не отвлекаясь никакими побочными цѣлями, другіе, напротивъ, не видѣли особеннаго интереса въ устройствѣ только „кельи подъ елью", безъ живого общенія и духовнаго взаимодѣйствія съ народомъ".

Столковались-ли бы колонисты по этимъ тремъ пунктамъ и пришли-ли бы къ единодушному рѣшенію—трудно было сказать, какъ вдругъ сама жизнь почти неожиданно перенесла „рѣшеніе этихъ вопросовъ съ теоретической прямо на практическую почву, и для большинства привела дѣло къ полному крушенію". Вотъ что вскорѣ случилось. Часть колонистовъ ушла, отчасти вслѣдствіе общей хозяйственной неурядицы, отчасти вслѣдствіе теоретическихъ разногласій. На мѣсто ихъ, по приглашенію оставшихся, отправились изъ Владимірской губ. новыхъ пять человѣкъ (3 м. и 2 ж.). Словомъ, личный составъ нѣсколько измѣнился. Къ этому же времени произошла въ колоніи очень простая житейская исторія: одинъ изъ прежнихъ колонистовъ женился на дочери крестьянина, которая завѣдывала хозяйствомъ. Когда прибыли въ колонію новые элементы и, между прочимъ, двѣ дѣвицы изъ культурныхъ (кажется, фельдшерицы), то образовалось довольно пестрое общество, и молодуха-крестьянка стала тяготиться общей жизнью съ мало знакомыми людьми. Она стала, повидимому, просить мужа какъ нибудь отдалиться на крестьянскій манеръ, не отъ колоніи, а отъ слишкомъ тѣснаго общежительства, тѣмъ болѣе, что, съ пріѣздомъ новыхъ элементовъ, былъ внесенъ въ колонію и новый элементъ нѣкотораго недовѣрія и подозрительности. Молодая крестьянка, по всей вѣроятности, тотчасъ же почувствовала, что ей не сойтись душевно съ прибывшими, или, что ей трудно будетъ не проиграть въ глазахъ мужа, въ сравненіи съ *барышнями*, которыя умѣли по цѣлымъ днямъ и вечерамъ вести бойкіе *интеллигентные* разговоры. Такъ это было или иначе,—навѣрное трудно сказать, но все это разрѣшилось тяжкой драмой: она неожиданно отравилась. Это произвело въ колоніи настоящій переполохъ: молодыя дѣвицы сейчасъ же уѣхали, затѣмъ уѣхалъ и самъ несчастный мужъ покойной, а вслѣдъ за нимъ ушли и еще нѣкоторые. Изъ вновь пріѣхавшихъ, бывшій народный учитель П-ій оказался

человѣкомъ наиболѣе опытнымъ, устойчивымъ и сильнымъ. Онъ сразу далъ почувствовать свое значеніе, поставилъ дѣло на практически-хозяйственную почву; но, не имѣя, должно быть, достаточнаго нравственнаго авторитета, не съумѣлъ удержать при дѣлѣ старыхъ колонистовъ и привлечь новыхъ. Колонисты мало-по-малу разошлись, оставивъ его хозяйничать, въ компаніи съ однимъ его товарищемъ и крестьяниномъ, съ которымъ онъ, повидимому, сошелся на практической почвѣ. Участокъ земли въ 100 десятинъ числился, на самомъ дѣлѣ, по купчей за шестью лицами *), но остальные владѣльцы находились на „заработкахъ". Первые колонисты также разбрелись „кто куда". Нѣкоторые изъ нихъ пробовали было образовать отдѣльную колонію на другомъ хуторѣ того же владѣльца, но скоро разошлись. Одни и до сихъ поръ бродятъ изъ мѣста въ мѣсто, не находя возможности приспособить себя къ чему-нибудь, или терпятъ вмѣстѣ съ другими новыя крушенія въ новыхъ неудачныхъ колоніяхъ; другіе причалили (или, вѣрнѣе сказать, прибило ихъ) къ знакомымъ землевладѣльцамъ и „пашутъ".

Пусть читатель не думаетъ, что я отношусь къ колонистамъ, какъ язычникъ, или съ нетерпимостью нѣкоторыхъ фельетонистовъ. Я, прежде всего, желалъ соединить и сопоставить случайно оказавшійся подъ руками сырой, разбросанный и подлежащій провѣркѣ матерьялъ о колоніяхъ, думая, что это впослѣдствіи можетъ кому-нибудь пригодиться для характеристики нашихъ умственныхъ теченій послѣдняго времени, а затѣмъ хотѣлъ относиться къ этому матерьялу возможно объективнѣе, писалъ, какъ говорится, sine ira et studio. Разъ существуетъ фактъ стремленія интеллигенціи на землю, то должны существовать и причины къ этому, лежащія либо въ условіяхъ общественной жизни, либо внутри самихъ стремящихся. Уходить на землю можно и для живого дѣла, и для того, чтобы удалиться отъ міра и найти миръ душѣ своей. Люди могутъ страдать и отъ обилія превозмогающаго терпѣніе зла, и отъ слабости, не выносящей житейскихъ толчковъ и борьбы. То и другое заслуживаетъ, разумѣется, вниманія, но между людьми, не выносящими дыма и копоти съѣзжей, и людьми, не выносящими свѣжаго воздуха, есть нѣкоторая разница. Между людьми, руководящимися общественными и субъективными причинами, также есть разница. Большая также разница и въ объясненіи причинъ неудовлетворенности и страданій: одни полагаютъ, что человѣкъ зябнетъ отъ внѣшняго холода, а другіе, что внутри его лежитъ кусокъ льда, и что отсюда то и происходятъ всѣ термическія ощущенія. Конечно, не хорошо, когда у человѣка замороженное сердце, но дѣло въ томъ, что одними внутренними движеніями, безъ притока крови, его не согрѣешь. и что такимъ то именно сердцемъ сплошь и рядомъ отличаются тѣ, кто такъ думаетъ. Большая также разница и въ исканіи новыхъ путей къ счастію и дальнѣйшему человѣческому развитію и совершенствованію: одно исканіе будетъ прогрессивнымъ, другое—ретроспективнымъ и декадентскимъ, третье—спорнымъ, неизвѣстнымъ еще человѣчеству ни изъ исторіи, ни изъ наличныхъ данныхъ. Это послѣднее, какъ касающееся невѣдомаго будущаго, настолько важно, что дѣлаетъ всякое исканіе новыхъ путей въ высшей степени желательнымъ. Общество всегда должно съ большимъ вниманіемъ относиться къ тѣмъ впечатлительнымъ нервнымъ натурамъ, которыя, какъ чуткія птицы, предостерегаютъ его отъ опасностей, зовутъ его въ сторону, какъ личнаго своего, такъ и общаго спасенія и совершенствованія. Ими слѣдуетъ дорожить нисколько ни меньше, чѣмъ и людьми науки, которые, на основаніи точныхъ данныхъ, предсказываютъ послѣдствія извѣстныхъ фактовъ и положеній. Ко всякимъ исканіямъ новыхъ путей слѣдуетъ поэтому относиться, прежде всего, съ терпимостью. Исторія можетъ дать массу примѣровъ, какъ невыгодно было для человѣчества, и сколько оно черезъ это потеряло, когда налагало путы на мысль и воздвигало гоненія на духовныя стремленія. Было бы большимъ позоромъ для современной цивилизаціи, еслибы она возвратилась къ среднимъ вѣкамъ или еще дальше. Но это нисколько не мѣшаетъ и не должно исключать возможности критическаго отношенія къ исканію новыхъ путей и правды. Изъ десяти дѣвъ, вышедшихъ въ срѣтеніе жениху, какъ извѣстно, пять были мудры, а пять юродивы. Не менѣе также извѣстно, что на одно удачное изобрѣтеніе приходятся сотни и тысячи неудачныхъ, а иногда дѣлаются и открытія старыя, давно уже извѣстныя, отъ которыхъ никому ни тепло, ни холодно, и которыя отравляютъ самимъ изобрѣтателямъ воспоминаніе даже о процессѣ изобрѣтенія, показывая, съ какимъ трудомъ они входили въ открытую дверь.

Развѣ ново стремленіе изолироваться отъ жизни, временно или совсѣмъ уйти отъ свѣта? Это такъ же ново, какъ и самъ свѣтъ. Развѣ оригинальна фигура того „особенно убѣжденнаго"

*) Купчая была совершена въ 1889 г. на имя шести лицъ съ безпроцентною разсрочкою платежа на 20 лѣтъ, по 2 р. 70 к. съ десятины.

толстовца, о которомъ мы упоминали выше и который въ Шавѣевѣ „по нѣсколько часовъ пребывалъ въ созерцательномъ настроеніи или въ состояніи какъ бы транса": остальные на работу пойдутъ, „а онъ усядется гдѣ нибудь на улицѣ, сложитъ руки и сидитъ молча", пока кто нибудь не выведетъ его изъ этого состоянія. Нисколько не оригинально и то, что онъ не хотѣлъ жениться и потомъ женился. Есть первообразы такихъ фигуръ, гораздо болѣе оригинальные. Вотъ, наприм., припоминается мнѣ какой разсказъ В. А. Панаева, разсказъ, бывшій и въ печати, о нѣкоемъ Р., молодомъ человѣкѣ, окончившемъ университетскій курсъ съ золотою медалью. Въ одинъ прекрасный день онъ задумался и сталъ все думать, пересталъ умываться, чесаться и сталъ вести себя въ другихъ отношеніяхъ, какъ ребенокъ. Дѣло было въ Казанской губ., въ 30—40-хъ годахъ. Родные не знали, что дѣлать съ такимъ чудакомъ (по всей вѣроятности больнымъ). Наконецъ, невозможный запахъ заставилъ мать завести его обманомъ въ баню, гдѣ его и вымыли, но это произвело на него такое впечатлѣніе, что онъ не позволилъ одѣть себя и съ этой минуты пересталъ одѣваться. Упорство было до того велико, что зимою его пришлось перевозить изъ одного имѣнія въ другое безъ бѣлья и платья, прямо закутаннаго въ шубы. Но здѣсь то собственно и произошло настоящее удаленіе отъ жизни: когда подъѣхали къ деревнѣ, то онъ выскочилъ изъ возка и вскочилъ въ первую попавшуюся пустую крестьянскую клѣть да въ ней и остался на цѣлыхъ 20 лѣтъ. Такъ какъ клѣть была холодная, то пришлось, при помощи шкуръ и мѣховъ, сдѣлать разныя приспособленія отъ холода. Туда же носили и пищу. Если не ошибаюсь, оригинальность положенія повела къ тому, что въ него кто то влюбился, такъ что онъ прижилъ двухъ дѣтей. Можетъ быть, что нибудь я и не совсѣмъ такъ передаю, помню только, что цѣлыхъ 20 лѣтъ человѣкъ простоялъ, такимъ образомъ, голый, согнувшись, но не прикасаясь руками къ полу; а затѣмъ все это прошло и онъ возвратился опять въ міръ. Былъ ли это какой нибудь искусъ, или онъ воображалъ себя четвероногимъ,— не знаемъ; знаемъ только, что никакихъ новыхъ путей къ правдѣ и счастью такимъ способомъ не было открыто.

Стремленіе интеллигенціи на землю и къ производству соціально-этическихъ опытовъ несомнѣнно должно быть отнесено къ числу попытокъ исканія новыхъ путей, изъ которыхъ, однако, созданіе замкнутыхъ общежитій съ мистическимъ характеромъ новой тропы не представляетъ. Сами экспериментаторы, повидимому, сомнѣваются въ ней, и потому мы не видимъ у нихъ такой вѣры и энергіи, какую видѣли и видимъ въ другихъ аналогичныхъ попыткахъ, напр., у раскольниковъ и созидателей благочестивыхъ общежитій. Посмотрите, напр., что разсказываетъ г. Е. Марковъ о Маріи Шерстюковой, создательницѣ Бѣлогорскихъ пещеръ, превратившихся потомъ, благодаря Александру I, въ Бѣлогорскую обитель (въ Воронежской губерніи). Сколько вынесла страданій эта женщина, „отличавшаяся въ молодости разгульными похожденіями" и потомъ вдругъ превратившаяся въ подвижницу. Съ 1796 года, въ теченіе болѣе чѣмъ 20 лѣтъ, она борется съ епархіальными и свѣтскими властями, которыя безпрестанно притягиваютъ ее къ отвѣту, съ „формализмомъ законовъ, съ гоненіями всякаго рода, съ стихіями, съ голодомъ, съ холодомъ, и побѣждаетъ всѣхъ, торжествуетъ надъ всѣми". Мы вполнѣ понимаемъ, что часть человѣчества, ищущая новыхъ путей, какъ прежде попадала, такъ и теперь можетъ попадать на мистическую стезю. Тотъ изъ шавѣевскихъ философовъ, который сводилъ всѣ причины зла только къ двумъ китамъ, конечно, слишкомъ узко смотрѣлъ, какъ на причины, такъ и на задачи такого рода попытокъ. Жизнь наша, а также и европейская испытала за нѣсколько десятковъ лѣтъ столько глубокихъ перемѣнъ, о которыхъ люди не могутъ не думать. Человѣкъ—существо не только общественное, но и политическое. Одно освобожденіе крестьянъ сколько перемѣнъ должно было вызвать. Одно искусственное насажденіе капитализма какъ трудно было примирить съ понятіемъ о народномъ благосостояніи. А опыты, производившіеся надъ школой; а кампанія, которая систематически велась извѣстнаго сорта печатью противъ просвѣщенія и реформъ вообще; а гоненія, которыя она воздвигала на интеллигенцію, а субверсивное движеніе молодежи, а оскудѣніе помѣстнаго сословія и крестьянства, а банковые крахи и т. д. Все это такъ или иначе касалось всѣхъ и каждаго, толкало общество и впередъ, и назадъ, и въ стороны. Переприспособленіе личности къ измѣняющимся общественнымъ условіямъ и вообще приспособленіе внутреннихъ отношеній къ внѣшнимъ въ большинствѣ случаевъ бываетъ процессомъ тяжелымъ. Дикарю и вольному жителю лѣсовъ и степей трудно приспособиться къ городской жизни, сельскому человѣку къ фабричной работѣ, самостоятельному хозяину къ положенію наемника, помѣщику, имѣвшему даровой трудъ, къ труду вольнона-

емному, человѣку, никогда не работавшему, къ личному заработку. Иногда проходитъ нѣсколько поколѣній прежде, чѣмъ вполнѣ совершится такое приспособленіе. Однимъ оно дается сравнительно легче, другіе его не переживаютъ. То же самое происходитъ и въ области духовной съ понятіями, взглядами, стремленіями и идеалами, которые не исчерпываются причинами и задачами ближайшими, а коренятся гораздо глубже въ прошломъ и идутъ гораздо дальше въ будущее. Кромѣ двухъ китовъ, указанныхъ въ Шавѣевѣ (ѣды и брака), есть еще вопросы труда, свободы, совѣсти и личности, дальнѣйшаго развитія способностей, дальнѣйшей научной работы, дальнѣйшаго изученія вселенной и приспособленія въ ней. Нѣкоторыя видѣнныя нами колоніи ставили, напр., вопросъ о трудѣ преимущественно въ смыслѣ обуздывающемъ страсти, тогда какъ вопросъ этотъ можетъ быть поставленъ гораздо шире, а вмѣстѣ съ тѣмъ проще и естественнѣе, безъ ненужныхъ искусственныхъ истязаній злополучнаго тѣла. Первые опыты уже дѣлались множество разъ, другихъ опытовъ не дѣлалось совсѣмъ или было очень мало. Вопросъ о брачныхъ отношеніяхъ также не со вчерашняго дня безпокоитъ человѣчество. Среди американскихъ общинъ мы встрѣчаемъ и безбрачіе, какъ у шекеровъ и рапистовъ, и многоженство, какъ у мормоновъ, и сложный бракъ, какъ у перфекціонистовъ. Встрѣчаемъ тамъ также и мистиковъ, которые нисколько не уступятъ нашимъ. Вообще, новаго и оригинальнаго въ нашихъ колоніяхъ мало. Разница только въ томъ, что американскія общины достигаютъ замѣчательнаго процвѣтанія, а наши гибнутъ, не успѣвши расцвѣсть. Объясняются эти неудачи, какъ намъ кажется, во первыхъ, неясностью стремленій и искусственностью задачъ, во вторыхъ, личною изломанностью культурныхъ людей, и, въ третьихъ, оторванностью ихъ отъ жизни. Эта оторванность для многихъ есть моментъ по истинѣ драматическій, источникъ душевныхъ мукъ и трудный вопросъ о практическомъ существованіи. Многіе думаютъ, что неудачи колоній происходятъ оттого, что интеллигенція не можетъ работать физически. Въ извѣстномъ возрастѣ, разумѣется, такое переприспособленіе трудно; но для молодежи ничего невозможнаго тутъ нѣтъ, а затѣмъ—вовсе не всякій трудъ есть непремѣнно мука, и есть отрасли труда, вполнѣ доступныя и другимъ возрастамъ. Вотъ какія данныя сообщаются въ кавказскихъ газетахъ о группѣ интеллигентныхъ земледѣльцевъ, „сѣвшихъ на землю“ недалеко отъ слободы Нальчикъ (Терской об-

ласти). Цѣль этихъ интеллигентныхъ работниковъ была, конечно, не нажива, а трудъ, желаніе ѣсть хлѣбъ, воздѣланный своими руками. Компаніи интеллигентныхъ людей (компанія состоитъ изъ 3—4 человѣкъ), поселившихся близъ Нальчика, пришлось учиться работать: они не умѣли ни пахать, ни косить, ни жать, у нихъ было только — страстное желаніе трудиться, работать. Казалось бы, при такихъ условіяхъ, хозяйство интеллигентныхъ работниковъ едва ли могло пойти на ладъ; однако, черезъ три-четыре года усиленнаго труда ихъ небольшое хозяйство было поставлено такъ, что начало уже приносить изрядный чистый доходъ. При этомъ необходимо замѣтить, что только въ первый годъ своего хозяйничанья компанія, для уборки травъ и хлѣба, нанимала рабочихъ, а затѣмъ она научилась все дѣлать сама и обходилась безъ нихъ. Замѣчательно слѣдующее обстоятельство: участокъ земли, на которомъ поселилась и стала работать эта компанія, среди мѣстныхъ жителей, занимающихся земледѣліемъ, считался, благодаря песчаной и изобилующей камнями почвѣ, неудобнымъ ни подъ посѣвъ хлѣбовъ, ни подъ огороды, и ходилъ подъ выпасъ скота. Въ настоящее же время на этомъ участкѣ прекрасно родятся пшеница, рожь, картофель, огородныя овощи, которыми снабжается почти весь Нальчикъ, арбузы, дыни и т. п., а также разведенъ прекрасный молодой садъ. И это—за шесть лѣтъ хозяйничанья людей, не умѣвшихъ держать въ рукахъ ни косы, ни серпа („Новости“, № 219, 1894 г,). А покойный Энгельгардъ, напр., даже думалъ, что всякій интеллигентный человѣкъ, при прочихъ равныхъ условіяхъ, всегда сдѣлаетъ больше, чѣмъ простой рабочій, такъ какъ онъ относится сознательно къ каждому своему движенію и утилизируетъ вполнѣ свою мускульную силу. То же самое говоритъ и г. Соколовскій въ одномъ изъ земскихъ сборниковъ Черниговской губерніи: „Насколько работа интеллигентнаго человѣка, при прочихъ равныхъ условіяхъ, продуктивнѣе работы крестьянина, это видно было на „буковцахъ“. Когда они работали, любо было смотрѣть: работа такая чистая, тщательная; если они пашутъ, то „огрѣховъ найдешь немного; если они косятъ, за ними и травинки не найдешь. Достоинство работы „буковцевъ“, среди которыхъ были представители разныхъ слоевъ общества, начиная съ актера драматическаго искусства и кончая полковникомъ русской арміи, увѣшаннымъ орденами за турецкую кампанію 77-го года, признавались всѣми крестьянами“. Чаще всего люди плохо работали потому, что не было охоты работать, а

не было охоты потому, что занимало ихъ другое и не придавалось труду серьезнаго значенія. Махнетъ человѣкъ косою разъ десять и сядетъ папироску курить, или, если табакъ воспрещенъ, то разговаривать о духѣ. Въ Шавѣевѣ, напр., если кто „проѣзжалъ съ плугомъ по полю десять бороздъ или поработалъ часа три устойчиво, „не виляя“, то случай такой назывался уже серьезной работой“.

Намъ хочется поговорить еще о людяхъ другого типа, которые идутъ въ деревню учителями, врачами, фельдшерами, адвокатами и просто устраиваются на землѣ одиночками. Люди эти не задаются отвлеченными вопросами, но стоятъ гораздо ближе къ жизни и относятся къ людскимъ бѣдствіямъ гораздо сердечнѣе. Съ этой стороны, они несомнѣнно стоятъ выше обитателей культурныхъ скитовъ; но у нихъ также есть слабыя стороны: во 1-хъ, идутъ они одиночками, на свой собственный страхъ, при чемъ рѣшительно нѣтъ никакой гарантіи, что напр., вольнопрактикующій врачъ, берущій сегодня по пятачку и двугривенному съ больныхъ, завтра не захочетъ брать по нѣскольку рублей; во 2-хъ, они всетаки остаются чужаками и пришельцами гораздо менѣе прочными, чѣмъ колонисты, у которыхъ есть постоянный опредѣленный уголъ, и въ 3-хъ не красна и трудна ихъ одинокая жизнь и мало утѣшеній въ старости, а послѣднее обстоятельство не рѣдко также служитъ источникомъ иныхъ, далеко не идеальныхъ мотивовъ. Намъ кажется, что еслибы подобные люди примыкали къ колоніямъ или колоніи составлялись изъ такихъ людей, то изъ нихъ могло бы выходить нѣчто гораздо лучшее.

Попытокъ такого рода было очень мало. Ниже я разскажу про одну такую попытку (а про другую только слышалъ). Попытка эта потерпѣла неудачу отъ внѣшнихъ препятствій, съ какими встрѣтилась; но это еще ничего не доказываетъ, такъ какъ препятствій всегда и вездѣ бываетъ много, какую бы область мы ни взяли, начиная съ чисто научной и кончая практической. Всякаго рода препятствія нуждаются въ предусмотрительности и извѣстной стойкости, которыхъ нужно тѣмъ больше, чѣмъ больше препятствій и чѣмъ онѣ труднѣе; иначе пришлось бы ничего не дѣлать и сложить руки, потому что, къ сожалѣнію, жизнь есть непрестанная борьба, а не усыпанный цвѣтами путь.

Читатель, вѣроятно, припомнитъ жестокія слова поэта:

Только тотъ достоинъ жизни и свободы
Кто ихъ съ бою каждый день беретъ.

Но прежде, чѣмъ идти дальше, для полноты настоящаго очерка, слѣдуетъ привести нѣкоторыя позднѣйшія данныя о культурныхъ колоніяхъ и о новыхъ попыткахъ этого рода, которыя повторяются до отъѣзда за океанъ, въ Америку, включительно. Относительно ранѣе основныхъ колоній прежде всего слѣдуетъ остановиться на данныхъ о колоніи Криница, Черноморской губ. Это—единственная изъ русскихъ колоній не только на Кавказѣ, гдѣ ихъ было нѣсколько, но и въ остальной Россіи, которая уцѣлѣла и если еще не процвѣтаетъ, то во всякомъ случаѣ существуетъ, крѣпнетъ хозяйственно и обнаруживаетъ жизненность. Наиболѣе обстоятельныя свѣдѣнія о ней были сообщены г. С. Ѳ. Шарапѣвымъ въ „Русск. Вѣстникѣ“ *), послѣ того, какъ онъ побывалъ тамъ съ г. министромъ земледѣлія и государственыхъ имуществъ, А. С. Ермоловымъ, въ качествѣ члена сопровождавшей его особой экспедиціи, осматривавшей берегъ. Экспедиція двигалась по только что выстроенному тогда Анненковскому шоссе изъ Новороссійска къ югу. Нужно замѣтить, что пространство между Новороссійскомъ и Туапсе отличается особенною заброшенностью и встрѣчающіеся по пути казачьи станицы и поселки (греческіе, армянскіе, чешскіе, молдаванскіе и др.), за исключеніемъ Геленджика, которому давно пора быть посадомъ или городомъ, благоустройствомъ не отличаются. Но внѣшнее благоустройство — вещь второстепенная, а главное то, что вокругъ этихъ станицъ и селеній, а равно и въ окрестностяхъ Геленджика преобладаютъ пустыри и не видно сколько-нибудь прочной хозяйственной дѣятельности. Станица же Береговая, около которой пріютилась Криница, представляетъ исключеніе. Насмотрѣвшись на безхозяйственность поселянъ и наслушавшись разныхъ кляузъ и жалобъ, съ которыми они обращались къ министру, Шараповъ совсѣмъ впалъ въ мрачное настроеніе, но настроеніе это, по пріѣздѣ въ Береговую, вдругъ совершенно исчезло, и онъ заговорилъ совсѣмъ другимъ тономъ. Но пусть лучше онъ самъ разсказываетъ.

„Перебравшись черезъ большой красоты Михайловскій перевалъ, гдѣ шоссе вьется безчисленными зигзагами, дѣлая шесть верстъ, чтобы подвинуться на версту въ прямомъ направленіи, мы начали спускаться въ бассейнъ рѣкъ Догуаба и Пшады и къ вечеру добрались до станицы Береговой.

„Станица эта—настоящій русскій культурный уголокъ. Кра-

*) См. ст. „По черноморскому побережью“. № 1, 1895 г.

сивая хоть и небольшая церковь, хоръ пѣвчихъ изъ молодыхъ казаковъ въ красныхъ кафтанахъ. Молодой съ энергичнымъ лицомъ казакъ-священникъ встрѣтилъ насъ въ церкви въ полномъ облаченіи и отслужилъ краткую литію съ многолѣтіемъ. Селеніе все расцвѣчено флагами, большое школьное зданіе неподалеку отъ церкви, кромѣ того, украшено по фасаду густыми гирляндами зелени.

„Береговая подготовила намъ неожиданный, но очень пріятный сюрпризъ. Повсюду жители выкладывали на столикахъ образцы своихъ произведеній: кукурузу, арбузы, фрукты. Въ Береговой для экспедиціи была приготовлена настоящая сельскохозяйственная выставка съ 40 чел. экспонентовъ и притомъ составленная мастерской рукой. Были тщательно собраны и сгруппированы: образцы хлѣбовъ, овощей, фруктовъ, винограда, винъ, вареній, сушеныхъ плодовъ, консервовъ, меда и принадлежностей пчеловодства; далѣе шли шелкъ, коконы, соломенное плетенье, коллекціи сорныхъ травъ, образцы болѣзненныхъ хлѣбовъ, земледѣльческія орудія, кожевенныя издѣлія. Все это было размѣщено замѣчательно систематично... На дворѣ были собраны земледѣльческія орудія и повозки, а въ сѣняхъ устроилъ свою выставку самоучка-кожевникъ, изучившій выдѣлку кожъ по книжкѣ Рыльскаго, изданной Сытинымъ.

„Въ зданіи выставки насъ встрѣтилъ мѣстный землевладѣлецъ и устроитель выставки, В. В. Еропкинъ, которому формально принадлежитъ расположенная неподалеку „интеллигентная колонія“, одна изъ немногихъ, повидимому, прочно пустившихъ корни. Г. Еропкинъ привѣтствовалъ министра прекрасной патріотической рѣчью, охарактеризовалъ важное значеніе для края настоящей экспедиціи и изложилъ надежды и ожиданія населенія. А. С. Ермоловъ выразилъ свое удовольствіе найти въ этомъ отдаленномъ углу такую высокую культуру и такихъ просвѣщенныхъ дѣятелей, какъ Викторъ Васильевичъ“. Министръ призналъ за выставкой серьезное культурное значеніе и образовалъ, подъ предсѣдательствомъ проф. Баталина, экспертную коммиссію для раздачи награды экспонентамъ (одной серебряной, трехъ бронзовыхъ медалей и пяти похвальныхъ листовъ). Серебряную медаль комиссія по всей справедливости присудила колоніи Криница, доставившей лучшіе экспонаты по всѣмъ отраслямъ хозяйства и, между прочимъ, два изобрѣтенія самого Еропкина (выставленныя въ видѣ моделей: поливку съ

сѣдла и печь для сушки плодовъ). Бронзовыя медали были присуждены крестьянину Мартюку за „отличное“ вино, другому винаградарю и кожевнику, а остальнымъ были даны похвальные листы. По приглашенію г. Еропкина, экспедиція рѣшила сдѣлать небольшой прогонъ версты въ четыре и съѣздить осмотрѣть его колонію. Вотъ какъ г. Шараповъ описываетъ эту поѣздку.

„Мнѣ пришлось ѣхать вмѣстѣ со священникомъ ст. Береговой о. Николаемъ Долинскимъ... Онъ казакъ-дворянинъ, былъ раньше учителемъ и пошелъ въ священники по внутреннему призванію... Онъ поддерживаетъ дружескія отношенія съ Еропкинымъ и его колоніей, а тѣ помогли ему достроить церковь и пожертвовали отличный иконостасъ и утварь. И вотъ, колонія интеллигентовъ, съ одной стороны, и церковь, съ другой, идутъ рука объ руку въ дѣлѣ населенія культуры.

„За Береговой дорога начинаетъ довольно круто подниматься въ гору на террасу, на которой, надъ самымъ моремъ, въ живописнѣйшей мѣстности расположена колонія. Дорога, идущая въ гору зигзагами, выстроена по всѣмъ правиламъ инженернаго искусства, руками самихъ колонистовъ и отлично шоссирована.

„У начала земель колоніи мы встрѣтили красивую тріумфальную арку, художественно оплетенную зелеными гирляндами, и около арки собранное въ полномъ составѣ населеніе колоніи: мужчины въ однообразныхъ сѣрыхъ суконныхъ сюртукахъ, высокихъ сапогахъ и войлочныхъ шляпахъ, дамы—въ яркихъ малороссійскихъ костюмахъ съ лентами. Тутъ же толпилось человѣкъ 20 дѣтей разныхъ возрастовъ, одѣтыхъ чисто, и поденные рабочіе колоніи. Группа представляла очень живописный видъ.

„Наша экспедиція сошла съ экипажей и, въ предшествіи самого В. В. Еропкина, который одинъ былъ въ черномъ сюртукѣ и бѣломъ галстукѣ, отправилась осматривать хозяйство колоніи.

„Прежде всего мы поднялись на виноградникъ, расположенный на самомъ высокомъ южномъ склонѣ, съ роскошнымъ видомъ на море. Плантажъ сдѣланъ десятинахъ на пяти камня трескуна. Лозы имѣютъ отличный здоровый видъ и покрыты множествомъ почти спѣлыхъ гроздей. Сорта винограда преимущественно—рислингъ, С. Эмильонъ, Кабернэ, Лафитъ и бургундскія изъ Крыма. Рѣзка не высокая, такъ что свѣта

и воздуха достаточно; кустъ отъ куста сидитъ на $^1/_2$ арш., между рядами свободный проходъ въ 2 арш. Приняты мѣры къ устраненію размыва почвы дождями. Виноградники разбиты на кварталы хорошо содержимыми дорогами".

У колоніи въ то время уже было свое вино, которое экспедиція пробовала и нашла двухлѣтній сотернъ „превосходнымъ". Вмѣсто первоначальнаго небольшого подвала оканчивался постройкой новый, болѣе обширный съ винодѣльнею наверху.

Въ настоящее время столовыя вина Криницы—бѣлое и красное—поступаютъ въ продажу и считаются одними изъ лучшихъ на берегу. Виноградниками завѣдуетъ одинъ изъ колонистовъ, г. Калитаевъ, о которомъ г. Шараповъ говоритъ слѣдующее: „Онъ, повидимому, хорошо понимаетъ дѣло, ибо давалъ очень толковыя объясненія. Этотъ же г. Калитаевъ считается, по слухамъ, формальнымъ наслѣдникомъ Еропкина, которому принадлежатъ всѣ юридическія права. И Еропкинъ, и остальные члены колоніи, какъ говорятъ, довѣряютъ Калитаеву безусловно". Продолжая осмотръ, экспедиція увидѣла ниже виноградника, на болѣе отлогомъ скатѣ, разстилавшіяся хлѣбныя и кукурузныя поля. Колонія сѣетъ также и клеверъ, хотя настоящаго сѣвооборота еще не выработала. По дорогѣ отъ виноградника къ усадьбѣ разбитъ фруктовый и шелковичный садъ. Усадьба состоитъ изъ разбросанныхъ чистенькихъ и красивыхъ домиковъ, гдѣ живутъ отдѣльныя семьи, а затѣмъ, кромѣ того, имѣются общія помѣщенія—„столовая, нѣчто въ родѣ гостиной и школа". Наличный составъ колоніи въ то время былъ слѣдующій: женатыхъ 7 семействъ съ 9 дѣтьми; холостыхъ — 4 человѣка; постороннихъ, дѣтей, сиротъ и проч., взятыхъ на воспитаніе, 20 человѣкъ. Составъ наемныхъ рабочихъ мѣнялся: „колонія пользуется ими или въ страдное время, когда своихъ рукъ не хватаетъ, или для особенно тяжелыхъ работъ". „Въ столовой, продолжаетъ г. Шараповъ, насъ ожидалъ чай и угощеніе медомъ, фруктами, виноградомъ. Миловидныя молоденькія дамы держались скромно въ сторонѣ. Рядомъ съ гостиной можно было замѣтить рояль и довольно много книгъ". Общее впечатлѣніе, произведенное колоніей на г. Шарапова, онъ формулируетъ слѣдующимъ образомъ:

„Скажу откровенно: несмотря на то, что я отнюдь не поклонникъ подобныхъ колоній, оно (т. е. впечатлѣніе) было недурное. Эти молодыя лица такъ добродушны и симпатичны, эта культурная работа такъ велика и плодотворна. Трудно представить себѣ, какъ много здѣсь сдѣлано и какъ эта работа отразилась на окружающемъ населеніи. Замѣчу, что по общимъ отзывамъ колонія пользуется большой любовью". Затѣмъ, разспросивъ о внутреннемъ бытѣ и устройствѣ колоніи, г. Шараповъ сообщаетъ слѣдующее: „никакого писанаго устава у колоніи нѣтъ и взаимною связью служитъ одно чистое довѣріе. Формальнымъ хозяиномъ дѣла и владѣльцемъ хутора считается В. В. Еропкинъ. Онъ далъ свои деньги, предоставилъ купленный хуторъ обществу молодыхъ людей, вокругъ него сгрупировавшихся, и скромно сталъ въ ряды съ другими, предоставивъ имъ самимъ выбрать распорядителя". Самъ онъ, впрочемъ, въ работахъ не участвуетъ и по большей части живетъ не на Кавказѣ, такъ какъ состоитъ „въ отхожемъ промыслѣ", директорствуя и руководя одной фабрикой, чтобы „добывать деньги на расширеніе хозяйства колоніи". Распорядителемъ избранъ г. Калитаевъ. На вопросы: имѣетъ ли колонія будущность, пустила ли она прочно корни и нашла ли вѣрный фундаментъ, г. Шараповъ хотя категорическаго отвѣта и не даетъ, но указываетъ, какъ на доказательство въ положительномъ смыслѣ, на самый фактъ ея существованія (теперь уже болѣе 12 лѣтъ) и говоритъ: „Бывали недоразумѣнія, многіе уходили, но кадры вѣрующихъ въ свое дѣло идеалистовъ остались и работаютъ". Заслуживаютъ также вниманія слѣдующія его строки:

„Нужно ли говорить, что ни о какой политикѣ" здѣсь нѣтъ и рѣчи? Колонія, правда, въ виду своего исключительнаго положенія, находится подъ бдительнымъ надзоромъ. Но этотъ надзоръ до сихъ поръ не обнаружилъ ровно ничего. Заѣзжали сюда разные господа, которые потомъ компрометировали колонію своимъ знакомствомъ и вызывали дознанія. Но, во-первыхъ, здѣшніе жители не могутъ отвѣчать за мысли и воззрѣнія пріѣзжихъ гостей, а, во-вторыхъ, въ виду бывшихъ непріятностей, В. В. Еропкинъ и колонисты начали сами относиться внимательно и съ разборомъ ко множеству посѣтителей, интересующихся ихъ бытомъ и трудами. Быть принятымъ въ члены колоніи теперь довольно трудно (незнакомыхъ не примутъ). Чистота нравовъ колоніи, по общимъ отзывамъ, выше всякихъ похвалъ. Семьи исключительно законныя, тишина и спокойствіе образцовыя, соблазна для окружающаго населенія ни малѣйшаго, а культурное вліяніе большое. Отсюда изъ Криницы пошли разныя ремесла и новыя культуры, что сразу же бросалось въ глаза въ Береговой".

Что касается вздорныхъ слуховъ, что колонисты будто бы

сектанты, то г. Шараповъ на это весьма резонно отвѣчаетъ: „какое право имѣемъ мы, читатель, заглядывать полицейскимъ окомъ въ глубину этихъ добрыхъ душъ? Кто говоритъ, что они толстовцы, кто говоритъ — пашковцы, а между тѣмъ по всему побережью нѣтъ ни одной такой благоустроенной сельской церкви и такого славнаго хора“, а затѣмъ,—„отецъ Николай Долинскій—желанный гость въ колоніи, хотя это и вызываетъ косые взгляды со стороны его начальства“. Два эти факта, разумѣется, есть лучшее доказательство вздорности вышеупомянутыхъ слуховъ. Въ концѣ очерка г. Шараповъ ставитъ слѣдующій вопросъ: „сумѣютъ ли эти труженики найти надлежащія юридическія формы для закрѣпленія ихъ огромной и полезной работы?“ Вопросъ этотъ гораздо болѣе существененъ, чѣмъ можетъ показаться съ перваго раза: дѣло въ томъ, что у насъ гарантируетъ прочно землевладѣніе за извѣстною группою лицъ и ихъ потомствомъ только крестьянская община, а колонисты не крестьяне и переходъ въ крестьянство для неподатныхъ сословій не такъ-то легокъ, а въ случаяхъ, подобныхъ настоящему, даже совсѣмъ не предусмотрѣнъ законами. „Какъ колонисты разрѣшатъ этотъ вопросъ—покажетъ время“, говоритъ г. Шараповъ и кончаетъ свой очеркъ слѣдующими словами: „а пока колонія цвѣтетъ подъ флагомъ В. В. Еропкина, и ей слѣдуетъ пожелать всякаго преуспѣянія“.

Упомянемъ еще у русской интеллигентной колоніи въ Калифорніи, о которой было сообщено сперва въ „Приазовскомъ Краѣ“, а затѣмъ въ „Крымскомъ Курьерѣ“, откуда мы заимствуемъ эти свѣдѣнія.

Переселились наши колонисты въ Америку въ 1898 году. Сперва они хотѣли было поселиться на Кавказѣ, въ колоніи Криницина, Черноморской губ., или по близости отъ нея, на Лысой горѣ, но, по нѣкоторымъ причинамъ и соображеніямъ, предпочли уѣхать въ Америку. Въ Криницѣ не Богъ вѣсть сколько земли, а Лысая гора, представляя прекрасное пастбище, неудобна въ другихъ отношеніяхъ для хозяйства и поселенія. Въ Калифорніи наши колонисты остановились на San-Bernardino, гдѣ жилъ нашъ соотечественникъ г. Тверской, и пріобрѣли тамъ для первоначальнаго опыта небольшую ферму-садъ въ 10 акровъ. (Средства, съ которыми они отправились

за океанъ, были „сравнительно незначительны“). Эти 10 акровъ по культурѣ распредѣлены слѣдующимъ образомъ: „4 акра французскихъ сливъ, 3 акра винограда, 1 акръ апельсиновъ, 1 акръ лимоновъ и 1 акръ разныхъ фруктовъ: персиковъ, абрикосовъ, некторина, миндаля, маслинъ, орѣховъ, айвы и гранатъ. Садъ этотъ молодой, но уже приноситъ доходъ. Въ 1899 году колонисты уже получили дохода 300 долларовъ (600 р.), не считая необходимаго для жизни количества фруктовъ и огородныхъ овощей, оставшихся непроданными. Апельсины не давали еще сбора: первый ихъ урожай будетъ только въ настоящемъ году, что составитъ съ акра до 150 долларовъ, т. е. 300 р. Такимъ образомъ, средняя доходность сада будетъ равняться 800—900 долларамъ“.

Стоимость акра апельсиновъ до плодоношенія обходится въ 500—700 долларовъ. Уходъ за ними небольшой, и колонисты разсчитываютъ, что съ 5 акровъ „можно жить очень хорошо большой семьѣ, пользуясь такими жизненными удобствами, о которыхъ мы здѣсь имѣемъ лишь слабое представленіе“.

Кромѣ сада, при фермѣ имѣется сарай и двухъ-этажный домъ въ 6 комнатъ, очень удобный, съ водопроводомъ. За все это вмѣстѣ съ мебелью и даже посудой они заплатили 2,600 р. Но ферма, по числу ихъ, оказалась не достаточной, почему въ первое время по пріѣздѣ они должны были работать на сосѣднихъ фермахъ и фабрикахъ. Плата взрослымъ въ день за 10 рабочихъ часовъ составляла 3 р., а дѣти 13—14 лѣтъ во время сбора персиковъ и другихъ фруктовъ получали по 2 р. въ день. Рабочій день начинается съ 7 часовъ. Заслуживаютъ также вниманія слѣдующія данныя:

„Цѣны на нѣкоторые жизненные припасы гораздо дешевле нашихъ, а на нѣкоторые—дороже. Такъ, напримѣръ: сахаръ за фунтъ 8 коп., чай—80 коп., тотъ, что у насъ стоитъ 2 р. 20 к. Муки ржаной нѣтъ, а пшеничная крупчатка, выше 2 сорта, за пудъ 1 р. 25 к. Рисъ 1 сорта 4 ф. 50 к. Ботинки хорошія 2 р. 50 к.—3 р., брюки рабочія 1 р., рубаха—70 коп. Керосинъ, спички — очень дешевы. Мясо—очень дорого, за фунтъ 20 к., также дороги слѣдующіе предметы: картофель за 100 фун. 2 руб. до 2 р. 50 к., яйца 12 штукъ 70 к., масло за 1 ф. 50 к.

Вслѣдствіе этого, воздѣлываніе картофеля, разведеніе куръ и молочное хозяйство очень выгодны и приносятъ фермерамъ хорошій доходъ.

„Картофель, напр., родитъ тамъ два раза въ годъ и 1 акръ приноситъ 40—50 долларовъ въ одинъ урожай, а за два раза до 100 долларовъ или до 200 р. съ $^1/_3$ нашей десятины! Въ декабрѣ картофель поспѣваетъ второй разъ.

Коровы, породы „джерси“, даютъ молоко круглый годъ, ежедневно 2—3 галона, т. е. приблизительно ведро.

Сѣно также дорого. Оно сѣется и потому, кромѣ уборки, требуетъ еще много труда, стоющаго не дешево. Акръ даетъ 1—4$^1/_2$ тонны, т. е. 55 до 82 пуд. сѣна, а тонна его стоитъ 12—15 дол.

Аренда земли подъ сѣно стоитъ всего 1 дол. въ годъ, а подъ картофель 4—5 дол. за акръ съ водой, т. е. съ водопроводомъ на поле для орошенія. Многіе фермеры нажили себѣ тамъ картофелемъ и сѣномъ большіе капиталы. Пчеловодство также процвѣтаетъ и колонисты завели уже себѣ небольшую пасѣку.

Какъ можно видѣть изъ сообщеннаго, тамъ дороги всѣ тѣ продукты, для производства которыхъ требуется непосредственный трудъ человѣка.

Вслѣдствіе дороговизны труда, прислуги въ русскомъ смыслѣ тамъ ни у кого нѣтъ; развѣ только у богатыхъ, по американски, людей. За услугу, и то строго опредѣленнаго характера, приходится платить 50 р. въ мѣсяцъ. А потому каждый дѣлаетъ все для себя самъ“.

Мѣстная школа поставлена очень хорошо, и пятеро дѣтей нашихъ колонистовъ очень охотно посѣщаютъ ее. Платы за право ученія никакой не полагается, а существуетъ налогъ по 2 дол. въ годъ съ каждаго взрослаго мужчины; „но при этомъ вы не знаете ни книгъ, ни тетрадей, ни карандашей,—въ школѣ есть все и дается дѣтямъ безплатно“. Удивительно также для русскаго чиновника слѣдующее обстоятельство: „Несмотря на то, что колонисты наши живутъ тамъ почти два года, они до сихъ поръ еще не видѣли у себя никакого начальства“ и въ тоже время „никакихъ преступленій не слышно и замки на дверяхъ отсутствуютъ“.

Благодаря хорошему климату и почвѣ, трудъ настолько легче, чѣмъ въ другихъ краяхъ, что, при садовой, напр., культурѣ, достаточно работать 5—6 часовъ въ день, „чтобы было все въ наилучшемъ видѣ“, и такимъ образомъ, является досугъ для удовлетворенія духовныхъ потребностей. Все это повело къ тому, что колонисты наши, „послѣ почти двухлѣтняго опыта, рѣшили остаться въ Америкѣ навсегда“. Ферма ихъ будетъ увеличена пріобрѣтеніемъ новыхъ участковъ, и они надѣются, что жизнь ихъ пойдетъ живо и весело.

„Тоски и скуки, этихъ непремѣнныхъ спутниковъ русскаго интеллигента, читаемъ далѣе, у нихъ уже нѣтъ; съ пріѣздомъ въ Америку, какъ рукой сняло. „Руководить здѣсь некѣмъ“, говорятъ они, „ибо никто въ этомъ не нуждается, заботиться не о комъ, ибо мужика нѣтъ, но и жить надо своимъ трудомъ, ибо прислуга стоитъ 50 р. въ мѣсяцъ. А потому, скучать некогда, надо работать! И дѣйствительно, работаютъ всѣ“...

Нѣсколько удивительно, что американцы считаютъ ихъ „хорошими работниками“, такъ какъ русскій интеллигентный человѣкъ больше умѣетъ работать языкомъ, но ничего невозможнаго въ этомъ нѣтъ, а потому такое мнѣніе тѣмъ пріятнѣе. Съ окрестнымъ населеніемъ они, повидимому, совсѣмъ освоились. Въ 1899 году ихъ немножко обманули было мѣстные купцы: воспользовавшись незнаніемъ ими языка, они купили у нихъ очень дешево, гораздо дешевле существовавшей цѣны, урожай изюма; но тогда они, совмѣстно съ другими фермерами, образовали ассоціацію, чтобы не „даваться въ руки купцамъ“, и устроили съ этою цѣлью общій складъ и фабрику для сушки фруктовъ, такъ что все то, что не продается, тотчасъ же моется, рѣжется и сушится. Такимъ образомъ, цѣны на фрукты въ 1900 году назначались уже самими фермерами, и купцамъ оставалось только согласиться на нихъ. „Это единодушіе и солидарность въ борьбѣ за существованіе, эта быстрота, съ которой были выброшены чужеядные организмы, въ родѣ барышниковъ, говоритъ авторъ очерка, ясно указываютъ на такую жизненность, которая можетъ быть только въ здоровомъ организмѣ“. Въ заключеніе скажемъ, что мѣстность, гдѣ поселились наши колонисты, совсѣмъ какая-то райская: „климатъ теплый, умѣренный, ровный, зимы совсѣмъ нѣтъ. Ежедневно послѣ обѣда дуетъ *бризъ*; іюль и августъ жарки, но благодаря бризу, можно работать съ обѣда. Ненастныхъ, вѣтреныхъ и дождливыхъ дней совсѣмъ мало; розы, олеандры, каприфоліумы и хризонтемы не перестаютъ цвѣсти. Въ ноябрѣ можно спать еще при открытыхъ окнахъ; колонисты наши ходятъ круглый годъ „въ однѣхъ рабочихъ рубахахъ“. Ферма ихъ расположена въ очень живописной мѣстности: „на югъ и западъ—прекрасные апельсинные сады, окаймленные фисташковыми деревьями и пальмами, на сѣверъ—Кордильеры, а на востокъ—свободное степное простран-

ство, еще не заселенное и служащее пастбищемъ для скота и лошадей. Океанъ недалеко, и фермеры въ августѣ и сентябрѣ ѣдутъ туда на 2—3 недѣли покупаться и вообще освѣжиться и отдохнуть отъ работы". Словомъ, такъ хорошо, что хоть отбавляй, и можно совсѣмъ забыть не только о петербургскихъ меблированныхъ комнатахъ и подвалахъ, но и о русской деревнѣ и перейти къ изолированному довольству, которому трудно сочувствовать.

ГЛАВА II.

Культурные люди въ деревнѣ.

---

1. Неудачная попытка кружка народниковъ *).

Читатель, конечно, знаетъ, сколько въ 60-хъ и 70 годахъ было въ нашей литературѣ призывовъ культурнаго человѣка въ деревню,—призывовъ самыхъ разнообразныхъ, начиная отъ ласковыхъ до грозно-повелительныхъ: поэты прельщали его просторомъ степей и тишиною дремучихъ лѣсовъ, моралисты — отсутствіемъ грѣха и суеты, экономисты доходили его необходимостью ввести въ жизнь сельскохозяйственныя и техническія знанія, педагоги—просвѣщеніе, юристы—законовѣдѣніе и т. д. Между тѣмъ, культурный человѣкъ все сбѣгалъ и сбѣгалъ изъ деревни, сбѣгалъ настолько торопливо, что десятилѣтіе 1870—80 г.г., вѣроятно, будетъ названо впослѣдствіи не иначе, какъ его бѣгствомъ изъ деревни. Причины этого бѣгства, разумѣется, разныя... Точно также были разныи самые призывы въ деревню: тѣ, напримѣръ, которые скорбѣли объ абсентеизмѣ крупныхъ землевладѣльцевъ, уподобляя наше положеніе Ирландіи и противопоставляя ей Англію, какъ нѣчто идеальное, или тѣ, которые взывали къ предпріимчивости просвѣщенныхъ капиталистовъ, считая ихъ не только культурнымъ элементомъ, но и самою настоящею интеллигенціей, разумѣется, глубоко отличались отъ тѣхъ, которые звали въ деревню человѣка дѣйствительно интеллигентнаго, человѣка въ лучшемъ смыслѣ слова,

---

*) О попыткѣ этой было разсказано мною во внутреннемъ обозрѣніи „От. Зап." 1881 г., № 12.

который защитилъ бы крестьянскія права, оберегъ бы крестьянскую мысль и альтруистическія основы его жизни, принесъ бы съ собою знаніе и вообще готовъ былъ бы отдаться на безкорыстное служеніе народу. Различіе очень глубокое по существу, но имѣвшее, однако, одну общую сторону, а именно—исканіе связи съ народомъ.

Существовавшая до 1861 г. крѣпостная связь между культурнымъ человѣкомъ и народомъ была порвана и должна была замѣниться совершенно новою связью. Нельзя же, въ самомъ дѣлѣ, было знать о народѣ столько же, сколько мы знаемъ о лошади или о какихъ нибудь текинцахъ или зулусахъ, и нельзя же было сноситься съ нимъ только черезъ посредство становыхъ и исправниковъ: онъ призванъ былъ къ общественной жизни въ качествѣ самостоятельнаго гражданскаго лица, а не въ качествѣ только безличной рабочей силы, съ которою въ доброе старое время даже и разговаривать то не полагалось.

Ища этой связи, одни ловили концы стараго, только-что порваннаго каната, но концы эти далеко разбѣжались, и для того, чтобы стянуть и связать ихъ вновь—у нихъ не хватало силъ. Другіе начинали завивать новыя веревочки, но ничего у нихъ не выходило, потому что происходила невѣроятная путаница во всемъ: всѣ шумѣли, кричали, мѣшали другъ другу; земецъ говорилъ одно, чиновникъ—другое; что дѣлалъ земецъ, то чиновникъ разрушалъ, а что дѣлалъ чиновникъ, то разрушалъ земецъ. Согласіе у нѣкоторыхъ было развѣ только въ одномъ, что звѣрь выскочилъ изъ клѣтки, и что если нельзя его связать, то надо, по крайней мѣрѣ, не давать ему ходу, не давать очень баловаться свободою (о! сколько погибельна она, коли разумная ей мѣра не дана). Третьи, желая отъ всей души содѣйствовать вступленію мужика на гражданское поприще, не знали съ чего начинать...

Насколько только-что указанное различіе было глубоко, несмотря на отсутствіе какихъ нибудь внѣшнихъ раздѣлительныхъ чертъ, можно видѣть изъ того, что даже между публицистами-народниками, доказывавшими необходимость изученія и ближайшаго общенія съ народомъ, было нѣсколько подраздѣленій и спорныхъ оттѣнковъ: одни считали необходимымъ руководить народомъ по пути общаго прогресса, другіе, напротивъ, считали стремленіе къ руководительству протенціознымъ, а навязываніе народу какого нибудь готоваго понятія о прогрессѣ вреднымъ и стояли за развитіе его собственныхъ идей и міросозерцанія; одни стояли за формы жизни, другіе за сущность; одни хотѣли поднимать народъ до себя, другіе спускаться до него и растворяться въ немъ съ чисто христіанскимъ смиреніемъ и самоотверженностью; одни мечтали дать ему прежде всего образованіе и организовать его въ земскую партію для земской дѣятельности, видя въ этомъ первый политическій шагъ; другіе, не отрицая этого, придавали особенное значеніе экономическимъ условіямъ и обезпеченности и предлагали дѣйствовать сначала въ этомъ направленіи, и т. д. Само собою разумѣется, что при этомъ происходили споры: въ то время, когда одни говорили, что надо отречься отъ привиллегій умственной жизни, точно такъ же, какъ и отъ привиллегій матеріальныхъ, что нужно навсегда идти въ деревню, сжигая всѣ корабли за собою и не боясь того, что будешь, можетъ быть, утрачивать деликатность чувствъ и тонкость манеръ, другіе возражали: нѣтъ, и мы такъ же, какъ и мужикъ, имѣемъ право на жизнь и потому должны за нее бороться, обреченіемъ себя заживо на духовную смерть никому не поможешь, и т. д., а третьи доказывали возможность совмѣщенія и того, и другого: исходя изъ началъ самосохраненія и субъективнаго самосовершенствованія, они желали низвести вредъ своего привиллегированнаго положенія до minimum'а, желали ликвидировать старые долги народу и дать ему, въ видѣ преміи, образецъ человѣческаго счастья, достигаемаго путемъ труда, безъ эксплуатаціи человѣка человѣкомъ.

Наиболѣе характернымъ выраженіемъ послѣдняго взгляда можетъ, напримѣръ, служить интеллигентная деревня г. Энгельгардта, одна изъ увлекательнѣйшихъ утопій того времени, въ особенности для человѣка съ настрадавшимся сердцемъ,—утопія, однако, по всей вѣроятности, болѣе трудноосуществимая, чѣмъ еврейская деревня. Поборники народной самобытности и культурной самостоятельности народа укоряли увлекавшихся политикою за стремленіе къ власти, къ руководительству и неизбѣжному при этомъ насилію, а тѣ имъ отвѣчали: „Пока вы будете изучать народныя основы и растворяться, какъ какой-нибудь сахаръ, въ народной средѣ, ни основъ этихъ, ни васъ самихъ не останется, потому что васъ истребятъ г. Колупаевъ съ разсердившимся чиновникомъ; да и что такое это за раствореніе: вы, культурные люди, вовсе не представляете изъ себя однородной сладкой консистенціи, а состоите и изъ хорошихъ, конечно, элементовъ, и изъ множества всякаго мусора; почему же

вы думаете, что народъ возьметъ изъ васъ только одно лучшее, а дурное оставитъ? Наконецъ, не можетъ ли пойдти за вами, и подъ вашимъ же именно флагомъ, и завѣдомая дрянь, въ видѣ разныхъ дѣльцовъ и той мелкой, полукультурной тли, которая высоко летать не можетъ, но и съ четвертака желаетъ получать коммерческій %, и на самое прекрасное дѣло смотритъ прежде всего со стороны выгоды?" Первые отвѣчали, что гг. дѣльцы, Колупаевы и эта самая тля и теперь гнѣздятся въ изобиліи въ деревнѣ и творятъ тамъ все, что имъ нужно, не встрѣчая никакого противодѣйствія, что приходъ туда лучшихъ людей прежде всего ознаменовался бы сокращеніемъ этой тли и всего этого хищнаго люда, что они отдали бы народу именно лучшія свои чувства и силы, и т. д. Пререканія эти возникали въ литературѣ лишь въ самыхъ общихъ чертахъ, и, прежде чѣмъ успѣли не только обостриться, но даже хорошенько опредѣлиться и выясниться, жизнь рѣшила вопросъ уже по своему: интеллигентный человѣкъ долженъ былъ начать бѣгство изъ деревни, не находя тамъ живого дѣла, или, лучше сказать, возможности живого дѣла, которое волновало бы его и требовало бы всѣхъ его духовныхъ силъ. Желалъ ли онъ, напримѣръ, посвятить себя народному образованію и заявлялъ, что хочетъ сдѣлаться сельскимъ учителемъ, на это ему отвѣчали: „Но вы вѣдь кандидатъ университета?" — Что же изъ того, что я кандидатъ университета, тѣмъ, кажется, для васъ лучше, значитъ—знаю нѣсколько больше дьячка тоя же церкви, который у васъ учителемъ.—„Какъ что? Вы всегда можете имѣть лучшее мѣсто и получать большее жалованье".—Могу, но не желаю, потому что чувствую склонность... — „А это совсѣмъ непонятно... Собственно говоря, мы, лично, ничего противъ васъ не имѣемъ, но не знаемъ, какъ на это посмотрятъ тамъ"... (Гдѣ и кто посмотритъ, конечно, никогда не говорилось, — тамъ, молъ, вверху, въ министерствѣ или въ какомъ иномъ мѣстѣ—все равно). Желалъ ли человѣкъ устроить что-нибудь въ родѣ сыроваренной артели или ссудосберегательнаго товарищества, исправникъ ему замѣчалъ, что его прев—ство очень неодобрительно на это смотритъ и что его немедленно же возьмутъ на глазокъ и будутъ имѣть на примѣтѣ. Пробовалъ ли онъ хозяйничать сколько нибудь человѣческимъ образомъ, передъ нимъ немедленно выростала дилемма: или пожирай другихъ, или будь пожранъ другими, въ большинствѣ случаевъ, даже не крестьяниномъ, а г-мъ Колупаевымъ и К°. Перспектива непріятная! И выходъ изъ этой дилеммы былъ очень труденъ, потому что кругомъ уже установился такой режимъ. Ясное дѣло, что если у него не было достаточно терпѣнія и стойкости, то оставалось только собрать свой чемоданъ и бѣжать въ столицы и провинціальные города, подыскивая каѳедру, учительское кресло, какую нибудь должность на желѣзной дорогѣ, мѣстечко въ управѣ или даже поденной работы и уроковъ.

Я могу говорить и говорю, разумѣется, только о легальномъ исканіи связи съ народомъ и только о легальныхъ элементахъ, хотя не легальные элементы весьма часто были лишь слѣдствіемъ того, что происходило въ жизни, что говорилось и дѣлалось въ обществѣ и литературѣ, въ сферахъ отнюдь не однихъ только либеральныхъ, а и quasi-охранительныхъ. Кто выигралъ отъ отсутствія интеллигентнаго человѣка въ деревнѣ покажетъ, конечно, только будущее, да и показало ужъ въ началѣ 90-хъ годовъ во время холеры и голода, когда обнаружилась вся глубина и весь мракъ той пропасти, какая образовалась между народомъ и такъ называемымъ обществомъ. Что же касается до того, что у насъ не было въ то время ясной, опредѣленной границы между законнымъ и незаконнымъ, дозволеннымъ и недозволеннымъ, то доказательства этому можно найти на каждомъ шагу: дозволенное въ одномъ мѣстѣ—было не дозволено въ другомъ, недозволенное вчера было дозволено сегодня, а дозволенное сегодня—не дозволялось завтра. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ, о переселеніяхъ невозможно было писать, а разговоромъ съ крестьянами, что не дурно было бы имъ переселиться, положимъ, на Кавказъ, на вольныя земли, которыхъ было тамъ такъ много и о заселеніи которыхъ мѣстная администрація усиленно заботилась, тщетно вызывая переселенцевъ, можно было навлечь на себя очень серьезную непріятность и обвиненіе чуть не въ подстрекательствѣ къ бунту. Исправникъ, подозрительно относившійся къ устройству сыроваренныхъ артелей, былъ окончательно смущенъ, когда ему показали, что г. Верещагину ассигнована на 6 лѣтъ казенная субсидія отъ министерства финансовъ. Въ исторіи ссудосберегательныхъ товариществъ также было множество курьезныхъ эпизодовъ подозрительности и противудѣйствія мѣстныхъ властей, а между тѣмъ, въ то же время комитету о ссудосберегательныхъ товариществахъ была объявлена Высочайшая благодарность. Но фактовъ подобнаго рода можно найти величайшее множество. Можно ли было культурному человѣку, очутившись въ бѣдственномъ матеріальномъ

положеніи или просто стосковавшись въ городѣ, безпрепятственно удалиться куда нибудь въ тихій деревенскій уголъ и, подобно Цинцинату, взять плугъ въ руки и заняться земледѣліемъ? Кажется, что можетъ быть проще и невиннѣе этого, а между тѣмъ и это не всегда было возможно. Вотъ что, напримѣръ, находимъ мы въ № 116 „Страны“ за 1882 годъ, въ корреспонденціи изъ Казани.

„Почтенный А. Н. Энгельгардтъ,—говоритъ корреспондентъ, — призываетъ на землю интеллигентнаго пахаря, и, вмѣстѣ съ тѣмъ, разсказываетъ грустный эпизодъ изъ своей жизни, когда, подъ гнетомъ безпричиннаго соглядатайства становыхъ и урядниковъ, уважаемый ученый *запилъ*. Этимъ мученическимъ признаніемъ А. Н. Энгельгардтъ только отчасти показалъ, какъ легко живется интеллигентному пахарю, но послѣдняго окружаетъ еще много другихъ условій, ставящихъ образованнаго человѣка въ невозможность удержаться за землю“. Не перечисляя всѣхъ этихъ условій, корреспондентъ разсказываетъ слѣдующій характерный случай, повлекшій за собою совершенно неожиданный исходъ: „Прежній издатель-редакторъ „Биржеваго Листка“, А. И. Миропольскій, купилъ около Казани небольшой клочекъ земли и устроилъ на ней хуторъ. Дѣла пошли скромно, по средствамъ; сношенія съ окрестнымъ населеніемъ, необходимыя для начинающаго землевладѣльца, стали укрѣпляться; кончилось жнитво. Вдругъ, однажды, сворачиваетъ къ хутору обозъ сахарныхъ бочекъ... Увы! онѣ изображали троянскаго коня: каждая бочка заключала въ себѣ по парѣ воиновъ... Хуторъ окружили, обыскали, но ничего предосудительнаго не нашли. Комичная обстановка обыска дѣлаетъ честь находчивости мѣстнаго начальства, но послѣдствія были для г. Миропольскаго далеко не комичны. Послѣ обыска, между крестьянами, онъ прослылъ фальшивымъ монетчикомъ. Самыя существенныя отношенія земледѣльца къ его сосѣдямъ нарушились, а для возстановленія довѣрія не увсякаго интеллигентнаго пахаря хватитъ энергіи и матеріальныхъ средствъ. Тотъ же, напримѣръ, г. Миропольскій затратилъ на землю весь незначительный капиталъ отъ продажи газеты другому издателю, и, обремененный большимъ семействомъ, полагалъ найти въ землѣ спокойный, независимый трудъ и, относительно, вѣрный кусокъ хлѣба“.

Въ pendant къ этому, позволю себѣ разсказать въ краткихъ чертахъ исторію одного кружка, недолговѣчная жизнь котораго прошла у меня передъ глазами.

Въ концѣ шестидесятыхъ годовъ образовался въ Б—омъ уѣздѣ кружокъ для совмѣстной дѣятельности на народную пользу. Душою кружка была г-жа Д., женщина съ виднымъ общественнымъ положеніемъ и вліятельная, слѣдовательно, кружокъ былъ безопасенъ. Да, собственно говоря, въ немъ и не было ничего опаснаго, въ смыслѣ какого-нибудь противузаконнаго сообщества: онъ былъ чуждъ и усердно чурался всего, что у насъ обыкновенно называется политикой; однимъ словомъ, въ политическомъ отношеніи, онъ скорѣе могъ заслужить упрекъ въ чрезмѣрной осторожности и узости цѣли, чѣмъ въ обратномъ, но, тѣмъ не менѣе, онъ могъ быть весьма небезполезенъ. Вотъ въ чемъ должна была состоять его дѣятельность: люди должны были занять въ уѣздѣ положеніе, которое дало бы имъ возможность направлять народную жизнь къ лучшему, къ охраненію ея отъ бюрократическаго произвола и экономической эксплуатаціи. Если, напримѣръ, въ законѣ говорится: „правда и милость да царствуютъ въ судахъ“, то пусть онѣ царствуютъ дѣйствительно; если говорится, что „крестьянство должно образовать самостоятельное сельское состояніе“, то пусть это такъ и будетъ, и пусть все, что не клонится къ этому, идетъ въ разрѣзъ и противодѣйствуетъ этому, будетъ предано обличенію и противодѣйствію, насколько хватитъ силъ. Нужно было дѣйствовать и на экономической, и на юридической почвѣ, и въ сельскомъ хозяйствѣ, и въ земствѣ, нужно было имѣть своихъ докторовъ, судей, агрономовъ, школьныхъ учителей и т. д. Предполагалось устроивать больницы и школы, банки и промышленныя ассоціаціи, а впослѣдствіи и фабрики; предполагали показывать примѣръ раціональнаго хозяйства, пользу введенія машинъ, выгодность лучшаго сѣвооборота; думали снимать землю большими участками, чтобы раздавать ее по той же цѣнѣ по мелочамъ, освобождая такимъ образомъ крестьянъ отъ переплатъ съемщикамъ; выдавать авансы подъ работу, чтобы избавить ихъ отъ невыгодъ зимней наемки; устраивать болѣе выгодный сбытъ ихъ произведеній, чтобы избавить ихъ отъ скупщиковъ, и т. д.

Вскорѣ кружокъ открылъ свои дѣйствія, хотя принципіально многое было еще не рѣшено и шли безконечные разговоры и споры. Споры были, впрочемъ, не желчные, а самые задушевные и искренніе, кончавшіеся обыкновенно мечтами о томъ, какъ черезъ нѣсколько лѣтъ уѣздъ процвѣтетъ, покроется об-

щественными фабриками, цвѣтущими общинными садами и вообще сдѣлается образцомъ благосостоянія для всей Россіи; какъ газеты будутъ писать о немъ, какъ станутъ туда пріѣзжать туристы изъ Европы и восхищаться успѣхами свободной Россіи и творчествомъ общиннаго духа, какъ устроители такого благополучія получатъ приглашеніе устроить то же самое и въ другихъ губерніяхъ, и т. д. Кружокъ состоялъ, кромѣ г-жи Д., изъ доктора, мирового судьи, судебнаго слѣдователя, четырехъ агрономовъ, двухъ юристовъ, которые должны были заняться адвокатурой, двухъ мѣстныхъ помѣщиковъ—кандидатовъ на земскія должности и нѣсколькихъ не присоединившихся еще вполнѣ прозелитовъ и прозелитокъ, также изъ мѣстныхъ обывателей. Принадлежность къ кружку и право вступать въ него не обусловливалось вовсе условіемъ мѣстнаго обывательства: если находился гдѣ-нибудь подходящій человѣкъ, то его тащили, устраивали для него мѣсто, давали цензъ, если таковой требовался и нужно было занять выборную должность, и т. п. Нужно было привлечь одного или двухъ технологовъ для организаціи промышленныхъ артелей и одного большого земскаго или общиннаго завода, который помѣщался бы въ центрѣ нѣсколькихъ деревень, принадлежалъ имъ и давалъ работу зимою. Средства для этого были. Средства кружка, вообще, были довольно значительны, такъ какъ въ него входили люди состоятельные, и, замѣчательно, что никто не жалѣлъ этихъ средствъ, точно также, какъ никто не жалѣлъ и своего труда и силъ. Докторъ лечилъ, разъѣзжая безъ устали по деревнямъ и не оказывая ни малѣйшаго предпочтенія тѣмъ, кто могъ бы „очень хорошо“ заплатить ему за визитъ; послѣднее для него было совершенно безразлично, такъ какъ онъ не бралъ ни съ кого—ни съ богатыхъ, ни съ бѣдныхъ, говоря, что получаетъ за трудъ земское жалованье. За это же жалованье онъ нерѣдко исполнялъ при больныхъ и должность фельдшера, и сидѣлки, просиживая у ихъ постелей безсонныя ночи, давая лекарства и исполняя все, что полагается исполнять сидѣлкамъ. Это былъ неутомимый и безкорыстный человѣкъ, которому даже за глаза никто не смѣлъ поставить на-счетъ его еврейскаго происхожденія. Нерѣдко онъ дѣлился съ больными даже своимъ скуднымъ жалованьемъ, давалъ деньги на лекарства и на покупку лучшей пищи. Юристы писали крестьянамъ прошенія, защищали ихъ у мировыхъ судей, въ съѣздѣ и въ окружномъ судѣ. Барыни занимались школами или лечили, подавая первую медицинскую помощь.

Агрономы—имѣли дѣло съ землей, завѣдуя имѣніями, въ качествѣ управляющихъ, или арендуя землю за счетъ кружка. Земли въ распоряженіи кружка вскорѣ оказалось болѣе 10.000 десятинъ. Не смотря на такое, сравнительно, большое количество, ея, конечно, было мало для того, чтобы произвести какое-нибудь существенное измѣненіе въ аграрныхъ отношеніяхъ цѣлаго уѣзда; но, тѣмъ не менѣе, и съ нею можно было нѣчто дѣлать для крестьянской пользы, въ особенности въ томъ районѣ, гдѣ она главнымъ образомъ сосредоточивалась. Въ особенности стало это для всѣхъ очевидно, и въ особенности важнымъ орудіемъ явилась она въ то время, когда началась спекуляція землею, когда землевладѣльцы и ихъ оптовые арендаторы, пользуясь крестьянскимъ малоземельемъ, стали сдавать землю крестьянамъ въ аренду подесятинно, поднимая съ каждымъ годомъ неестественно на нее цѣну. Безъ риска и безъ труда, они собирали чистыя деньги, получая съ земли столько, сколько никогда не могли бы получить, еслибы хозяйничали сами. Крестьянинъ, разумѣется, соглашался платить, потому что, при отсутствіи иныхъ заработковъ, земля являлась для него чуть-ли не единственнымъ источникомъ, гдѣ онъ могъ заработать лишнюю копѣйку. При такихъ условіяхъ, онъ крайне низко цѣнилъ свой трудъ и считалъ себя не въ проигрышѣ, если у него оставалась даже одна только солома на прокормъ скота. Тогда въ провинціи играли рентою такъ же, какъ въ Петербургѣ бумагами. Кружокъ игралъ на пониженіе, оставаясь въ общемъ итогѣ въ полной отъ этого выгодѣ. Если, напримѣръ, окрестные землевладѣльцы и крупные арендаторы поднимали цѣну на десятину, положимъ, на 3 р., то кружокъ, смотря по обстоятельствамъ и мѣстнымъ условіямъ, накидывалъ 1 р., или совсѣмъ ничего не накидывалъ, или даже спускалъ 1 р. на десятину съ прошлогодней цѣны. Такимъ образомъ, вся его земля разбиралась и спросъ на землю ослабѣвалъ, а земля тѣхъ, кто игралъ на повышеніе, оставалась неразобранной или падала въ цѣнѣ, что было къ выгодѣ кружка, потому что, сверхъ посѣва на своей землѣ, заранѣе для того предназначенной или почему-либо оставшейся отъ раздачи, онъ арендовалъ землю для посѣва, при чемъ земля ему обходилась дешевле своей, или же снималъ ее на слѣдующій годъ. Весьма не рѣдко крестьянинъ предпочиталъ сдѣлать нѣсколько верстъ лишнихъ, лишь бы только снять землю у кружка и не переплачивать за сосѣднюю землю. Впрочемъ, тутъ играли важную роль и нѣкоторыя льготы, которыя допускались

кружкомъ, а другими землевладѣльцами не допускались: дозволялось, напримѣръ, давать за землю меньшій задатокъ, дозволялось остальныя деньги разсрочивать на два срока, вмѣсто одного, или отсрочивать не до жатвы, не до перваго снопа, какъ обыкновенно вездѣ дѣлалось, а до Покрова, напримѣръ, или, вообще, до продажи хлѣба. Вслѣдствіе этого крестьянинъ не становился въ безвыходное положеніе—платить деньги, не продавши еще хлѣба, или искать ихъ для его выкупа, такъ какъ онъ являлся въ рукахъ землевладѣльца залогомъ исправнаго платежа за землю, или торопиться съ продажею его за безцѣнокъ. Ясное дѣло, что такимъ образомъ у него было больше средствъ и времени и желанія для уплаты. Другіе, говорю я, этого не дѣлали. Условія отдачи земли у нихъ были такія: задатокъ, равняющійся $^1/_4$ и $^1/_3$ всей платы, и затѣмъ остальныя деньги сейчасъ же по уборкѣ хлѣба; убрать хлѣбъ дозволялось, но свезти его съ поля безъ уплаты денегъ было нельзя; за этимъ смотрѣли особые конные сторожа, которые днемъ и ночью разъѣзжали по полямъ и караулили хлѣбъ. Тутъ обыкновенно начинались тщетные поклоны и мольбы крестьянъ дозволить взять хлѣбъ, въ отвѣтъ на что показывалось только условіе, заключенное въ волостномъ правленіи, гдѣ все было прописано съ удивительною тщательностью. Невозможность достать денегъ для расплаты часто приводила къ тому, что хлѣбъ застаивался въ копнахъ до глубокой осени—до октября и ноября, а иногда и на всю зиму; его мочилъ осенній дождь, покрывалъ снѣгъ и разбрасывалъ вѣтеръ; онъ проросталъ, портился и обращался въ навозъ. Тоже, приблизительно, происходило и съ хлѣбомъ, который дозволялось свезти на владѣльческое гумно и сложить тамъ въ скирды. Все это приводило, конечно, къ убытку, какъ крестьянина, терявшаго свой хлѣбъ, трудъ и задатокъ, такъ и землевладѣльца, не получавшаго за землю, по меньшей мѣрѣ, половины платы или получавшаго ее только путемъ длинной и тяжелой процедуры—продажи крестьянскаго имущества или томленія невольнаго должника въ кутузкѣ. Недоимщиковъ постоянно таскали по мировымъ судьямъ, сажали въ холодную и т. д., но все это, разумѣется, мало помогало и только раздражало обѣ стороны. Кружокъ горькимъ опытомъ извѣдалъ нецѣлесообразность и рискъ возвышенныхъ арендъ: одинъ изъ агрономовъ, распоряжавшійся отдѣльнымъ участкомъ, находившимся на краю уѣзда, усомнился въ крестьянскомъ безденежьи, и, назначивъ нѣсколько возвышенную аренду, заключилъ съ крестьянами условія та-

кія же, какъ и остальные его сосѣди, и завелъ сторожей. Часть хлѣба была выкуплена, а другая—простояла въ копнахъ до 1-го октября. Въ октябрѣ онъ дозволилъ свезти хлѣбъ къ себѣ на гумно, гдѣ онъ простоялъ у него ровно два года и совершенно сгнилъ.

Убѣдить крестьянъ снять землю въ аренду большимъ участкомъ, на нѣсколько лѣтъ, и избавиться, такимъ образомъ, отъ съемщиковъ, по большей части, не удавалось. Неохотно соглашались на это и помѣщики, предпочитая имѣть дѣло съ однимъ арендаторомъ, но все-таки хоть нѣкоторые, а соглашались, крестьяне же никогда: тутъ являлись обыкновенно и надежды на прирѣзку надѣловъ, и боязнь купцовъ-конкуррентовъ, которые, узнавъ о желаніи крестьянъ снять землю міромъ, набивали на нее цѣну, грозили имъ и всячески мѣшали, и боязнь большихъ обязательствъ, и привычка жить изо дня въ день. Я помню одинъ очень характерный въ этомъ отношеніи случай: убѣдили двое изъ членовъ кружка одну помѣщицу сдать 1.000 десятинъ не купцу, который съ нею торговался, а крестьянамъ, сдать за ту же самую цѣну, которую давалъ и купецъ, т. е. по 3 руб. за десятину, срокомъ на 6 лѣтъ, съ обязательствомъ имѣть трехпольный сѣвооборотъ. Цѣлыхъ двѣ недѣли шли съ крестьянами переговоры и доказывалось имъ, что земля сдается дешево, что земли поднимаются въ цѣнѣ и черезъ годъ будутъ гораздо дороже, что за ту же самую землю имъ и теперь придется платить дороже купцу, который снимаетъ ее для раздачи имъ же, и т. д.,—не согласились. Землю взялъ купецъ, но не на 6 лѣтъ, а на одинъ только годъ, въ выгодности чего успѣли убѣдить помѣщицу, надѣясь, что крестьяне увидятъ воочію выгодность аренды цѣлаго участка и согласятся на это въ будущемъ году. Прошелъ годъ. Цѣна на землю поднялась, и самъ купецъ предлагалъ уже по 4 р. 50 к. за десятину. Опять толковали крестьянамъ, что и это недорого, что можно рѣшиться и на такую цѣну, что въ прошломъ году они много переплатили на арендѣ по мелочамъ и т. д., но опять ничего не вышло: „Такъ-то оно такъ,—твердили почти всѣ,—да съ чѣмъ приступишься-то—задатковъ нѣту, а тамъ—избави Господи—неурожайный годъ... Тогда и плати четыре тысячи, а откуда ихъ взять?“ Доказывали, что будь урожай или неурожай, имъ все равно придется платить 4 т. купцу, и не 4 т. придется платить, а 8—10 т., но ничто не подѣйствовало; а вскорѣ же опять начали разбирать эту самую землю по 8 и даже по 12

рублей за десятину. У крестьянъ, разумѣется, были въ данномъ случаѣ свои соображенія и затрудненія, для насъ мало понятныя, а для нихъ и весьма невыгодныя, но, тѣмъ не менѣе, трудно устранимыя. Затрудненія эти имѣли мѣсто и при отдачѣ въ аренду казенныхъ земель съ торговъ, такъ что эта мѣра на практикѣ не рѣдко оказывалась недѣйствительною и земля оставалась за болѣе сильными конкурентами-капиталистами.

Стремясь къ регулированію поземельныхъ отношеній, кружокъ стремился къ регулированію и заработной платы, стараясь гарантировать ее отъ неестественнаго пониженія. Когда осенью и зимою къ крестьянину приходила нужда, и онъ вынужденъ былъ продавать свой будущій трудъ вдвое, втрое, а иногда и вчетверо дешевле, то желающихъ пользоваться этимъ, конечно, всегда было не мало. Мало-по-малу, зимняя наемка сдѣлалась правиломъ обязательнымъ для всѣхъ мѣстныхъ хозяевъ: еслибы кто не запасся рабочими зимою, то лѣтомъ ему предстояло или платить много дороже обыкновеннаго, такъ какъ оставались ненанятыми только болѣе состоятельные домохозяева, или же остаться совсѣмъ безъ рабочихъ. Если же первые рабочіе эшелоны, состоявшіе изъ болѣе нуждавшихся крестьянъ, находили нанимателя, который предъявлялъ достаточный спросъ на руки, и, не желая пользоваться ихъ положеніемъ, выдавалъ имъ авансомъ болѣе или менѣе нормальную плату, даже хотя бы съ учетомъ ея изъ извѣстнаго %, то положеніе нѣсколько измѣнялось: менѣе нуждавшіеся, конечно, не торопились наниматься, и во всякомъ случаѣ уже придерживались этой цѣны, принимая ее за minimum. Цѣна труда не падала такъ быстро. Повторяю, что это возможно было, разумѣется, опять-таки только въ извѣстномъ районѣ и при условіи достаточнаго спроса на руки. Опредѣленіе размѣровъ платы и аванса было для нѣкоторыхъ любителей цѣлою процедурою: заручившись урочнымъ положеніемъ, курсами политической экономіи, цѣнами продуктовъ, цифрами наемки прежнихъ лѣтъ и т. п. данными, они высчитывали десятыя доли копѣекъ съ удивительнымъ педантизмомъ; но какъ бы тамъ ни было, а кружокъ, во всякомъ случаѣ, платя гораздо дороже другихъ, никогда въ убыткѣ не былъ, потому что крестьянинъ, нанявшись прежде всѣхъ у него, къ нему первому шелъ и на роботу, и, получивъ настоящую плату, работалъ лучше, да и не имѣлъ такой сильной надобности нахватать работы сверхъ своихъ силъ, какъ это бывало въ тѣхъ случаяхъ, когда, не получивъ отъ нанимателя необходимой суммы, онъ

сейчасъ же бѣжалъ къ другому, а отъ другого къ третьему нанимателю. Благодаря этому или же агрономическимъ знаніямъ, а вѣрнѣе—и тому, и другому вмѣстѣ, хозяйство кружка шло гораздо лучше, чѣмъ у другихъ, такъ что очень многіе обращались къ нему за совѣтами и справками.

Не оставляли безъ вниманія и цѣнъ на хлѣбъ: крестьянамъ говорилось, чтобы они не открывали цѣнъ, не продавали хлѣбъ первыми и придерживались той цѣны, которая будетъ назначена крупными продавцами. Исполненіе этого совѣта было едва ли не наиболѣе труднымъ, но, мало-по-малу, крестьяне стали поручать продажу своего хлѣба членамъ кружка, пристроивая свой хлѣбъ къ ихъ партіи и прося только хоть немного, хоть 1 р. на четверть „задаточку“. Вообще, довѣріе крестьянъ замѣтно возростало и отношенія становились гораздо лучше, чѣмъ два—три года тому назадъ.

Работы у кружка было много, время летѣло незамѣтно. Живя въ разныхъ мѣстахъ, всѣ, однако, часто другъ съ другомъ видѣлись: ѣхалъ-ли куда-нибудь слѣдователь на слѣдствіе, адвокатъ на судъ или докторъ къ больнымъ, они непремѣнно по пути заѣзжали къ кому-нибудь отдохнуть, поговорить, посовѣтоваться. Изъ самаго незначительнаго и зауряднаго обстоятельства выходила иногда прекрасная вещь: умъ—хорошо, говоритъ пословица, а два лучше. Большинство было связано узами самой тѣсной дружбы, которая крѣпла, по мѣрѣ того, какъ разросталось и усложнялось дѣло и появлялось больше враговъ этого дѣла. А враговъ было много, и всѣ они были на лицо, были врагами живыми, конкретными. Силы были неравныя: они—огромное большинство, кружокъ—ничтожная горсть. Когда членамъ кружка случалось бывать вмѣстѣ въ городѣ и собираться вечеромъ въ клубѣ, то тамъ непремѣнно происходили какія-нибудь исторіи, иногда веселыя, а иногда серьезныя. Въ клубѣ, впрочемъ, приходилось собираться довольно рѣдко, по большей же части для разговоровъ о дѣлахъ члены кружка съѣзжались другъ къ другу. Лѣтомъ всѣ разговоры обыкновенно происходили на открытомъ воздухѣ, гдѣ-нибудь въ саду или въ степи, и происходили, по большей части, послѣ дневныхъ занятій, т.-е. вечеромъ или ночью. Говорили, разумѣется, обо всемъ, кто что думалъ и чувствовалъ, говорили свободно, безъ всякихъ опасеній, что кто-нибудь сдѣлаетъ непріятность. Да и происходило тогда, при отсутствіи всякой цензуры, какъ-то гораздо меньше нецензурныхъ разговоровъ. На эти импровизиро-

ванныя собранія приходили иногда и крестьянинъ, и сельскій учитель. Каждый приходилъ съ полнымъ довѣріемъ и приносилъ и высказывалъ кто радость, кто горе, кто мучившую его мысль. Въ послѣдній годъ больше всего обсуждались и дебатировались два вопроса—объ организаціи выкупа земель, заложенныхъ въ банкахъ, для передачи ихъ крестьянамъ (тогда дворянскаго и крестьянскаго банковъ еще не было), и объ устройствѣ постояннаго образцоваго хутора, гдѣ хозяйство было бы послѣднимъ словомъ агрономической науки, гдѣ были бы введены всевозможныя машины и могли бы работать нѣсколько новыхъ членовъ кружка, которые должны были пріѣхать и образовать образцовую сельскохозяйственную общину. При хуторѣ предполагалась школа и практическія занятія. Я помню, какъ все предусматривалось, съ какимъ вниманіемъ обсуждалась всякая мелочь, но... но всему этому не суждено было осуществиться. Кружокъ скоро распался, не просуществовавъ и трехъ лѣтъ. Распался онъ не по какимъ-нибудь внутреннимъ причинамъ и не потому, что созналъ безполезность и безплодность своей дѣятельности, хотя кое кто со стороны и доказывалъ, что онъ дѣлаетъ пустяки, даже хуже—старается остановить естественный ходъ вещей; будучи малъ и безсиленъ, старается сглаживать шероховатости невозможныхъ отношеній и дѣйствуетъ скорѣе въ пользу тѣхъ, кого считаетъ своими врагами. „И смотрите, добавляли эти скептики: они-то именно васъ и слопаютъ"... Послѣднія слова оказались, къ сожалѣнію, пророческими. Хотя кружокъ нѣсколько и преувеличенно смотрѣлъ на свою дѣятельность, но старался всѣми силами сдѣлать ее возможно болѣе скромною и безобидною, и она, будучи прямымъ слѣдствіемъ и послѣдовательнымъ развитіемъ духа реформъ, которымъ повѣяло въ 1861 г., дѣйствительно, была строго легальна и отличалась законностью, но, тѣмъ не менѣе, многимъ мѣстнымъ вліятельнымъ лицамъ она была не по вкусу и возбуждала разныя подозрѣнія, опасенія и недовольство. Я уже сказалъ, что у кружка было много враговъ: поступки и разговоры его передавались изъ устъ въ уста искаженные и прикрашенные, про кружокъ сочинялись небылицы, долженствовавшія его скомпрометировать, и т. д. Пока члены кружка жили и дѣйствовали врозь,—имъ трудно было что-нибудь сдѣлать и въ чемъ-нибудь изобличить, но какъ только зашла рѣчь объ устройствѣ общаго хутора, такъ немедленно же было рѣшено, что кружокъ составляетъ какую-то шайку, какое-то развѣтвленіе.

Кружокъ распался, и всѣ мечты и надежды его разлетѣлись въ прахъ. Пропала также у многихъ энергія, силы и желаніе что-нибудь дѣлать на общественную пользу, а нѣкоторые убѣдились въ невозможности даже самой скромной дѣятельности. Большинство кружка теперь, впрочемъ, уже померло, почему я и разсказываю его исторію, такъ какъ убѣжденъ въ томъ, что вынесенное не въ одномъ только данномъ случаѣ, а и во многихъ другихъ испытаніе и потеря вѣры въ жизнь не остались безъ вліянія на человѣческое здоровье и ускорили наступленіе роковой развязки въ возрастѣ, еще слишкомъ раннемъ для смерти: кто кончилъ жизнь отъ чахотки, кто въ домѣ умалишенныхъ, а нѣкоторые, оставшіеся въ живыхъ, кончили еще хуже.

Не могу, между прочимъ, не разсказать одного факта довѣрія и добрыхъ отношеній крестьянъ къ кружку уже послѣ его разрушенія. Послѣднее произошло, кажется, въ октябрѣ. Одинъ изъ агрономовъ заболѣлъ, лежалъ въ уѣздномъ городѣ и во что бы то ни стало просилъ меня пріѣхать къ нему. Я немедленно же поѣхалъ и засталъ его въ большомъ безпокойствѣ и волненіи: онъ былъ чѣмъ-то огорченъ, и, не смотря на то, что былъ еще слабъ и хорошенько не поправился отъ болѣзни, собирался въ имѣніе, которое незадолго передъ тѣмъ было у него отобрано владѣльцемъ. Оказалось, что, какъ разъ передъ этимъ, у него былъ этотъ самый владѣлецъ, и, наговоривъ ему кучу непріятностей, по поводу распущенности крестьянъ и etc., разсказалъ ему свое затруднительное положеніе: весь посѣвъ свекловицы былъ еще не убранъ, а наступили уже первые заморозки, которые, повторившись, могли окончательно погубить свекловицу и оставить сахарный заводъ безъ работы; предстояли огромные убытки, между тѣмъ, крестьяне не соглашались даже за двойную цѣну выйти на работу, такъ какъ стояла дурная погода—дождь, вѣтеръ и гололедка. Вотъ по этому-то случаю и собирался больной человѣкъ въ деревню, съ полною увѣренностью, что свекловица будетъ убрана. И, дѣйствительно, одного его пріѣзда и самой простой просьбы было достаточно, чтобы всѣ сосѣдніе крестьяне, отъ мала до велика, вышли на работу и не взяли никакой лишней платы, не смотря на отвратительную погоду. О сожалѣніяхъ, при прощаніи, нечего и говорить.

Не знаю, входило-ли разрушеніе такой мирной дѣятельности въ чьи-нибудь виды и въ особенности въ виды тогдашней вну-

тренней политики, но знаю, что для послѣдней это было очень невыгодно и давало совершенно не тѣ результаты, какіе она получить желала. А приключеніе съ г. Миропольскимъ показываетъ только, что у нѣкоторыхъ провинціальныхъ охранителей взгляды на этотъ счетъ и черезъ 10 лѣтъ мало перемѣнились, такъ что и тогда было не совсѣмъ еще безопасно заниматься даже земледѣліемъ, хотя бы это было въ самомъ далекомъ и глухомъ медвѣжьемъ углу, гдѣ и политики-то никакой быть не могло. Неужели, спроситъ будущій читатель, и для занятія земледѣліемъ нужно было брать особое свидѣтельство о благонадежности? Въ Петербургѣ скоро стали смотрѣть на это нѣсколько иначе и, наоборотъ, стали даже сочувствовать тому, чтобы люди побольше занимались земледѣліемъ... Чрезмѣрное усердіе нерѣдко переходило въ медвѣжью услугу и далеко не всегда руководствовалось мотивами государственной пользы. Я зналъ одного исправника, въ углу еще болѣе глухомъ, которому во что бы то ни стало хотѣлось поймать хоть какого-нибудь политическаго преступника, и онъ просто лѣзъ изъ кожи и выбивался изъ силъ, слѣдя рѣшительно за всѣми не только пріѣзжими, но и за обывателями. Разумѣется, онъ очень часто попадалъ въ просакъ и получалъ непріятности. Да зачѣмъ они къ вамъ сюда пойдутъ—политическіе-то приступники? скажешь ему, бывало, видя его усталое и измученное лицо.—„Ну, этого вы не говорите,—отвѣчалъ онъ:—они вездѣ ходятъ. Зачѣмъ же мнѣ даны инструкціи“... Мотивомъ же для такого старанія, какъ объяснила его супруга, было желаніе отличиться и попасть полицмейстеромъ въ сосѣдній городъ: „Ему и во снѣ-то снится,—говорила она:—какъ онъ на парѣ летитъ по N—ску“. Можетъ быть, только подобные мотивы были и у охранителей, заподозрившихъ г. Миропольскаго.

Подобныя исторіи будутъ когда-нибудь казаться невѣроятными, но мало-ли у насъ было невѣроятнаго.

2. Культурные одиночки.

Мы хотимъ поговорить о людяхъ, которыхъ, не смотря на разнаго рода препятствія, все таки неудержимо влечетъ въ деревню ихъ мысль и чувство, которые несутъ туда культурную миссію или просто находятъ тамъ личное удовлетвореніе: болѣе простую и совѣстливую жизнь, дѣятельность по душѣ или внутреннее сознаніе исполняемаго долга, сознаніе, что поступаютъ они правильно, согласно съ убѣжденіями, и дѣлаютъ нѣчто полезное. Въ то время, какъ культурное большинство знаетъ мужика только какъ работника или только по наслышкѣ, по картинкамъ да изъ печати, боясь на самомъ дѣлѣ и его грубости, и его неопрятнаго полушубка, они не смущаются подобными вещами и хотятъ жить среди живого населенія, около дѣйствительнаго мужика, тѣмъ болѣе, что для этого нѣтъ надобности ни носить неопрятныхъ полушубковъ, ни подвергаться мужичьей грубости, такъ какъ отношенія, если въ нихъ нѣтъ эксплуатаціи и высокомѣрія, могутъ установиться самыя прекрасныя. Лѣтъ 30 тому назадъ такихъ людей было не мало; затѣмъ, вслѣдствіе иныхъ теченій мысли, новыхъ вопросовъ и разныхъ неблагопріятныхъ условій, стремленіе это затихло, отошло на второй планъ; а въ послѣдніе годы снова оживилось, и культурный человѣкъ, въ разныхъ видахъ,—въ качествѣ врача, техника, агронома, учителя, адвоката и т. п.,—снова пошелъ въ деревню и понесъ туда свою душу и знанія. Иногда знанія эти значительны и солидны, иногда не больше лепты вдовицы, но и лепта вдовицы, принесенная отъ чистаго сердца, была, какъ извѣстно, принята и поставлена даже въ примѣръ человѣчеству.

Люди, о которыхъ мы говоримъ, представляютъ довольно разнообразную и интересную галлерею фигуръ, характеровъ, убѣжденій, задачъ и цѣлей. Мы встрѣчаемъ тутъ и совсѣмъ юную дѣвушку-идеалистку, которая учитъ дѣтей до потери силъ, и старика-профессора Московскаго университета (Рачинскаго), оставляющаго каѳедру, чтобы отдаться нисшей народной школѣ, устраиваемой по его идеалу, съ которымъ ни за что не согласились бы ни эта дѣвушка, ни другіе, близкіе деревнѣ старики, вродѣ А. Н. Энгельгардта, Н. В. Верещагина и Л. Н. Толстого, не смотря на существующее въ свою очередь различіе въ ихъ взглядахъ; тутъ мы встрѣчаемъ и врачей, вродѣ г. Таирова, которые, повидимому, хотятъ больше всего доказать возможность для интеллигентнаго человѣка существовать самостоятельно, не зависѣть отъ службы и окладовъ и идти въ жизнь на собственный рискъ и страхъ, и людей, совсѣмъ о себѣ забывающихъ, беззавѣтно отдающихся избранному дѣлу и благополучію окружающей среды; и тихихъ послѣдователей гр. Толстого съ ихъ своеобразною философіею, и мужественныхъ защитниковъ крестьянскихъ интересовъ; и людей, хлопочущихъ

о введеніи агрономическихъ улучшеній, и основателей артелей, и учителей, и переселенческихъ ходоковъ и т. д. Но, прежде, чѣмъ устанавливать какіе-либо отличительные—внутренніе или внѣшніе — признаки и распредѣлять людей по категоріямъ, прежде, чѣмъ разбирать ихъ дѣятельность и дѣлать какія-либо обобщенія, мы просто припомнимъ ихъ наиболѣе характерныя фигуры и черты. Нѣкоторые изъ нихъ такъ оригинальны и типичны, что я крайне жалѣю о недостаткѣ художественной изобразительности.

Въ Писаніи сказано: почти лице старче, а потому припомнимъ сначала стариковъ. Вотъ, напр., о какой оригинальной фигурѣ сообщилъ „Смол. Вѣстн.“: умершій недавно кн. В. В. Вяземскій былъ замѣчательнымъ человѣкомъ среди современнаго общества. Всѣ въ уѣздѣ и въ городѣ знали и любили его. Былъ онъ когда-то очень богатъ, а „умеръ въ бѣдности, которая не покидала его въ послѣднія 25 лѣтъ его жизни“. Потомокъ древняго, знатнаго рода, покойный князь В. В. жилъ просто, какъ крестьянинъ, одѣвался всегда въ синюю, нанковую блузу и тулупъ и всю жизнь работалъ въ потѣ лица. Природа наградила его необыкновенными способностями, и онъ отлично изучилъ чуть-ли не всѣ ремесла: онъ былъ отличный кузнецъ, столяръ, слесарь, архитекторъ, рѣзчикъ и дѣлалъ плуги, молотилки, вѣялки, мебель, рояли, иконостасы. Онъ имѣлъ обширную мастерскую въ Москвѣ и въ своемъ имѣніи, но что всего важнѣе—это нисколько не мѣшало ему быть „всесторонне образованнымъ и глубоко гуманнымъ человѣкомъ, съ самой нѣжной, отзывчивой душой, которая неотразимо вліяла на все окружающее и привлекала къ себѣ каждаго“. Уважая выше всего человѣческую личность, „ненавидя произволъ, хотя бы и легальный“, онъ въ 1850—52 гг. отпустилъ на волю всѣхъ своихъ крѣпостныхъ крестьянъ Бронницкаго и Серпуховскаго уѣздовъ, надѣлилъ ихъ землею, не исключая и дворовыхъ, взявъ съ нихъ небольшой, „посильный выкупъ, который немедленно же до копѣйки роздалъ бѣднѣйшимъ крестьянамъ“. Онъ входилъ во всѣ ихъ нужды; за то и крестьяне „боготворили его“: „они за счастье считали поработать на него, дать ему пріютъ, накормить въ своей хатѣ“. „Меня кормятъ мои крестьяне,—говорилъ онъ шутя,—и я горжусь этимъ. Они не то, что нашъ братъ... у нихъ есть сила и будущность“. Принадлежа къ эпохѣ, идеализировавшей народъ и вѣрившей въ его духовныя силы, онъ такъ

и умеръ съ этою вѣрою. Не было, очевидно, случаевъ для утраты этой вѣры.

Тотчасъ же по выходѣ въ 1846 году изъ военной службы въ отставку, онъ, какъ человѣкъ, томимый „духовною жаждою“ и „вѣчными вопросами“, погружается, не смотря на свои 35 лѣтъ, въ науку: изучаетъ механику, химію, математику, философію, а на досугѣ, прямо отъ дифференціальныхъ исчисленій и отъ Канта и Лейбница переходитъ къ верстаку; но наука и свѣтская жизнь не даютъ ему удовлетворенія. И вотъ, черезъ нѣсколько лѣтъ онъ оставляетъ женѣ свое значительное состояніе и поступаетъ простымъ рабочимъ въ московскую переплетную мастерскую Кузнецова. Проработавъ тамъ годъ, онъ уѣзжаетъ въ дер. Кудаево, Серпуховскаго у., а „чтобы отрѣзать себѣ путь къ обезпеченной жизни“, безвозмездно раздаетъ крестьянамъ всю свою землю, оставивъ себѣ только небольшой боръ за рѣкой Нарой. Въ этомъ то дремучемъ, сосновомъ лѣсу, въ уютномъ деревянномъ домикѣ на высокомъ холмѣ и начинается его скромная жизнь. Въ домикѣ этомъ, срубленномъ имъ самимъ съ помощью пріятелей-крестьянъ, онъ прожилъ около 30 лѣтъ (съ 1856 года), „занимаясь чтеніемъ и работами, внося всюду свѣтъ, добро и живое человѣческое сердце“. Когда ему недоставало хлѣба и пищи, о которыхъ онъ мало думалъ, то онъ спускался на берегъ Нары и громко кричалъ: „хлѣба нѣтъ!“ И едва знакомый крикъ доносился до села Кудаева, расположеннаго на противоположномъ берегу рѣки, какъ „всѣ, бѣдный и богатый, наперерывъ спѣшили къ нему съ припасами,—кто съ краюхой хлѣба, кто съ кринкой молока, кто съ капустой, кто съ медомъ“. Тоже повторялось всегда и съ крестьянами сосѣднихъ деревень—с. Бутырокъ и Скребуховинъ. Видя это, онъ сказалъ однажды, смѣясь, автору сообщенія: „Я—какъ пророкъ Илья. Меня питаютъ мои вороны. Вотъ это великая честь. Стоитъ генеральской звѣзды! Вотъ теперь буду сытъ и васъ могу угостить“. До конца жизни онъ жилъ съ простымъ народомъ душа въ душу и питался его пищей, ненавидя всякую роскошь. „Я никогда не заботился объ ѣдѣ,—говаривалъ онъ,—и потому никогда не чувствовалъ гнета нужды. Вотъ когда чаю не на что купить или интересныхъ книгъ—вотъ это сущая нужда!“ Художникъ, артистъ по натурѣ, онъ страстно любилъ музыку, живопись, скульптуру. Не имѣя возможности слушать музыку, онъ, говорятъ, ходилъ по вечерамъ за нѣсколько верстъ въ садъ къ незнакомому сосѣду слу-

шать его игру на роялѣ: придетъ и слушаетъ, а затѣмъ опять уходитъ, пока, наконецъ, не состоялось какимъ-то образомъ знакомство. Чистый во всѣхъ помыслахъ и дѣйствіяхъ, „кн. Василій Васильевичъ не понималъ прелестей богатства и собственности: онъ немедленно раздавалъ ихъ друзьямъ и нуждающимся". Одному бѣдному музыканту, Ф. К—ву, онъ писалъ напр.: „сейчасъ у меня есть деньги. Берите скорѣе, пока цѣлы". Будучи помѣщикомъ, онъ отдавалъ нуждавшимся крестьянамъ весь запасъ хлѣба; въ 70-хъ годахъ роздалъ погорѣльцамъ дер. Шохлова безвозмездно всѣ свои надворныя постройки, а пострадавшему болѣе другихъ отдалъ даже „деревянный полъ своего кабинета, выстеливъ его кирпичемъ". Послѣдніе четыре года жизни кн. Вяземскій посвятилъ службѣ земству и устройству новой земской больницы, а умирая, просилъ „похоронить его въ полѣ за оградой, рядомъ съ могилами невѣдомыхъ бѣдняковъ, и на похороны не тратить болѣе 3 рублей". Но похороны неожиданно вышли довольно торжественными: „всѣ сословія, всѣ профессіи соединились въ одномъ чувствѣ глубокой скорби, симпатіи и любви у гроба этого замѣчательнаго человѣка"; „явилось духовенство, пѣвчіе, земцы и огромная толпа народа; на пути печальнаго шествія служились безконечныя панихиды по желанію провожавшихъ"... Вообще, говоритъ „См. В.", много было пролито „искреннихъ, горячихъ слезъ" о мирно-почившемъ народолюбцѣ, возлюбившемъ меньшаго брата больше, чѣмъ самого себя" (№ 106, 92 г.).

По поводу этой смерти почтенная провинціальная газета вспоминаетъ тѣ „былыя времена, когда наша общественная жизнь если и не кипѣла ключомъ, то, по крайней мѣрѣ не представляла изъ себя мертвой поверхности стоячаго болота, въ мутной водѣ котораго такъ привольно живется хищникамъ всякаго званья и чина", когда было „поднято много вопросовъ, касающихся измѣненія и искорененія различныхъ неприглядныхъ явленій дѣйствительности", когда—люди „волновались, шумѣли, спорили объ идеалахъ, стремились осуществить свои идеи на практикѣ, мало заботясь о томъ, какія это повлечетъ послѣдствія лично для нихъ самихъ". Указывая, что съ теченіемъ времени „возбужденіе уступило мѣсто апатичному, почти сонному состоянію" и что поднятые когда то вопросы были сданы въ архивъ, газета находитъ полезнымъ и необходимымъ напоминать о нихъ, тѣмъ болѣе, что „жизнь на каждомъ шагу рождаетъ факты, слишкомъ рѣзко бросающіеся въ глаза, чтобы

можно было проходить мимо нихъ молча". Такъ продолжаться не можетъ, говоритъ она: „общество, которое умышленно закрываетъ глаза на темныя стороны общественной жизни и, такъ сказать, санкціонируетъ ихъ своимъ невмѣшательствомъ, оказываетъ плохую услугу странѣ, нуждающейся прежде всего въ отзывчивыхъ и энергичныхъ работникахъ, девизомъ которыхъ должно быть благо всѣхъ, а задачей—борьба со зломъ во всѣхъ его проявленіяхъ. Такихъ людей у насъ немного, но они были, есть и въ настоящее время".

Слова эти, относясь къ кн. Вяземскому, могутъ быть отнесены также и къ другому, хотя и совершенно особенному, но тоже въ своемъ родѣ очень интересному человѣку—помѣщику Валдайскаго уѣзда, В. П. Гецевичу, фигурировавшему нѣсколько лѣтъ тому назадъ въ Новгородскомъ окружномъ судѣ, въ качествѣ обвиняемаго въ преступленіи, котораго онъ не совершалъ и въ которомъ, разумѣется, былъ оправданъ присяжными. Производившееся надъ нимъ слѣдствіе раскрыло рядъ фактовъ, полныхъ самаго прискорбнаго значенія и освѣтившихъ одинъ изъ медвѣжьихъ уголковъ провинціи, полной кипучей, мелкой „борьбы, захватывающей собою и тѣ сферы, которыя въ принципѣ должны стоять внѣ всякихъ личныхъ дрязгъ и междоусобій". „Личность Гецевича любопытна, какъ новый типъ деревни,—говоритъ „Недѣля",—изъ судебной хроники которой мы заимствуемъ эти свѣдѣнія.—Гецевичъ нѣсколько разъ судился, и въ одномъ изъ предъидущихъ процессовъ самъ разсказалъ суду длинную исторію своихъ тяжбъ, неудачъ и мытарствъ". Это, говоритъ „Недѣля", „цѣлая поэма страданій, подробности которой мѣстами просто ужасны". Вотъ въ краткихъ чертахъ эта поэма. Дѣло происходило давно: въ 1874 г. въ Новгородской губ. купилъ себѣ имѣніе нѣкто г. Казинъ, человѣкъ богатый. Устраивая новую усадьбу, онъ, между прочимъ, провелъ къ себѣ отъ Окуловской станціи дорогу, которая прошла по крестьянскимъ землямъ. Крестьяне просили Гецевича вступиться за нихъ. Гецевичъ написалъ куда слѣдуетъ прошеніе и дорога была закрыта; но г. Казинъ, въ отвѣтъ на это, получилъ отъ бывшаго мирового посредника г. Косаговскаго свидѣтельство въ томъ, что земли, по которымъ проведена дорога, принадлежатъ къ неудобнымъ. Тогда Гецевичъ, съ своей стороны, представилъ другое свидѣтельство, и тоже отъ мирового посредника, что земли эти, напротивъ, признавались удобными, такъ какъ на нихъ былъ наложенъ оброкъ.—

Г. Казинъ покончилъ дѣло съ крестьянами полюбовно, но за то послѣ этого на г. Гецевича посыпался цѣлый дождь невзгодъ. Отъ него вдругъ потребовали паспортъ; онъ представилъ „дворянскій указъ герольдіи", который не былъ признанъ за подлинный, и Гецевича посадили въ тюрьму, гдѣ онъ пробылъ болѣе полугода. Наконецъ, его освободили, но въ слѣдующемъ же году ему пришлось отсидѣть еще четыре мѣсяца „за оскорбленіе суда". Въ 1879 г. возникло новое дѣло: г. Казинъ продалъ свое имѣніе брату бывшаго новгородскаго губернатора, Лерхе, при чемъ у Гецевича было захвачено 9 дес. земли и озеро. Затѣмъ, крестьяне дер. Мельницы судившіеся съ помѣщикомъ Балкашинымъ и проигравшіе дѣло, просили Гецевича помочь имъ; онъ написалъ прошеніе въ съѣздъ, и съѣздъ отмѣнилъ рѣшеніе мирового судьи. Крестьяне выиграли, но за то на Гецевича вдругъ былъ поданъ доносъ, что онъ „возмущаетъ крестьянъ", и его препроводили въ Кемь. Девять мѣсяцевъ шелъ онъ въ Архангельскую губ., „и только благодаря счастливому случаю, по милости покойнаго Государя, Александра II, его возвратили назадъ". Въ 1882 г. къ Гецевичу опять обратились крестьяне уже третьей деревни—Новой. Они жаловались на того же Балкашина: онъ отдалъ имъ въ аренду покосы и долженъ былъ получать съ нихъ за это 3 т. пудовъ сѣна, но такъ какъ при этомъ вѣсы у него были невѣрные, то онъ перебиралъ съ нихъ по $1\frac{1}{2}$ т. пудовъ лишнихъ. Гецевичъ, убѣдившись въ основательности жалобы, опять „вступился": далъ знать прокурору, и вѣсы, дѣйствительно, „признаны были фальшивыми и сняты полиціей, но дѣло постарались замять". Тогда Гецевичъ, по просьбѣ крестьянъ, написалъ объ этомъ судебному слѣдователю и жалобы г.г. министру юстиціи и министру внутреннихъ дѣлъ; завязался процессъ и былъ выигранъ въ пользу крестьянъ; но Гецевичъ опять поплатился: Балкашинъ взвелъ на него обвиненіе, что представленныя имъ и находящіяся въ дѣлѣ росписки его управляющаго на имя крестьянъ будто бы поддѣльны. Гецевича опять посадили въ тюрьму. Изъ тюрьмы онъ подалъ жалобу прокурорскому надзору на притѣсненія исправника, г. Пицуры, при чемъ рѣзко выразился (сказавъ, что „исправникъ, желая прикрыть мошенническія продѣлки Балкашина", и пр.); исправникъ обидѣлся и возникло дѣло объ оскорбленіи должностнаго лица. Обвиненіе Балкашина въ поддѣлкѣ росписокъ оказалось ложнымъ, но въ тюрьмѣ Гецевичъ все-таки посидѣлъ.

Обвиненіе въ оскорбленіи исправника кончилось штрафомъ въ 50 р., но на этой почвѣ создалось еще болѣе непріятное дѣло...

До разбирательства еще обоихъ этихъ дѣлъ, Гецевичъ былъ выпущенъ домой, со взятіемъ залога въ 500 р. и подписки о невыѣздѣ изъ усадьбы; одно дѣло было назначено къ разбору на 12 сентября, а другое—объ оскорбительномъ выраженіи противъ исправника, на 24 сентября. На первое дѣло Гецевичъ не явился, представивъ медицинское свидѣтельство, и просилъ о разборѣ обоихъ дѣлъ вмѣстѣ. Судъ призналъ причину неявки уважительной и отложилъ оба дѣла до 24 сентября, но прокурору въ это время кто-то сообщилъ, что будто бы медицинское свидѣтельство ложно, что Гецевичъ выѣзжаетъ изъ усадьбы и даже самъ кроетъ крышу своего дома; прокуроръ выразилъ опасеніе, что Гецевичъ можетъ воспользоваться условностью медицинскаго свидѣтельства (гдѣ было сказано, что онъ „впредь до выздоровленія" не можетъ пріѣхать въ Новгородъ) и не явиться и 24, указалъ на неудобство откладывать это дѣло, въ виду множества вызванныхъ издалека свидѣтелей, и высказался за приводъ подсудимаго. Судъ согласился съ этими соображеніями и сдѣлалъ постановленіе о приводѣ. И вотъ, въ одинъ прекрасный вечеръ въ усадьбу Гецевича пріѣзжаютъ: помощникъ г. Пицуры—Дьячковъ, урядникъ, полицейскій врачъ, городовой и ямщикъ, вяжутъ сопротивляющагося Гецевича и увозятъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ создается новое дѣло уже „о вооруженномъ сопротивленіи" со стороны его и старушки его экономки, г-жи Мальцевой. По протоколу, дѣло происходило такъ: послѣ того, какъ врачъ Горлицынъ нашелъ Гецевича достаточно здоровымъ для поѣздки, г. Дьячковъ прочиталъ повѣстку и объявилъ, что принужденъ будетъ прибѣгнуть къ силѣ. Тогда Гецевичъ будто бы вскричалъ: „попробуй!", схватилъ револьверъ и хотѣлъ всѣхъ перестрѣлять, но, къ счастью, удалось отнять у него смертоносное оружіе (которое, впрочемъ, оказалось незаряженнымъ). Когда же его „взяли подъ руки, чтобы вывести изъ комнаты, то онъ отбивался и руками, и ногами, и кричалъ своей экономкѣ Мальцевой, чтобы она... крикнула рабочихъ". Тогда „съ прискорбіемъ" пришлось его связать и вывести въ прихожую, но тутъ явилась Мальцева и стала заступаться. Во время борьбы Гецевичъ ударилъ дверью Дьячкова, тогда какъ онъ, г. Дьячковъ, „самымъ покойнымъ тономъ уговаривалъ его не сопротивляться" и вообще—„ничего, кромѣ вѣжливаго обхожденія, себѣ не позволялъ". Однако, судебная палата, утверждая

обвинительный актъ, выкинула изъ него весь эпизодъ съ револьверомъ и признала сопротивленіе невооруженнымъ, а на судѣ „все событіе представилось совсѣмъ въ другихъ краскахъ". Одинъ только телеграфистъ, привозившій телеграмму, показалъ, что съ Гецевичемъ обращались вѣжливо. Врачъ Горлицинъ избралъ благую часть и отказался разсказать подробности привода, „отзываясь запамятованіемъ и незнаніемъ". Сами производившіе приводъ разошлись въ показаніяхъ: одни утверждали, что Гецевича взяли на дворѣ, тогда какъ г. Дьячковъ „отлично помнилъ, что это было въ комнатѣ". Урядникъ признался, что раздраженіе Гецевича началось съ того момента, когда только что полученная на его имя телеграмма изъ Петербурга „была вырвана г. Дьячковымъ изъ рукъ Мальцевой" и что Гецевичъ просилъ отдать ему телеграмму и дать одѣться, говоря, что „тогда онъ поѣдетъ".

„Губ. секр. Горскій (жившій у Гецевича) показалъ, что хорошо видѣлъ, какъ Гецевичу „наносили безпощадные побои"; кто билъ—хорошенько нельзя было разобрать, но видѣлъ, какъ именно г. Дьячковъ нанесъ ему ударъ; онъ же ударилъ Мальцеву въ грудь такъ сильно, что она упала безъ чувствъ. Когда бросились на сидѣвшаго на коврѣ Гецевича—со стѣны упали картины и пистолетъ. Гецевичъ сказалъ: „я поѣду съ вами, но я вѣдь человѣкъ—надо чаю напиться и одѣться". На него набросились тогда и потащили вонъ изъ комнаты, нанося побои. Вывели Гецевича въ одной рубахѣ и безъ шапки; Горскій принесъ ему пальто. Свидѣтель удостовѣряетъ, что Гецевичъ въ послѣднее время дѣйствительно жаловался на нездоровье, но собирался ѣхать въ судъ на 24 сентября и дѣлалъ распоряженія относительно этой поѣздки".

Крестьянинъ Панкратьевъ также показалъ, что „всѣ прибывшіе бросились на Гецевича (а его, Панкратьева, выгнали вонъ); затѣмъ Гецевича вывели связаннаго, толкали въ спину и пихали ногами, а г. Дьячковъ ударилъ его по шеѣ; когда Мальцева подступилась къ нимъ, ее ударили такъ, что она замертво упала на землю; на дворѣ Гецевича поволокли къ телѣгѣ и взвалили на нее". Фактъ, что били Гецевича, былъ подтвержденъ также крестьянами Васильевымъ и Ефимовымъ. Вообще, „никто револьвера у него въ рукахъ не видѣлъ"; но „всѣ отлично видѣли, какъ его били". Самъ Гецевичъ показалъ, что, кромѣ побоевъ, онъ испыталъ еще рядъ униженій и оскорбленій. Такъ, по дорогѣ изъ усадьбы, заѣзжали въ одно

имѣніе на ночлегъ, а его „бросили въ арестантскую-холодную при волостномъ правленіи". Проѣзжая дер. Новую, Дьячровъ указывалъ на него собравшимся крестьянамъ и говорилъ: „смотрите, вотъ вашъ защитникъ: онъ уже больше не вернется къ вамъ". Въ Валдаѣ Гецевичъ провелъ въ арестантской холодной два дня; по прибытіи въ Новгородъ, его опять посадили въ арестантскую, гдѣ онъ заявилъ жалобу на побои и на то, что „уже четыре дня ему не даютъ ничего ѣсть". Новгородскій полиціймейстеръ, г. Смирновъ, распорядился послать ему чаю и булокъ, а присланный врачъ освидѣтельствовалъ слѣды „вѣжливаго обращенія": „на рукахъ Гецевича оказались рубцы и полосы отъ веревокъ, которыми онъ былъ скрученъ четыре дня назадъ". По другому освидѣтельствованію, этихъ слѣдовъ найдено не было, но любопытно, что присутствовавшій при этомъ понятой заявилъ суду, что онъ „ничего не видѣлъ и видѣть не могъ, потому что во время осмотра стоялъ далеко". Любопытно также и отношеніе суда къ Гецевичу, отношеніе немыслимое и невозможное въ первые годы судебной реформы. Становой приставъ, вызванный въ качествѣ свидѣтеля со стороны г, Пицуры, дурно отозвался о Гецевичѣ; когда же защита спросила его: знаетъ ли онъ Гецевича, то предсѣдательствующій въ судѣ замѣтилъ, что „эти вопросы къ дѣлу не идутъ". Защитникъ возразилъ, что свидѣтель былъ вызванъ на предварительное слѣдствіе, что показаніе его занесено въ обвинительный актъ и что если предсѣдатель не считаетъ возможнымъ предлагать ему вопросы, то не найдетъ-ли судъ возможнымъ прочесть его предварительное показаніе? Предсѣдатель отвѣтилъ, что онъ „и это считаетъ излишнимъ". Далѣе было сказано, что Гецевичъ подлежитъ суду еще по другому обвиненію, по 1416 ст. ул. о наказаніяхъ. Защитникъ просилъ объяснить, въ чемъ заключается это дѣло и какія послѣдствія оно можетъ имѣть для обвиняемаго. Предсѣдатель отказался отъ выясненія, а когда Гецевичъ самъ хотѣлъ было разсказать дѣло—„остановилъ его и даже лишилъ слова". Тогда, видя все это, уже старшина присяжныхъ обратился къ суду съ просьбой разъяснить упомянутое дѣло, чтобы знать, съ чего начались обвиненія противъ Гецевича, но предсѣдатель и ему объявилъ, что судъ находитъ это „излишнимъ".

Защищали Гецевича и Мальцеву гг. Александровъ и Кишенскій. Въ блестящихъ рѣчахъ они совершенно разсѣяли всякое правдоподобіе тяжкихъ обвиненій. Присяжные вынесли обо-

имъ подсудимымъ безусловно оправдательный вердиктъ, который публика встрѣтила рукоплесканіями. Предсѣдатель сдѣлалъ ей за это „строжайшее замѣчаніе“; но Гецевичъ все-таки былъ объявленъ свободнымъ и могъ снять „арестантскій халатъ“, въ которомъ былъ на судѣ (№ 11, 1885 г.).

Личность Гецевича въ высшей степени интересна. Очень возможно, что это одна изъ тѣхъ безпокойныхъ, не снисходительныхъ и придирчивыхъ натуръ, которыя такъ непріятны въ житейскомъ обиходѣ; но вѣдь каждое дѣло, въ какое онъ вступается; есть правое дѣло, правое и внутреннею, нравственною, и внѣшнею, формальною стороною. Каждое крестьнское дѣло, за какое онъ берется и ведетъ судебнымъ порядкомъ, онъ выигрываетъ. Онъ стоитъ на вполнѣ лойяльной почвѣ, и неуступчивая, боевая натура его направляется противъ такой неправды, которая нарушаетъ законъ, открыто его игнорируетъ или проползаетъ между недостаточно бдительными его блюстителями и втихомолку посягаетъ на чужія права: устраиваетъ фальшивые вѣсы, захватываетъ чужую землю и т. п. Что въ этомъ дурного? Почему же онъ одинъ, почему у него нѣтъ опоры и поддержки, если не въ мѣстномъ, уѣздномъ обществѣ, то въ Новгородѣ, если не въ Новгородѣ, то въ Петербургѣ? Конечно, это можетъ говорить дурно о нашемъ общественномъ мнѣніи и объ условіяхъ, среди которыхъ приходится жить, но я усматриваю тутъ также слабую сторону и у г. Гецевича, не какъ у человѣка, а какъ у дѣятеля, какъ у защитника нарушаемыхъ правъ. Общественное мнѣніе и общественныя условія представляютъ такую хорошо извѣстную данную, которую игнорировать нельзя, а, слѣдовательно, нельзя игнорировать и практическихъ пріемовъ дѣятельности и борьбы. Прежде всего, если бы г. Гецевичъ былъ въ своемъ медвѣжьемъ углу не одинъ, то, вѣроятно, не испыталъ бы столькихъ злоключеній: за него и о немъ заговорили бы другіе, если не предводитель дворянства, то сосѣди; если не сосѣди, то пріятели. Затѣмъ, очень возможно, что на Валдай и валдайскія противозаконія можно было гораздо успѣшнѣе дѣйствовать черезъ Новгородъ, а на Новгородъ черезъ Петербургъ, гдѣ Гецевичъ былъ также, повидимому, невѣдомымъ человѣкомъ или самъ ихъ знать не хотѣлъ; еслибы крестьянскіе судебные процессы, съ одной стороны, и его личные, съ другой, велъ не онъ, а какой-нибудь петербургскій присяжный повѣренный, опирающійся на Совѣтъ и свое оффиціальное положеніе, то съ нимъ навѣрное такъ не обращались бы и многихъ столкновеній и осложненій не было бы, и т. д. Мы не знаемъ, разумѣется, въ точности, какого рода пріемы лучше всего было употребить въ каждомъ данномъ случаѣ, а говоримъ только, что г. Гецевичъ, обнаружившій практическія знанія и опытность, какъ юристъ, въ то же время недостаточно оцѣнивалъ общественныя условія, въ какихъ приходилось жить и дѣйствовать. Самую тоненькую стѣну лбомъ не прошибешь, но это не значитъ, чтобы каждая стѣна была непреоборима и чтобы была необходимость отступать передъ неправдой и вступать съ нею въ компромиссы.

Обратимся, однако, къ другимъ культурнымъ одиночкамъ.

„Смол. Вѣстникъ“ вспомнилъ недавно еще о сельскомъ учителѣ Г. М. Орлѣ, цѣлыхъ пятьдесятъ лѣтъ работавшемъ въ своей частной школѣ въ с. Рогнѣдинѣ, Рославльскаго уѣзда. Интересныя свѣдѣнія о немъ можно найти также въ „Сельскомъ календарѣ“ г. Абрамова, за 1889 г. Дворянинъ по происхожденію, онъ 18-ти лѣтъ поступилъ было на военную службу, но черезъ два года вышелъ въ отставку и всецѣло отдался учительскому дѣлу. Устроивъ на собственныя средства школу въ с. Рогнѣдинѣ, онъ тамъ и учительствовалъ, беря съ учениковъ только по 25 к. въ мѣсяцъ. И такъ цѣлыхъ 50 лѣтъ, до 70-лѣтняго возраста, до самой смерти. Дѣтей въ его школу мѣстные и сосѣдніе крестьяне отдавали съ большою охотою, такъ какъ относились къ нему съ большимъ уваженіемъ. Иногда въ школѣ училось по 70 учениковъ сразу.

„Школа Орла, — читаемъ въ „Недѣлѣ“, — пустила такіе прочные корни въ мѣстной жизни, что когда рядомъ явилась новая земская школа, то это нисколько не отразилось на размѣрахъ дѣятельности его школы; на подготовленной имъ почвѣ нашлось достаточно мѣста для работы обѣимъ школамъ. Не одну тысячу дѣтей выпустила его школа втеченіе 50-лѣтняго существованія. Когда настали „новые порядки“, на „незаконную“ дѣятельность Орла было обращено должное вниманіе и отъ него потребовали пріобрѣтенія „правъ на преподаваніе“. Орлу пришлось выдержать экзаменъ на званіе народнаго учителя, — и тогда уже онъ могъ продолжать свою дѣятельность безпрепятственно. Получая отъ школы самыя ограниченыя средства, Орелъ испыталъ въ своей долгой жизни много лишеній и нужды; но любовь къ дѣтямъ и желаніе работать на пользу общества укрѣпляли его душевныя и тѣлесныя силы, и никто не слышалъ отъ него жалобъ на свою нелегкую судьбу; школа для него

была всѣмъ, она замѣняла ему семью и общество. И населеніе въ свою очередь отплачивало ему горячею любовью. Когда онъ умеръ, массы народа изъ Рогнѣдинскаго и сосѣднихъ приходовъ собрались проститься съ покойникомъ. При погребеніи пѣлъ хоръ учениковъ покойнаго... Многіе плакали навзрыдъ... словно они потеряли самаго близкаго человѣка".

Газета указываетъ еще на нѣсколько подобныхъ же фигуръ въ той же Смоленской губ,: вдову-чиновницу Рычагову, отставного военнаго Глотова, старушку купеческую дочь Лебедеву и др. Хотя нѣкоторые изъ нихъ учительствовали не въ деревнѣ, а въ городѣ, какъ, напр., Глотовъ, но имѣли дѣло съ тѣмъ же простымъ народомъ и руководились не спекулятивными, а просвѣтительными цѣлями. Школа Глотова помѣщалась, напр., въ наиболѣе бѣдномъ кварталѣ Смоленска. Цѣлыхъ 40 лѣтъ (съ 1850 г.) занимался онъ въ ней и не оставлялъ своего дѣла до послѣдней возможности. Только глубокая старость и почти окончательная потеря зрѣнія заставили его прекратить свои занятія, и, такъ какъ онъ едва кормился отъ своихъ заработковъ, то остался безъ всякихъ средствъ существованія и вынужденъ былъ обратиться въ смоленскую городскую думу съ просьбой о небольшомъ пособіи. Все это выяснилось, когда обсуждалось его прошеніе въ думѣ, но въ пособіи ему, къ сожалѣнію, было отказано, не смотря на заявленіе одного изъ гласныхъ, что онъ, по должности инспектора народныхъ училищъ, хорошо знакомъ съ педагогическою дѣятельностью Глотова и можетъ засвидѣтельствовать, что „Глотовъ занимался всегда усердно, не щадя силъ и здоровья", и что только благодаря его школѣ многіе отцы семействъ и ихъ дѣти получили образованіе. Есть подобные же дѣятели и въ другихъ губерніяхъ.

„Всѣ они,—говоритъ „Недѣля",—начали свою просвѣтительную дѣятельность въ тотъ періодъ нашей жизни, когда никакихъ правительственныхъ и общественныхъ заботъ о народномъ образованіи у насъ не было, и школы названныхъ лицъ являлись почти единственнымъ средствомъ для полученія дѣтьми простого народа какого-нибудь образованія. Получая со своихъ питомцевъ гроши, часто не деньгами, а разноообразными натуральными продуктами, и обучая многихъ изъ учениковъ совсѣмъ безплатно, эти незамѣтные, но высокоцѣнные труженики вмѣстѣ съ тѣмъ должны были отстаивать всевозможными средствами свое право на дѣятельность отъ покушеній, какъ чиновъ полиціи, видѣвшихъ въ существованіи школы предлогъ для полученія взятокъ, такъ и отъ представителей оффиціальнаго просвѣщенія, вродѣ штатныхъ смотрителей уѣздныхъ училищъ, не свободныхъ отъ тѣхъ же поползновеній, а позднѣе—отъ инспекторовъ народныхъ училищъ, обрушивавшихся на подобныхъ педагоговъ, какъ на „не имѣющихъ установленнаго свидѣтельства на званіе учителя".

Въ области народнаго просвѣщенія у насъ есть очень интересныя явленія, показывающія, съ одной стороны, величину потребности въ образованіи, а съ другой—несоотвѣтствіе того, что сдѣлано культурнымъ обществомъ въ этомъ отношеніи, не смотря на всю совокупность земскихъ, министерскихъ и церковно-приходскихъ школъ. Это—самостоятельныя крестьянскія школы грамотности и учителя изъ крестьянъ, замѣняющіе недостатокъ учителей изъ болѣе образованныхъ классовъ. Среди этихъ учителей встрѣчаются и разночинцы самыхъ разнообразныхъ положеній. Мы живо помнимъ, какъ на одномъ изъ новгородскихъ губ. земскихъ собраній класный кн. Еникѣевъ сообщалъ объ одномъ изъ такихъ учителей—горькомъ пьяницѣ, не имѣвшемъ верхней одежды, за которымъ зимою изъ двора во дворъ посылали не иначе, какъ съ шубами, не оставляя, однако, ему ихъ въ болѣе продолжительное употребленіе: довели и конецъ, а изъ слѣдующаго двора пусть свою одежду посылаютъ, и т. д. Но не всѣ, разумѣется, таковы: земскіе статистики, производившіе въ разныхъ мѣстностяхъ свои изслѣдованія, нерѣдко наталкивались на замѣчательно почтенныхъ тружениковъ, отдающихъ всю жизнь и всѣ силы обученію дѣтей. Такъ, самарскіе статистики встрѣтили нѣсколько „такихъ ветерановъ неоффиціальнаго народнаго образованія". Среди нихъ особенно интересна крестьянка Чередникова въ слободѣ Кинель-Черкасской. Она научилась грамотѣ самоучкою и съ 1858 г. неустанно работала въ своей школѣ, не давая себѣ даже каникулярнаго отдыха. У нея училось ежегодно по 60 учениковъ, да еще человѣкамъ 40 приходилось отказывать, за недостаткомъ помѣщенія. Въ годъ изслѣдованія (1885) изъ 60 учениковъ 33 учились безплатно, а остальные платили отъ 1 р. до 6 р. въ годъ, такъ что въ общей сложности школа приносила Чередниковой только 75 р. За такую плату старуха Чередникова работаетъ цѣлый годъ. Для лѣтнихъ занятій, чтобы ученикамъ не было жарко, она устроила на дворѣ повѣть, крытую соломой. Въ послѣдніе годы мѣстное земство стало присылать ей аспидныя доски и нѣкоторое количество книгъ для первоначальнаго

чтенія. Не менѣе интересны также крестьяне Кутиловъ, Красноуфимскаго у., Пермской губ., и Чупраковъ, въ д. Мерзляковкѣ, Вятскаго уѣзда. Первый уже взрослымъ поступилъ сторожемъ въ сельскую школу, чтобы выучиться читать и писать; въ нѣсколько лѣтъ добился этого и сталъ готовиться къ экзамену на сельскаго учителя; потомъ отправился за 200 верстъ пѣшкомъ въ Пермь и выдержалъ экзаменъ. Затѣмъ, началъ хлопотать объ устройствѣ училища въ своемъ селѣ Каргинѣ. Около двухъ лѣтъ ходилъ онъ по городамъ и селамъ, собирая пожертвованія на постройку школы, выхлопоталъ небольшое денежное пособіе отъ земства да приложилъ еще своихъ 400 руб., (скопленные раньше тяжелымъ трудомъ) и построилъ на эти деньги школьное зданіе со всею необходимою обстановкою и пособіями. Односельчане не только ему не помогли, но, опасаясь, что затѣя его кончится тѣмъ, что съ нихъ будетъ брать деньги на содержаніе школы, „нѣсколько разъ грозились побить его". Съ разрѣшеніемъ на открытіе школы также было не мало хлопотъ. Наконецъ, школа была открыта, и Кутиловъ болѣе года самъ въ ней учительствовалъ, а потомъ уступилъ свое мѣсто болѣе искусному учителю и опять отправился странствовать, ища средствъ для школы. Благодаря его стараніямъ, красноуфимское земство назначило школѣ ежегодное пособіе въ 200 р., такъ что теперь школа болѣе или менѣе обезпечена. Что касается Осипа Чупракова, то тотъ дѣйствуетъ нѣсколько иначе. Выучившись грамотѣ самоучкой, онъ все свободное время посвящаетъ чтенію книгъ и обученію ребятъ, не получая за свой трудъ никакого вознагражденія. Въ первое время учениковъ было мало, но затѣмъ число ихъ постепенно прибывало, такъ что явилась надобность въ настоящей школьной постановкѣ дѣла. Не имѣя диплома. Чупраковъ училъ сначала „съ опаской", но потомъ, когда министерство въ 1882 г. разрѣшило деревенское домашнее обученіе, повелъ его такъ успѣшно, что у него стало набираться до 50 учениковъ. Сперва обученіе производилось въ той же самой избѣ, гдѣ живетъ онъ самъ съ семьей, но теперь онъ выстроилъ уже для школы особое помѣщеніе, выстроилъ на собственныя скудныя средства. По имущественному положенію, Чупраковъ—обыкновенный, „заурядный крестьянинъ, и, для добыванія средствъ къ жизни, работаетъ цѣлый день, какъ всѣ крестьяне". Школѣ онъ отдаетъ часы своего отдыха, отъ 5 до 10 веч. Для желающихъ школа открыта и днемъ, но учитъ въ это время уже не самъ онъ, а его дочь, начавшая помогать ему съ 12-лѣтняго возраста. Предметы обученія въ школѣ: чтеніе, письмо, ариѳметика и Законъ Божій. „Чупраковъ,—говоритъ „Недѣля",—является характернымъ представителемъ народившагося въ народной средѣ типа радѣтеля просвѣщенія, скорбящаго о темнотѣ, какъ собственной, такъ и своихъ ближнихъ, и дѣлающаго для достиженія этихъ цѣлей все ему доступное, проявляя при этомъ поразительную энергію и высокое безкорыстіе". По словамъ газеты, такихъ „неоффиціальныхъ тружениковъ великаго дѣла народнаго просвѣщенія" много: въ находящихся у нея „матеріалахъ имѣются свѣдѣнія о многихъ лицахъ, преимущественно изъ крестьянъ, работающихъ безкорыстно и съ самоотверженіемъ для народа". Если газета не платитъ извѣстной дани оптимизму, то фактъ этотъ, конечно, очень отраденъ. Мы же, не отрицая наличности такихъ прекрасныхъ людей въ деревнѣ, думаемъ, однако, что ихъ вовсе не такъ много, не потому, чтобы не могло быть, а потому, что гораздо чаще приходится слышать объ учителяхъ другого рода. Земскія школы, дѣйствительно, во многихъ мѣстахъ имѣли хорошій и преданный дѣлу составъ учителей; школы же грамотности руководятся сплошь и рядомъ кѣмъ попало: отставными солдатами, бывшими приказчиками, причетниками, разстригами и т. п., не имѣющими ничего общаго съ идеализмомъ и самоотверженностью только что описанныхъ лицъ. На безрыбьи и ракъ рыба, говоритъ пословица. Чуть ли не всѣ газеты прогрессивнаго лагеря приводили и перепечатывали факты, какъ одинъ землевладѣлецъ изъ крестьянъ принялъ на себя попечительство надъ нѣсколькими школами, какъ одинъ священникъ устроилъ въ своемъ приходѣ 12 школъ грамотности, складъ для продажи книгъ и библіотеку для прихожанъ; какъ одинъ сельскій лавочникъ сталъ держать при товарѣ книги и отдавать ихъ на прочтеніе съ платою по 1 коп. за книгу; какъ одинъ крестьянинъ завелъ „значительную, собственную библіотеку" и предоставилъ пользоваться ею всему мѣстному населенію; но вѣдь это все единичные факты. Много ли такихъ лавочниковъ? А передъ добродѣтелью послѣдняго также можно еще поставить знакъ вопроса, потому что если онъ подъ названіемъ книгъ держитъ брошюрки—листовки.—„Посредника" или какія-нибудь другія дешевыя изданія для народа, то брать за нихъ по копѣйкѣ—весьма выгодно; но, конечно, онъ можетъ быть и дѣйствительнымъ ревнителемъ просвѣщенія... Дѣло, впрочемъ, не въ этомъ: мы хотимъ только

сказать, что для образовательной дѣятельности остается еще огромное, еле только початое поприще, которое ждетъ интеллигентныхъ работниковъ, и что тѣ безусловно прекрасныя личности, о которыхъ мы говорили и которыя идутъ имъ навстрѣчу изъ деревенской среды, могутъ только радовать истинныхъ работниковъ, одушевленныхъ огромною задачею просвѣщенія и полагающихъ душу свою въ дѣло, и служатъ упрекомъ культурному большинству, которое ничего для деревни не дѣлаетъ. Заговоривъ о дѣятельности интеллигенціи по народному образованію, нельзя въ прошломъ не помянуть добрымъ словомъ дѣятельности Л. Н. Толстого въ „Ясной Полянѣ", бар. Корфа, Косинскаго, Максимовича и многихъ другихъ земскихъ людей, учителей и руководителей начальныхъ школъ и учительскихъ семинарій, которые либо сами жили и дѣйствовали въ деревнѣ, либо никогда о ней не забывали. А въ экономической области, не смотря на ошибки и неудачи, нельзя не вспомнить устроителей сельскаго кредита, кузнечныхъ, смолокуренныхъ, столярныхъ, гвоздарныхъ, сыроваренныхъ и другихъ артелей, а также людей, выбиравшихся гласными отъ крестьянъ и мелкаго землевладѣнія въ земскія собранія, являвшихся повѣренными въ судахъ и вообще защищавшихъ интересы деревенскаго населенія. Возраженіе, которое нѣкогда сдѣлалъ покойный А. Н. Энгельгардтъ противъ Верещагинскихъ артельныхъ сыроваренъ, не отличалось особенною послѣдовательностью, потому что, доказывая, что артельныя сыроварни будутъ отнимать молоко у дѣтей, онъ самъ въ то же время хлопоталъ объ интенсивированіи крестьянскаго хозяйства и противуполагалъ сыроварнямъ устройство крестьянскихъ винокуренныхъ заводовъ, относительно которыхъ, слѣдуя путемъ тѣхъ же самыхъ доводовъ, можно было съ одинаковымъ правомъ доказывать, что они будутъ отнимать хлѣбъ у деревни. Условія, при какихъ предполагались заводы, были тѣ же самыя, какъ и у артелей; экономическая сущность тѣхъ и другихъ также была одинакова, слѣдовательно, можно было ожидать и одинаковыхъ послѣдствій. Вообще, г. г. Энгельгардтъ и Верещагинъ стояли въ данномъ случаѣ на одной почвѣ; но въ возраженіи его все-таки была доля истины: это— чрезвычайная трудность, при извѣстной степени слабости хозяйства, предпринимать что-либо для его улучшенія, дѣлать затраты капитала или сырыхъ продуктовъ въ то время, когда они безусловно необходимы для жизни и текущихъ платежей. Такая затрата, даже на несомнѣнно полезныя и выгодныя вещи, прежде

всего причинила бы прорѣху въ другомъ мѣстѣ, и можетъ быть эта прорѣха была бы больше имѣвшейся въ виду выгоды. И почтенный Н. В. Верещагинъ, взявшійся за дѣло съ такимъ знаніемъ и практическимъ тактомъ, вкладывавшій въ него всѣ свои силы и средства и такъ много сдѣлавшій для столь важной отрасли сельскохозяйственной промышленности, встрѣтилъ много препятствій, при примѣненіи своей идеи къ крестьянскому быту. Сыровареніе создалось, только преимущественно въ частныхъ хозяйствахъ, а не на артельномъ принципѣ; школа сыроваренія въ Едимоновѣ, въ которую г. Верещагинъ гораздо охотнѣе принималъ учениковъ и учеңицъ не изъ привиллегированныхъ классовъ, а изъ крестьянъ, выпускала не мало сыроваровъ и сыроварокъ, только шли они опять-таки, главнымъ образомъ, въ частныя экономіи и хозяйства, а не въ деревню, которая имѣлась въ виду и была поставлена главною цѣлью. Это вовсе не значитъ, что такого рода дѣятельность прошла безслѣдно; нѣтъ, уже по тому одному, что выяснились положительныя и слабыя ея стороны и общее положеніе вещей въ деревнѣ, не говоря уже о косвенныхъ положительныхъ результатахъ для частновладѣльческаго и русскаго хозяйства вообще. Это вовсе не значитъ, что такого рода дѣятельность не нужна; нѣтъ, очень нужна, только нужно знать, чего отъ нея можно и чего нельзя ждать, что нужно и чего не слѣдуетъ дѣлать. Прежде всего Верещагинъ былъ не одинъ, а имѣлъ товарищей (Бирюлева, Бландова и др.) и помощниковъ, которые дѣйствовали или вмѣстѣ съ нимъ, или въ другихъ губерніяхъ, но по одному плану и ободряли его; во-вторыхъ, дѣло было выбрано, дѣйствительно, полезное и экономически выгодное; затѣмъ, онъ заручился сочувствіемъ и поддержкою земства, вольно-экономическаго общества и министерства госуд. имуществъ. Это— положительная, практическая сторона дѣла, обезпечивавшая его во внѣшнемъ отношеніи и дѣлавшая Верещагина не одинокимъ. Также возникли и были обставлены во внѣшнемъ отношеніи и ссудо-сберегательныя товарищества, и можетъ быть потому именно, не смотря на свой, не гармонировавшій съ народнымъ духомъ и бытомъ, индивидуалистическій принципъ, имѣли успѣхъ, тогда какъ другія подобнаго рода начинанія гибли, не успѣвши разцвѣсть. Очень возможно, что если бы сельскій кредитъ былъ иначе организованъ и приведенъ въ большую связь съ крестьянскимъ хозяйствомъ и промышленностью, то и сыровареніе привилось бы въ деревнѣ легче и развивалось

бы успѣшнѣе. Если бы къ этому присоединились еще начинанія и мѣропріятія, которыя помогли бы деревнѣ съ другихъ сторонъ, гдѣ она слаба, несетъ ущербы и нуждается, помогали бы, напр., утилизировать мертвый зимній сезонъ, приспособивъ къ нему разные промыслы, развивали бы, насколько возможно, самостоятельную мѣстную обработывающую промышленность, помогали бы избыточному населенію находить землю и устраиваться на ней, искали бы способовъ къ болѣе равномѣрному распредѣленію и облегченію платежей и т. п., то, разумѣется, было бы еще болѣе шансовъ на благопріятные результаты. Въ этомъ разница между односторонними и общими мѣрами, между отдѣльными, частными дѣлами и дѣлами, входящими или исходящими изъ общаго большого дѣла. Слабыя стороны артельныхъ сыроварень заключались именно въ ихъ односторонности и преувеличеніи ихъ значенія, въ недостаточной оцѣнкѣ дѣйствительнаго положенія деревни и только что высказанныхъ соображеній.

Обратимся, однако, къ позднѣйшимъ попыткамъ культурныхъ людей быть полезными деревнѣ. Къ сожалѣнію, и здѣсь мы не въ состояніи будемъ изложить всѣхъ такого рода попытокъ и должны будемъ ограничиться только наиболѣе характерными изъ нихъ.

Примѣръ врачей Таирова и Сычугова не остался безъ послѣдствій, и теперь мы имѣемъ уже нѣсколько вольнопрактикующихъ деревенскихъ врачей. Бывшій уѣздный врачъ Цявловскій открылъ въ с. Замошьѣ, Порѣчскаго уѣзда, даже небольшую лечебницу, гдѣ принимаетъ больныхъ, взимая съ нихъ со столомъ по 25 коп. за день. Говорятъ, что крестьяне идутъ къ нему весьма охотно и „съ восторгомъ отзываются объ его врачебной дѣятельности“. Врачъ С. И. Сычуговъ, практикующій въ Орловскомъ уѣздѣ, Вятской губ., то же не испытываетъ недостатка въ паціентахъ и доволенъ тѣмъ, что нашелъ путь къ удовлетворяющей его дѣятельности; такъ что обѣ стороны довольны. Въ „Земскомъ Врачѣ“ за 1890 г. былъ напечатанъ отчетъ г. Сычугова („Годъ вольной деревенской практики“), изъ котораго видно, что за годъ у него перебывало до 10 т. больныхъ. Народъ къ нему „идетъ тысячами“, не смотря на то, что онъ беретъ съ большинства плату. Безплатную помощь онъ оказываетъ только вдовамъ, сиротамъ, нищимъ, пострадавшимъ отъ пожара, градобитія и тому подобныхъ бѣдствій. Такія лица составляли 30% общаго числа принятыхъ больныхъ; а такъ

какъ всего получено было г. Сычуговымъ въ упомянутомъ отчетномъ году за врачебную практику 620 р., то выходитъ, что въ среднемъ платные больные заплатили только около 10 к. Любопытно, что изъ всѣхъ платныхъ больныхъ только двое попросили „уступочки“; за то „очень многіе давали гораздо болѣе“, чѣмъ назначалось„ такъ что если бы онъ отъ излишка не отказывался, то заработокъ его былъ бы значительно больше. Но г. Сычуговъ не только отказывался, но изъ 620 р. затратилъ еще 290 р. на медикаменты, 35 р. на устройство амбулаторіи и 7 р. на отопленіе; слѣдовательно, на всѣ остальныя потребности ему осталось только 288 р. И такого заработка оказалось „вполнѣ достаточно“, чтобы жить въ деревнѣ „безъ нужды и даже съ нѣкоторымъ комфортомъ“. Правда, онъ самъ стряпалъ себѣ обѣдъ, самъ мылъ полы въ квартирѣ и амбулаторіи, но за то ухитрялся выписывать въ достаточномъ количествѣ газеты и журналы и пополнять свою медицинскую библіотеку. Чтобы кто-нибудь не считалъ подобной дѣятельности за подвигъ, г. Сычуговъ писалъ слѣдующее:

„Нѣкоторые органы печати въ такомъ обыденномъ фактѣ, какъ замѣна теплаго мѣста менѣе теплою деревенскою практикою, усмотрѣли подвижничество. Съ понятіемъ о подвигѣ соединяется понятіе о самопожертвованіи и самоотреченіи. Ничего подобнаго мнѣ приписать нельзя. Я хорошую жизнь замѣнилъ только еще лучшею, такъ какъ я пріобрѣлъ равновѣсіе силъ, уяснилъ себѣ цѣль жизни, нашелъ возможность снова служить начинавшимъ тускнѣть отъ житейской грязи идеаламъ юности, возвратилъ себѣ колебавшуюся было вѣру въ истину, добро и людей, убѣдился, что не даромъ копчу небо,—словомъ, достигъ на землѣ возможнаго счастья, какъ я его понимаю“.

Г. Таировъ, практиковавшій въ Весьегонскомъ уѣздѣ, бралъ съ больныхъ нѣсколько больше—по 20 к., по 1 р. и даже по нѣсколько рублей, чтобы уравновѣшивать такимъ образомъ паціентовъ безплатныхъ, которые и у него также были; но въ общемъ итогѣ и онъ получалъ меньше обыкновенныхъ земскихъ врачей. Врачебное сословіе у насъ едва-ли не самое отзывчивое къ добру изъ всѣхъ другихъ сословій; кромѣ того, за исключеніемъ нѣсколькихъ губернскихъ да уѣздныхъ знаменитостей или такого горячаго времени какъ въ 1892 году во время холеры, когда самые заурядные врачи были дороже примадоннъ, врачебная профессія въ провинціи у насъ, вообще,

вознаграждается не особенно щедро. По крайней мѣрѣ, когда въ отчетѣ 1889 г. Сердобская уѣздная управа приглашала лицъ, желающихъ занять мѣсто врача въ земской больницѣ, съ жалованьемъ въ 1.500 р. и 180 р. квартирныхъ, то на это объявленіе откликнулись изъ разныхъ концовъ Россіи 180 человѣкъ, и въ числѣ ихъ было двое врачей, приславшихъ одно общее прошеніе, въ которомъ заявляли, что соглашаются вдвоемъ служить за предлагаемую плату, которой будетъ имъ „вполнѣ достаточно". Вольнопрактикующіе врачи ввели у насъ въ смущеніе нѣкоторыя земства и городскія управы, которыя, смотря на ихъ малое довольствіе, пожелали, какъ говорится, „загнать экономію" и удешевить медицину, намѣреваясь или замѣнить ими теперешнихъ врачей, или понизить имъ нынѣшніе оклады. Вопросъ объ этомъ поднимался въ земствахъ Крестецкомъ, Льговскомъ, Царицинскомъ, Чистопольскомъ, Херсонскомъ и нѣкоторыхъ другихъ. Въ видѣ опыта въ нѣкоторыхъ мѣстахъ уже приглашено по одному такому врачу съ платою въ 300 р. и съ предоставленіемъ права получать съ больныхъ за леченіе. По проекту, разсматривавшемуся Чистопольскимъ земскимъ собраніемъ, предполагалось, впрочемъ, замѣнить 14 фельдшерскихъ вакансій 12 вольными врачами съ платою имъ по 300 р. и съ выдачею на 300 же рублей медикаментовъ. Ново-Оскольская городская дума (Курской губ.) ассигнуетъ городскому врачу 300 р. въ годъ, и желающіе находятся, только, къ сожалѣнію, не надолго, такъ какъ при первой возможности переходятъ въ другія мѣста. Надо думать, что такою платою средній врачъ довольствоваться не можетъ, въ особенности, если онъ семейный человѣкъ.

Въ Симбирской губерніи есть нѣсколько человѣкъ врачей, заслуживающихъ самаго глубокаго уваженія не за одну только ихъ врачебную дѣятельность, а и за то, что они сохраняютъ истинно человѣческій образъ и искру Божію въ душѣ.

Вотъ напр., земскій врачъ Александръ Петровичъ Солоновъ, проживающій въ с. Большихъ Березнякахъ, Карсунскаго уѣзда. Живетъ онъ тамъ уже болѣе 10 лѣтъ и не ограничивается однимъ леченіемъ, а устраиваетъ библіотеку, читальню, 2 школы и учебно-показательную корзиночную и столярную мастерскую. Затѣмъ въ с. Нагаткино, Симбирскаго уѣзда, мы встрѣчаемъ земскаго же врача Петра Ивановича Бабушкина, у котораго находимъ прежде всего прекрасную больницу, къ устройству которой онъ приложилъ всѣ свои старанія, а затѣмъ читальню для крестьянъ и

учебную усадьбу, гдѣ преподаются общіе предметы и изучаются огородничество, садоводство, пчеловодство и столярное ремесло. О д-рѣ Артеміѣ Васильевичѣ Воробьевѣ, стяжавшемъ себѣ извѣстность своей рѣдкой самоотверженной дѣятельностью во время послѣдняго голода въ томъ же Симбирскомъ уѣздѣ писали въ № 212 „С. Ог." за 1899 г. Намъ остается только вкратцѣ напомнить то, что говорилъ видѣвшій его дѣятельность авторъ статьи. Д-ръ А. Воробьевъ—„это одинъ изъ тѣхъ работниковъ, которыми „люди живутъ" и которыми сильна Русь. Вмѣсто одной больницы, въ обычное время на 30 человѣкъ, онъ имѣлъ въ истекшій періодъ 5 больницъ, съ 450 больными; вмѣсто нѣсколькихъ десятковъ или сотенъ амбулаторныхъ больныхъ, онъ принималъ ихъ тысячи. Занятый днемъ амбулаторіей и больницами, онъ вмѣстѣ съ покойнымъ Бодиско посвящалъ почти подворному обходу, не рѣдко оставаясь на ногахъ безъ пищи по 15—18 часовъ. Кромѣ того, на частныя пожертвованія, онъ открылъ въ своемъ участкѣ 64 столовыхъ, въ которыхъ кормилъ 4—5 тыс. голодающихъ. Затѣмъ, онъ пріобрѣлъ почти для половины уѣзда сѣмянный картофель и, при содѣйствіи представителя трудовой помощи Е. Д. Максимова, кормилъ молокомъ до 400 дѣтей. Исключительная дѣятельность д-ра Воробьева, долго остававшагося почти безъ помощниковъ, значительно разстроила его здоровье", но, „пренебрегая имъ, онъ продолжалъ оставаться на своемъ посту, всѣхъ поражая своей нравственной мощью и высокой чистотой своей выдающейся личности".

Нельзя не указать еще въ той же Симбирской губ. на дѣятельность врача Александра Петровича Воскресенскаго.

Проживая въ послѣднее десятилѣтіе въ захолустномъ углу Ардатовскаго уѣзда, самъ онъ смотритъ на свою дѣятельность, какъ на муравьиную работу, но тутъ говоритъ несомнѣнно естественная скромность. Трудно, конечно, подвести итоги такой дѣятельности: она представляетъ собою вѣчную борьбу съ препятствіями и разными темными силами и состоитъ изъ массы мелочей, изъ которыхъ слагается жизнь такихъ захолустныхъ уголковъ; культурная дѣятельность при такихъ условіяхъ не поддается подсчету, но тѣмъ не менѣе вліяніе ея несомнѣнно, такъ какъ вмѣсто старыхъ порядковъ создаются новые, лучшіе. Будемъ говорить лишь о такой работѣ г. Воскресенскаго, которая проявлялась болѣе видимымъ образомъ. Начнемъ

съ голоднаго 1891 года. Въ газетѣ „Врачъ“, № 41 1892 года, былъ помѣщенъ его отчетъ по оказанію помощи нуждающемуся населенію въ статьѣ: „Опытъ доставки населенію улучшеннаго питанія“. Изъ этой статьи можно было видѣть, что: 1) „культурные одиночки“ и въ глуши—не одиноки, что возможна связь провинціи со столицей, 2) что культурные одиночки находятъ во всякой глуши помощниковъ, и 3) что всякому, занятому спеціальной работой, человѣку, какъ напр., земскому врачу, возможна общественная дѣятельность. Помощь населенію въ зиму 1891—1892 гг. оказана была на сумму около 6.500 рублей. Пожертвованія были присланы какъ отъ частныхъ лицъ, такъ и отъ разныхъ учрежденій: отъ жены доктора А. Ю. Кадьянъ, отъ д-ра Д. Н. Жбанкова, отъ д-ра П. П. Воскресенскаго, отъ Е. Я. Корсаковой, А. Г. Неболсина, отъ военно-медицинской академіи, отъ петербургскаго комитета грамотности, отъ совѣта петербургскихъ присяжныхъ повѣренныхъ и т. д. Одна тысяча рублей была израсходована на 1,092 больныхъ брюшнымъ тифомъ—на пособіе пищевыми средствами: чаемъ, сахаромъ, морсомъ, бѣлымъ хлѣбомъ, мясомъ и т. п. Помощь голодавшимъ была устроена въ видѣ безплатныхъ столовыхъ. Въ мѣстѣ своего жительства г. Воскресенскій организовалъ, при помощи своей семьи и фельдшера К. В. Алѣева, центральный складъ съѣстныхъ припасовъ, которые и разсылались 1—2 раза въ недѣлю во всѣ столовыя. Всѣхъ столовыхъ было 14, обѣдавшихъ было 1,031 человѣкъ, обѣдовъ было выдано 102,082. Столовыя шли успѣшно; никакихъ непріятныхъ осложненій или злоупотребленій не было. По пути къ больнымъ г. Воскресенскій посѣщалъ столовыя для наблюденія. Съ особенной готовностью помогали ему фельдшера, земскіе учителя, 6 священниковъ и двое землевладѣльцевъ. Самъ онъ—то былъ у постели больныхъ, то шелъ на погребъ осматривать мясо, то въ амбаръ отпускать провизію, то въ столовую для какихъ-нибудь распоряженій, найма прислуги, поправки испортившейся печи и т. д. Крестьянская темнота и безпомощность сперва часто удивляли его. При составленіи списковъ нуждающихся, на сходахъ богатые крестьяне со словами: „мы не хуже другихъ“ иной разъ заставляли записывать себя первыми, и сходы не смѣли противорѣчить, такъ что г. Воскресенскому приходилось самому всюду составлять списки. Это было одною изъ самыхъ трудныхъ работъ. Чтобы частныя лица могли безкорыстно помогать населенію, крестьяне, за немногими исключеніями, не вѣрили; ихъ пониманію оказывалась

доступной только мысль, что частныя лица могутъ помогать развѣ только *„ради души спасенья“*; они думали, что помогавшіе или дѣйствуютъ по приказанію начальства, или же съ цѣлью извлеченія для себя выгодъ, такъ что сближенію интеллигенціи съ народомъ это оказаніе помощи культурными людьми мало принесло пользы. Особаго вниманія заслуживаетъ въ этомъ смыслѣ исторія постройки г. Воскресенскимъ школы въ селѣ Хухоревѣ. Тамъ числилась церковно-приходская школа, но помѣщалась она въ шестиаршинной церковной сторожкѣ, а училъ дѣтей по псалтирю семидесятилѣтній дьячокъ*), и учениковъ было 6 или 7 во всей школѣ. Въ 1893 году г. Воскресенскій выстроилъ въ Хухоревѣ на свои собственныя средства школьное зданіе цѣною въ 600 рублей; а жена его стала безплатно учить дѣтей, которыхъ набралось до 40. Такъ прошло три зимы. На четвертую зиму пріѣзжавшій епархіальный наблюдатель, послѣ мимолетнаго посѣщенія, остался очень недоволенъ школой, поставивъ въ особенную вину учительницѣ, что она „все вниманіе направляла въ сторону умственнаго развитія дѣтей, для чего по развѣшеннымъ по стѣнамъ иллюстраціямъ вела наглядныя объясненія всѣхъ предметовъ изъ царства природы, имена которыхъ встрѣчаются въ книгахъ для класснаго чтенія, каковыми книгами въ школѣ служили книжки Толстого и Баранова“... Всѣ протесты г. Воскресенскаго, какъ утвержденнаго попечителя школы, на неправильныя дѣйствія епархіальнаго наблюдателя (*онъ невѣрно* указывалъ на отсутствіе въ школѣ учебниковъ по Закону Божьему, св. Евангелія, псалтиря, часослова, картинъ религіознаго содержанія и проч.) не привели ни къ чему—ему даже не отвѣчали, а потому школу онъ вынужденъ былъ закрыть, хотя номинально она и продолжала числиться съ прежнимъ дьячкомъ-учителемъ во главѣ и по прежнему въ церковной сторожкѣ. Чрезъ годъ поднялся вопросъ о постройкѣ школы. Г. Воскресенскій предложилъ крестьянамъ школьное зданіе и деньги 300 руб. на постройку квартиры учителю, но съ тѣмъ условіемъ, чтобы они составили приговоръ объ открытіи *земскаго* училища, на подобіе земскихъ училищъ сосѣднихъ селъ,—на счетъ земства содержаніе учительскому персоналу и учебныя пособія,—причемъ у крестьянъ не было бы никакихъ лишнихъ расходовъ.

---

*) Онъ училъ, что земля наша плаваетъ на водѣ, а объ ариѳметикѣ самъ говорилъ, что по ариѳметикѣ онъ помнитъ еще сложеніе и вычитаніе, а умноженіе и дѣленіе уже забылъ.

Крестьяне знали г. Воскресенскаго по открытой столовой въ первый голодный годъ, по такой же помощи, за которою они сами обратились къ нему во второй (1892—1893) голодный годъ, знали, что онъ имъ желалъ только добра и по училищу, которое онъ выстроилъ и содержалъ, въ которомъ его жена безплатно занималась съ ихъ дѣтьми $3^1/_2$ зимы, за что они очень благодарили и выразили благодарность даже мірскимъ приговоромъ-адресомъ; но, въ концѣ концовъ, все-таки отказались отъ земской школы, послушавшись другихъ вліяній.

Какъ ни грустно было чувствовать все это и сознавать свое безсиліе, но г. Воскресенскій не разочаровался въ своей дѣятельности: если,—говоритъ онъ въ одномъ частномъ письмѣ,—„народныя массы страшно темны, если онѣ въ холеру способны растерзать человѣка, который имъ дѣлалъ очевидное добро, то надо бороться съ темнотой еще усиленнѣе“. На собранныя пожертвованія отъ нѣкоторыхъ изъ лицъ, помогавшихъ въ голодный годъ, онъ выстроилъ въ 800 руб. школьное зданіе въ селѣ Монадышахъ, гдѣ не было школы, и тамъ, съ осени 1894 года, открылось земское училище. Мѣстной землевладѣлицѣ Е. С. Федоровой пожелалось выстроенное зданіе отъ своего имени пожертвовать земству, и она уплатила г. Воскресенскому 800 рублей. Тогда онъ на эти деньги выстроилъ и передалъ въ собственность земства новое школьное зданіе въ селѣ Липовкѣ, гдѣ, съ осени 1895 года, также открылось земское училище. Оба эти земскія училища функціонируютъ правильно до сихъ поръ. Въ концѣ того же 1895 года имъ была открыта первая въ уѣздѣ безплатная народная библіотека въ с. Киржеманахъ; по утвержденному уставу библіотека эта составляетъ собственность г. Воскресенскаго*), а онъ числится учредителемъ и завѣдующимъ; помощникомъ у него состоитъ земскій учитель, которому онъ платитъ за его труды и за переплетъ книгъ изъ собственныхъ средствъ; подписчиковъ бываетъ постоянно приблизительно сто человѣкъ; но въ сущности читателей гораздо болѣе, такъ какъ принесенная въ домъ книга часто читается всѣми грамотными, которыхъ въ нѣкоторыхъ семьяхъ нѣсколько человѣкъ. Болѣе всего интересуются читатели литературнымъ отдѣломъ, затѣмъ—историческимъ и религіознымъ. Читальнаго зала при библіотекѣ нѣтъ. Что библіотека заслужила расположеніе къ себѣ читателей, это

*) Книги получены были подъ условіемъ, чтобы *библіотека считалась принадлежащею ему* и не продавалась никому, ни земству, ни сельскому обществу

видно изъ того, что, когда въ послѣднее время наблюдающимъ надъ библіотекой бывшимъ инспекторомъ народныхъ училищъ, г. Лаговскимъ, были допущены неправильныя дѣйствія, вслѣдствіе которыхъ г. Воскресенскій вынужденъ былъ закрыть библіотеку, то крестьяне, собравшись на сходъ, *единогласно* составили приговоръ, въ которомъ сожалѣли о закрытіи библіотеки, выражали ему благодарность за прежнее время ея существованія и просили вновь ее открыть. Такъ какъ г. Лаговскій былъ перемѣщенъ изъ Ардатовскаго уѣзда, то объ открытіи библіотеки вновь послано къ губернатору, и библіотека, по всей вѣроятности, будетъ вновь открыта. Вообще, такимъ провинціальнымъ дѣятелямъ, какъ г. Воскресенскій, постоянно приходится вести борьбу съ разными темными побужденіями, съ завистью и враждой; не понравилось заинтересованнымъ лицамъ участіе въ помощи голодающимъ, и г. Воскресенскому отказали въ квартирѣ; устроенную было церковно-приходскую школу пришлось закрыть; въ дѣлѣ народной библіотеки подставляли ногу, и даже при устройствѣ земскихъ училищъ дѣло не обходилось безъ клеветы, которая послѣ была опровергнута особой земской комиссіей. Но для достиженія торжества свѣта и должна, конечно, вестись борьба съ темными силами; какъ ни трудно, но надо осушить болото, чтобы на подготовленной почвѣ принялись ростки культурной жизни.

Поучительна исторія возникновенія и развитія народныхъ чтеній въ уѣздѣ. Сначала г. Воскресенскій на свои деньги, удѣленныя отъ своего земскаго содержанія, купилъ волшебный фонарь и картинъ къ нему, показывалъ картины на литературно-музыкальномъ вечерѣ, устроенномъ для сбора пожертвованій на улучшеніе школъ. Чтенія съ картинами очень понравились публикѣ, не избалованной развлеченіями; еще велись бесѣды съ учениками въ начальныхъ училищахъ съ картинами научнаго содержанія. Земство, по этому примѣру, рѣшило такъ же купить волшебный фонарь для бесѣдъ съ учениками въ другихъ училищахъ. Затѣмъ, два года назадъ, г. Воскресенскимъ поднятъ былъ вопросъ объ устройствѣ народныхъ чтеній въ городѣ и въ селахъ. Городъ ассигновалъ для начала сто рублей и возбудилъ ходатайство о разрѣшеніи чтеній. Одновременно съ этимъ и земство также возбудило ходатайство о разрѣшеніи народныхъ чтеній въ 20 селеніяхъ и ассигновало для этого 250 рублей.

Разрѣшеніе послѣдовало. Дѣло народныхъ чтеній находится еще въ началѣ, но встрѣчаетъ сочувствіе и подвигается впередъ. Напримѣръ, въ участкѣ г. Воскресенскаго, кромѣ его фо-

наря, куплены еще два: одинъ въ селѣ Талызинѣ и другой въ селѣ Силинѣ, а затѣмъ ведутся и чтенія разъ 5—6 въ зиму. Земство пріобрѣло 3 волшебныхъ фонаря, городъ купилъ для себя фонарь, нѣкоторыя села (Атяшево, Курмачкасы и др.) также пріобрѣли фонари. Конечно, чтеній еще мало́ и нѣтъ въ нихъ системы, но начало положено и дѣло развивается. Всѣмъ сдѣланнымъ г. Воскресенскій не ограничивается, и стремится къ увеличенію числа народныхъ библіотекъ, упорядоченію и расширенію народныхъ чтеній, привлеченію лучшихъ силъ на учительскія мѣста; мечтаетъ онъ также объ устройствѣ библіотеки для всѣхъ учителей уѣзда. Всегда есть надъ чѣмъ поработать въ самыхъ даже глухихъ медвѣжьихъ углахъ, лишь была бы охота. Только надо помнить, что гдѣ лѣсъ рубятъ, тамъ и щепки летятъ, и не падать духомъ, когда временно темныя силы одерживаютъ верхъ. Такъ, напр., бывшій инспекторъ народныхъ училищъ, недовольный на г. Воскресенскаго, изгналъ изъ учительницъ его племянницу, изгналъ безъ прошенія, безъ предоставленія ей даже слова оправданія, и уѣздный училищный совѣтъ допустилъ было это; но дѣло удалось вывести на свѣжую воду, и виновный вынужденъ былъ удалиться, по распоряженію высшаго своего мѣстнаго начальства, въ другое мѣсто.

Г. Воскресенскому, какъ врачу, дѣла всегда было не мало. У него не было ни помѣщенія для пріема пріѣзжавшихъ больныхъ, ни кабинета для осмотра ихъ, ни аптечнаго помѣщенія, ни больнички. Собравши 800 руб. пожертвованій среди мѣстныхъ жителей, онъ, въ 1893 году, выстроилъ всѣ вышеназванныя помѣщенія, а затѣмъ уже земство пристроило квартиру фельдшеру, врачу и акушеркѣ. Кромѣ того, въ 1894 году, онъ выстроилъ, на пожертвованные тысячу рублей и десятину лѣса землевладѣлицей Е. С. Федоровой, амбулаторную лечебницу съ аптекой и квартирой для фельдшера въ селѣ Монадышахъ, куда ѣздитъ самъ для пріема больныхъ изъ отдаленныхъ селеній два раза въ недѣлю. Признавая справедливымъ равномѣрное распредѣленіе врачебной помощи во всѣхъ углахъ уѣзда, онъ всегда энергично проповѣдывалъ и проповѣдуетъ децентрализацію въ организаціи медицинской помощи народу, чтобы приблизить къ нему врачей, чтобы, сократившн расходы на больницы, съ уменьшеніемъ ихъ размѣровъ, увеличивать число врачей.

Наконецъ, какъ врачъ, г. Воскресенскій былъ пораженъ съ самаго начала своей врачебной дѣятельности той темнотой народа, отъ которой развивается ненормально большая болѣзненность, а дѣятельность врачей-санитаровъ, вмѣсто содѣйствія, встрѣчаетъ противодѣйствіе со стороны населенія. Особенно это сказывается при появленіи заразительныхъ болѣзней, когда и взрослое населеніе, и дѣти толпами стекаются въ избы зараженныхъ больныхъ, сами заражаются, болѣютъ и мрутъ, не понимая опасности.

На V всероссійскомъ съѣздѣ русскихъ врачей въ память Н. И. Пирогова онъ горячо говорилъ о необходимости распространенія гигіеническихъ знаній въ народѣ.

Образованная, по его предложенію, коммиссія пересмотрѣла всю имѣвшуюся популярную медицинскую литературу—болѣе ста книжекъ, причемъ отмѣтила только 8, пригодныхъ для распространенія. Затѣмъ она начала сама издавать книжки. Пока изданы 3 книжки; но особенный успѣхъ имѣютъ листки, которые расходятся десятками тысячъ. Коммиссія собираетъ пожертвованія на дѣло распространенія гигіеническихъ знаній въ народѣ и собрала уже 4 тысячи рублей. Это участіе въ распространеніи гигіеническихъ знаній показываетъ, что всякій культурный одиночка можетъ изучать нужды народа, отмѣчать наиболѣе существенныя изъ нихъ и тѣмъ направлять дѣятельность столичныхъ культурныхъ людей въ сторону наибольшей нужды.

Кромѣ врачей, есть еще одиночки-поселенцы въ деревняхъ, обрабатывающіе, на манеръ колонистовъ, собственнымъ трудомъ землю. Вотъ что, напр,, писалъ одинъ изъ такихъ поселенцевъ въ Козловскомъ уѣздѣ:

„Въ городъ я ѣзжу очень часто, потому что самъ отвожу для продажи солому, картофель, пшено. Сначала, какъ баринъ, конфузился этого простого житейскаго дѣла, теперь—нисколько. Зимній досугъ идетъ какъ на эти разъѣзды, такъ и на писаніе очерковъ деревни для мѣстныхъ губернскихъ вѣдомостей, за скромную построчную плату, и на сельско-хозяйственную корреспонденцію въ журналахъ. Эти интеллигентныя занятія спасаютъ насъ отъ скуки и томленья деревенскимъ одиночествомъ. Что касается до жены, то она исполняетъ по дому все, что въ Москвѣ лежало на обязанности швеи, портнихи, кормилицы, няньки, кухарки и отчасти прачки. Она же доитъ корову и выпаиваетъ теленка. Вмѣстѣ съ тѣмъ, она ежедневно ѣздитъ къ нашимъ знакомымъ Т. давать первоначальные уроки дѣтямъ. Образованіемъ нашей дочери мы занимаемся оба. Рѣшительно не видимъ, какъ летитъ время. Утромъ я встаю и даю кормъ скотинѣ, пою ее, по-

томъ кормлю куръ и собакъ, затѣмъ что-нибудь почитаю дома или пишу, вечеромъ опять кормъ и пойло скотины на ночь. Жена въ помощь себѣ держитъ деревенскую чумазую дѣвчонку, которая возится въ нашей маленькой кухнѣ и частенько бьетъ посуду. Сношенія съ крестьянствомъ у насъ, можно безъ преувеличенія сказать, ежедневныя: къ намъ идутъ написать письмо, къ намъ лѣзутъ съ просьбами полѣчить, къ намъ приходятъ узнать на счетъ работы и т. п. Въ послѣднее время стали просить почитать книжекъ... Это уже изъ среды крестьянской интеллигенціи. Слухи о моемъ поселеніи на такомъ крохотномъ участкѣ, вѣроятно, дошли до администраціи, потому что какъ-то пріѣзжалъ становой приставъ, и, подъ благовиднымъ предлогомъ, старался узнать о причинахъ моего жительства въ столь скромной обстановкѣ. Но когда я сказалъ ему, что о моей дѣятельности онъ могъ бы лучше узнать черезъ посредство такого оффиціальнаго органа, какъ „Губ. Вѣд.“, гдѣ печатаются статьи за полною моею подписью, то становой странно съежился и постарался стушеваться. Съ той поры сосѣдъ къ Демьяну ни ногой!..“ („Нов. Обозр.“ 1891 г. № 2558).

По всей вѣроятности, о томъ же самомъ лицѣ было сообщено недавно изъ Козловскаго же уѣзда въ „Моск. Газ.“, а оттуда перепечатано въ „Рус. Жизни“. Вотъ это сообщеніе:

Лѣтъ 8 назадъ въ уѣздъ прибылъ пріѣзжій изъ столицы баринъ, образованный, душевный. Онъ пріобрѣлъ 125 дес. съ усадьбой, прудикомъ и садомъ и всецѣло отдался сельскому хозяйству. Присмотрѣвшись къ дѣлу, научившись даже пахать и, вообще, исполнять разную крестьянскую работу, онъ понемногу ввелъ въ имѣніи разныя улучшенія, которыя сначала вызвали насмѣшки у сосѣдей-крестьянъ, но черезъ три-четыре года заставили ихъ взглянуть на новаго помѣщика съ большимъ уваженіемъ. Причина такой перемѣны заключалась въ улучшеніи у барина урожая хлѣбовъ и посѣвныхъ травъ. Прежній „шальной баринъ“ преобразился въ „голову-барина“. „Голова-баринъ“ сдѣлался для крестьянъ чѣмъ то вродѣ оракула. Напр., „баринъ“ порекомендовалъ мужикамъ выстроить каменный амбаръ, для храненія общественнаго хлѣба, вмѣсто полуразвалившагося стараго. Стройте,—говоритъ,—каменный амбаръ, да съ желѣзной крышей.

— И что ты, что ты?—возопили собесѣдники.—Да гдѣ намъ взять?..

— Взять есть гдѣ. И я помогу вамъ, только съ уговоромъ...

— Съ какимъ?

— Берите меня въ ваше общество... будто, значитъ, я мужикъ.

— Чудакъ ты, право!—засмѣялись мужики.—Да какъ же это мы сдѣлаемъ?

— А вотъ какъ. У васъ надѣлъ-то по три десятины на душу, и, сколько у кого душъ во дворѣ, столько и надѣловъ. Теперь будемъ говорить о моемъ дворѣ. У меня 125 дес., стало быть, вродѣ какъ на сорокъ одну душу... Правильно я говорю?

— Правильно, правильно!—подтвердили слушатели, начинавшіе понимать, куда гнетъ рѣчь баринъ.

— Такъ вотъ я и дѣлаюсь вашимъ однообщественникомъ за сорокъ одну душу... Мужикомъ-то, разумѣется, я не могу быть... подати тамъ платить и прочее... да это ни вамъ, ни мнѣ и не надо. А на всякія нужды по селу я готовъ давать поровну со всѣми вами, за сорокъ своихъ душъ... Къ примѣру сказать, понадобилось выстроить амбаръ. Разчислили мы, что онъ встанетъ 800 рублей. А васъ въ селѣ 450 душъ да моихъ 41, всего 491... Ну, и разочтемъ, по многу-ли съ души теперь сойдетъ?.. И во всемъ такъ будемъ дѣлать... Согласны?

Сдѣлавшись однообщественникомъ, баринъ превратился въ настоящаго крестьянскаго „голову“, и, при его совѣтахъ и указаніяхъ, крестьяне сдѣлали массу нововведеній въ своемъ хозяйствѣ. („Р. Ж.“ № 56, 1893 г.).

Одинъ такой поселенецъ, бывшій ученикъ Красноуфимскаго реальнаго училища, г. У., забрался въ Пріамурскій край; но что его, уроженца Малороссіи, повлекло туда—сказать довольно трудно по тѣмъ сообщеніямъ, какія попали въ газеты. Въ нихъ просто говорится, что, „увлекшись идеею личнаго труда, этотъ молодой человѣкъ, нѣсколько лѣтъ состоявшій сельскимъ учителемъ, поступилъ въ Красноуфимское реальное училище, которое и окончилъ съ выдающимся успѣхомъ, будучи все время лучшимъ работникомъ на училищной фермѣ“. Затѣмъ, рѣшилъ отправиться на Амуръ и „сѣсть тамъ на землю“. Встрѣтили его тамъ очень сочувственно: генералъ-губернаторъ, бар. Корфъ, предоставилъ ему выбрать для занятія земледѣліемъ 100 дес.; военный губернаторъ Амурской области, г.-м. Беневскій, вы-

далъ ему на обзаведеніе инвентаремъ 600 р., а изъ Петербурга, при содѣйствіи бывшаго директора Красноуфимскаго училища, давшаго о немъ самый лестный отзывъ, ему посланы были „сѣмена хлѣбныхъ и кормовыхъ растеній, плодовъ и овощей, книги и руководства по сельскому хозяйству“ („Нед.“ № 6, 1890 г.). Есть-ли это также идейный человѣкъ, вродѣ видѣнныхъ нами, который, можетъ быть, имѣетъ въ виду нашихъ переселенцевъ, или насадитель въ дикомъ краѣ агрономической культуры, или просто новый Робинзонъ—не знаемъ. Гораздо опредѣленнѣе и интереснѣе слѣдующая фигура, появившаяся въ Барнаульскомъ округѣ съ совершенно новою миссіею—ходока отъ крестьянъ, желающихъ переселиться.

Вотъ что по этому поводу сообщало въ 1893 г. „Восточное Обозрѣніе“:

Въ одной изъ малороссійскихъ губерній, гдѣ обезземеленіе крестьянъ достигло крайнихъ предѣловъ, надумало переселиться въ Сибирь полторы тысячи семей. Ходокомъ выбрали они мѣстнаго землевладѣльца г. N , человѣка образованнаго, знающаго сельское хозяйство теоретически и практически, и пользующагося довѣріемъ и уваженіемъ окружного населенія. Г. N. не отказался; но прежде, чѣмъ тронуться въ путь, онъ постарался тщательно познакомиться съ современнымъ положеніемъ переселенческаго дѣла; потомъ съѣздилъ въ столицы и отыскалъ тамъ людей, которые могли дать ему полезные совѣты и указанія. Въ началѣ прошлаго лѣта г. N., въ сопутствіи двухъ крестьянъ, отправился въ Сибирь, заранѣе составивши маршрутъ своего путешествія. Исходя изъ того соображенія, что наиболѣе подходящими для его довѣрителей (южанъ), по климатическимъ и почвеннымъ условіямъ, будутъ земли въ южной полосѣ Сибири, г. N. направился прежде всего въ Семипалатинскую область. Заручившись въ Омскѣ поддержкой со стороны мѣстной администраціи и получивши отъ лицъ, знакомыхъ съ краемъ, нужныя для него свѣдѣнія, г. N. отправился разыскивать свободные участки. Онъ изъѣздилъ верхомъ болѣе 700 верстъ по киргизскимъ степямъ, внимательно присматриваясь къ климатическимъ и почвеннымъ особенностямъ этой мѣстности. Но при тщательномъ знакомствѣ съ мѣстностью, г. N. нашелъ ее далеко не удовлетворяющей его требованіямъ въ сельскохозяйственномъ отношеніи, хотя устроить переселенцевъ въ Семипалатинской области было бы не трудно: г. N. предлагали здѣсь выбрать мѣсто для цѣлой волости, обѣщали дать средства на устройство въ новомъ поселкѣ церкви, школы и больницы, разъяснили, насколько незначительны будутъ казенные платежи новоселовъ и какими большими льготами они могутъ воспользоваться на первое время. Г. N. рѣшилъ, однако, продолжать свои поиски. Съ этою цѣлью направился онъ въ Барнаульскій округъ. Въ Барнаулѣ, какъ и въ Омскѣ, г. N. встрѣтилъ сочувственное отношеніе къ своему дѣлу. Но такъ какъ мѣстное управленіе не могло даже указать г. N., гдѣ и сколько имѣется свободныхъ участковъ на кабинетской землѣ, то и здѣсь г. N. пришлось самому отправиться разыскивать такіе участки. Наконецъ, послѣ долгихъ разъѣздовъ по округу, г. N. нашелъ наиболѣе подходящій участокъ въ 20 т. десятинъ; почва на немъ—черноземная, хлѣба родятся прекрасные: въ нѣкоторые годы въ этой мѣстности собирали по 200 пудовъ и больше съ десятины. Окончательно выхлопотать отводъ этого участка г. N. не удалось, въ виду министерскаго циркуляра, но онъ получилъ удостовѣреніе, что выбранный имъ участокъ свободенъ и что мѣстное управленіе никакихъ препятствій для отвода его не имѣетъ“.

Нечего и говорить, насколько могутъ быть полензы такіе люди, какъ предварительнымъ выборомъ мѣстъ, такъ и руководительствомъ переселенцевъ, идущихъ зачастую совершенно наобумъ, по однимъ лишь слухамъ да разсказамъ бывалыхъ служивыхъ, или просто куда глаза глядятъ. Сколько можетъ сохраниться такимъ путемъ напрасно пропадающихъ силъ и жизней и устраниться совершенно ненужныхъ страданій. Говорятъ, что крестьяне зовутъ и упрашиваютъ и своего ходока переселиться также съ ними.

Рядомъ съ людьми, заботящимися о переселенцахъ, есть цѣлый разрядъ людей, думающихъ объ улучшеніи крестьянскаго положенія на мѣстѣ, о томъ, чтобы сдѣлать жизнь настолько сносной, чтобы не являлось желанія уходить въ сторону. Такихъ людей гораздо больше и составъ ихъ гораздо разнообразнѣе: тутъ мы найдемъ и людей, заботящихся о введеніи интенсивнаго хозяйства, лучшихъ земледѣльческихъ орудій и породъ скота, и устроителей кредита, какъ для покупки ближайшихъ земель и избавленія отъ ростовщиковъ, такъ и подъ хлѣбъ, и организаторовъ промышленныхъ артелей, и устроителей лучшаго сбыта для кустарныхъ произведеній, и распространителей трезвости, въ видахъ избавленія деревни не только отъ пьянствен-

наго грѣха, но и отъ зависимости отъ кабатчиковъ; тутъ мы встрѣтимъ и земскихъ дѣятелей, и благожелательныхъ чиновниковъ, и учителей, и просто частныхъ лицъ, въ ближайшемъ смыслѣ тѣхъ одиночекъ, о которыхъ говоримъ. Стремленія такого рода людей вполнѣ естественны: прежде, чѣмъ бросать родныя мѣста, разрушать домъ и уходить за тридевять земель, само собою, нужно испробовать все, что только можно, чтобы населеніе не переживало такихъ тяжелыхъ состояній, не испытывало столькихъ лишеній и не подвергалось неудачамъ и риску, съ какими часто бываютъ сопряжены переселенія. Между переселеніемъ вынужденнымъ и добровольнымъ, когда человѣкъ отъ хорошаго ищетъ лучшаго или удовлетворяетъ духовному стремленію къ большему простору,—огромная разница, и въ предѣлахъ между этими положеніями, конечно, есть много возможностей не стѣснять послѣднихъ и не вынуждать первыхъ къ уходу.

Когда сторонники и противники переселеній начинаютъ представлять свои доводы и соображенія, то, къ сожалѣнію, всегда оказываются на такихъ позиціяхъ, которыя взаимно другъ друга исключаютъ, тогда какъ въ сущности тутъ только двѣ стороны одного и того же предмета, т.-е. вопроса о существованіи, надъ которымъ тѣ и другіе могутъ работать, нисколько не мѣшая другъ другу. Кто вѣритъ въ спасительность навоза, фосфоритовъ и усовершенствованныхъ плуговъ—пусть и вводитъ ихъ во славу агрономіи; а кто находитъ, что переходъ къ интенсивному хозяйству требуетъ затраты огромнаго капитала, времени, а можетъ быть и жизни нѣсколькихъ поколѣній, и справедливо считаетъ, что гораздо проще занимать сперва втунѣ лежащія земли, а потомъ ужъ вводить постепенно улучшенія,—тотъ пусть ищетъ свободныхъ земель и возможности на нихъ водворяться крестьянамъ. Земельный просторъ вовсе не отрицаетъ агрономіи и нисколько ей не мѣшаетъ. Послѣднее могутъ утверждать развѣ только нѣкоторые изъ гг. агрономовъ, да и то по недоразумѣнію, не выдерживающему строгой критики, или по соображеніямъ, совершенно стороннимъ и мало похвальнымъ. Зная, что переходъ къ высшей культурѣ былъ процессомъ тяжелымъ и что въ нѣкоторыхъ странахъ ему предшествовала земельная тѣснота, они полагаютъ почему-то, что такъ должно быть и впредь и что только нужда можетъ быть двигателемъ прогресса. Помимо педантизма, въ этомъ недоразумѣніи есть уже нѣчто отъ той жесткости или жестокости, которая ставитъ во главу угла не человѣка, а технику. О стороннихъ соображеніяхъ мы уже не говоримъ. Словомъ, вопросъ о размѣрахъ владѣнія землей есть вопросъ не столько агрономіи, сколько политики; а политика главною цѣлью должна ставить живого человѣка, а не агрономію, которой должна принадлежать лишь служебная роль. Съ этой точки зрѣнія, разумѣется, будетъ самымъ правильнымъ слѣдующее: содѣйствуя всѣми возможными средствами развитію высшей культуры, въ то же время не стѣснять энергіи и свободнаго труда населенія въ обработкѣ совершенно празднолежащихъ земель, которыя не приносятъ ни частнымъ лицамъ, ни государству никакого дохода, или даютъ доходъ самый ничтожный, который сплошь и рядомъ не окупаетъ даже издержекъ завѣдыванія ими. Мы имѣемъ массу такихъ земель на Кавказѣ, въ Новороссіи, въ Крыму (напр., земли, отведенныя нѣкогда нѣмцамъ-колонистамъ для пастьбы овецъ), на Дону (отведенныя подъ коневодство) и въ другихъ мѣстахъ, не говоря уже о Сибири; между тѣмъ противники переселеній не разъ приходили даже къ такимъ абсурдамъ, что отрицали наличность сибирскаго простора. Не далѣе, какъ въ 1893 году въ одномъ изъ петербургскихъ ученыхъ обществъ дѣлался докладъ о недостаткѣ удобныхъ земель и малой емкости Сибири. Само собою разумѣется, что заселеніе ближайшихъ свободныхъ земель гораздо легче и сподручнѣе, но если сравнивать хотя бы и далекое сибирское приволье съ мѣстностями, гдѣ были отведены малые надѣлы, или гдѣ приходится покупать землю по цѣнамъ выше ея дѣйствительной стоимости, то предпочтеніе придется отдать Сибири. По собраннымъ въ послѣднее время свѣдѣніямъ, въ Кирсановскомъ, напр., уѣздѣ около половины бывшихъ помѣщичьихъ крестьянъ владѣютъ менѣе чѣмъ по десятинѣ на душу, въ Пензенской губ. этотъ разрядъ крестьянъ составляетъ $^1/_5$ населенія, въ Саратовскомъ уѣздѣ $^1/_3$, въ Бѣлгородскомъ (Курской губ.) $^1/_4$, въ Сапожковскомъ (Рязанской губ.) болѣе $^1/_3$ и т. д. Пусть гг. агрономы, являющіеся въ большинствѣ случаевъ и сторонниками личнаго землевладѣнія, попробуютъ ввести на такихъ участкахъ травосѣяніе, многопольный сѣвооборотъ, необходимое для удобренія количество скота и вообще довести ихъ до степени доходности, необходимой для существованія и платежа податей. Полагаемъ, что это не такъ-то легко и потребуетъ значительнаго капитала, котораго у мужика нѣтъ и который даже государству достать трудно, потому что оно не можетъ разсчитывать на быстрое

его возвращеніе. Но это вовсе, однако, не значитъ, что агрономія и хозяйственныя улучшенія не нужны; нужно только, чтобы переходъ къ высшей культурѣ былъ постепеннымъ и не ложился всею тяжестью на крестьянство. Улучшенія нужны и будутъ понятны не въ однѣхъ только малоземельныхъ мѣстностяхъ, но и въ многоземельныхъ. И сибирскій крестьянинъ съ удовольствіемъ заведетъ и лучшій скотъ, и лучшія орудія, и лучшія сѣмена, и лучшіе способы обработки земли, покажите только ему ихъ и дайте возможность завести. Тѣмъ-то и дороги такіе люди науки, какъ покойный Энгельгардтъ, которые понимали, какъ труденъ переходъ отъ одной системы хозяйства къ другой, и подыскивали для этого чисто практическіе пріемы. Вотъ что писалъ о немъ нѣкто г. Н. С. въ „Недѣлѣ“.

„Вліяніе батищевскаго хозяйства на сосѣднія деревни развивалось все шире и шире. Крестьяне научились здѣсь сѣять клеверъ на лядинахъ, и занятіе это произвело крупный переворотъ въ хозяйствѣ крестьянина: на бывшихъ непроизводительныхъ земляхъ мужики стали собирать громадное количество сладкаго корма; явилась прямо неожиданная возможность увеличить скотоводство, что, въ свою очередь, содѣйствовало улучшенію качества полей и постепенному росту урожаевъ хлѣба. Александръ Николаевичъ, весь отдавшись своему хозяйству, въ то же время съ живымъ интересомъ слѣдилъ за тѣми или другими новшествами сосѣдняго крестьянства. Между батищевскимъ хозяиномъ и сосѣдними крестьянами установились отношенія простыя, дружественныя. Мужики приходили къ „Ликсандру Николаевичу“, а не къ барину, за совѣтомъ, съ просьбой обмѣнить сѣмена, придти или пріѣхать къ нимъ посмотрѣть, почему на такихъ-то облогахъ плохо зародился ленъ. И онъ охотно шелъ въ деревню въ одномъ случаѣ посовѣтовать, научить, въ другомъ—досмотрѣть и помочь чѣмъ-нибудь изъ хозяйства, въ третьемъ—въ гости, на праздникъ, или на крестины въ качествѣ кума. И вы только тогда могли бы вполнѣ оцѣнить эту безспорно крупную личность, если бы встрѣтили его въ бесѣдахъ съ крестьянами или въ хозяйственныхъ сношеніяхъ съ ними. Мужика не проведешь; онъ чутьемъ узнаетъ, кто передъ нимъ стоитъ и съ кѣмъ онъ дѣло имѣетъ. Александръ Николаевичъ умѣлъ поставить себя такъ, что крестьяне забывали въ немъ барина, а видѣли только сильнаго умомъ и дѣломъ хозяина и вмѣстѣ съ

тѣмъ въ высшей степени общительнаго человѣка. Крестьяне искренно, непритворно уважали его, не смотря на то, что батищевское хозяйство не особенно любило заниматься дѣлами благотворенія. За то оно давало нѣчто болѣе цѣнное, чѣмъ тѣ или другіе подарки,—давало знаніе и возможность самому заработать кусокъ хлѣба. Лозунгъ батищевскаго хозяйства—каждый долженъ работать, каждый долженъ испробовать посидѣть въ шкурѣ мужика, чтобы знать истинную цѣну хлѣба насущнаго“..

Покойный Энгельгардтъ указывалъ еще корреспонденту „Новаго Времени“, г. Шарапову, на дѣятельность своего племянника, В. П. Энгельгардта, хозяйничающаго на границѣ Духовщинскаго и Бѣльскаго уѣздовъ.

„Если вы хотите посмотрѣть русскую культуру,—говорилъ онъ,—совѣтую съѣздить къ нему. Это замѣчательно энергичный человѣкъ и горячо преслѣдуетъ одну цѣль: поднять благосостояніе окружающихъ крестьянъ. И дѣйствительно, результаты поразительные. Въ прошломъ (1893) году изъ его околодка было отправлено въ голодающія губерніи что-то двадцать или тридцать вагоновъ хлѣба. Это изъ Духовщинскаго-то уѣзда, гдѣ при крѣпостномъ правѣ была вопіющая бѣдность! Вотъ какъ онъ дѣйствуетъ: чуть услышитъ, что продается гдѣ-нибудь имѣніе или земля изъ подъ лѣса, сейчасъ же онъ покупаетъ. Затѣмъ идутъ соображенія: какимъ крестьянамъ изъ окружающихъ деревень нужна земля, и какъ они съ ней могутъ устроиться? В. П. Энгельгардтъ разбиваетъ имѣніе на участки, иногда часть оставляетъ за собой и распредѣляетъ между крестьянами. Онъ—предводитель дворянства, слѣдовательно, ему легко устроить дѣло въ крестьянскомъ банкѣ; за доплату ему работаютъ тѣ же крестьяне, онъ же помогаетъ имъ и устроиться, и начать хозяйство. Клеверъ, плуги могутъ покупать у него, хлѣбъ продать ему и т. д. И при этомъ онъ дѣйствуетъ безъ всякой филантропіи, а строго экономически, оставляя себѣ небольшой заработокъ. Помѣстье его—это цѣлый городъ. Все продается, все покупается. Дѣятельность его простирается на огромный районъ, и во всемъ районѣ замѣчательно поднялось и хозяйство и благосостояніе“.

Считая такого рода людей культурною силою, оказывающею несомнѣнное воздѣйствіе на крестьянское хозяйство, А. Н. Энгельгардтъ не соглашался только съ способомъ проведенія

этого воздѣйствія въ жизнь. „Требуютъ,—говорилъ онъ,—власти, опеки, а я говорю: прибавьте только земли мужику“, и, повѣрьте, „онъ заведетъ травосѣяніе и самъ собой перейдетъ къ многопольному хозяйству, вродѣ моего“. Все это, разумѣется, совершенно вѣрно, но при этомъ прежде всего является такого рода вопросъ: много-ли у насъ такихъ образцовыхъ хозяйствъ и такихъ преданныхъ общественному дѣлу и неутомимыхъ работниковъ? Это опять-таки лишь рѣдкія, отдѣльныя единицы, которыя освѣщаютъ лишь ближайшую окрестность. Въ этомъ же родѣ мы можемъ указать еще на помѣщика Корчевскаго уѣзда, Тверской губ., И. Н. Мамонтова, который, какъ сообщали „Спб. Вѣд.“, поставилъ свое хозяйство такимъ образомъ, что оно является и школою, и подспорьемъ для сосѣдняго крестьянства. Усадьба г. Мамонтова представляетъ собой нѣчто вродѣ „промышленнаго городка“. Кромѣ дома и хозяйственныхъ службъ, тамъ есть обширное механическое учрежденіе, называемое крестьянами „заводомъ“, гдѣ, помимо паровика и маслобоекъ, работаютъ еще, при помощи пара, слѣдующія машины: сортировка, вѣялка, съ приспособленнымъ къ ней элеваторомъ, трещотки для очистки льняного сѣмени, зерносушилка, костоломка для приготовленія костяного удобренія, лѣсопилка (круглая пила), аппаратъ для вытяжки мучной пыли изъ мельницы, паровой котелъ для распариванія костей и выдѣленія изъ нихъ жира, паровой насосъ, сверло для слесарей, разные элеваторы, точила и проч. Пользованіе всѣми этими приспособленіями доступно крестьянамъ за самую ничтожную плату. Особое зданіе занято мастерскими: слесарною, кузнечною, бондарною и колесною. Заказы крестьянъ исполняются старательно и дешево. Тутъ же помѣщаются двѣ лавки и чайная. Подъ вліяніемъ хорошо поставленнаго хозяйства, у крестьянъ развивается стремленіе къ улучшенію и своихъ хозяйствъ; довольно быстро распространяются улучшенныя породы домашнихъ животныхъ, а также пчеловодство и садоводство. „Поставивъ себѣ задачею не отказывать крестьянамъ ни въ чемъ, оказывая имъ даже всевозможныя льготы по пріобрѣтенію породистаго скота, доброкачественныхъ сѣмянъ, усовершенствованныхъ орудій, удобреній и проч., помѣстье имѣетъ баснословно обширную кліентуру“; поэтому, пользуясь въ отдѣльности ничтожнымъ барышомъ, оно имѣетъ въ общемъ „очень солидный заработокъ“. Мѣстное крестьянство оцѣнило заботливость о немъ г. Мамонтова и называетъ его помѣстье „крестьянской утѣхой“.

Все это, разумѣется, очень хорошо, но крайне необезпечено относительно правильнаго продолженія въ будущемъ. Продай г. Мамонтовъ имѣніе или измѣни отношенія къ крестьянамъ, — и все моментально измѣнится. Малѣйшая случайность, малѣйшая перемѣна въ личномъ его настроеніи и взглядахъ могутъ отзываться на дѣлѣ. Поэтому намъ гораздо болѣе нравится, когда въ томъ же направленіи начинаютъ дѣйствовать земскія учрежденія и частныя лица, пытающіяся создавать что-нибудь непосредственно для крестьянской среды.—Во многихъ земскихъ губерніяхъ стали устраиваться сельско-хозяйственныя и техническія училища разныхъ типовъ; нѣкоторыя земства открыли при народныхъ школахъ ремесленныя отдѣленія; другія заводятъ питомники, опытныя поля, агрономическихъ смотрителей, губернскихъ и уѣздныхъ агрономовъ, устраиваютъ лѣтніе сельско-хозяйственные курсы для учителей, кустарные музеи, выставки, начинаютъ выписывать сѣмена и удобреніе, заводятъ склады земледѣльческихъ орудій и т. д. Прежде земства обыкновенно рѣшали такіе вопросы только принципіально, дѣлая соотвѣтствующія постановленія на собраніяхъ, и недостаточно заботились о путяхъ и способахъ практическаго ихъ осуществленія и проведенія въ жизнь; теперь, повидимому, начинаютъ сознавать и стараются хоть отчасти исправить слабую сторону. Мы указываемъ на это съ особымъ удовольствіемъ потому, что тѣмъ культурнымъ людямъ, которые идутъ въ томъ же или близкихъ направленіяхъ въ одиночку, есть полный резонъ примкнуть къ такого рода земствамъ и не быть столь одинокими и изолированными.

Примѣръ Пермскаго земства относительно агрономическихъ смотрителей скоро нашелъ послѣдователей: втеченіе какихъ-нибудь 2 — 3 лѣтъ цѣлый рядъ другихъ земствъ, особенно южныхъ (Полтавское, Херсонское, Таврическое и др.), также рѣшилъ ввести этотъ чисто практическій персоналъ, и замѣчательно, что тѣ земства, гдѣ уже работаютъ смотрителя, даютъ о нихъ почти единогласно одобрительные отзывы. Точно также хорошо отзываются о нихъ въ земскихъ собраніяхъ и гласные отъ крестьянъ. На основаніи этихъ отзывовъ, газета „Крымъ“ дала въ 1892 году смотрителямъ такую характеристику:

„Крестьянинъ—въ агрономическомъ смотрителѣ прежде всего не видитъ „начальства“... Затѣмъ, онъ встрѣчаетъ самое внимательное отношеніе къ своимъ дѣйствительнымъ нуждамъ и затрудненіямъ, которыхъ самъ рѣшить зачастую не можетъ, и ви-

дитъ пониманіе этихъ нуждъ со стороны агрономическаго смотрителя. Наконецъ, онъ сразу-же разбираетъ, съ кѣмъ имѣетъ дѣло, разбираетъ, что агрономическій смотритель знаетъ много больше его и можетъ посовѣтовать ему много хорошаго, а не будетъ рекомендовать сѣять просо на зиму или коллировать дыни, что иногда случается съ „панами". Правда, на первыхъ порахъ онъ еще немного сомнѣвается, имѣя въ виду богатый опытъ прошлаго, но послѣ одного, двухъ удачныхъ опытовъ, эти сомнѣнія сразу исчезаютъ и уступаютъ мѣсто довѣрію".

Въ Елабужскомъ уѣздѣ, Вятской губ. двое агрономическихъ смотрителей также пріобрѣли большое довѣріе крестьянъ, и подъ ихъ вліяніемъ въ селѣ Новой Котловкѣ устроилось опытное поле, на которомъ получается прекрасный урожай. Для этого отведено въ видѣ опыта на три года 6 десятинъ, и всѣ работы производятся, согласно общественному приговору, по указаніямъ смотрителя. Посѣвныя сѣмена улучшенныхъ сортовъ были получены ссудою отъ земской управы. Говоря, что подобныя опытныя поля должны сыграть видную роль въ поднятіи крестьянской сельскохозяйственной техники, „Недѣля" замѣчаетъ: „это не то, что образцовыя фермы въ 500 дес., устраиваемыя по одной на губернію, которыя навязаны и навязываются патентованными агрономами нѣкоторымъ земствамъ; фермы эти не имѣютъ ровно никакого значенія для поднятія народнаго хозяйства, такъ какъ хозяйство въ нихъ ведется такими сложными машинами и съ такими усовершенствованіями, которыя совершенно недоступны крестьянскимъ хозяйствамъ, располагающимъ какими-нибудь 5 — 10 десятинами земли". Признавая извѣстную долю справедливости въ этомъ замѣчаніи, мы, однако, не чувствуемъ идіосинкразіи къ патентованнымъ агрономамъ, какъ и вообще къ высшимъ формамъ знанія, и полагаемъ, что тѣ земства, которыя, вводя институтъ агрономическихъ смотрителей, приглашаютъ въ то же время губернскихъ и уѣздныхъ агрономовъ, поступаютъ вполнѣ раціонально, такъ какъ агрономическіе смотрители могутъ во многихъ случаяхъ нуждаться въ указаніяхъ людей, болѣе знающихъ и опытныхъ. Ничему также не помѣшаютъ и могутъ быть очень полезными и центральныя земскія фермы, если будутъ устроены такъ, что не потребуютъ большихъ затратъ и не будутъ приносить убытковъ. Существуютъ же такого рода фермы и агрономическія станціи за-границей. Каждая почти наша губернія занимаетъ такое большое пространство и представляетъ такое разнообразіе естественныхъ, бытовыхъ и экономическихъ условій, что рѣдко можетъ вести хозяйство по одному шаблону. Къ сожалѣнію, далеко не вездѣ произведены въ этомъ отношеніи необходимыя изслѣдованія, но вотъ, напр., относительно Нижегородской губ., гдѣ такія изслѣдованія сдѣланы, съ одной стороны, проф. Докучаевымъ (почвенныя), а съ другой — земскими статистиками, мы узнаемъ, что тамъ есть и черноземныя мѣстности, и суглинистыя и песчаныя; лѣсныя, полулѣсныя и чисто пашенныя; прилегающія къ большимъ рѣкамъ и желѣзнодорожному полотну и совершенно глухія, не имѣющія иныхъ путей сообщенія, кромѣ грунтовыхъ дорогъ; мѣстности съ очень мелкими и частыми крестьянскими поселками и такія, гдѣ преобладаютъ крупныя, большія селенія. Словомъ все — почвенныя, физико-географическія, этнографическія и экономическія условія хозяйства и сбыта — различно; хозяйство и теперь имѣетъ тамъ нѣсколько типовъ, — какъ же улучшать его по одному образцу и одинаковыми пріемами? И мы находимъ совершенно правильнымъ, что г. Сибирцевъ (завѣдующій Нижегородскимъ земскимъ естественно-историческимъ музеемъ), когда губернская управа поручила ему составить проектъ опытныхъ полей, проектировалъ ихъ въ двоякомъ видѣ: агрономическія и крестьянскія. Первыя, даже не заходя въ область теоретическихъ научныхъ изслѣдованій, могутъ имѣть дѣло съ мѣстными практическими вопросами, нуждающимися въ научномъ разрѣшеніи, испытывать не то, что вообще интересно, а что „относится къ мѣстнымъ нуждамъ и доступно по выполненію". Вторыя имѣютъ дѣло съ тѣми улучшеніями, которыя уже введены въ первыхъ и признаны пригодными для крестьянскаго хозяйства. Одесское земство, занявшись ревностно улучшеніемъ земледѣлія въ уѣздѣ, организовало лѣтъ 5 тому назадъ при земской управѣ сельскохозяйственную комиссію, въ которую входятъ крупные и мелкіе землевладѣльцы, волостные старшины, крестьяне и представители разныхъ отраслей знанія, такъ или иначе соприкасающіеся съ земледѣліемъ (энтомологи, ветеринары, земскіе статистики, агрономическіе смотрителя и т. п.). Комиссія эта сдѣлала уже не мало, а успѣшности ея дѣятельности весьма способствовали устроенныя по нѣкоторымъ волостямъ подкомиссіи, съ цѣлью привлечь къ дѣлу самихъ поселянъ. Подкомиссіи эти обращаютъ главное вниманіе на улучшеніе полевой культуры, на введеніе лучшихъ сортовъ сѣмянъ (напр., бѣлоколоски), выписываемыхъ черезъ управу, на посадку фруктовыхъ деревьевъ, виноградныхъ лозъ,

улучшеніе скотоводства и на приведеніе внѣшняго вида селъ въ болѣе благообразное состояніе („См. В.“ № 63, 1891 г.). Врядъ-ли у насъ есть какое либо другое земство, которое менѣе бессарабскаго заботилось бы о насущныхъ нуждахъ населенія, но вотъ теперь и оно пригласило нѣсколькихъ агрономовъ и поручило имъ, за отсутствіемъ статистиковъ, собирать свѣдѣнія объ экономическомъ положеніи губерніи; а предсѣдатель Оргѣевской управы дѣятельно взялся за распространеніе среди крестьянъ машинъ и улучшенныхъ земледѣльческихъ орудій. Для этого онъ устроилъ въ Оргѣевѣ конкурсную выставку плуговъ кишиневскихъ и одесскихъ складовъ, и крестьяне, явившіеся изъ уѣзда въ качествѣ депутатовъ, отнеслись къ этому почину весьма сочувственно. Былъ выбранъ наиболѣе удобный для крестьянскаго быта типъ плуга, и многіе сейчасъ же изъявили желаніе пріобрѣсти такіе плуги, при посредствѣ управы, а затѣмъ стали поступать въ управу и другія требованія. Очередное Оргѣевское земское собраніе XXII сессіи разрѣшило управѣ израсходовать 5.000 руб. на устройство склада сѣмянъ и с. х. орудій. Кишиневское земское собраніе той же сессіи также весьма сочувственно отнеслось къ подобному же предложенію своей управы и ассигновало ей на покупку сѣмянъ и орудій 2.000 руб.

Потребность и стремленіе къ сельскохозяйственному и техническому образованію съ каждымъ годомъ ростутъ. Объ открытіи сельскохозяйственныхъ школъ ходатайствовало много земствъ: Бобровское, Ѳеодосійское, Ялтинское, Кишиневское, Псковское, Нижегородское, Новгородское и др. Частныя лица (К. М. Сибиряковъ, Скержинскій, Н. А. Ковалевъ и др.) также устроиваютъ сельскохозяйственныя школы. Въ Калужской губ., по инціативѣ мѣстнаго землевладѣльца, Н. Т. Владимірова, въ двухъ селахъ, Жерелевѣ и Князевкѣ, открыты комитеты общества улучшенія народнаго труда, при чемъ жерелевскій комитетъ имѣетъ ввиду устраивать и поддерживать вольныя крестьянскія школки грамотности и содѣйствовать школьной фермѣ при двуклассномъ училищѣ; а князевскій ставитъ цѣлью — развитіе начавшагося уже льноводства и помощь безпріютнымъ дѣтямъ, при обученіи грамотѣ. Г. Владиміровъ заявилъ себя съ очень хорошей стороны въ области народнаго образованія въ Масальскомъ и Калужскомъ губернскомъ земствахъ. Открытъ былъ подобный же комитетъ и въ с. Бековѣ, Саратовской губ.; но тутъ было поставлено столько задачъ (открытіе ремесленныхъ отдѣленій и рукодѣльныхъ классовъ при начальныхъ училищахъ, устройство

ремесленной школы, развитіе кустарной промышленности, устройство выставокъ, ссудосберегательнаго товарищества и народныхъ библіотекъ), что невольно являлось опасеніе—хватитъ-ли на все это у комитета силъ и средствъ. Мы долго не кончили бы, еслибы стали перечислять всѣ попытки и начинанія этого рода. Стремленіе это, очевидно, представляетъ цѣлое умственное теченіе въ культурной средѣ, начинающееся съ одиночекъ и людей, которые изъ года въ годъ твердятъ одно и то же въ земскихъ собраніяхъ, и затѣмъ распространяющееся въ обществѣ, въ особенности, подъ вліяніемъ такихъ доводовъ самой жизни, какъ обѣдненіе населенія и неурожаи и голодовки послѣднихъ лѣтъ. Въ настоящее время очень популярна мысль о надѣленіи народныхъ школъ землею и объ устройствѣ при нихъ опытныхъ полей. Изъ доводовъ, которые дѣлаются противниками этой мысли, заслуживаютъ вниманія два: это некомпетентность учителей въ сельскомъ хозяйствѣ и затруднительность для крестьянъ отводить землю подъ школу, при малоземеліи; но защитники возражаютъ, что первое соображеніе устраняется лѣтними курсами для учителей и введеніемъ въ земскую жизнь агрономическихъ смотрителей и агрономовъ, которые могутъ наблюдать за опытными полями, а во второмъ случаѣ можно покупать землю у сосѣднихъ частныхъ владѣльцевъ, отводить казенную, церковную и т. п. Во Франціи, продолжаютъ они, существуетъ нѣсколько тысячъ опытныхъ полей при народныхъ школахъ и производятся на нихъ въ высшей степени полезные опыты надъ разными искусственными удобреніями и посѣвомъ пшеницы, свеклы, картофеля, конопли; — почему же у насъ не можетъ быть того же самаго? Газеты сообщали, что одинъ изъ сторонниковъ опытныхъ полей (г. Бильдерлингъ) составилъ обстоятельный докладъ по этому поводу, который вызвалъ живой интересъ въ экономическомъ совѣтѣ при Петербургской губ. зем. управѣ. Поводомъ къ этому докладу послужило заключеніе особой комиссіи, при ученомъ комитетѣ Мин. Нар. Просвѣщ., проектировавшей при народныхъ школахъ сельскохозяйственныя отдѣленія, „цѣлью которыхъ должно быть не столько обученіе учениковъ сельскому хозяйству или какой-либо отрасли его, сколько расширеніе умственнаго кругозора учащихся полезными въ сельскомъ быту свѣдѣніями, искорененіе вредныхъ предразсудковъ и постепенное ознакомленіе всего окружающаго населенія нагляднымъ путемъ, при помощи училищнаго хозяйства, съ необходимыми въ данной мѣст-

ности и вызываемыми самою жизнію улучшеніями". („Нов." № 151, 93 г.).

Такъ какъ подробности этого чисто культурнаго вопроса въ нашу задачу не входятъ, то мы и не будемъ на нихъ останавливаться. Насъ интересуетъ только общее направленіе общественной мысли, которое можетъ объединять, если не вполнѣ, то хотя бы отчасти и внѣшнимъ образомъ, людей, работающихъ въ одиночку, и сами эти люди, несущіе въ деревню искреннее желаніе работать. Такіе люди есть и въ земствахъ, и среди учителей, и на другихъ поприщахъ, только надъ ними взялъ засиліе другой человѣкъ, человѣкъ совсѣмъ другого фасона, пользуясь ихъ слабостью, временными неблагопріятными обстоятельствами и изолированностью. Одно учительство даетъ такіе прекрасные нравственные образы, которые вызываютъ невольное уваженіе, а тягостная, полная испытаній жизнь такихъ людей наполняетъ васъ самою мучительною скорбью.

Я видѣлъ, напр., на Кавказѣ одного такого учителя, который лѣтомъ ходилъ на заработки и работалъ, какъ чернорабочій, а на зиму уходилъ въ станицы, жилъ на заработанныя деньги и училъ дѣтей даромъ. О подобныхъ же двухъ учительницахъ писали въ „Недѣлю" изъ Смоленской губ. Въ статьѣ „Интелл. женщина въ деревнѣ" читаемъ: „Въ деревнѣ Присельѣ, Духовщинскаго уѣзда, вотъ уже 7 лѣтъ безвозмездно обучаетъ крестьянскихъ дѣтей интеллигентная женщина. Ея любовь къ дѣлу и энергія по распространенію грамотности представляетъ собою нѣчто выдающееся... Она нанимаетъ для школы грамотности хату, за которую ежегодно платитъ изъ своихъ средствъ по 30 р., покупаетъ для дѣтей книги, бумагу, грифельныя доски и пр., а средства и на этотъ предметъ, и на прокормленіе себя даетъ ей урокъ у сосѣдняго помѣщика Н. З.—ло. Ежедневно, по окончаніи занятій съ крестьянскими дѣтьми, она ѣдетъ на своей наемной лошади (платитъ 5 руб. въ мѣсяцъ) къ помѣщику давать урокъ его дѣтямъ. Ни дожди, ни метели не останавливаютъ этой поѣздки. Все, что она зарабатываетъ у помѣщика, за вычетомъ на свое болѣе чѣмъ скромное содержаніе, отдается ею школѣ грамотности" (№ 47, 1890 г.). Школа поставлена прекрасно. Инспекторъ народн. училищъ далъ о ней слѣдующій отзывъ: „я рѣдко встрѣчалъ такое осмысленное и успѣшное занятіе съ дѣтьми, но болѣе всего меня пріятно удивило отношеніе дѣтей къ учительницѣ: они ее любятъ какъ мать родную, каждый изъ нихъ старается угодить ей, не раздосадовать ее".

Авторъ статьи читалъ дѣтскія письма къ этой учительницѣ, когда она лѣтомъ уѣзжала изъ деревни къ своимъ роднымъ, и приводитъ изъ нихъ выдержки: „Скоро-ли ты пріѣдешь къ намъ, дорогая В. Н—а? Мы безъ тебя соскучились"—пишетъ, напр., одинъ мальчуганъ. Затѣмъ, авторъ приводитъ факты, какъ уважительно относятся къ этой учительницѣ и взрослые крестьяне, и указываетъ еще на другую такую же дѣвушку, которая неподалеку въ той же мѣстности уже четыре года живетъ въ одной деревушкѣ близь Днѣпра и обучаетъ дѣтей буквально за одинъ кусокъ хлѣба: „дочь почтеннаго смоленскаго помѣщика К—ва, она получила хорошее образованіе и имѣла полную возможность жить обезпеченною жизнью и выйти замужъ; но разсудила иначе: сняла съ себя дорогіе наряды и пошла въ деревню учить дѣтей грамотѣ... Живетъ она въ курной хатѣ, питается обыкновенной крестьянской пищей, нерѣдко угораетъ, переноситъ не мало лишеній, и все это для того, чтобы внести свѣтъ знанія и правды въ темную деревенскую среду". Авторъ добавляетъ, что нѣкоторые изъ мѣстныхъ, такъ называемыхъ, образованныхъ людей называютъ дѣятельность этой дѣвушки „нравственнымъ юродствомъ", а мужики, наоборотъ, говорятъ: „пошли ей Богъ здоровья". Вотъ что читали мы въ „Кіевскомъ Словѣ", въ корреспонденціи изъ Переяслава, о смерти такой же сельской учительницы, О. М. Максимовичъ. Дочь бывшаго ректора университета св. Владиміра, она, по окончаніи высшихъ женскихъ курсовъ въ Кіевѣ, заняла скромную должность сельской учительницы въ Переяславскомъ уѣздѣ. Дѣятельность ея сразу обратила на себя вниманіе членовъ училищнаго совѣта. Глубоко преданная дѣлу, она влагала всю душу въ него. Стоя въ умственномъ отношеніи гораздо выше остальныхъ учителей, она ввела новые педагогическіе пріемы и т. д.; „но не въ этомъ ея заслуга, а въ томъ, что она умѣла привязать къ себѣ малышей... Будучи назначена первоначально въ Коваленское училище и, пробывъ здѣсь полтора года, она была переведена въ с. Корнѣевку. Вотъ тогда-то и обнаружилась вся любовь къ ней дѣтей, которыя неутѣшно плакали, разставаясь съ нею, а затѣмъ писали ей весьма трогательныя письма. То же самое повторилось и при выѣздѣ ея изъ Корнѣевки въ с. Демянцы, гдѣ она и скончалась, какъ удостовѣрили врачи, отъ угара" (№ 1180).

Чтобы вполнѣ оцѣнить дѣятельность такого рода лицъ, необходимо не упускать изъ виду всю совокупность условій и обстановки, среди которыхъ имъ приходится дѣйствовать: по-

мимо матеріальныхъ неудобствъ и лишеній, приходится еще испытывать подозрительность инспекціи, полиціи, мѣстныхъ заправилъ и всего уѣзднаго общества, зависимость отъ каждой мелкой сошки, вродѣ волостного писаря, отсутствіе равныхъ по развитію людей, съ которыми, какъ говорится, можно отвести душу, посовѣтоваться и т. д. Сила любви и преданности ближнему тутъ измѣряется не частными лишеніями какихъ-нибудь благъ, не временными жертвами, а долгимъ подвигомъ, когда человѣкъ цѣликомъ забываетъ о личномъ своемъ благѣ, ради интересовъ темной народной массы. Если присмотрѣться ближе къ дѣятельности такихъ учительницъ и учителей, то увидимъ, что они очень часто не ограничиваются одною только школою, а стараются быть полезными и взрослому населенію, — въ другихъ сферахъ: они устраиваютъ повторительные курсы съ бывшими учениками, воскресныя и вечернія чтенія, заводятъ при школахъ сады, пчельники, питомники, шелководни, продаютъ книги изъ земскихъ сельскихъ складовъ, устраиваютъ библіотеки, подаютъ юридическіе совѣты, пишутъ письма и прошенія, стараются пріобрѣсти медицинскія познанія для первоначальной помощи и т. д. По иниціативѣ нѣкоторыхъ изъ нихъ, какъ сообщаютъ газеты, устраиваются громоотводы, осушаются болота, культивируются новыя растенія и дѣлаются для поднятія благосостоянія окрестныхъ деревень разныя другія полезныя вещи. Вотъ, напр., о какой прекрасной дѣвушкѣ прочитали мы въ „Недѣлѣ“ въ статьѣ „Высокоцѣнные труженики“.

„Семь лѣтъ назадъ, въ N—скую земскую школу, въ одномъ изъ самыхъ глухихъ угловъ Полтавской губ., была назначена учительницею сирота, молодая дѣвушка, окончившая мѣстную прогимназію. Условія жизни учителя въ данномъ мѣстѣ такъ же мало приглядны, какъ и почти вездѣ: тяжелый, надрывающій здоровье трудъ, отсутствіе интеллигентнаго общества, убожество относительно книгъ, журналовъ и газетъ, глушь, дичь—и жалованье 16 р. 66¾ коп. въ мѣсяцъ. Въ такія-то не блестящія условія попала 17-лѣтняя дѣвушка, безъ личнаго опыта, безъ опытнаго руководителя, съ одною только жаждою быть полезною темному люду, среди котораго она являлась единственнымъ свѣтлымъ лучомъ“.

Съ первыхъ же лѣтъ своего учительства, молодая дѣвушка пріобрѣла довѣріе крестьянъ и сдѣлалась не только дѣльною учительницей, но и лучшей совѣтницей въ разныхъ затруднительныхъ случаяхъ. Живя въ годы своего ученія въ семьѣ земскаго врача, она пріобрѣла кое-какія элементарныя познанія по медицинѣ, которыя потомъ ей пригодились и сослужили большую службу. Земскій врачъ, навѣщавшій деревню, гдѣ она жила, не отказывалъ ей въ совѣтахъ и оставлялъ нѣкоторыя лекарства для первоначальной помощи. И вотъ, масса народа, въ особенности женщины и дѣти, шли къ ней со своими болями. Старики относились къ ней „дружественно-покровительственно, какъ къ хрупкому созданію, которое нужно беречь“. Когда ей приходилось нанимать зимою подводу для поѣздки куда-нибудь, то богачи не брали съ нея ни копѣйки, а бѣдняки брали, что дастъ или возможно меньше. Тѣ и другіе всегда захватывали съ собою кожухи, свиты и рядна, которыми старательно закутывали „учительшу, шобъ вона не змѐрзла“. Энергія учительницы поражала крестьянъ: „и коли ся дытына спыть“,—говорили они про нее. Любили крестьяне и въ самую школу заходить: придутъ по какому-нибудь пустяку, да и просидятъ нѣсколько часовъ, разсказывая потомъ, какъ „ловко“ учитъ учительша и какъ это ихъ сорванцы—ребята тихо сидятъ въ школѣ.

„Въ длинные осенніе вечера учительница собирала вокругъ себя учениковъ и ученицъ. Предлогомъ служило приготовленіе къ ежегодно устраиваемой въ школѣ рождественской елкѣ. Въ школу доставлялся попечительницей сырой матеріалъ — бумага, картонъ и проч., и изъ всего этого учащимися подъ руководствомъ учительницы выдѣлывалась масса искусственныхъ цвѣтовъ, коробочекъ и разныхъ елочныхъ украшеній. На эти вечера ребята приходили, какъ на праздникъ. Захвативъ съ собою по краюхѣ хлѣба, они до полуночи просиживали за работою, слушая чтеніе учительницы, разсказы, сообщая про свои дѣла, радости, невзгоды. Все это часто смѣнялось пѣснями, шутками. Къ концу вечера ставился учительскій самоварчикъ... Иногда кто-нибудь приносилъ кусокъ пирога, вареныхъ яицъ, холодной картошки, или учительницѣ кто-нибудь присылалъ какого-нибудь лакомства, и тогда вечеръ становился еще веселѣе, такъ какъ все шло на общее угощеніе. Эти вечера помнятся учениками доселѣ, а иными, вѣроятно, не забудутся и во всю жизнь, какъ рѣдкій свѣтлый лучъ въ ихъ довольно-таки темной жизни“.

Съ первыхъ же лѣтъ учительской дѣятельности, молодая дѣвушка, по общимъ отзывамъ оффиціальныхъ и неоффиціальныхъ лицъ, стала рядомъ съ лучшими учителями уѣзда, по успѣху своихъ учениковъ; но, не довольствуясь обыкновенными заня-

тіями, она ежегодно находила среди учениковъ такихъ, которыхъ можно было подвинуть дальше, и, вмѣсто лѣтняго отдыха, посвящала каникулы имъ, не беря, разумѣется, за это ничего. Къ дѣтямъ учительница относилась очень хорошо. „Нерѣдко въ суровые осенніе дни можно было видѣть въ открытомъ полѣ какого-нибудь деревенскаго сиротку или бѣдняка-ребенка, заботливо закутаннаго въ женскую теплую шапку и кофту—это было дѣломъ учительницы. Стоило зимою придти въ школу какому-нибудь ребенку легко одѣтымъ,—и онъ отпускался закутаннымъ въ платокъ... Заболѣвалъ внезапно кто-нибудь изъ учениковъ—она клала его въ свою комнату, ухаживала за нимъ и отпускала только при явной безопасности. Сотни разъ рисковала она заразиться отъ больныхъ дѣтей разными сыпями, оспою, дифтеритомъ, тифами, трахомою, но это ее нисколько не страшило, и она храбро шла къ больному, лѣзла къ нему на печь, смазывала его, чѣмъ нужно, обмывала, ободряла, утѣшала“, и, только придя въ свои четыре стѣны, чувствовала себя разбитою отъ физической невозможности однѣми своими силами удовлетворять всю массу деревенскихъ нуждъ и потребностей. За то и крестьяне любили и почитали свою учительшу: затѣвалась-ли свадьба, устраивались-ли поминки, праздновалось-ли новоселье,—отовсюду шли приглашенія. Шла она ко всѣмъ, „не различая богатыхъ отъ бѣдныхъ“. Вездѣ она была желаннымъ гостемъ. Вездѣ ей повѣрялись семейныя тайны; всѣ спрашивали ея совѣтовъ. Всѣ возрасты были къ ней привязаны, но особенно льнули дѣвушки: „видѣть учительницу *свѣтилкою* у себя на свадьбѣ считалось самою большою честью“. Мало-по-малу за семь лѣтъ крестьяне такъ привыкли къ своей учительницѣ, что стали считать ее какою-то непремѣнною принадлежностью своей жизни. Очень были они поражены, когда обстоятельства такъ сложились, что имъ пришлось съ нею разстаться: когда стало извѣстно, что она выходитъ замужъ и уѣзжаетъ, то „школяры разревѣлись, а родители пріуныли“. А когда выпускной группѣ на экзаменѣ было предложено написать сочиненіе, кто о чемъ больше всего думаетъ, то большинство заговорило объ отъѣздѣ учительницы. Родители рѣшили отблагодарить учительницу поднесеніемъ ей отъ общества серебряной иконы и устройствомъ изъ родителей и учениковъ хора, который пропѣлъ бы въ церкви всю вѣнчальную службу. „Деньги на икону были собраны по грошамъ, а въ хорѣ, не смотря на рабочую пору, пожелала принять участіе почти вся мужская часть населенія“. Не мало было хлопотъ регенту съ голосами, явившимися прямо отъ плуговъ и боронъ, отъ овецъ и свиней, но дѣло уладилось и „импровизированный хоръ торжественно гремѣлъ во время вѣнчанія“. Церковь была биткомъ набита, такъ какъ всѣ смотрѣли на свадьбу, какъ на близкое дѣло: „учительшу замужъ видаемо“, объяснялось постороннимъ. По окончаніи вѣнчанія, новобрачной была поднесена общественная икона, а когда священникъ сказалъ прощальное слово, то многіе расплакались. Прощаніе крестьянъ съ учительницею было крайне трогательно: „хоръ постоянно возобновлялъ *многая лѣта*, но когда зазвенѣли колокольчики, хоръ оборвалъ сразу, потому что ребята-сопрано подняли неистовый ревъ“. Бабы также ревѣли, жалостно причитая; а изъ крестьянъ каждый по своему старался выразить свое сочувствіе и благодарность учительницѣ. Одинъ, указывая на дѣтей, говорилъ: „до кого воны теперь будуть пригортаться“; другой, бывшій ученикъ, теперь самъ уже женатый, заявлялъ: „я васъ всегда поважалъ за рідну мать и всегда поважатиму“ (т.-е. буду почитать); а третій бѣднякъ совалъ смущенно учительницѣ въ руку рубль, говоря: „будьте ласковы, возьміть собі на новое хозяйство,—якъ вы мого сына до ума довелы“... Когда же учительница стала отказываться, то онъ началъ просить и сказалъ: „ну, такъ я вашему чоловіку (т.-е. мужу) дамъ, — ему на хозяйство сгодится“.

Такъ оцѣнилъ простой народъ преданнаго ему и безкорыстно потрудившагося для него культурнаго человѣка. Не удивительно, въ виду приведенныхъ примѣровъ, что нѣкоторыя земства отдаютъ предпочтеніе учительницамъ передъ учителями. Херсонское земство представило даже фактическія данныя для этого, въ видѣ статистическихъ свѣдѣній о школьномъ дѣлѣ. Не удивительно, что на основаніи этихъ данныхъ и журналъ „Школьное Образованіе“ отдаетъ, не колеблясь, пальму первенства также женщинамъ: среди мужчинъ, говоритъ журналъ, гораздо больщій % идетъ въ учителя *ради службы* (напр., земскіе стипендіаты, составляющіе, приблизительно, $^1/_3$ народныхъ учителей), тогда какъ женщины чаще идутъ „ради служенія народу“; % учительницъ между 17 и 25 годами—63, а мужчинъ лишь 38; незамужнихъ женщинъ, т.-е. могущихъ всецѣло посвятить себя избранному дѣлу, также на 33% больше, чѣмъ холостыхъ учителей. Весьма возможно, что такого рода обобщенія представляютъ извѣстный рискъ, но мы не имѣемъ ни желанія, ни надобности представлять возраженія, такъ какъ рѣчь идетъ не о

женскомъ, а объ общемъ вопросѣ, и это тѣмъ болѣе, что и среди учителей есть также въ высшей степени почтенные и преданные дѣлу люди. Гораздо лучше пожелать и поискать способовъ, чтобы такихъ людей, какъ мужчинъ, такъ и женщинъ, было больше, чтобы жизнь ихъ была краше и чтобы они не были такъ одиноки, безсильны и зависимы отъ всякихъ случайностей, какъ теперь. Если прекрасны эти женскія фигуры, на которыхъ я остановился, то въ своемъ родѣ хорошъ и тотъ учитель, видѣнный мною на Кавказѣ, о которомъ я упомянулъ выше. Если интересна барыня, которая въ Петровскѣ, Бѣлгородскаго уѣзда, обучаетъ дѣтей грамотѣ, беря съ учениковъ только по 60 коп. въ мѣсяцъ, то не менѣе интересенъ и учитель-офеня, разносящій въ каникулярное время книги, какъ это дѣлаетъ одинъ изъ учителей Шептовской волости, Бѣльскаго уѣзда. Задумавъ распространять между крестьянами дѣльныя книги тѣмъ же путемъ, какъ это дѣлаютъ офени, онъ, запасшись книжками и картинами, ничего общаго съ изданіями Никольскаго рынка не имѣющими, выхлопоталъ разрѣшеніе и ходитъ лѣтомъ въ свободное отъ занятій время съ коробомъ на плечахъ изъ села въ село, особенно, гдѣ бываютъ храмовые праздники, и распродаетъ свой товаръ. „Смол. В.“ говоритъ, что торговля идетъ бойко и что раскупаются не только мелкія изданія, но и такія, напр., которыя стоютъ 60 коп. Мы слышали о другомъ такомъ же учителѣ въ Оренбургской губерніи. Если есть учительницы, втеченіе многихъ лѣтъ несущія учительское бремя съ замѣчательною стойкостью, то есть и учителя такіе. Мы указывали на нѣсколько такихъ лицъ въ первомъ очеркѣ. Таковъ же и учитель Моногеновъ въ Новоузенскомъ уѣздѣ, цѣлыхъ 30 лѣтъ бывшій учителемъ въ земской школѣ и прекратившій дѣятельность только вслѣдствіе паралича глотательныхъ мышцъ. Остался онъ больной безъ всякихъ средствъ. Хорошо, что земство, по ходатайству инспектора народныхъ училищъ, назначило ему пенсію (300 р. въ годъ), но оно могло и совсѣмъ ничего не дать, да онъ, очевидно, на пенсію и не разсчитывалъ. Словомъ, дѣло тутъ не въ различіи между мужчинами и женщинами. Прежде всего, говоримъ мы, нужно желать, чтобы такихъ людей было больше, потому что ихъ мало, сравнительно со спросомъ и потребностью народа въ образованіи. Въ этомъ случаѣ достаточно прислушаться къ тому, какъ начинаютъ крестьяне относиться къ школамъ. Въ земскія управы, какъ напр., въ серпуховскую уѣздную, не смотря на неурожайные годы, поступаетъ масса ходатайствъ объ открытіи новыхъ училищъ. Не смотря на дороговизну хлѣба, недостатокъ корма для скота и тяжелыя обстоятельства вообще, крестьяне изъявляютъ готовность приносить значительныя жертвы на постройку школъ по планамъ, утвержденнымъ земскимъ собраніемъ, что земство ставитъ условіемъ открытія новыхъ школъ. Въ кологривское земское собраніе также постоянно поступаютъ такія просьбы, несмотря на то, что въ нѣкоторыхъ селеніяхъ есть церковно приходскія школы. Почти отовсюду слышатся жалобы на переполненіе школъ, на то, что лишь незначительный % дѣтей учебнаго возраста можетъ обучаться, что многимъ отказываютъ въ пріемѣ и т. д. Отдѣльные факты еще ярче: въ томъ же Кологривскомъ уѣздѣ даже не вкусившій плода грамотности крестьянинъ Ѳомичевъ жертвуетъ 300 р. на постройку школы, которая должна была закрыться за ветхостью помѣщенія („Р. В.“ № 85, 1891 г.); въ трехъ сельскихъ обществахъ Полтавской губ. возбуждается ходатайство объ открытіи сельскихъ библіотекъ (въ с. Лютенькахъ, Годячскаго уѣзда, въ Шишакахъ и Богачкѣ, Миргородскаго уѣзда), причемъ лютеньское общество даетъ и деньги (50 р.) на первое устройство библіотеки, а въ Шишакахъ предполагается устроить читальню и продажу книгъ („См. В“. № 63, 91 г.). А какъ замѣчательно вели себя крестьяне тѣхъ селъ въ Гжатскомъ уѣздѣ, гдѣ въ концѣ 1890 г. предположено было закрыть земскія школы или передать ихъ Авраамієвскому братству, т.-е. преобразовать въ церковно-приходскія. Гжатскіе земцы, не къ чести ихъ сказать, попросту думали отдѣлаться отъ школъ, спихнуть ихъ съ рукъ, воспользовавшись вѣяніемъ времени, не смотря на то, что школы (Иванинская, Субботниковская, Спасская и Вырьевская) были биткомъ набиты и переполнены учениками. Вотъ что читаемъ по этому поводу въ „См. В.“:

„Училищная инспекція, получивъ увѣдомленіе о мудромъ постановленіи гжатскихъ земскихъ людей и справедливо считая, что, прежде принятія какихъ-либо преобразовательныхъ мѣръ, необходимо спросить о томъ крестьянъ, болѣе всего тратящихся на школы и хлопотавшихъ объ ихъ открытіи, спросила мнѣнія крестьянскихъ обществъ. Послѣднія въ отвѣтъ на такой запросъ ясно и категорически сказали, что ни закрытія, ни преобразованія своихъ школъ они не желаютъ, а если земство на это не согласно, то пусть свое пособіе беретъ назадъ. Они и безъ него обойдутся и къ его помощи прибѣгать не станутъ, что вскорѣ доказали и на дѣлѣ. Братство, взявъ въ

свое вѣдѣніе Вырьевскую школу, назначило учителю 7 руб. содержанія въ мѣсяцъ, вмѣсто прежнихъ 200 р. въ годъ. Общество единогласно заявило, что не желаетъ, чтобы уменьшалось жалованье учителю и само будетъ таковое выплачивать, точно такъ же, какъ не соглашается и на преобразованіе школы. То же заявили и прочія общества и селенія. И только одно Субботниковское общество послѣ долгихъ хлопотъ и воздѣйствій разныхъ—согласилось дать приговоръ на преобразованіе своей школы". (№ 75, 91 г.).

Такое же отношеніе къ хорошо-поставленнымъ школамъ можно видѣть и на окраинахъ. Когда на Кавказѣ сгорѣла Цинадзгваріантъ-Карская низшая сельскохозяйственная школа, то пожертвованія полились отовсюду, даже изъ самыхъ медвѣжьихъ угловъ Тифлисской и Кутаисской губерній, въ большихъ и малыхъ размѣрахъ, отъ князей и крестьянъ, и отъ послѣднихъ больше, чѣмъ отъ первыхъ. „Случалось, разсказываетъ „Новое Обозрѣніе", что какой-нибудь лакей, занесенный судьбою на отдаленную станцію Бакинскаго участка, ухитрялся собрать между знакомыми десятокъ-другой рублей и препровождалъ ихъ въ редакцію для отсылки школѣ. Нужно было прочесть эти простыя, искреннія письма, чтобы понять, какими чувствами обуревались ихъ авторы".

Если встрѣчаются факты и обратнаго свойства, то объясненія ихъ надо искать въ крайнемъ недостаткѣ средствъ или какихъ-нибудь побочныхъ обстоятельствахъ. Стали, напр., въ Рославльскомъ уѣздѣ въ 1891 году вдругъ закрываться школы грамотности, прежде имѣвшія успѣхъ и возроставшія въ числѣ, и, по ближайшемъ разсмотрѣніи, оказалось, что причиною этому служатъ: съ одной стороны, необходимость вносить деньги на земскія и церковно-приходскія школы (независимо отъ того—учатся тамъ дѣти или нѣтъ), которыя, такимъ образомъ, оставляютъ школы грамотности внѣ бюджета и какъ бы за штатомъ, а съ другой стороны, „слишкомъ большія требованія", какія стали предъявляться къ школамъ грамотности (См. В. № 63, 91 г.). Школы эти, какъ извѣстно, были отданы въ вѣдѣніе духовенства, и послѣднее, въ видахъ преуспѣянія церковно-приходскихъ школъ, во многихъ мѣстахъ ихъ очень стѣснило. Правда, что нѣкоторые священники, какъ, напр., о. Дмитрій Коноктинъ, въ Есишевской волости, Смоленской губ., относятся къ нимъ совсѣмъ иначе; но такихъ священниковъ мало; большинство не выражаетъ особой охоты съ ними возиться, а нѣ-

которые даже прямо стараются отъ нихъ отдѣлаться. Эти школы грамотности, сплошь и рядомъ дѣйствительно поставленныя кое-какъ, могутъ служить едва-ли не самымъ нагляднымъ доказательствомъ потребности народа въ просвѣщеніи. Существуютъ онѣ исключительно крестьянскимъ иждивеніемъ и возникаютъ прямо въ восполненіе недостатка въ лучшихъ школахъ. Читатель, вѣроятно, помнитъ очень интересную статью г. Пругавина, посвященную этимъ школамъ и преподающимъ въ нихъ „вольнымъ учителямъ" („Сѣв. В." № 9, 1891), въ лицѣ которыхъ мы имѣемъ цѣлый рядъ весьма любопытныхъ культурныхъ и полукультурныхъ одиночекъ. Статистическія изслѣдованія показали, въ какой мѣрѣ распространены вольныя крестьянскія школы почти по всей Россіи. Существуютъ онѣ въ губерніяхъ Петербургской, Московской, Тверской, Ярославской, Рязанской, Тульской, Новгородской, Смоленской, Псковской, Орловской, Курской, Воронежской и т. д. Приволжскія губерніи (Казанская, Самарская, Саратовская и др.) также изобилуютъ ими; встрѣчаются онѣ также и въ сѣверо-восточныхъ и восточныхъ окраинахъ, до Сибири включительно, гдѣ число ихъ даже превосходитъ число оффиціальныхъ школъ, и превосходитъ, по меньшей мѣрѣ, въ 5—6 разъ. Большинство грамотныхъ сибиряковъ научилось грамотѣ не въ послѣднихъ, а въ нихъ, въ своихъ домашнихъ школахъ. Больше всего школъ грамотности насчитывается въ губерніяхъ столичныхъ и Тверской. Въ Тверской губ. статистика насчитала ихъ до 853 съ 16.145 учащимися, и число это, до вмѣшательства въ ихъ судьбу духовенства, продолжало рости „съ неимовѣрною быстротою, съ какой не росли даже земскія школы". Основываются эти школы обыкновенно по почину самихъ же крестьянъ, а учителями въ нихъ являются солдаты, мѣщане, причетники, черничики, сами крестьяне и крестьянки, выгнанные со службы писцы, отставные чиновники и вообще разночинцы всякаго рода, а въ Сибири и уголовные ссыльные. Среди учителей лица духовнаго званія не составляютъ преобладающаго элемента. Людей идейныхъ также мало. Преобладаютъ крестьяне и крестьянки. Наибольшее число учениковъ—въ тѣхъ школахъ, гдѣ учителями являются бывшіе дворовые, солдаты, старообрядцы и разночинцы, а наименьшее—гдѣ учатъ священники и діаконы. Г. Пругавинъ объясняетъ это тѣмъ, что обученіе у священниковъ почти всегда обходится *гораздо дороже*, чѣмъ у другихъ учителей. Очевидно, столь важная роль, которую въ старину играло ду-

ховенство въ дѣлѣ народнаго образованія, значительно измѣнилась, и возможность возвращенія къ ней представляется вопросомъ сомнительнымъ. Хотя среди учителей число мужчинъ и преобладаетъ надъ женщинами, но не мало также и учительницъ, какъ въ мѣстностяхъ, гдѣ преобладаетъ расколъ, такъ и въ другихъ. Это по большей части чернички, монашки, вѣковуши, спасенницы, какъ обыкновенно зовутъ крестьяне дѣвушекъ, почему-либо обрекшихъ себя на безбрачную жизнь и спасеніе души. Школки свои онѣ обыкновенно устраиваютъ у себя въ „келіяхъ", помѣщающихся гдѣ-нибудь на краю села или за дворомъ, гдѣ начинаются огороды, а учатъ по большей части по Часослову и Псалтири. Обученіе, разумѣется, самое примитивное. Въ высшей степени еще интересенъ типъ, такъ называемыхъ, „бродячихъ учителей": „это, въ большинствѣ случаевъ, совершенно одинокій, безсемейный и бездомный народъ, составляющійся изъ людей самаго разнообразнаго званія, возраста и происхожденія. Тутъ встрѣчается и просто крестьянинъ, и отставной солдатъ Николаевскихъ временъ, и кантонистъ, и монахъ, изгнанный изъ обители за мірскія искушенія, и обездоленный положеніемъ 19 февраля дворовый, и заштатный церковно-или даже священнослужитель". Типичной чертой такого учителя является его страсть къ путешествію: лѣтомъ онъ обыкновенно ходитъ по святымъ мѣстамъ, питаясь милостыней, а съ наступленіемъ осеннихъ холодовъ спѣшитъ на зимовку туда, гдѣ прежде училъ, или остается гдѣ-нибудь по дорогѣ. Приходитъ также въ деревню и „солдатъ (чужой), кормится по бѣдности и ребятъ учитъ". Встрѣчаются также нерѣдко среди вольныхъ учителей и калѣки. Нѣкоторые изъ бродячихъ учителей такъ освоились и привыкли къ извѣстнымъ мѣстамъ и людямъ, что не покидаютъ ихъ и на лѣтнее время, а занимаются какимъ-нибудь мастерствомъ или нанимаются къ крестьянамъ на легкія должности, напр., въ караульщики и т. п. Иногда крестьяне предпочитаютъ учить дѣтей у такихъ учителей, когда находятъ, что въ школу слишкомъ далеко ходить, когда она переполнена или когда ученье тамъ идетъ, на ихъ взглядъ, не такъ, какъ слѣдуетъ. Помѣщеніе и столъ бродячіе учителя получаютъ обыкновенно безплатно, живя по очереди въ семьяхъ родителей учениковъ, а плата за обученіе простираются отъ 20 до 50 к. (рѣдко до 75) въ мѣсяцъ за чтеніе и до 50 к. въ мѣсяцъ за обученіе письму. Учатся у такихъ учителей обыкновенно человѣкъ 8—10, рѣдко 20—25, такъ что въ среднемъ учительскій заработокъ въ учебный сезонъ (съ осени до начала весеннихъ работъ) не превышаетъ 25—40 руб. А иногда крестьяне договариваются съ учителемъ всею деревнею, и тогда платятъ ему 10—12 р. въ мѣсяцъ, на готовыхъ харчахъ.

Разумѣется, только крайняя нужда, т.-е. недостаточность начальныхъ школъ, неудовлетворительная ихъ постановка и невозможность имѣть лучшихъ учителей заставляютъ довольствоваться такими учителями. Хорошимъ учителемъ крестьяне дорожатъ. Мы видѣли отношеніе къ вышеописаннымъ учительницамъ. Въ Касимовскомъ уѣздѣ, учитель мордвиновской школы грамотности, молодой 28-лѣтній крестьянинъ, Дмитрій Петрягинъ, настолько популяренъ, что къ нему ведутъ дѣтей учиться за 25 и болѣе верстъ, ведутъ нерѣдко изъ такихъ мѣстъ, гдѣ имѣются школы. Вѣроятно, это очень талантливый человѣкъ, который скоро и толково учитъ, чѣмъ крестьяне больше всего дорожатъ. До какой степени велика нужда въ учителяхъ и какіе въ этой области бываютъ грустно-комическіе эпизоды, можно видѣть изъ слѣдующаго сообщенія изъ Сычевки въ „См. Вѣстникъ". Есть тамъ въ с. Оленинѣ, Воскресенской волости, школка грамотности, которую содержитъ крестьянинъ Павелъ Ѳедоровъ въ собственной небольшой избушкѣ. Хотя въ с. Воскресенскомъ и имѣется большая земская школа, но отъ Оленина до Воскресенскаго около 2 верстъ, а по зимнему времени это много. Можетъ быть, съ другой стороны, и П. Ѳедоровъ выучиваетъ тоже скоро и хорошо, не смотря на зуботычины, за которыми нашъ мужикъ не гонится или, вѣрнѣе, отъ которыхъ еще не совсѣмъ отвыкъ. И вотъ, каждую зиму къ нему набирается такое количество деревенскихъ ребятишекъ, желающихъ учиться, сколько только онъ можетъ ихъ помѣстить въ своей утлой избенкѣ,—чуть не на печи сидятъ. Всѣхъ учащихся бываетъ каждую зиму по 30—35 человѣкъ. Но самое главное не это, а то, что учитель Павелъ Ѳедоровъ безрукій, и, такъ какъ онъ учитъ по старинѣ и твердо увѣренъ, что „безъ ручного руководительства", т.-е. безъ наказаній, справиться съ шалунами-школьниками никакъ нельзя, а рукъ у Павла Ѳедорова нѣтъ, то онъ въ должную минуту хватаетъ школяра, заслуживающаго поученія, за волосы зубами и такимъ образомъ наказываетъ и водворяетъ въ школѣ порядокъ. Павелъ Ѳедоровъ учитъ дѣтей читать и писать, при чемъ самъ пишетъ, *держа перо въ зубахъ*.

Смѣшное и грустное въ жизни часто встрѣчаются рядомъ. Но тутъ смѣшного, конечно, гораздо меньше, собственно гово-

ря, даже ничего нѣтъ, а есть только узелъ разнообразныхъ, какъ личныхъ, такъ и общественныхъ несчастій, темноты и безсилія. Не является-ли этотъ Павелъ Ѳедоровъ нѣкоторымъ олицетвореніемъ нашей собственной безрукости въ дѣлѣ народнаго просвѣщенія?

Кажется, изъ всего вышеизложеннаго достаточно видно, какъ велико поприще народнаго образованія и какъ сравнительно мало еще выступило на него настоящей интеллигенціи. Видѣнныя нами фигуры, которыхъ, какъ мы сказали, больше, чѣмъ кажется, представляются въ этомъ огромномъ и темномъ пространствѣ лишь рѣдкими звѣздочками, правда, тѣмъ болѣе яркими, чѣмъ темнѣе окружающій мракъ, но тѣмъ не менѣе недостаточными, чтобы освѣтить всю жизнь. А фосфоризація бродячихъ учителей и другихъ подобныхъ свѣтильниковъ, не смотря на ихъ многочисленность, и подавно этого не сдѣлаетъ. Школы, основываемыя самими крестьянами, прямо указываютъ, гдѣ особенно нуженъ культурный человѣкъ и куда ему идти, чтобы сдѣлать изъ этихъ школъ нѣчто лучшее. Если онъ не педагогъ по призванію, то можетъ найти тамъ другія дѣятельности, болѣе соотвѣтствующія его склонностямъ; наконецъ, не всегда можно жить по одному только призванію, а приходится сообразоваться и съ обязанностями, нравственными и гражданскими. Другой вопросъ: *какъ идти*,—болѣе сложенъ. Бродячій учитель—плохой образецъ, хотя, повидимому, и легъ въ основаніе проектовъ о странствующихъ учителяхъ садоводства и огородничества и о вспомогательныхъ передвижныхъ сельскохозяйственныхъ курсахъ, которые должны были разсматриваться въ министерствѣ госуд. имуществъ. Тѣ, кто сами устраиваютъ свои школы и идутъ въ земскіе учителя, поступаютъ лучше, но и здѣсь есть слабыя стороны, которыя непремѣнно должны быть устранены. Учитель непремѣнно долженъ быть крѣпко связанъ съ населеніемъ и какимъ-нибудь мѣстнымъ учрежденіемъ или такъ поставить свои дѣла, чтобы не зависѣть, по крайней мѣрѣ, отъ разной мелкой сошки и всякихъ случайностей. Лучше всего ему, конечно, примкнуть къ земству, не смотря на то, что положеніе вещей въ уѣздѣ такъ измѣнилось, что въ нѣкоторыхъ случаяхъ можетъ быть лучше было бы дѣйствовать независимо, на собственный страхъ, имѣя связь съ Петербургомъ. Увлеченіе земскою школою какъ-то затихло, отчасти подъ вліяніемъ времени, отчасти подъ вліяніемъ вступившихъ въ земство иныхъ людей. Было время, когда не только губернскія, но даже уѣздныя земства (какъ, напр. Шадринское) подготовляли народныхъ учителей, учреждали учительскіе съѣзды, строили чистыя, высокія, свѣтлыя помѣщенія для школъ, учреждали при школахъ библіотеки, склады книгъ для продажи, основывали и поощряли школы грамотности, командируя для этого учителей нормальныхъ школъ, вообще, дѣлали, не жалѣя средствъ, все, что только было въ ихъ силахъ, чтобы вывести населеніе изъ тьмы; теперь одни земства избѣгаютъ и уклоняются отъ открытія новыхъ школъ, другія передаютъ школы духовенству, чтобы только спихнуть ихъ съ шеи, третьи прямо закрываютъ (въ Нолинскомъ уѣздѣ, напр., закрылось сразу 22 школы), не платятъ по полугоду жалованья учителямъ (Мензелинское и др.) и т. д. Разумѣется, не всѣ земства таковы, и мы вполнѣ увѣрены, что пройдетъ нѣкоторое время и слабодушные земскіе люди опять выровняются по болѣе стойкимъ и сильнымъ, что надѣлавшія ошибокъ и конфузныхъ дѣяній земства постараются ихъ исправить и приблизиться къ хорошимъ земствамъ. На то земство и есть живое учрежденіе. Но пока это будетъ—роса можетъ глаза выѣсть учителямъ. Вотъ почему въ нѣкоторыхъ случаяхъ имъ гораздо выгоднѣе организоваться самимъ, не зависѣть отъ такихъ земствъ и, напротивъ, имъ помогать исправить свои ошибки, ставя на должную высоту школьное дѣло, дѣлаясь гласными (цензъ не составляетъ непреодолимаго препятствія) и, вообще, становясь въ жизнь болѣе твердою ногою и вліяя на ея теченіе. Положеніе учителей ни въ какую силу не должно быть такимъ приниженнымъ, какъ теперь. Школьные учителя и учительницы служатъ обществу, они общественные дѣятели, а не паріи, надъ которыми могутъ издѣваться и бахвалиться и управскій бухгалтеръ, и урядникъ, и волостной писарь. Года три тому назадъ въ Старицкомъ уѣздѣ волостной старшина, прогнѣванный однимъ учителемъ грамотности раскрытіемъ его злоупотребленій, устроилъ такъ, что волостной судъ приговорилъ этого учителя къ тѣлесному наказанію 5 розгами. Приговоръ былъ утвержденъ уѣзднымъ и губернскимъ по крест. дѣламъ присутствіями. Только прошеніе къ губернатору пріостановило это рѣшеніе и вызвало новое разсмотрѣніе дѣла въ губ. присутствіи, обнаружившее полную невиновность учителя и истинные мотивы этой исторіи. Въ с. Воротынцевѣ, Новосильскаго уѣзда, сельскій староста, предсѣдатель волостного суда и другія должностныя лица, будучи въ нетрезвомъ видѣ, идутъ въ часъ ночи прогуляться въ сельское училище, гдѣ находится и квартира

учителя. На вопросъ проснувшагося учителя, что имъ надо, отвѣчаютъ, что они хозяева училища и могутъ во всякое время туда ходить, что если онъ добровольно не впуститъ ихъ, то они выломаютъ дверь и побьютъ его. Просьба учителя не пугать его семьи остается тщетной, дверь трещитъ, а когда онъ подчиняется требованіямъ и впускаетъ ихъ, то бьютъ его и окровавленнаго втаскиваютъ въ комнату къ рыдающей женѣ и дѣтямъ. Дѣло это разбиралось мѣстнымъ земскимъ начальникомъ, который приговорилъ главнаго виновника на 7 дней къ аресту при управѣ, а остальныхъ оправдалъ, найдя ихъ виновными только въ нарушеніи тишины и спокойствія (Орл. В.). Въ с. Крестахъ, Черноярскаго уѣзда, урядникъ Ерофѣевъ, подъ вліяніемъ чувства ревности, придирается къ сельскому учителю Исакову за папироску и приказываетъ десятскимъ взять его и посадить въ арестанскую, что и было исполнено. Хотя Астраханская суд. палата и приговорила Ерофѣева къ трехнедѣльному аресту съ отрѣшеніемъ отъ должности, но учитель въ арестантской всетаки посидѣлъ, а затѣмъ также былъ отрѣшенъ отъ должности. Въ Смоленскѣ неожиданно задержали на улицѣ и таскали по участкамъ двухъ учителей (одного городскаго, другаго сельскаго, пріѣхавшаго къ нему въ гости) только потому, что одинъ изъ нихъ былъ брюнетъ, а другой блондинъ. Совершена была передъ этимъ какими то брюнетомъ и блондиномъ кража, и вотъ, когда увидѣли подходящія шевелюры, то рѣшено было, что это они и есть. Пришлось, въ сопровожденіи городоваго, таскаться изъ одного участка въ другой, черезъ весь городъ, встрѣчаясь съ учениками и знакомыми, пришлось, несмотря на то, что городской учитель—смоленскій старожилъ и живетъ съ родителями въ своемъ домѣ, объясняться по такому оскорбительному поводу. Когда дѣло разъяснилось, то виноватымъ въ недоразумѣніи оказался, разумѣется, городовой и то, что Г. И. Успенскій назвалъ когда то „маленькими недостатками механизма“. Вотъ что можно было прочитать еще въ „Рус. Жизни“: пріѣзжаетъ въ одно село скромная учительница, г-жа Симонова, которая вскорѣ становится любимицей крестьянъ. Живетъ она уединенно, къ кулакамъ на поклонъ не ходитъ, а знается лишь съ семействами двухъ батюшекъ, которые даютъ о дѣвушкѣ лучшія аттестаціи. Г-жа Симонова хороша собою, и вотъ за ней начинаетъ пріударять писарь. Когда дѣвушка „осадила деревенскаго льва“,—онъ сталъ ей мстить разными путями и хвастаться, что „выживетъ“ ее изъ села. Однажды учительница

приходитъ за полученіемъ жалованья. Въ волостномъ правленіи засѣдаетъ весь сельскій олимпъ: старшина, писарь, помощникъ его и урядникъ.—На что вамъ деньги?—галантно спрашиваетъ писарь.—„Платокъ купить“.—А развѣ въ городѣ мало моло-денькихъ офицеровъ?.. Симонова ушла. Тогда писарь и урядникъ задумываютъ вѣрное средство выжить гордячку: послать на нее доносъ въ жандармское управленіе. Пошли обыски, допросы и т. д. Доносъ оказался ложнымъ. (№ 147, 1893 г.).

Хотя писарь и урядникъ и были преданы суду и получили возмездіе, въ видѣ 8 мѣсяцевъ арестантскихъ ротъ, но бѣдной учительницѣ, конечно, отъ этого не легче. Говоря словами прокурора, поддерживавшаго обвиненіе, „стоитъ только припомнить, какія минуты она пережила!“ Эти минуты, дѣйствительно, на долго „оставляютъ по себѣ слѣды“. Въ Сарапулѣ, нѣсколько лѣтъ тому назадъ, разбиралось окружнымъ судомъ такое дѣло: образовалась въ одномъ селѣ компанія изъ волостного писаря (Верхотина), становаго пристава (Зубарева), трехъ крестьянъ и одного мѣщанина, которая выживала путемъ ложныхъ доносовъ всѣхъ, кто имъ мѣшалъ и не нравился, кто „не водилъ съ ними компаніи“. Заправилою былъ Верхотинъ. Свидѣтели боялись давать на судѣ показанія противъ него, а сельскій учитель „буквально дрожалъ“. Прокуроръ выразился про него такъ: „боится слово молвить, руками машетъ, потому что тутъ Верхотинъ“ (Вол. Вѣстн.). Развѣ можно при такомъ состояніи духа и такой оскорбительной зависимости и подчиненности быть хорошимъ учителемъ. Многіе считаютъ невозможнымъ гарантировать себя отъ такого рода положеній и считаютъ ихъ чѣмъ-то фатальнымъ, а мы полагаемъ, что такого рода положенія прямо пропорціональны одиночеству и степени приниженности, въ какихъ находятся и зачастую сами ставятъ себя учителя. Пускай у учителя былъ примѣръ, что его предшественника выжили, но развѣ это достаточное основаніе для того, чтобы постоянно дрожать, развѣ ничего не остается больше дѣлать и ничего нѣтъ цѣлесообразнѣе? Положеніе вещей отъ этого вѣдь не измѣнится. Отъ нѣкоторыхъ неожиданностей, дѣйствительно, гарантировать себя довольно трудно, но для такого рода неожиданностей и оскорбленій есть судъ и общественное мнѣніе, готовность къ самозащитѣ и увѣренность, что тебя и другіе защитятъ. Обыкновенно такихъ неожиданностей бываетъ тѣмъ меньше, чѣмъ больше готовности ихъ встрѣтить и меньше склонности смотрѣть на беззаконія и безобразія сквозь пальцы. Наконецъ, есть и

другіе пути къ улучшенію положенія, гдѣ единичная личность непосредственно ничего не можетъ сдѣлать, но гдѣ она можетъ дѣйствовать на общественное мнѣніе, какъ мѣстное, такъ и общее.

Въ 1891 году одинъ изъ самарскихъ губернскихъ гласныхъ подалъ въ земскую управу для доклада собранію записку, въ которой предлагалъ основать школу для образованія волостныхъ и сельскихъ писарей. Хотя одинъ изъ мотивовъ былъ довольно страннаго свойства (лучшее взиманіе и поступленіе земскихъ сборовъ), но г. гласный ждалъ также отъ такой школы и другихъ вещей: что одни и тѣ же сборы не будутъ взыскиваться по два раза, какъ это, по его словамъ, постоянно практикуется теперешними писарями, что экономическое положеніе сельскаго населенія поднимется и т. д. Все зло, по его мнѣнію, происходитъ отъ того, что настоящій составъ писарей, по умственному своему развитію, не соотвѣтствуетъ своему назначенію, такъ какъ большая часть изъ нихъ—люди, не получившіе никакого образованія („Сар. Л.“ № 35, 91 г.). Затѣмъ въ газету „Донъ“ изъ Бобровскаго уѣзда писали, что тамъ земскіе начальники собираются приступить „къ очищенію волостей отъ дореформенныхъ писарей“, что на ихъ мѣста имѣется въ виду пригласить сельскихъ учителей и что предводитель дворянства уже зачислилъ нѣкоторыхъ учителей кандидатами на имѣющіяся открыться вакансіи при волостныхъ правленіяхъ. „Надо думать,—замѣчаетъ газета,—что и въ другихъ уѣздахъ послѣдуютъ этому разумному началу“. Мысль о необходимости сокращенія гг. Верхотиныхъ начинаетъ проникать въ общественное сознаніе, а, съ другой стороны, время отъ времени попадаются въ газетахъ извѣстія, что на должности писарей начинаютъ идти культурные люди. Такъ, въ Тюкалинскомъ окр. Тоб. губ. нѣсколько лѣтъ была писаремъ окончившая высш. жен. курсы г-жа Проскурякова, оставившая мѣсто только потому, что женщинамъ не полагается быть писарями. „Елисаветгр. Вѣстникъ“, сообщая о назначеніи волостнымъ писаремъ въ одну изъ волостей Кременчугскаго уѣзда, Полт. г., поручика С., говоритъ, что это уже не первый случай; что въ Солоницкой волости уже нѣсколько лѣтъ писарствуетъ тоже поручикъ М. и „слыветъ за дѣятельнаго и честнаго человѣка, сжился съ крестьянской средой и помогаетъ во многомъ крестьянамъ своими познаніями“. А отсюда можно заключить, что культурному человѣку можно идти и въ волостные писаря и, сдѣлавшись писаремъ, не при-

водить учителей въ трепетъ, не оскорблять учительницъ и вообще не продѣлывать разныхъ безобразій. Къ сожалѣнію, газета не сообщаетъ, чѣмъ руководились упомянутые офицеры: желаніемъ ли быть полезными крестьянамъ, или просто полученіемъ мѣста съ хорошимъ окладомъ. Въ нѣкоторыхъ большихъ волостяхъ писаря получаютъ по тысячѣ, по двѣ и болѣе руб. содержанія, тогда какъ учителя сидятъ на 15 руб. съ копѣйками въ мѣсяцъ, а иногда и того меньше. У насъ сплошь и рядомъ низшія профессіональныя знанія вознаграждаются лучше высшихъ. Вотъ, напр., съ какими фельдшерами столкнулся д-ръ В. Горбатовскій, пожелавшій заняться вольной практикой среди сельскаго населенія въ Могилевской губ. Открывъ свою аптеку въ м. Лезно, Оршанскаго уѣзда, онъ, несмотря на успѣхъ среди жителей, на первыхъ же порахъ встрѣтилъ энергичное противодѣйствіе со стороны давно уже практикующихъ тамъ фельдшеровъ, именовавшихъ себя докторами и зарабатывавшихъ по 3.000 руб. въ годъ. Жалуясь на эти неудобства своей дѣятельности, на то, что, во вредъ больнымъ, страдаютъ реноме аптеки и его, какъ врача и хирурга, д-ръ Горбатовскій обратился къ обществу врачей Могилевской губерніи съ письмомъ, въ которомъ высказалъ желаніе о неотложности организаціи правильной сельско-медицинской дѣятельности вольнопрактикующихъ врачей и фельдшеровъ и объ установленіи отношеній между ними, а въ заключеніе указалъ хотя и не новое, но тѣмъ не менѣе всетаки прискорбное явленіе,—„переполненіе городовъ врачами и отсутствіе... стремленій врачей въ деревни, съ цѣлью бороться съ царящимъ тамъ невѣжествомъ“ („Р. Ж.“ № 165. 92 г.). Если послѣднее, несмотря на хорошія слова, производитъ всетаки впечатлѣніе нѣкоторой неопредѣленности относительно самой точки отправленія, то вотъ какое опредѣленное впечатлѣніе оставляетъ въ той же медицинской сферѣ фельдшерица Анаст. Ив. Рытова (урожденная Маркіанова), скончавшаяся въ сентябрѣ 1892 года въ Керчи отъ холеры. Сперва она работала въ Кузнецкомъ уѣздѣ, „въ Наскафтынскомъ медицинскомъ участкѣ. Крестьяне и даже мордва шли къ ней съ довѣріемъ. Въ 1889 году Анастасія Ивановна вышла замужъ за народнаго учителя, поселилась въ Воронежской губ., занялась фельдшерствомъ и акушерствомъ. Жалованья не получала: жила тѣмъ, что добровольно приносилось крестьянами. Мужъ ея собиралъ дѣтишекъ этой деревни и училъ ихъ грамотѣ. Жили они въ простой хохлацкой хатѣ.

Непрестанный трудъ и семейныя заботы сильно подорвали здоровье А. И. Рытовой. Она весной 1892 года поѣхала на родину въ Керчь, но тамъ заразилась холерой и умерла, оставивъ сиротами двухъ малютокъ" („Р. Ж.", № 58, 93 г.).

Заслуживаетъ также вниманія земская фельдшерица-акушерка М. Я. Покровская, служившая болѣе 4 лѣтъ въ Алуштѣ и своей усердной, безкорыстной дѣятельностью пріобрѣвшая себѣ расположеніе какъ русскаго, такъ и татарскаго населенія. М. Я. Покровскую, говоритъ газета „Крымъ", „по справедливости, надо причислить къ тѣмъ безвѣстнымъ, скромнымъ труженицамъ для народа, которыя трудятся по призванію и не жалѣютъ при этомъ ни силъ, ни здоровья". Окончивъ курсъ въ женскомъ духовномъ училищѣ, она впродолженіи 6 лѣтъ была сельской учительницей; а затѣмъ, желая стать еще ближе къ народному горю, сдала экзамены на фельдшерскихъ и акушерскихъ курсахъ. Между прочимъ, съ нею произошла въ Алуштѣ довольно непріятная исторія: какъ фельдшерицѣ-акушеркѣ, ей всегда было не мало работы, но въ послѣднее время разныя эпидемическія болѣзни потребовали отъ нея очень усиленной дѣятельности,—приходилось во всякую погоду дѣлать дальнія поѣздки по деревнямъ,—и это отозвалось на ея здоровьи. Желая поправиться и отдохнуть, она принуждена была просить земство о переводѣ ея въ менѣе населенную мѣстность, но земство, отказавъ въ этой просьбѣ, „вмѣстѣ съ тѣмъ потребовало уплаты 145 руб., выданныхъ ей въ то время, когда она была на акушерскихъ курсахъ". Бѣдная дѣвушка оказалась въ крайне затруднительномъ положеніи: тогда алуштинское общество сложилось и собрало необходимую для уплаты сумму (ibid.). Изъ обычной врачебной дѣятельности на народную пользу выдѣляется слѣдующій фактъ: обученіе новоладожскимъ земскимъ врачемъ, при новоладожской земской больницѣ, деревенскихъ сестеръ милосердія, которыя берутся изъ крестьянскихъ дѣвушекъ и обучаются уходу за больными и подачѣ первоначальной помощи въ простыхъ и неотложныхъ случаяхъ. Обученіе производится зимою, когда нѣтъ полевыхъ работъ, и состоитъ въ сообщеніи правилъ по уходу за всякаго рода больными, измѣренію температуры, распознаванію наиболѣе характерныхъ признаковъ эпидемическихъ и заразныхъ болѣзней и перевязкѣ язвъ и ранъ. Кромѣ того, сообщаются свѣдѣнія объ устройствѣ человѣческаго скелета, объ отправленіяхъ главнѣйшихъ внутреннихъ органовъ и по гигіенѣ и санитарному дѣлу. По возвращеніи въ деревню, на обязанности этихъ ученицъ будутъ лежать: поданіе первоначальной помощи, своевременное принятіе мѣръ и указаніе на серьезные случаи эпидемическихъ и другихъ заболѣваній и наблюденіе за исполненіемъ врачебныхъ совѣтовъ и распоряженій. Крестьяне Новоладожскаго уѣзда, говорятъ, очень сочувственно относятся къ этому нововведенію. Послѣ перваго же выпуска ученицъ, многія дѣвушки также заявили о желаніи учиться при больницѣ.

Нельзя умолчать еще о дѣятельности культурныхъ людей въ производственной области, которые устраиваютъ промышленныя артели, улучшаютъ пріемы кустарнаго производства, заботятся о кредитѣ для него, о сбытѣ произведеній и проч. Такихъ людей пока немного, но дѣятельность ихъ, какъ намъ кажется, только еще начинается и имѣетъ развиться въ будущемъ, такъ какъ жизнь все настоятельнѣе и настоятельнѣе ставитъ вопросъ о народной промышленности. Вопросъ этотъ находится въ самой тѣсной связи съ цѣлымъ рядомъ крупныхъ вопросовъ: объ истощеніи земли, о приростѣ и обезземеленіи извѣстной части населенія, объ отхожихъ промыслахъ, о фабричной нашей промышленности и таможенной политикѣ, объ естественномъ развитіи и искусственномъ насажденіи капитализма и т. д. Можетъ показаться нѣсколько смѣшнымъ дѣлать сопоставленіе между такими сложными, большими вопросами и тѣми крошечными, чисто микроскопическими попытками и начинаніями, которыя дѣлаются и исходятъ иногда просто изъ добраго сердца, изъ желанія помочь вопіющей нуждѣ, а не изъ обобщенной мысли и ясно продуманной цѣли; но мы смотримъ на это нѣсколько иначе. Изъ крошечнаго сѣмечка выростаетъ огромное дерево. Изъ тоненькихъ прутьевъ выходитъ фашина, а изъ фашинъ цѣлое укрѣпленіе. И кто сохраняетъ живые ростки отъ разрушенія и хищничества—дѣлаетъ, по нашему мнѣнію, гораздо лучшее дѣло, чѣмъ тотъ, кто ихъ разрушаетъ или ничего не дѣлаетъ, фаталистически склоняя голову передъ историческими затрудненіями и недоразумѣніями. Когда я читаю, что главное управленіе кораблестроенія и снабженія военно-морскаго вѣдомства дѣлаетъ заказы тульскимъ и павловскимъ кустарямъ и остается вполнѣ довольно ихъ издѣліями, что заказы эти, начавшись съ скромной суммы въ 9 т. р., возросли черезъ четыре года до сотенъ тысячъ рублей (въ 1891 г.), то это меня радуетъ гораздо больше, чѣмъ заказы частнымъ заводамъ и увеличеніе таможенныхъ пошлинъ. Когда я слышу, что кто-нибудь озабоченъ судьбою общины

или народной промышленности, то ставлю его гораздо выше тѣхъ людей, которые идутъ на фабрики содѣйствовать „созрѣванію капиталистическаго процесса“. Даже бахчисарайскіе и карасубазарскіе башмачники, образуя товарищества и открывая свои общественныя лавки, представляются мнѣ людьми, болѣе дорожащими человѣческою независимостью, чѣмъ эти фабричные слуги.

Вотъ, напр., въ извѣстномъ селѣ Павловѣ, Нижегородской губ., образовалась кустарная артель для производства и сбыта мѣстныхъ металлическихъ издѣлій, главнымъ образомъ, ножей и отчасти замковъ. Начало возникновенія артели нужно отнести къ 1890 г., а уставъ ея былъ утвержденъ только въ январѣ 1893 года. Возникла артель по иниціативѣ и при ближайшемъ участіи А. Г. Штанге, человѣка съ университетскимъ образованіемъ (филолога), который положилъ и до сихъ поръ кладетъ туда массу энергіи, а отчасти и средствъ. Затѣмъ, съ самаго начала артели, ей все время помогалъ деньгами завѣдующій московскимъ кустарнымъ музеемъ, Серг. Тим. Морозовъ. Хотя помощь эта не особенно велика, но только благодаря ей явилась возможность арендовать на краю Павлова на 12 лѣтъ землю, выстроить двухэтажный домъ съ кузницею во дворѣ и обзавестись керосиновымъ двигателемъ въ 4 силы. Къ производству близко сталъ еще инженеръ-технологъ (Московскаго техническаго училища) М. А. Ефремовъ. На первомъ общемъ собраніи предсѣдателемъ артели былъ выбранъ г. Штанге, а онъ товарищемъ предсѣдателя. Ко времени открытія артель состояла изъ 31 человѣка, изъ которыхъ нѣкоторые живутъ въ Павловѣ, а другіе, кому позволяетъ производство, въ окрестныхъ деревняхъ. Сперва артель производила только разные виды ножей: столовые, дессертные, закусочные, кухонные, но въ скоромъ времени рѣшено было ввести еще производство перочинныхъ ножей и замковъ. Цѣна столовыхъ ножей отъ 3 р. 20 к. до 16 р. за дюжину. Издѣлія артели отличаются прочностью и изяществомъ, чѣмъ и объясняется то, что онѣ находятъ сбытъ въ лучшіе столичные магазины: въ Петербургѣ ихъ берутъ Гронмейръ, Леонтьевъ, Зайцевскій и Плотниковъ, а въ Москвѣ — Мюръ и Мерилизъ. Изъ другихъ городовъ ножи идутъ въ Казань, Кіевъ, Одессу и Новгородъ. Среди покупателей есть нѣсколько потребительныхъ обществъ: новгородское и въ Петербургѣ — Морское и Дворянскаго банка. — Затѣмъ, артель на опытѣ убѣдилась въ необходимости открыть въ Петербургѣ „Бюро кустарныхъ заказовъ“. Министерство Государственныхъ Имуществъ сдѣлало артели заказъ садовыхъ и прививочныхъ ножей для сельско-хозяйственныхъ школъ, и артель хорошо исполнила этотъ заказъ. Въ техническомъ отношеніи артель представляетъ средній типъ между чисто кустарнымъ и заводскимъ производствомъ. Кромѣ двигателя и другихъ приспособленій, мы находимъ въ ней строгое раздѣленіе труда. Рабочіе дѣлятся на четыре группы; кузнецовъ (выковывающихъ ножи вчернѣ), калильщиковъ, личильщиковъ и черенщиковъ. Двигатель, служа артели, даетъ возможность еще пользоваться частью своей силы посторроннимъ рабочимъ, такъ называемымъ пассажирамъ, приходящимъ лицевать и приводить ножи въ окончательную отдѣлку. Такихъ пассажировъ бываетъ человѣкъ 16—18. Плату съ нихъ артель баретъ по 25 к. въ день, тогда какъ въ другихъ мѣстахъ берутъ 30 к. и больше. Въ Павловѣ есть лица, имѣющія спеціально приспособленныя для такой цѣли заведенія съ двигателями. Какъ эти господа, такъ и другіе болѣе или менѣе крупные хозяева, разумѣется, недовольны артелью, и, благодаря имъ, дѣятельность г. Штанге не обошлась безъ недоразумѣній: въ 1891 году онъ совершенно неожиданно былъ высланъ изъ предѣловъ Нижегородской губерніи; но, при личномъ свиданіи съ тогдашнимъ губернаторомъ, ген. Барановымъ, дѣло разъяснилось, и г. Штанге благополучно возвратился. Недовольство павловскихъ воротилъ артелью выражалось и такою мелочною придирчивостью, какъ привлеченіе ея къ суду за употребленіе своего клейма (двѣ руки) въ то время, когда въ Павловѣ еще не былъ полученъ утвержденный уставъ артели, но уставъ подоспѣлъ во время, и обвиненіе само собою отпало. Будущее Павловской артели, конечно, предсказать трудно, но шансы на успѣхъ есть; она остановилась на производствѣ, распространенномъ въ Павловѣ менѣе замочнаго, и даетъ хорошій товаръ; она не только не чуждается разныхъ техническихъ преимуществъ и приспособленій крупной промышленности, но, напротивъ, стремится къ нимъ (задержка только въ деньгахъ, которыхъ, однако, много не нужно); затѣмъ, она все болѣе и болѣе обезпечиваетъ себѣ сбытъ, открыла, какъ увидимъ ниже, складъ въ Москвѣ и имѣетъ во главѣ энергичныхъ и безкорыстно преданныхъ дѣлу людей. Найдутся, по всей вѣроятности, и у нея слабыя стороны и обратные шансы, но гдѣ же таковыхъ нѣтъ; къ тому же артель можетъ заблаговременно подумать объ ихъ устраненіи.

Въ районѣ бывшихъ Мальцевскихъ заводовъ (уѣзды Брянскій, Рославльскій и Жиздринскій) мы встрѣчаемъ цѣлыхъ три ар-

артели; Чернятинскую, Любохонскую и Людиновскую. Когда къ концу 80-хъ годовъ дѣла заводовъ пришли въ такой упадокъ, что работы на нѣкоторыхъ изъ нихъ были сокращены до minimum'а, а на другихъ даже совсѣмъ прекращены, то масса рабочихъ осталась безъ всякаго заработка. Это было настоящимъ бѣдствіемъ для населенія, по крайней мѣрѣ, 20 волостей; одно время была необходимость даже въ земскомъ пособіи — выдавалось около 10 коп. въ сутки на взрослыхъ рабочихъ *). Въ это-то вотъ время, въ февралѣ 1889 года, и образовалась, по иниціативѣ В. К. Стукалича, на стеклянномъ заводѣ въ д. Стари (Чернятино), первая артель.

Главныя основанія ея были слѣдующія: конкурское управленіе упомянутыхъ заводовъ, въ лицѣ директора-распорядителя и заводской конторы, согласилось выдавать артели весь необходимый для нея матеріалъ, — глину для дойницъ (сосуды, въ которыхъ плавится стекло), дрова, сульфатъ — соду, песокъ, мѣлъ и проч., — по опредѣленной цѣнѣ, а затѣмъ, по заранѣе же установленной цѣнѣ, все изготовленное артелью стекло, въ размѣрахъ, указанныхъ конторою, должно было ею приниматься. Когда артель сама не имѣла еще своихъ дойницъ, то контора выдавала ей имѣвшіяся у нея въ запасѣ дойницы по 46 р. за штуку. Размѣръ и успѣхъ работъ прямо зависятъ отъ количества находящихся въ распоряженіи дойницъ, какъ дѣйствующихъ, такъ и запасныхъ, потому что не только формовка ихъ, но и приготовленіе къ работѣ (нагрѣваніе) требуютъ весьма продолжительнаго времени и сопряжены съ потерями и тратами. Въ настоящее время артель заготовляетъ много дойницъ, какъ изъ русской глины, такъ и изъ кассельской, дойницы изъ которой служатъ гораздо дольше. Получаемый заработокъ распредѣляется между артельщиками слѣдующимъ образомъ: завѣдующій дѣлами артели, помощникъ его (конторщикъ) и мастера, изготовляющіе дойницы, перекладывающіе печи, приготовляющіе кирпичи и т. п., получаютъ опредѣленное мѣсячное жалованье, а занимающіеся собственно изготовленіемъ стекла—издѣльную плату. Размѣръ того и другого вознагражденія опредѣляется артелью. Разсчетъ производится помѣсячно, при чемъ излишекъ или дефицитъ раскладываются, въ видѣ процентной надбавки или вычета, на рубль, слѣдующій за трудъ. Такимъ

*) Отчеты и изслѣдованія по кустарной промышленности въ Россіи Томъ I. Спб., 1892 г., стр. 310.

образомъ, каждый артельщикъ участвуетъ пропорціально своему заработку въ прибыляхъ и убыткахъ артели. Въ среднемъ заработотокъ чернятинскаго мастерового опредѣляется въ 10 р. въ мѣсяцъ. „Такая выручка—говоритъ В. И. Каталей, авторъ изслѣдованія, откуда мы заимствуемъ эти свѣдѣнія,—конечно, ничтожна, сравнительно съ тѣмъ, что заработывало мѣстное населеніе во время процвѣтанія Мальцевскихъ заводовъ“, но „за то теперь, въ тяжелое для названныхъ заводовъ время, и такая выручка должна быть признана весьма важнымъ подспорьемъ“. „Нужно также принять во вниманіе,—продолжаетъ онъ,—что заводское мальцевское населеніе съиздавна отвыкло отъ земледѣльческаго труда, только развѣ черезъ нѣсколько десятковъ лѣтъ съумѣетъ приспособиться къ новому быту и обратиться къ обработкѣ земли, которая отчасти поступила, а отчасти будетъ отведена ему въ надѣлы“ *). Заслуживаетъ вниманія, какъ артель регулируетъ распредѣленіе сильно сокращенной и потому недостаточной для всѣхъ работы между нуждающимися: всѣ выдувающіе стекло, т.-е. огромное большинство, работаютъ партіями, по очереди. Такимъ образомъ, вмѣсто большого заработка для однихъ и безработицы для другихъ, получается хотя и „невысокій, но все же заработокъ для всѣхъ желающихъ работать“. Справедливость такого порядка прекрасно всѣми понимается, и онъ не возбуждаетъ ропота среди заводскаго населенія. Общіе результаты дѣятельности артели выражаются именно доставленіемъ возможности имѣть такой заработокъ, при чемъ въ нѣкоторые мѣсяцы артель имѣетъ небольшія прибыли, а въ другіе несетъ убытки. Нельзя не согласиться съ г. Каталеемъ, что въ строгомъ смыслѣ слова Чернятинскую артель нельзя назвать промышленною артелью, потому что она является не самостоятельною хозяйственною единицею, а представляетъ скорѣе только „способъ раздачи заводомъ работъ на издѣльномъ началѣ“. Прибыли и убытки, которыя она несетъ, опредѣляются не прибыльностью или убыточностью производства, не колебаніями цѣнъ на сырье и издѣлія, а „степенью бережливости въ обращеніи съ матеріаломъ, напряженности и усердія работающихъ“. Цѣны за производимый артелью товаръ контора назначаетъ примѣнительно къ цѣнамъ, по какимъ онъ ей прежде обходился, когда работа велась поденщиками, и, уплачивая, въ среднемъ, за ящикъ

*) Ib., стр. 311.

стекла по 12 р. и продавая его по 14 р., она всю прибыль сохраняетъ за собою. Для хозяевъ заводовъ подобныя артели представляютъ, конечно, „значительныя выгоды", такъ какъ даютъ возможность до минимума сокращать заводскую администрацію, ограничиваясь приставленіемъ къ заводу, на которомъ работаетъ артель, „лишь лицъ, назначеніе которыхъ сдавать артели сырые матеріалы и принимать готовый товаръ". Что же касается до артелей, то положеніе ихъ, къ сожалѣнію, цѣликомъ зависитъ не только отъ размѣровъ заводскихъ заказовъ, но и вообще отъ заводскаго благоусмотрѣнія. Напр.: другая, Любохонская артель, возникшая, приблизительно, въ одно время съ Чернятинской на чугунно-литейномъ заводѣ, идетъ гораздо хуже, потому что самъ заводъ остается иногда безъ чугуна, вслѣдствіе чего работы пріостанавливаются. Столь обширные и съ такимъ большимъ экономическимъ значеніемъ для населенія заводы, какъ Мальцевскіе, не должны бы, по настоящему, принадлежать не только частнымъ лицамъ и компаніямъ но даже и отдѣльнымъ артелямъ, а должны принадлежать государству или всему мѣстному населенію, благосостояніе котораго тѣсно съ ними связано, т.-е, ближе всего земству или даже нѣсколькимъ земствамъ тѣхъ уѣздовъ и губерній, въ предѣлахъ которыхъ находятся. Это нисколько не мѣшаетъ ни артельной работѣ, ни вообще введенію лучшаго внутренняго трудового распорядка, а только можетъ дать возможность болѣе равномѣрнаго и правильнаго распредѣленія, какъ заводской работы, такъ и выгодъ между всѣмъ населеніемъ. О третьей артели, Людиновской, основанной въ томъ же 1889 г. г. Цубербиллеромъ въ с. Людиновѣ, Жиздринскаго у., Калужской губ., также входящемъ въ районъ Мальцевскихъ заводовъ *), много говорить не стоитъ, такъ какъ она въ самой организаціи своей представляетъ значительныя уклоненія отъ артельныхъ началъ и приближается скорѣе къ товариществу на паяхъ: по уставу, напр., личное трудовое участіе въ артельныхъ работахъ и дѣлахъ необязательно, а требуется только паевой взносъ; поэтому, „всякій, внесшій 25 р., хотя бы онъ былъ скупщикъ кустарныхъ издѣлій, кабатчикъ или ростовщикъ, становится артельщикомъ"; допускается „нанимать, въ качествѣ рабочихъ, лицъ, не достигшихъ 17-лѣтняго возраста", и „сдавать работу издѣльно ремесленникамъ, не принадлежащимъ къ артели" и т. п. По

*) Въ с. Людиновѣ находится чугунно-литейный механическій заводъ.

словамъ г. Цубербиллера, передаваемымъ г. Каталеемъ, „главная масса работъ исполняется артельщиками у нихъ на домахъ, при чемъ на одного артельщика приходится до 8 и 10 чел. работающихъ, но не имѣющихъ, для формальной приписки къ артели, достаточно денегъ, чтобы обзавестись своими паями". Приводя это свидѣтельство основателя артели, г. Каталей указываетъ и на другія условія, при которыхъ „Людиновская артель легко можетъ выродиться въ обыкновенное промышленное предпріятіе съ нѣсколькими пайщиками-кулаками во главѣ", объясняетъ, что эти пайщики легко могутъ начать эксплуатировать рабочихъ тѣми же способами, какъ и „скупщики-хозяева", и добавляетъ, что „еслибы пайщики-кулаки признали для себя выгоднымъ отдѣлаться отъ дѣйствительныхъ артельщиковъ-кустарей, то, не говоря уже о томъ, что путемъ забаллотированія возможно легко устранить вступленіе нежелательныхъ для заправилъ новыхъ членовъ артели, они, на основаніи § 13, вправѣ сдѣлать постановленіе о дополнительныхъ взносахъ и тѣмъ побудить бѣднѣйшихъ членовъ, не располагающихъ всегда свободными деньгами, окончательно раздѣлаться со своими паями" *). Общія собранія, вслѣдствіе затруднительности созывать разбросанныхъ по разнымъ селеніямъ артельщиковъ, „въ сущности замѣняются какими-то домашними совѣщаніями членовъ правленія съ работающими во дворикѣ дома правленія артельщиками", что дѣлается безъ нарушенія устава, такъ какъ, на основаніи § 42, вторичныя собранія, послѣ несостоявшихся, считаются дѣйствительными, независимо отъ числа членовъ. Благодаря этому, г. Цубербиллеръ, хотя и избранный учредителями въ представители артели, является на самомъ дѣлѣ ея „полновластнымъ хозяиномъ". Если г. Каталей не ошибается, то самое устройство артели имѣло не какія-либо иныя цѣли, а просто желаніе „придти этимъ путемъ на помощь правленію бывшихъ Мальцевскихъ заводовъ" (агентомъ которыхъ на югѣ состоялъ г. Цубербиллеръ). Хотя конкурсное управленіе, нуждавшееся для скорѣйшаго открытія заводскихъ работъ въ заказахъ, а не въ помощи по ихъ выполненію, и отказалось отъ сдѣланнаго ему въ этомъ смыслѣ предложенія, но нельзя не сказать, что все это весьма неправильно. Къ сожалѣнію, Любохонская артель, имѣвшая вначалѣ другую организацію, близкую къ Чернятинской, начинаетъ тя-

*) Ib., стр. 313—315.

готѣть къ порядкамъ Людиновской. За послѣдніе годы, вообще, стали возникать артели, въ которыхъ чрезвычайно мало артельнаго и которыя представляютъ либо какую-то странную смѣсь артельныхъ началъ съ акціонерными, либо прямо подчиняютъ выгоды труда, коопераціи и круговой поруки выгодамъ предпринимательнаго капитала. Таковы, напр., артели, работающія на кирпичныхъ заводахъ по Ижорѣ, между Петербургомъ и Колпиномъ, гдѣ артельное начало служитъ не столько артельщикамъ, сколько заводчикамъ, ухитрившимся оставить имъ только выгоду отъ артельнаго пищевого довольствія. Когда основалась въ Мраморскомъ заводѣ на Уралѣ артель, то изъ 78 бывшихъ въ наличности кустарей въ нее вошло „только 17 болѣе или менѣе крупныхъ хозяевъ, занимающихся подрядами на каменныя издѣлія“, а затѣмъ оказалось, что „кустари-мастера въ число артельщиковъ не принимаются“ *). Открытіе въ селѣ Бурмакинѣ, Ярославской губ., кузнечной артели, уставъ которой былъ написанъ и для которой губернское земство изъявило готовность дать въ ссуду 10 тысячъ руб., какимъ-то образомъ было заторможено „скупщикомъ Курпычевымъ съ бывшимъ волостнымъ старшиною“; а черезъ три года старшина Дворниковъ (тоже скупщикъ) сообщилъ г. Каталею, что у нихъ самихъ „возникло теперь предположеніе устроить въ Бурмакинѣ артельную кузницу, при чемъ подъ этимъ терминомъ онъ разумѣетъ кузницу, принадлежащую нѣсколькимъ наиболѣе богатымъ въ селѣ лицамъ“ **). На постройку и снабженіе кузницы новѣйшими приспособленіями будущіе ея владѣльцы намѣревались просить ссуду, вѣроятно, у земства. По этому поводу г. Каталей говоритъ: „такъ какъ такого рода кузница, скорѣе похожая на заводъ, есть не что иное, какъ самый опасный конкуррентъ кустаря, то остается желать, чтобы земство проекту бурмакинскихъ капиталистовъ никакой поддержки не оказывало, въ чемъ, впрочемъ,—добавляетъ онъ,—трудно сомнѣваться“.

Устроителямъ артелей необходимо имѣть въ виду подобные факты и поползновенія, чтобы не компрометировать артельныхъ принциповъ и того хорошаго, чисто общественнаго дѣла, которому они стараются служить. Нельзя не упомянуть еще о возникшихъ въ послѣдніе годы, также при содѣйствіи культурныхъ людей, совсѣмъ особаго вида сельскихъ земледѣльческихъ артеляхъ: мы говоримъ объ артеляхъ, основанныхъ, по иниціативѣ г. Федорова, въ Пермской губ. во время голодныхъ 1891—1892 годовъ; артели эти не имѣютъ, конечно, ничего общаго съ только-что указаннымъ отрицательнымъ направленіемъ, но возбуждаютъ другого рода вопросы. Начавшись въ Шадринскомъ уѣздѣ, гдѣ по свѣдѣніямъ, собраннымъ земскою управою, число безлошадныхъ дворовъ достигло 38%, онѣ велись сначала г. Федоровымъ (который основалъ 54 артели) на частныя средства, а затѣмъ, послѣ того, какъ Пермское губернское земство ассигновало 20 тысячъ руб. на расширеніе дѣла, онѣ стали распространяться и въ другихъ уѣздахъ, такъ что, по позднѣйшимъ свѣдѣніямъ, число ихъ превышало 100. Въ общихъ чертахъ организація этихъ артелей слѣдующая: 6 домохозяевъ избираютъ изъ своей среды старосту; каждая такая артель снабжается 2 лошадьми и кое-какимъ инвентаремъ, если таковаго нѣтъ, а затѣмъ она „должна засѣвать не менѣе 7 десятинъ“, при чемъ полученный хлѣбъ, хотя и составляетъ ея собственность, но распредѣляется слѣдующимъ образомъ: часть идетъ на обсѣмененіе полей, а остатокъ дѣлится на три части—„одна часть идетъ на погашеніе ссуды, другая—на уплату казенныхъ взысканій за всѣхъ членовъ равномѣрно, а третья — отчисляется въ запасъ на случай неурожая“ *).

Если строго слѣдовать этому распредѣленію, то можетъ оказаться, что собственно на пропитаніе ничего не останется; но, конечно, это не такъ, а потому не въ этомъ вовсе дѣло. Артели эти несомнѣнно сослужили нѣкоторую службу: дали возможность нѣкоторому количеству обнищавшихъ крестьянъ „продолжать хозяйство на своей землѣ и помѣшали имъ перейти въ разрядъ безземельныхъ пролетаріевъ, что неминуемо случилось бы безъ ихъ помощи“; онѣ были тѣми спасательными кругами, брошенными по одному на 6 семей, за которые тѣ ухватились и продержались въ трудное время; но являлся вопросъ: какова же будетъ ихъ дальнѣйшая роль? Прекратятся ли онѣ, по минованіи въ нихъ надобности, достигнувъ увеличенія числа лошадей до прежней, утраченной нормы, или будутъ продолжать существовать и въ какое положеніе станутъ, съ одной стороны, къ фиску, а съ другой—къ общинѣ? Интересы ихъ могутъ совпадать съ общинными,

*) Ib. т. I, стр. 389.
**) Ib. т. I, стр. 275.

*) „Міръ Божій“, № 12, 1894 г., стр. 222.

но могутъ также въ нѣкоторыхъ случаяхъ и не совпадать. Руководители ихъ могутъ смотрѣть на нихъ, какъ и на другого рода артели, возникающія для отдѣльныхъ предпріятій и нисколько не нарушающія бытового общиннаго уклада и цѣлости общины, или, наоборотъ, думать о замѣнѣ общинныхъ порядковъ артельными, считая послѣдніе болѣе совершенными; могутъ ставить на первый планъ самого обывателя, и, напротивъ, отодвигать его на второй планъ, а на первое мѣсто ставить отбываніе имъ разныхъ платежей и повинностей, какъ это дѣлаютъ сторонники обязательныхъ общественныхъ запашекъ, и т. д. Все это вопросы очень сложные и спорные, которые легко не рѣшаются.

Скажемъ теперь для полноты очерка еще нѣсколько словъ о русскихъ женщинахъ, выступающихъ на поприще экономическаго содѣйствія народу. Сычевскій уѣздъ есть одинъ изъ центровъ льноводства. Живя въ деревнѣ, кн. М. А. Урусова постоянно наблюдала работу мѣстныхъ ткачихъ (пестряди для рубахъ, скатерти, салфетки, полотенца) и удивлялась богатству ихъ фантазіи, разнообразію и оригинальности рисунковъ и въ то же время недоброкачественности матеріаловъ, изъ которыхъ дѣлались ткани. Это невольно навело ее на мысль доставлять крестьянкамъ болѣе доброкачественный и разнообразный матеріалъ, болѣе изящные рисунки и образцы и организовать сбытъ тканей. Начала она дѣло въ 1886 г., выучившись предварительно ткать, что ей впослѣдствіи очень пригодилось для развитія и улучшенія промысла. Были розданы 6 ткачихамъ матеріалъ и рисунки русскаго народнаго и украинскаго орнаментовъ. Результаты превзошли ожиданія. Послѣ этого „съ каждымъ днемъ стали являться новыя ткачихи, привлеченныя, какъ новизной дѣла, такъ и хорошей заработной платой“. Въ первый годъ промыселъ распространился въ 4 волостяхъ съ 14 деревнями, а на слѣдующій уже—въ 6 волостяхъ съ 27 деревнями.

Работа производится за плату поштучную или поаршинную; матеріалъ выдается и работа принимается по вѣсу. Тканье суконъ не подъ силу женщинамъ, а потому его передали мужчинамъ, которые (при цѣнѣ за аршинъ 6 коп.) на улучшенныхъ станкахъ могутъ зарабатывать до 24 р. въ мѣсяцъ. Заработокъ женщинъ въ 1886—87 гг.=51 р. 75 к., а къ 1887—88 гг. 60 р. 90 к. на ткачиху. Вначалѣ однимъ изъ затруднительныхъ вопросовъ былъ вопросъ о сбытѣ, но вопросъ этотъ вскорѣ же

разрѣшился: ткани, выставленныя на Харьковской выставкѣ, обратили на себя общее вниманіе; понравились онѣ также въ Москвѣ, Петербургѣ и Одессѣ, такъ что спросъ торговыхъ фирмъ сталъ превышать предложеніе. Для дальнѣйшаго распространенія промысла, кн. Урусова, при содѣйствіи министерства государственныхъ имуществъ и Сычевскаго земства, устроила школу пряденья и тканья, въ которую принимается по 15 крестьянокъ (съ 15 сент. по 15 янв. и съ 15 янв. по 15 мая), а въ лѣтніе мѣсяцы и стипендіатки другихъ сословій. Среди послѣднихъ можно встрѣтить и уроженокъ Сибири, ѣдущихъ туда на мѣста сельскихъ учительницъ, и надзирательницу женскаго отдѣленія тюремнаго замка, и просто желающихъ сдѣлать то же самое для своей мѣстности. Само собою у княгини Урусовой скоро явился вопросъ объ оборотномъ капиталѣ для введенія металлическихъ бердъ и болѣе усовершенствованныхъ станковъ; „на простыхъ станкахъ на изготовленіе 50-ти аршинъ (сукно 30 вершковъ шириною) нужно цѣлый мѣсяцъ времени, на самолетныхъ же 50 аршинъ при успѣшной работѣ могутъ быть готовы на 4-й день; въ школѣ они поспѣвали уже на 3-й день, при работѣ, съ промежутками, отъ 6-ти часовъ утра до 8-ми часовъ вечера“.

При медленности работы, ткани обходились дорого (такъ какъ иначе пришлось бы уменьшить заработную плату) и нельзя было достигнуть срочности. Въ какой мѣрѣ кн. Урусова достигла желательныхъ усовершенствованій—не знаемъ, но знаемъ, что она и безъ того принесла населенію извѣстную пользу, значительно возвысивъ женскій заработокъ. „Недѣля“ говоритъ, что кн. Урусова вовсе не одна и что „въ томъ же направленіи дѣйствуетъ не мало другихъ лицъ“. Мало такихъ лицъ, скажемъ мы отъ себя, не смотря на то, что сейчасъ же перечислимъ еще цѣлый рядъ однихъ женскихъ именъ; мало, потому что для такого обширнаго и сложнаго дѣла нужно очень много работниковъ и работницъ.

Въ Михайловскомъ у., Рязанской губ., мы видимъ г-жу С. П. Казначееву, которая, видя обѣдненіе крестьянъ, содѣйствуетъ женскимъ кустарнымъ промысламъ: основываетъ въ с. Подлѣсномъ школу вышиванья и возитъ издѣлія крестьянокъ въ Москву, Харьковъ, Петербургъ, Ниццу, ставитъ ихъ тамъ на выставки и тамъ продаетъ по гораздо болѣе выгоднымъ цѣнамъ, чѣмъ на мѣстѣ. На всероссійской московской выставкѣ (1882 г.) издѣлій михайловскихъ крестьянокъ было продано на

7 т. руб., а экспертная коммисія присудила вышивальщицамъ денежную награду въ 600 р. Послѣ выставки въ Ниццѣ послѣдовало много заграничныхъ заказовъ. Въ такомъ положеніи, когда отъ нужды приходится работать не только 9—10-лѣтнимъ дѣвочкамъ, но даже 60-лѣтнимъ старухамъ, всякая лишняя копѣйка дорога. Въ Клинскомъ уѣздѣ дѣйствуетъ кн. А. В. Львова, основавшая въ с. Спасскомъ рукодѣльную школу и употребляющая особыя старанія, чтобы отвлечь женщинъ и дѣвушекъ отъ работы на фабрикахъ и на желѣзной дорогѣ, гдѣ онѣ, пробившись день у вагоновъ, отправляются отдыхать, а въ зимнюю стужу и погрѣться въ трактиры, въ которыхъ ничего хорошаго, разумѣется, не находятъ. Какъ г-жа Казначеева думала о томъ, чтобы отвлечь женское населеніе отъ хожденія на разработку торфа, такъ и кн. Львова старалась отвлечь отъ этой работы и замѣнить ее возможностью домашняго заработка. Та и другая затрачивали сперва для этого свои средства, а потомъ обратились за содѣйствіемъ къ Министерству Государственныхъ Имуществъ. Въ Ярославскомъ у. мы встрѣчаемъ г-жу Ханыкову, устраивающую вышивальную мастерскую близъ с. Курбы; въ Лебединскомъ у., Харьковской губ., гр—ню Капнистъ, содѣйствующую кустарному гончарству; въ Пензенской губ. интересуется улучшеніемъ ткачества кн. Шаховская; въ с. Холуѣ, Вязниковскаго у., заботится объ улучшеніи вышивальнаго ремесла г-жа Алянчикова; въ м. Единицахъ, Хотинскаго у., Бессараб. губ., основываетъ женскую ремесленную школу г-жа С. В. Козицына, а въ Тобольскѣ возникаетъ образцовая мастерская издѣлій изъ мамонтовой кости, благодаря г-жѣ Ю. И. Мельгуновой. Г-жа С. А. Давыдова въ теченіи нѣсколькихъ лѣтъ командируется Министерствомъ Государственныхъ Имуществъ въ разныя мѣстности для изученія положенія и нуждъ кустарныхъ промысловъ, и, не смотря на то, что съ нѣкоторыми взглядами ея трудно согласиться, все-таки даетъ очень обстоятельные и въ высшей степени интересные отчеты; а г-жа В. А. Доливо-Добровольская, кромѣ интересныхъ отчетовъ, тамъ и сямъ обучаетъ еще усовершенствованнымъ пріемамъ тканья, вводитъ самолетскіе станки, помогаетъ практически другимъ ремесламъ и т. д. Читатель можетъ, конечно, подумать, что это все барыни, которыя ищутъ отъ нечего дѣлать какого-нибудь занятія и предаются ему въ свободное время; но обо всѣхъ этого сказать никакъ нельзя, а еслибъ это и такъ было, то, во 1-хъ, это все-таки лучше,

чѣмъ ничего, а во 2-хъ, рядомъ съ ними мы встрѣчаемъ цѣлый рядъ настоящихъ работницъ, въ лицѣ учительницъ женскихъ ремесленныхъ школъ и такихъ ревностныхъ дѣятельницъ, какъ, напр., г-жа Фіолетова, въ Вологодской губ.

Хотя обзоръ земской дѣятельности по поддержкѣ кустарной промышленности не входитъ въ нашу задачу, но, между прочимъ, нельзя не сказать, что въ земствахъ, какъ прежде были, такъ и теперь есть люди, которые правильно понимаютъ значеніе этого вопроса и относятся къ нему сочувственно. Въ послѣдніе годы, по земской инціативѣ, устраиваются на Нижегородской ярмаркѣ склады кустарныхъ издѣлій (Нижегородской, Вологодской, Пермской и др. губерній), начиная отъ ювелирныхъ работъ, мозаики на деревѣ и тончайшихъ кружевъ, до плуговъ и сельскохозяйственныхъ машинъ. Цѣны поражаютъ умѣренностью, и товары расходятся очень хорошо. Дѣятельность нѣкоторыхъ земствъ (Вятскаго, Пермскаго и нѣкоторыхъ другихъ) по поддержкѣ кустарныхъ промысловъ заслуживаетъ самаго глубокаго сочувствія; вся бѣда въ томъ, что у нихъ денегъ нѣтъ, а прибѣгнуть къ большому займу трудно, не смотря на то, что осмотрительная затрата капитала не представляла бы никакого риска и могла бы быть чрезвычайно производительной. Газеты сообщали, что въ Петербургѣ учреждается общество для содѣйствія развитію и поддержкѣ кустарной промышленности съ основнымъ капиталомъ въ милліонъ рублей, но слухъ этотъ такъ и остался пока слухомъ. Очень возможно, что, наконецъ, дѣйствительно, составится акціонерное общество не столько, конечно, для содѣйствія кустарямъ, сколько для собственныхъ выгодъ. У насъ есть превосходныя кустарныя работы въ лучшихъ петербургскихъ и московскихъ магазинахъ, которыя нерѣдко сходятъ за заграничныя и которымъ и заграницей могло бы быть мѣсто. Обращалась же лондонская фирма Ло и Томсона въ Орловскую губ. управу съ предложеніемъ доставить въ Лондонъ, чрезъ ея посредство и за ея отвѣтственностью, разныя кустарныя издѣлія: шерстяныя деревенскія юбки (поневы), ковры, льняные маты, разную деревянную посуду и вообще вещи для домашняго хозяйства, говоря, что сбытъ всего этого можетъ быть весьма большой. Орловская Управа оказалась, къ сожалѣнію, не на высотѣ такого вопроса: она не знала, есть-ли въ губерніи и какіе именно промыслы, и начала собирать о нихъ свѣдѣнія, да и до сихъ поръ собираетъ. Сельскохозяйственныя машины (молотилки, вѣялки, сѣялки и сортировки), экипажи и

обувь, приготовлявшіяся Воткинскою кустарною артелью, выдерживали самыя строгія требованія и пробы. Въ единичныхъ фактахъ неудачъ, въ родѣ неудачъ Воткинской артели, разумѣется, никакъ нельзя видѣть непригодности артельнаго принципа и довода въ пользу единоличнаго или акціонернаго капиталистическаго производства. Мало-ли у насъ гибло банковъ и другихъ акціонерныхъ предпріятій, когда въ правленія попадали загребистыя лапы или не понимавшіе дѣла люди. Нѣчто въ родѣ этого случилось и здѣсь: имѣя слабое мѣсто въ разнохарактерности своего состава и недостаткѣ оборотнаго капитала, артель, тѣмъ не менѣе, прекрасно работала, получая заказы отъ частныхъ лицъ и разныхъ вѣдомствъ и учрежденій; но вотъ вошли въ правленіе „люди неумѣлые или прямо недобросовѣстные“, „посѣяли своими неправильными и предосудительными дѣйствіями рознь среди членовъ артели, лишили ее заказовъ и довели до банкротства.“ („Сар. Дн.“ № 50, 91 г.). Можетъ быть, она еще и оживетъ, если найдутся энергичные люди, которые вдохнутъ въ нее жизнь и придадутъ ей болѣе прочную организацію; а пока на ея, такъ сказать, развалинахъ или вѣрнѣе, около нихъ возникла, при участіи одной интеллигентной дѣвушки, сапожная артель. Наконецъ нельзя взаключеніе не замѣтить, что артельная форма вовсе не представляется единственною формою для организаціи народной промышленности, что одновременно и рядомъ съ нею, въ зависимости отъ размѣровъ производства и техническихъ условій, могутъ возникать и производства съ общинною и земскою организаціей.

3. Артель-община изъ переселенцевъ.

Въ одномъ изъ журнальныхъ фельетоновъ послѣдняго времени было нѣсколько строкъ, написанныхъ между прочимъ и затерявшихся въ общемъ изложеніи фельетона и среди другихъ статей, но строкъ очень любопытныхъ для характеристики деревенскаго настроенія, которое замѣчается въ послѣдніе годы не въ одной только мѣстности, о которой шла рѣчь, а и въ другихъ мѣстахъ. Кучеръ, разсказывая ѣдущему въ деревню автору, что въ окрестныхъ деревняхъ не хватаетъ хлѣба до слѣдующаго урожая и что многіе крестьяне пекутъ и ѣдятъ плохой хлѣбъ изъ гречихи и ячменя съ мякиной, добавляетъ: „Теперь съ голода многіе мириться начали“.—Какъ это мириться?—

спрашиваетъ авторъ.—„Да вотъ, которые раздѣлились въ урожайное время: достатки были и жить вмѣстѣ тѣсно стало, а теперь видятъ, что дѣло плохо. Двѣ печи топить вмѣсто одной, да и по другимъ причинамъ, не знаю, только сказывали, что ходятъ къ земскому и говорятъ: хотимъ вмѣстѣ жить. А земскій говоритъ: такого и закона нѣтъ, чтобы мириться. Раздѣлъ могу утвердить, а миръ, значитъ, не предусмотрѣнъ. Однако, какъ-то слаживаетъ“... „Н. Сл.“ 1896 г. стр. 268).

Подобное же явленіе замѣчается и въ другихъ мѣстахъ и выражается не въ формѣ однихъ только семейныхъ соединеній, а и въ видѣ возникновенія артелей, въ видѣ пробужденія и усиленія артельнаго духа. Читатель знаетъ уже о возникавшихъ въ 1891—1892 гг. пермскихъ земледѣльческихъ артеляхъ и объ артеляхъ на югѣ, относительно устройства которыхъ заботится присяжный повѣренный Н. В. Левитскій. Узнаемъ мы также о возникновеніи артелей на Кавказѣ, на Алтаѣ и въ другихъ мѣстахъ. Ничего въ этомъ удивительнаго нѣтъ, какъ нѣтъ ничего удивительнаго и въ томъ, что значительная часть артелей возникаетъ среди наиболѣе индивидуалистическаго малороссійскаго населенія. Тутъ дѣло вовсе не въ одномъ только присущемъ русскому человѣку артельномъ духѣ, хотя несомнѣнно тотъ первобытный альтруизмъ и общность деревенской жизни и интересовъ играютъ при этомъ не малую роль и служатъ благопріятной почвой для артельныхъ начинаній. Самый малороссійскій индивидуализмъ, благодаря деревенскому укладу жизни и постоянной практикѣ и уваженію къ „громадѣ“, вовсе не на столько великъ, какъ, напр., въ городскомъ или рабочемъ населеніи, прожившемъ нѣсколько поколѣній обособленной, индивидуальной жизнью. Въ самомъ фабричномъ, капиталистическомъ производствѣ мы не рѣдко встрѣчаемъ въ томъ или иномъ видѣ артельныя формы: для отрядныхъ и срочныхъ работъ (какъ напр., на Ижорскихъ кирпичныхъ заводахъ), для болѣе выгоднаго потребленія и т. п., а иногда и для веденія самыхъ операцій производства, иногда послѣ того, какъ единоличные предприниматели оказались несостоятельными (Абаканская артель на алтайскомъ заводѣ Пермикина, три артели на бывшихъ заводахъ Мальцева). Когда постигаетъ людей нужда или какое-либо общее бѣдствіе, то они невольно ищутъ другъ въ другѣ помощи и соединяютъ свои слабыя, разрозненныя усилія для самозащиты. Не трудно понять, что топить одну печь выгоднѣе, чѣмъ двѣ, что сломить одинъ тоненькій прутъ легче, чѣмъ нѣсколько прутьевъ, связан-

ныхъ вмѣстѣ въ одно цѣлое. Понятія эти крайне элементарны и доступны, какъ великороссамъ, такъ и малороссамъ, какъ рус-скимъ, такъ и иностранцамъ, какъ людямъ, проникнутымъ аль-труистическими стремленіями, такъ и индивидуалистамъ; но на-прасно было бы думать, что люди всегда поступаютъ согласно именно этимъ элементарнымъ разсужденіямъ, не могутъ руко-водиться никакими другими соображеніями и импульсами и что вліяніе нужды и бѣдствій всегда одинаково направляетъ лю-дей въ сторону общенія и взаимной поддержки. Въ другихъ случаяхъ, а также и рядомъ съ указываемыми явленіями, мы видимъ, что люди отъ нужды разсыпаются, какъ песокъ морской, разбѣгаются въ разныя стороны, а другіе начинаютъ извлекать изъ бѣдствій ближняго собственное благополучіе. Та же нужда доводитъ людей до крайнихъ степеней эгоизма и одича-нія, до полнаго забвенія не только чужихъ, но и собственныхъ, высшихъ интересовъ. Бывали случаи, что голодный отецъ не до-носилъ, а самъ поѣдалъ добытую для голодавшихъ дѣтей пищу; бывали случаи, что доведенная до крайней степени голода мать бросалась на собственныхъ дѣтей. Словомъ, изъ пункта этого два пути въ стороны, совершенно противоположныя, и путъ аль-труистическій обусловленъ цѣлымъ рядомъ общихъ и частныхъ условій, о которыхъ стоитъ и слѣдуетъ подумать. Какъ на пашнѣ, смотря по тому, чѣмъ она засѣяна, всходитъ хлѣбъ или бурьянъ, и послѣдній, при извѣстныхъ условіяхъ, заглушаетъ первый, такъ и тутъ начинаютъ преобладать тѣ стремленія, которыя имѣются въ наличности или въ задаткахъ и которымъ больше благопріятствуютъ внѣшнія условія развитія. Представьте себѣ, въ самомъ дѣлѣ, такое положеніе: люди, ближайшіе родствен-ники, поссорились и разошлись, а потомъ одумались и хотятъ ми-риться и жить вмѣстѣ, а имъ говорятъ: „такого и закона нѣтъ, чтобы мириться; раздѣлъ можно утвердить, а миръ—не преду-смотрѣнъ“. И вѣдь это не крестьянская выдумка или непониманіе, а въ дѣйствительности такъ: семейные раздѣлы предусмотрѣны и постоянно практикуются; а семейныя соединенія нѣсколькихъ дво-ровъ въ одинъ должны встрѣчать на практикѣ множество препят-ствій и осуществляться только какимъ-то сложнымъ и обходнымъ путемъ, такъ что про производящаго ихъ земскаго начальника мож-но именно только сказать: „какъ-то слаживаетъ“. Крестьянскій дворъ есть извѣстная податная и выборная, какъ въ мірскихъ, такъ и въ земскихъ дѣлахъ, единица, относительно которой, поми-мо мірской раскладки и разныхъ чисто внутреннихъ, мірскихъ по-

винностей, имѣются данныя и ведутся разныя разсчеты въ земствѣ, въ мѣстной полиціи, въ воинскомъ присутствіи, въ казенной пала-тѣ и т. д. Уже одно то, что измѣненіе въ составѣ дворовъ сопряже-но съ перепиской, можетъ служить достаточной причиной, чтобы мѣстные органы управленія не пожелали утруждать себя ею, не смотря на то, что семейные раздѣлы больше всего порицались и порицаются съ охранительной точки зрѣнія. Еще больше, конечно, затрудненій при образованіи артелей. Хотя артельныя соединенія и предусмотрѣны закономъ и имѣются для этого извѣстныя формы, но процедура соблюденія ихъ опять-таки на столько сложна, что требуетъ и времени, и знанія, какъ поступить, куда и къ кому обратиться, что написать и какъ вообще обставить дѣло. Со-ставить и провести уставъ вовсе не такъ легко. Въ этомъ от-ношеніи достаточно указать на множество неутвержденныхъ въ послѣдніе годы ссудосберегательныхъ товариществъ, не смотря на то, что для такого рода товариществъ имѣются установлен-ные образцы уставовъ и всѣ хлопоты по этому поводу ве-детъ особое учрежденіе—комитетъ о сельскихъ ссудосберега-тельныхъ и промышленныхъ товариществахъ, состоящій при министерствѣ финансовъ. Правда, артельный уставъ можно за-мѣнить частнымъ договоромъ, но договоръ меньше гаранти-руетъ прочность дѣла, чѣмъ уставъ, а затѣмъ и его также нужно умѣло и юридически-толково составить. Кромѣ этихъ, такъ сказать, внѣшнихъ сторонъ, сплошь и рядомъ возникаютъ еще разныя косвенныя препятствія и неизвѣстно откуда беру-щіяся затрудненія. Вотъ, напр., намъ пишутъ изъ одной изъ прибрежныхъ черноморскихъ станицъ о попыткѣ хозяйственнаго соединенія трехъ домохозяевъ, изъ которыхъ двое имущихъ (мѣстныхъ жителей), а третій, пришлый, хозяйственнаго обзаве-денія и достатка, повидимому, не имѣетъ. Такъ вотъ уже одного этого обстоятельства достаточно, чтобы мѣстный священникъ сталъ подозрѣвать въ нихъ какихъ-то сектантовъ—не то тол-стовцевъ, не то пашковцевъ, не то штундистовъ. Словомъ, нѣ-что невѣдомое: „Неизвѣстно что, говоритъ онъ, а что-то есть, потому что такое равноправное соединеніе всѣхъ—ненормально“. И не даетъ батюшкѣ покоя эта мысль, и говоритъ онъ о ней мѣстному начальству, а самимъ артельщикамъ не даетъ покоя своими подозрѣніями и окольными распросами. Еще больше воз-никаетъ подозрѣній, когда къ артели оказывается причастнымъ кто-либо изъ интеллигенціи. А между тѣмъ, участіе интелли-генціи въ такомъ дѣлѣ чрезвычайно важно. Для правильной

организаціи артелей нужны не только грамотность и практическое руководительство по лабиринтамъ разныхъ формальностей, но и образованіе, не только знаніе прошлаго и настоящаго русскихъ артелей, но и европейскаго кооперативнаго опыта, не только пониманіе современныхъ экономическихъ условій, но и того будущаго, какое можетъ имѣть артельная организація, при разрѣшеніи вопроса объ обобществленіи производства и обмѣна. Цѣль эту необходимо всегда имѣть въ виду, чтобы артельныя начинанія, какъ въ области сельскаго хозяйства, такъ и обрабатывающей промышленности, являлись не анахронизмомъ, а живымъ дѣломъ и самыя артели были живыми ячейками желательной организаціи экономическихъ отношеній. При этомъ возможны и теоретическіе, и практическіе споры, и понятно, чѣмъ спорные вопросы будутъ лучше выяснены и ихъ будетъ меньше, тѣмъ и недоразумѣній на практикѣ будетъ меньше. Возлагать же надежду на то, что все само самою устроится по хорошему или что все и всегда можно устроить именно такъ, какъ мы желаемъ и находимъ болѣе правильнымъ, значитъ, платить дань оптимизму и не предусматривать всѣхъ могущихъ возникнуть затрудненій. Вотъ почему мы придаемъ такое большое значеніе экономическимъ экспериментамъ; они не только выясняютъ невыясненныя стороны дѣла, но и даютъ возможность обсуждать ихъ, провѣрять, искать лучшаго и вмѣстѣ съ тѣмъ пріучаютъ людей къ извѣстнымъ распорядкамъ, понятіямъ и справедливости.

И въ газетахъ, и въ журналахъ своевременно сообщалось о стеклянномъ заводѣ для стекольщиковъ, устроенномъ французскими рабочими (въ Кармо) на пожертвованныя съ этою цѣлью одной благотворительницей 100 т. франк. Организація, какую принялъ этотъ заводъ, въ высшей степени интересна: собственно рабочіе Кармо, работающіе на заводѣ, могутъ получать только заработанную плату, тогда какъ самый заводъ и чистыя прибыли будутъ принадлежать рабочимъ синдикатамъ, или рабочимъ всей Франціи. Въ сообщеніи говорилось, что непосредственно заинтересованные въ дѣлѣ стекольщики Кармо, для которыхъ предназначалось пожертвованіе, охотно на это согласились. Таковъ, дѣйствительно, конечный результатъ. Но ему предшествовали такіе горячіе споры, такая продолжительная полемика, что легко могъ получиться и иной результатъ, а между тѣмъ вопросы о принадлежности предпріятій отдѣльнымъ группамъ работниковъ или синдикатамъ, о взаимныхъ отношеніяхъ между

отдѣльными группами и численности ихъ, о размѣрахъ и распредѣленіи извѣстныхъ производствъ въ странѣ, о технической постановкѣ дѣла и т. д.—все это вопросы очень существенные. Мы указываемъ на этотъ фактъ только какъ на примѣръ того, что если въ такой культурной странѣ, какъ Франція, и по поводу, сравнительно, такому незначительному, возможны были теоретическіе и практическіе споры, недоразумѣнія и полемика, то и въ другихъ случаяхъ, въ условіяхъ менѣе благопріятныхъ и въ обстоятельствахъ болѣе серьезныхъ, также возможны подобныя явленія. Въ такого рода артеляхъ, какъ, напр., наши биржевыя, благодаря спеціальности ихъ цѣли и замкнутости, обусловливающей вступленіе новаго члена не только пріемомъ, но и значительнымъ денежнымъ взносомъ, разумѣется, гораздо больше уже акціонерныхъ, чѣмъ чисто артельныхъ началъ. Въ такихъ артеляхъ, какъ Воткинская, гдѣ участниками являлись и заводскіе служащіе, не принимавшіе непосредственнаго участія въ дѣлѣ ни физическимъ, ни умственнымъ трудомъ, также возникало множество недоразумѣній. У насъ, при устройствѣ какъ земледѣльческихъ, такъ и промышленныхъ артелей, дѣло осложняется еще общиннымъ складомъ жизни: размѣръ артели, обусловленный размѣромъ извѣстной технической или хозяйственной операціи и разными другими обстоятельствами, можетъ не совпадать съ размѣромъ общины, и тогда, какъ между внутренними основными началами той и другой, такъ и между деревенскими домохозяевами можетъ возникнуть извѣстный антагонизмъ, извѣстная коллизія интересовъ. Мы на это уже указывали въ другомъ мѣстѣ, а здѣсь только скажемъ: чѣмъ на эту сторону предмета, при устройствѣ артелей, будетъ больше обращаться вниманія, тѣмъ лучше, и это тѣмъ болѣе, что тутъ возможны различные примиряющіе исходы: и артельное производство можетъ перейти въ общинное, и община можетъ придать нѣкоторымъ сторонамъ своей хозяйственной дѣятельности артельную организацію, и въ одной и той же общинѣ могутъ быть нѣсколько различныхъ и вполнѣ уравновѣшивающихся и уживающихся другъ съ другомъ артельныхъ производствъ. При устройствѣ пермскихъ артелей на эту сторону мало обращалось вниманія, что, впрочемъ, вполнѣ объясняется тѣмъ, что артели эти возникали въ тяжкую годину голода и имѣли главною своею цѣлью—спасти отъ окончательнаго раззоренія и дать возможность окрѣпнуть наиболѣе обѣднѣвшему крестьянству. Тѣ маленькія группы домохозяевъ, изъ которыхъ составлялись артели, прежде

всего должны были поднять ихъ до прежняго положенія, а тамъ, смотря по обстоятельствамъ, уже отъ нихъ зависѣло—продолжать и расширять, или прекратить артельное хозяйство. Г. Левитскій, предусматривая необходимость и возможность соединенія мелкихъ артельныхъ группъ въ большія, пошелъ въ этомъ отношеніи дальше. Еще дальше предполагала пойдти, какъ увидимъ ниже, образовавшаяся въ 1895/6 гг. изъ переселенцевъ большая артель на Алтаѣ, о возникновеніи, основаніяхъ и неудачахъ которой мы хотимъ разсказать. Въ судьбахъ этой артели принималъ близкое участіе другой интеллигентный дѣятель—землевладѣлецъ Полтавской губ., Ив. Пл. Нечволодовъ *), которому мы и обязаны сообщеніемъ о ней свѣдѣній. Онъ долго не дѣлился этими свѣдѣніями ни съ печатью, ни съ тѣми учеными обществами, гдѣ обыкновенно дѣлаются по такимъ предметамъ доклады. Въ то время, какъ другіе спѣшатъ въ эти общества со всякой пустяковиной, этотъ скромный человѣкъ, съѣздившій въ одномъ только 1895 году четыре раза на Алтай и устроившій тамъ болѣе 800 семей своихъ безземельныхъ и малоземельныхъ земляковъ, стѣснялся говорить о своемъ „маленькомъ дѣлѣ“. Можетъ быть, отчасти тутъ игралъ нѣкоторую роль недавній примѣръ г. Левитскаго, который наслушался въ Вол. Эк. Общ. со стороны нѣкоторыхъ господъ непріятныхъ вещей, но къ такому пустопорожнему карканью, которымъ почти всегда встрѣчается всякое необычное начинаніе, надо привыкнуть, какъ привыкаютъ къ извѣстной неблаговоспитанности, къ суесловію и т. п. Я не задаюсь вопросомъ, большое или маленькое дѣло дѣлаютъ люди въ родѣ гг. Нечволодова, Левитскаго, г-жи Антаевой, переселившей также на Алтай болѣе 200 семей изъ Воронежской губ., и т. д., но вижу только, что они исполняютъ свои гражданскія обязанности и пользуются любовью и довѣріемъ крестьянъ, и думаю, что имъ конфузиться некого. Но обратимся къ интересующей насъ артели.

Видя крестьянскую нужду и малоземелье въ Прилукскомъ уѣздѣ, Полтавской губ., и въ сосѣднихъ Нѣжинскомъ и Козелецкомъ уу., Черниговской губ., и узнавъ о твердомъ рѣшеніи многихъ крестьянъ переселиться въ Сибирь, Ив. Пл. Нечволодовъ въ 1893 г. сперва одинъ поѣхалъ туда и долго тамъ прожилъ,

*) Очень возможно, что вышеприведенное сообщеніе о ходокѣ N относится къ нему, хотя можетъ относиться и къ другому лицу—также ходоку.

осматривая разныя мѣста. Найдя удобную землю въ Барнаульскомъ округѣ, онъ возвратился домой и, заручившись довѣренностями отъ крестьянъ, началъ хлопоты объ отводѣ облюбованной земли, но получилъ отказъ, такъ какъ для этого требовались ходоки. Тогда, послѣ надлежащаго выбора и долгой процедуры утвержденія ходоковъ, онъ уже вмѣстѣ съ ними отправился опять въ ту же мѣстность—въ Новопокровскую волость, Барнаульскаго округа. Земля ходокамъ очень понравилась и настолько напомнила Малороссію, что они тотчасъ же стали сравнивать ее съ родиной. Къ тому же тутъ же оказался поселокъ земляковъ — малороссовъ, который былъ надѣленъ землей, на общемъ оброчномъ основаніи. Къ этому поселку прилегала свободная, предназначенная для новыхъ поселеній земля, въ количествѣ 66.000 десят., которую и отвели теперь новоселамъ. Мѣстность тамъ ровная, степная, на которой раскинуто нѣсколько прекрасныхъ озеръ и протекаетъ небольшая рѣчка — Степной Кучукъ, переименованный поселенцами сейчасъ же въ Незымай. Земля хорошая, черноземная. Лѣса нѣтъ, кромѣ тамъ и сямъ разбросанныхъ и сильно порубленныхъ небольшихъ колковъ. Хорошій кабинетскій лѣсъ верстахъ въ 40. Поселокъ, около котораго стали селиться и новоселы, названъ Родиной. По всей вѣроятности, изъ поселенія этого будетъ образовано отдѣльное сельское общество. Разстояніе Родины отъ ближайшихъ торговыхъ и административныхъ пунктовъ слѣдующее: отъ Павлодара (пристань на Иртышѣ) 170 верстъ, отъ Барнаула — 260 верстъ, отъ Камня (прист. на Оби) — 180 вер. и отъ желѣзно-дорожной станціи Кривощеково (тоже на Оби) — 280 верстъ. Цѣны хлѣбовъ на мѣстѣ такія: рожь 15 к. пудъ, овесъ — 18 — 20 к. пудъ и пшеница — 22 к. пудъ. Провозъ до Барнаула 12 коп. съ пуда. Сѣется преимущественно пшеница-бѣлотурка, дающая хорошіе урожаи и прекрасная зерномъ.

Кабинетскія земли отводятся, по разсчету 15 дес. на семью, или на арендномъ (съ платою 40 к. съ десятины), или на оброчномъ основаніи (съ платою по 6 р, съ надѣла). При этомъ отпускается безплатно казенный лѣсъ на постройку, но за то поселенцамъ не оказывается никакихъ льготъ и не дается пособій. Кредита также нѣтъ. Оброчныя основанія, на которыхъ отводится земля крестьянамъ Родины, тѣмъ лучше арендныхъ, что оброчная плата устойчивѣе: въ то время, какъ вопросъ о переоброчкѣ есть вопросъ общій, рѣшающійся законодательнымъ порядкомъ, арендная плата представляетъ величину из-

мѣнчивую, которая каждый годъ можетъ измѣняться мѣстной администраціей. По мѣрѣ увеличенія населенія на Алтаѣ, она постоянно поднимается и вмѣсто прежнихъ 40 к. достигаетъ 1 р., 2 р, и болѣе съ десятины, смотря по мѣстности, качеству земли, близости отъ городовъ, дорогъ и т. п. Всего имѣло переселиться изъ вышеупомянутыхъ уѣздовъ Черниговской и Полтавской губ. 432 двора или около 800 семействъ. Около 300 дворовъ уже переселились въ 1895 году, а остальные должны были тронуться съ семьями въ 1896 году весною. Часть переселившихся въ 1895 году купила готовые срубы и выстроила избы, другая зимовала въ землянкахъ, а около половины разбрелось на зиму по сосѣднимъ селеніямъ. Когда ходоки, побывавшіе на Алтаѣ, вернулись въ свои полтавскія и черниговскія деревни для распродажи своего имущества и ликвидаціи дѣлъ и разсказали однодеревенцамъ и сосѣдямъ о тамошнихъ земляхъ, то желающихъ переселиться оказалось такъ много, что г. Нечволодовъ, котораго они осаждали просьбами, положительно не зналъ, что дѣлать. Въ самое короткое время перебывало у него съ такого рода просьбами около 2 т. домохозяевъ. Пришлось сортировать ихъ, уговаривая болѣе достаточныхъ остаться и совѣтуя взять надѣлы тѣхъ, которые будутъ переселяться, чтобы они не доставались кулакамъ, наконецъ, категорически заявляя, что онъ будетъ хлопотать только о переселеніи такихъ домохозяевъ, которымъ дома жить стало нельзя и хозяйство которыхъ пришло въ крайній упадокъ. Только такимъ образомъ и удалось сократить цифру желающихъ до 432 домохозяевъ. За передачею надѣловъ *) и распродажею скота, избъ и разнаго домашняго скарба, очистилось по нѣскольку сотъ рублей на дворъ, которые отчасти пошли на уплату долговъ и недоимокъ, отчасти на дорогу, а у нѣкоторыхъ кое-какія крохи остались и на новое обзаведеніе; но во всякомъ случаѣ это настоящая бѣднота.

И вотъ эта-то бѣднота, отправляясь въ дальнюю сторону и

*) Надѣлы переуступались по разнымъ цѣнамъ, смотря по мѣсту, и качеству земли, съ переводомъ остатка выкупныхъ платежей (около 18 р.) на покупателя, но въ общемъ все-таки ниже окрестныхъ цѣнъ. Приблизительно, за надѣлъ въ 2—3 десятины бралось 150—200 и до 375 руб. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ 150—200 руб. платилось за десятину частнаго владѣнія. Теперь цѣны и арендная плата хотя и упали, но все-таки находятся въ полномъ взаимномъ несоотвѣтствіи, что прямо указываетъ на ненормальность ихъ, вслѣдствіе малоземелья.

сознавая свое безсиліе въ разрозненности, рѣшила: во 1-хъ, образовать изъ себя нѣчто цѣлое — земледѣльческую артель и заключить артельный договоръ, а во 2-хъ, просить И. П. Нечволодова взять на себя заботу объ ея водвореніи и устройствѣ на новыхъ мѣстахъ, помочь ей въ сношеніяхъ съ разными учрежденіями и лицами, хлопотать объ устройствѣ церкви, школы и т. д., для чего и выдала ему отъ лица всѣхъ домохозяевъ довѣренность. Такъ какъ среди переселяющихся были люди, знающіе разныя мастерства (столяры, плотники, кузнецы, слесаря, портные, сапожники, плотники, шорники и т. п.), то нужды въ наиболѣе необходимыхъ предметахъ обихода, конечно, не ждали. Были мастера, могущіе дѣлать сельскохозяйственныя машины (молотилки, вѣялки и т. п.) и мечтавшіе заняться постройкой ихъ тамъ. Знакомые съ плугомъ Сакка думали, какъ бы добыть и доставить туда такіе плуги. Мало этого, нѣкоторые мечтали о ближайшихъ къ сельскому хозяйству обрабатывающихъ промыслахъ и думали завести и правильно поставить производства ткацкое, канатное, сукновальное, кожевенное и др., а г. Нечволодовъ думалъ о паровомъ двигателѣ, который могъ бы на первое время, пока идетъ постройка, сослужить большую службу при распилкѣ лѣса, а потомъ могъ бы быть примѣненъ къ мельницѣ и молотилкѣ. Но все это были пока только мечты, потому что небыло денегъ. Право бѣдняковъ мечтать есть одно изъ самыхъ неотъемлемыхъ и неистребимыхъ.

Вотъ въ общихъ чертахъ основанія договора, засвидѣтельствованнаго 23 іюля 1895 года прилукскимъ нотаріусомъ.

Указавъ прежде всего на причины, заставившія переселяться, — на крайнее малоземелье, доходящее менѣе одной десятины на душу, а иногда и совершенное безземелье, на слишкомъ высокія арендныя цѣны, которыя приходится платить землевладѣльцамъ и которыя не оправдываются урожаями и доходами, на слишкомъ низкія цѣны на хлѣбъ, вслѣдствіе чего приходится постоянно продавать, для уплаты аренды за землю и повинностей, скотъ и имущество, — крестьяне говорятъ, что они такимъ путемъ изъ года въ годъ раззоряли свои хозяйства и дошли „почти до полной нищеты“, а въ будущемъ не видятъ ничего такого, что могло бы измѣнить ихъ положеніе къ лучшему. Поэтому, рѣшивъ переселиться въ Барнаульскій округъ и получивъ на то надлежащее разрѣшеніе, они, по распродажѣ своего имущества, видятъ, что средствъ ихъ хватитъ только на переѣздъ и первое обзаведеніе („да и то не у всякаго“),

а съ другой стороны, имъ отлично извѣстно изъ многолѣтняго опыта, что единоличный трудъ и хозяйство шли у нихъ плохо и не дали имъ сколько-нибудь обезпеченнаго положенія. Вотъ почему, „для большаго обезпеченія себя на новомъ мѣстѣ и съ цѣлью помочь бѣднѣйшимъ“, они и пришли къ мысли составить общую артель съ круговою порукою. Соединяясь въ одну общую артель, артельщики говорятъ, что, съ одной стороны, они поступаютъ такъ согласно съ заповѣдью Господа нашего Іисуса Христа: „возлюби ближняго своего, какъ самого себя“, а съ другой — хотятъ „достигнуть всѣхъ тѣхъ житейскихъ благъ, которыя возможны только при той матерьяльной и нравственной силѣ, какую представляетъ изъ себя такая большая артель“. Далѣе слѣдуютъ соображенія относительно недоступности, какъ для отдѣльныхъ хозяевъ, такъ и для небольшихъ группъ, пріобрѣтенія хорошихъ земледѣльческихъ машинъ и о полной возможности пріобрѣтенія ихъ міромъ, всею артелью. Равнымъ образомъ и въ случаяхъ какихъ-либо бѣдствій — болѣзни кормильца семьи, падежа скота и т. п. — одинъ человѣкъ можетъ погибнуть, а при артели за одного могутъ поработать въ полѣ здоровые, а скотъ можно купить на общественный счетъ. Въ виду этого, „предоставляя каждому жить по усмотрѣнію“, въ вопросахъ обработки земли, сбора и продажи продуктовъ, страхованія скота, закупки земледѣльческихъ орудій и машинъ, постройки школы, церкви, аптеки, общественной лавки и въ вопросахъ призрѣнія и помощи ближнему — артельщики „рѣшились дѣйствовать всѣ сообща, какъ одинъ человѣкъ“. Для того же, чтобы между ними не было недоразумѣній, безпорядка при переселеніи и водвореніи на новое мѣсто, а также, чтобы установить опредѣленный порядокъ во взаимныхъ отношеніяхъ, они выработали слѣдующія правила: 1) Всѣ переселяющіеся должны внести по 10 р. съ семьи на образованіе перваго, складочнаго артельнаго капитала, который предназначался, главнымъ образомъ, для предотвращенія разныхъ случайностей, могущихъ произойти при переселеніи, для помощи тѣмъ изъ нихъ, которыхъ постигнетъ какое-либо особенное несчастье, и на расходы, касающіеся дѣлъ всей артели. Деньги эти не должны были возвращаться внесшимъ ихъ даже въ томъ случаѣ, если бы они совсѣмъ отказались отъ переселенія, такъ какъ въ общіе расходы входили и расходы на ходоковъ и по пріисканію мѣстъ для переселенія. 2) Всѣ артельщики дѣлились на группы или десятки, по взаимному общему согласію и съ такимъ разсчетомъ,

чтобы возможно ближе подходить другъ къ другу по способу и характеру занятій. Предусматривались даже такіе случаи, чтобы привыкшіе, напр., пахать на лошадяхъ или на волахъ, составляли для удобства работы свои группы. Каждая группа выбирала изъ своей среды на 2 года одного выборнаго, который наблюдалъ бы за своимъ десяткомъ и, какъ во время пути, такъ и по прибытіи на мѣсто, слѣдилъ бы за правильнымъ ходомъ работъ и общимъ артельнымъ имуществомъ, которое будетъ въ рукахъ его десятка. 3) Дѣла, касающіяся всей артели, постановили рѣшить общими сходами, о которыхъ десятскіе извѣщаютъ свои десятки, по крайней мѣрѣ, за недѣлю. Рѣшенія такихъ сходовъ для всѣхъ обязательны. Въ такихъ сходахъ могутъ принимать участіе — совѣтомъ и разъясненіемъ дѣла — священникъ, школьный учитель, докторъ и тѣ изъ постороннихъ лицъ, которыхъ артельщики найдутъ необходимымъ пригласить, причемъ, однако, постороннія лица въ голосованіи участія не принимаютъ. Вновь возбужденные вопросы рѣшаются на сходкахъ простымъ большинствомъ голосовъ, для перерѣшенія же разъ уже рѣшенныхъ вопросовъ требуется $^3/_4$ голосовъ, а для измѣненія условій этого договора $^9/_{10}$ голосовъ всѣхъ членовъ артели. Для наблюденія за выполненіемъ рѣшеній сходовъ, для завѣдыванія капиталомъ и артельнымъ имуществомъ и для разрѣшенія текущихъ вопросовъ, согласно съ рѣшеніями сходовъ, избирается 10 наиболѣе опытныхъ и заслуживающихъ довѣрія лицъ (старшинъ), образующихъ совѣтъ старшинъ. Въ члены этого совѣта могутъ быть избираемы: священникъ, учитель, врачъ и — по особому довѣрію — другія постороннія лица. Старшины избираются также на 2 года и должны собираться въ совѣтъ, для обсужденія текущихъ дѣлъ, не менѣе 1 раза въ недѣлю. Сношенія артельщиковъ со совѣтомъ происходятъ черезъ десятскихъ, которые въ дни засѣданій приходятъ въ совѣтъ и сообщаютъ о всѣхъ нуждахъ. Вопросы рѣшаются въ совѣтѣ простымъ большинствомъ голосовъ, а рѣшенія записываются въ особую книгу. 4) Каждому изъ членовъ артели выдается именная книжка, за подписью совѣта старшинъ, въ которую вносится старшинами все касающееся артельщика: къ какому десятку онъ причисленъ, какое количество десятинъ заявилъ желаніе вспахивать и какое въ дѣйствительности вспахалъ и убралъ, сколько ему причитается при разверсткѣ пудовъ и какого именно зерна; а также — собственныя деньги каждаго артельщика, внесенныя имъ въ общину на ея нужды, и та часть „общественнаго долга, которая будетъ приходиться на него, какъ

члена артели, по затратамъ на покупку земледѣльческихъ машинъ, устройство церкви, школы, общественной лавки и пр.". Для скорѣйшаго осуществленія этихъ общественныхъ цѣлей и для выдачи нуждающимся ссудъ, артельщики согласились всѣ оставшіяся у нихъ, послѣ переселенія и обзаведенія жилищами и скотомъ, деньги внести въ артельную кассу, причемъ деньги эти составляютъ личную собственность каждаго и подлежатъ впослѣдствіи, по обзаведеніи всѣмъ необходимымъ и по уплатѣ сторонихъ артельныхъ долговъ, возвращенію, а до тѣхъ поръ на нихъ положено выдавать въ первое время 4% годовыхъ. Размѣръ этого % рѣшено впослѣдствіи устанавливать сходомъ на каждое трехлѣтіе. При артельной кассѣ положено вести слѣдующія прошнурованныя и перенумерованныя книги: a) подворную книгу для записыванія поступающаго отъ каждаго артельщика складочнаго капитала съ причитающимися на него %% и добавочныхъ поступленій, которыя могутъ образоваться путемъ артельныхъ займовъ за круговою порукою, какъ въ государственныхъ и общественныхъ кредитныхъ учрежденіяхъ, такъ и у частныхъ лицъ; b) книга для записыванія раздачи денегъ нуждающимся артельщикамъ; c) для записыванія затрачиваемаго на общественныя земледѣльческія орудія и скотъ капитала, и d) для записыванія общихъ артельныхъ оборотовъ. Артельныя деньги, въ видѣ кредитныхъ или выигрышныхъ билетовъ и процентныхъ бумагъ, смотря потому, какъ будетъ удобнѣе, рѣшено было хранить въ волостной или церковной кассѣ и не держать, безъ особаго согласія общества, у кого-либо на рукахъ. Заслуживаетъ вниманія слѣдующій, чисто нравственный пунктъ договора, которымъ было установлено, что никто изъ артельщиковъ, ни подъ какимъ видомъ и ни за какіе %%, не долженъ давать другому члену артели взаймы денегъ, потому что этимъ можно только „запутывать ближняго" и нарушать тотъ пунктъ договора, которымъ „установлено, что всѣ свободныя деньги вносятся въ артельную кассу". Когда артельныя дѣла достигнутъ такого положенія, что артельная касса не будетъ нуждаться въ деньгахъ и выплатитъ артельщикамъ всѣ ихъ взносы, то и такой случай предусматривался оговоркой, чтобы, при расходованіи денегъ, какъ и на что угодно, ихъ „не выдавали только подъ %% кому-либо изъ своихъ сотоварищей по артели".

Особенно любопытной стороной договора является порядокъ артельнаго хозяйства и распредѣленія работъ. Чтобы получить возможно лучшіе результаты, избѣжать пестрополья, лишнихъ

разъѣздовъ и достигнуть возможно болѣе экономнаго и выгоднаго приложенія труда, артельщики рѣшили ввести общественную запашку и производить посѣвъ на общемъ полѣ. „Такъ какъ за землю,—говорили они,—мы платили сообща одинаковую цѣну за каждую вспаханную десятину, то здѣсь не можетъ быть и рѣчи о томъ, кому должна какая десятина принадлежать, ибо она должна находиться въ общемъ пользованіи"... Вся площадь, отводимая сходомъ подъ посѣвъ, разбивается на поля, сообразно съ родомъ и количествомъ хлѣбовъ, какіе предположено сѣять. Поле дѣлится между артельщиками для работъ не поровну, а по рабочимъ силамъ и согласно съ собственнымъ заявленіемъ каждаго, сколько онъ надѣется „вспахать и убрать съ своею семьею". Для порядка и руководства работами избирается изъ старшинъ совѣта полевой староста, который слѣдитъ за своевременной и однообразной вспашкой, уборкой и молотьбой въ томъ именно количествѣ десятинъ и работы, какъ кому съ общаго согласія опредѣлено и записано въ особую полевую книгу и въ именныя книжки каждаго. Урожай дѣлится не подесятинно и не копнами, а зерномъ: зная размѣръ обработанной каждымъ площади и количество полученнаго съ этой площади зерна, легко узнать, „сколько приходится на каждаго артельщика съ семьею за обработанное ими поле". Такъ какъ устройство отдѣльныхъ гуменъ, клунь и амбаровъ обошлось бы гораздо дороже общественныхъ, то рѣшено было имѣть общіе амбары, клуни и гумна и хранить весь хлѣбъ и вообще всѣ вырабатываемые артелью продукты въ общественныхъ амбарахъ, для завѣдыванія которыми избирается особый амбарный староста. Онъ записываетъ въ особую книгу количество поступающихъ и выдаваемыхъ продуктовъ, при чемъ каждому артельщику въ отдѣльности отпускаетъ на руки только то количество продуктовъ, какое обозначено въ именной его книжкѣ подлежащимъ отпуску. По разверсткѣ общаго количества продуктовъ, на сходѣ рѣшается, сколько и какого хлѣба надо оставить на посѣвъ и прокормленіе и сколько можно продать. Чтобы избѣжать продажъ мелкими партіями барышникамъ и имѣть дѣло съ болѣе крупными торговыми фирмами и правительственными учрежденіями, хлѣбъ рѣшено было продавать сообща, большими партіями, стараясь при этомъ отдѣлывать его возможно чище. По продажѣ продуктовъ съ каждымъ артельщикомъ производится разсчетъ, при чемъ изъ причитающихся ему денегъ удерживаются всѣ числящіеся на немъ государственные и земскіе сборы и артельные долги. Земледѣльческія орудія и машины (плуги, бороны, вѣялки,

молотилки и пр.) пріобрѣтаются на артельныя деньги и составляютъ собственность всей артели. Тѣ изъ нихъ, которыя нужны каждому, какъ, напр. плуги, бороны и т. п., выдаются на руки десятскимъ, которые и слѣдятъ за ихъ исправностью и бережнымъ обращеніемъ съ ними; „такіе же предметы, какъ молотилка, лѣсопилка и пр., находятся въ вѣдѣніи особыхъ, состоящихъ на жалованьѣ, спеціалистовъ". Погашеніе стоимости машинъ происходитъ сообразно съ количествомъ дѣлаемой ими работы, напр., молотилки—сообразно съ количествомъ обмолоченнаго хлѣба, лѣсопилки—съ количествомъ распиленнаго лѣса, плуга—съ количествомъ вспаханныхъ десятинъ, и т. п.

Заслуживаетъ также вниманія страхованіе скота. Весь пріобрѣтаемый рабочій и молочный скотъ оцѣнивается совѣтомъ старшинъ, и оцѣнка каждаго животнаго вносится въ именную книгу владѣльца. При пропажѣ у кого-либо скотины, стоимость ея выдается совѣтомъ изъ общественныхъ суммъ владѣльцу, а потомъ раскладывается на артельщиковъ, пропорціонально числу застрахованныхъ животныхъ. Если, напр., пропала лошадь, оцѣненная въ 20 р., а всего въ артели имѣетая 2.000 штукъ застрахованныхъ животныхъ, то съ каждой штуки придется уплатить по 1 коп. Владѣлецъ одной штуки уплатитъ 1 коп., владѣлецъ 5 головъ—5 коп. и т. д. Это тѣ же самыя начала, которыя приняты въ похоронныхъ кассахъ. Въ тѣхъ же случаяхъ, если скотина пала отъ дурного ухода или небрежнаго обращенія, совѣтъ вноситъ вопросъ о вознагражденіи владѣльца на ближайшій сходъ, который и рѣшаетъ дѣло въ томъ или иномъ смыслѣ. На первое время таковой страховкѣ долженъ былъ подлежать только рабочій и молочный скотъ, а гулевой—нѣтъ.

Затѣмъ, мы читаемъ въ договорѣ слѣдующее: „при постройкѣ жилищъ мы должны безкорыстно взаимно помогать другъ другу въ вывозкѣ лѣса и въ постройкѣ зданій". Въ свободное же отъ земледѣльческихъ работъ время на заработки въ другія мѣста не отлучаться, такъ какъ опытъ показалъ, что такое исканіе работъ на сторонѣ, въ большинствѣ случаевъ, ведетъ ушедшихъ къ „окончательному раззоренію". Работа является случайной, и „человѣкъ, находясь по долгу безъ работы, привыкаетъ къ бездѣлью, начинаетъ тяготиться трудомъ"... Въ виду этого, артельщики рѣшили „всѣми мѣрами стремиться къ развитію въ новомъ поселкѣ различныхъ кустарныхъ промысловъ, а на первое время заниматься тѣми ремеслами, кто какое знаетъ" (плести веревки, дѣлать телѣги, выдѣлывать кожи, овчины и т. д.). Для

пріобрѣтенія инструментовъ и партіонной закупки матерьяла предполагалось соединяться по нѣскольку человѣкъ вмѣстѣ, при чемъ и вся артель обѣщала помогать, чѣмъ можетъ, дѣлу.

Относительно обязанностей другъ къ другу во время болѣзни читаемъ, что если кто-нибудь изъ товарищей заболѣетъ, а семья его будетъ не въ силахъ сработать все нужное, то „всѣ остальные товарищи должны помочь ему и работать за него, какъ бы для себя". Затѣмъ, такъ какъ мѣстность, гдѣ приходится селиться, слишкомъ удалена отъ пунктовъ, гдѣ имѣется церковь и врачебная помощь, то артельщики рѣшили построить свою церковь и больницу, пригласить врача и обзавестить аптекой. Повѣренный артели, И. П. Нечволодовъ, просилъ мѣстныхъ властей объ отпускѣ необходимаго для этихъ построекъ лѣса. Преосвященный Макарій, епископъ томскій и барнаульскій, разрѣшилъ постройку церкви въ память Рождества Іоанна Крестителя и выдалъ 26 ноября 1895 г. храмозданную грамату. Необходимыя на постройку церкви и аптеки деньги рѣшено было образовать путемъ складчины, со всѣхъ поровну, но не стѣсняя, разумѣется, тѣхъ, кто пожелаетъ дать больше. Кромѣ того, томская духовная консисторія выдала избранному артелью попечительству книгу для сбора пожертвованій на церковь. Въ составъ попечительства входили: дворянинъ И. П. Нечволодовъ (въ качествѣ предсѣдателя) и крестьяне Ив. Мирошниченко, Николай Поливничій, Ант. Ландарь, Ив. Фесикъ, Ст. Нужный, Сем. Роговой, Ив. Бѣлявцевъ, Ем. Иванько, Зот. Левусъ, Петр. Полтавецъ и Тих. Кушнаренко. Артель желала, чтобы церковный причтъ жилъ у нея хорошо и былъ обставленъ правильно—не зависѣлъ отъ „доброхотныхъ подаяній" и „взысканій за различныя требы", а получалъ опредѣленное жалованье, но за то, чтобы и требы всѣ совершались безплатно. Аптека тоже должна была отпускать лѣкарства всѣмъ больнымъ членамъ артели безплатно. Видимъ мы также въ договорѣ и заботливость объ образованіи: „Сознавая всю необходимость и важность грамотности,—говорятъ артельщики,—мы находимъ необходимымъ всѣми силами стараться, чтобы дѣти наши, какъ дѣвочки, такъ и мальчики, были грамотны и изучали бы какія-нибудь ремесла, а потому мы порѣшили выстроить школу и хлопотать о разрѣшеніи открыть ее. Если же какой-нибудь изъ учениковъ школы будетъ оказывать, кромѣ прилежанія, еще и выдающіяся способности, то общество обязано отправить его продолжать ученіе". Отдаленность поселка отъ городовъ, гдѣ можно было бы покупать необходимые продукты (соль, керосинъ, деготь, чай, сахаръ,

ситцы и проч.), вызвала мысль объ устройствѣ общественной лавки, которую и рѣшено было устроить, собравъ деньги на обзаведеніе и первый оборотъ, по раскладкѣ, съ каждаго изъ артельщиковъ. Лавка, конечно, могла быть безусловно полезна, такъ какъ могла дать возможность получать товаръ, по возможности, изъ первыхъ рукъ и избавиться отъ переплатъ мѣстнымъ торговцамъ. Для веденія торговли избирался грамотный человѣкъ, который долженъ былъ отдавать отчетъ совѣту старшинъ. Товаръ рѣшено было отпускать артельщикамъ по той цѣнѣ, по какой будетъ пріобрѣтаться, съ надбавкою расходовъ по доставкѣ и продажѣ и на покрытіе усышки и утечки. Если же отъ этой надбавки оставалась бы чистая прибыль, то она „всецѣло" предназначалась на развитіе школьнаго дѣла, покупку учебныхъ пособій, книгъ и т. д. Караулъ и вообще охраненіе общественныхъ построекъ и имущества, какъ днемъ, такъ и ночью, возлагался на всѣхъ артельщиковъ, по заранѣе установленной между ними очереди.

Предвидя, что для осуществленія всего задуманнаго не хватитъ средствъ, артель предполагала обратиться въ правительственныя или частныя учрежденія съ просьбой о кредитѣ и добавляла, что сдѣланный такимъ образомъ долгъ будетъ долгомъ всѣхъ и что въ уплатѣ его и причитающихся процентовъ всѣ артельщики отвѣчаютъ „другъ за друга круговой порукой„. Такъ какъ для окончательнаго водворенія на новомъ мѣстѣ и для устройства всѣхъ вообще артельныхъ дѣлъ требовалось еще не мало сношеній съ правительственными учрежденіями и частными лицами, то, кромѣ вышеупомянутыхъ выборныхъ лицъ, артель выбирала еще особаго попечителя, который являлся, вмѣстѣ съ тѣмъ, и предсѣдателемъ совѣта старшинъ (такимъ попечителемъ былъ выбранъ И. П. Нечволодовъ). Попечитель и и старшины на каждомъ общемъ сходѣ должны были сообщать о всѣхъ своихъ дѣйствіяхъ и ходѣ артельныхъ дѣлъ и были „обязаны, по требованію артели, отдавать подробный отчетъ во всѣхъ текущихъ дѣлахъ". Всѣ выборныя лица, не исключая и попечителя, во время исполненія обязанностей, должны были пользоваться имуществомъ и средствами артели со всѣми равномѣрно и „не требовать для себя никакихъ привиллегій". Если выборъ ихъ оказался бы неудовлетворительнымъ, то они могли быть смѣнены сходомъ до срока, на какой были выбраны. Члены артели, отлучающіеся на долгое время по артельнымъ дѣламъ, должны были получать на расходы и вознаграждать

за потерянное время, по опредѣленію совѣта старшинъ. Въ тѣхъ случаяхъ, когда было бы признано, что нѣкоторыя изъ выбранныхъ лицъ настолько постоянно заняты общественными дѣлами, что это отражается на ихъ собственныхъ дѣлахъ, то всѣ артельщики обязывались „помогать такимъ лицамъ въ уборкѣ ихъ поля и въ производствѣ другихъ ихъ работъ". Всѣ непріятности между товарищами, а также и семейныя недоразумѣнія должны были рѣшаться совѣтомъ старшинъ, а въ случаѣ неудовольствія ихъ рѣшеніемъ—передаваться на рѣшеніе общаго схода. Сознавая, „какой страшный вредъ приноситъ пьянство", артельщики рѣшили всѣми мѣрами удерживать другъ друга отъ употребленія водки, а для того, чтобы для слабѣйшихъ не было соблазна, рѣшили „никогда и ни подъ какимъ видомъ" не разрѣшать устройства на общественной землѣ кабака и вообще какого-либо другаго заведенія съ продажею крѣпкихъ напитковъ.

Что касается принятія въ артель новыхъ и выбытія изъ нея старыхъ членовъ, то въ первомъ случаѣ договоръ не ставилъ преградъ и говорилъ: „Въ нашу артель можетъ войти всякій желающій участвовать въ общемъ дѣлѣ, если будетъ согласно на это все общество и если онъ, съ своей стороны, обяжется выполнить весь этотъ договоръ". Такимъ образомъ, мы не видимъ здѣсь той непріятной замкнутости и крупныхъ вступныхъ вносовъ, какіе, какъ было указано выше, встрѣчаются въ нѣкоторыхъ другихъ артеляхъ. Хотя, разумѣется, на практикѣ то и другое впослѣдствіи могло возникнуть, какъ постановленіе схода, но дѣло въ томъ, что согласіе схода на пріемъ новыхъ членовъ есть такое краеугольное основаніе всякой общественной организаціи, что заранѣе ограничивать его какимъ бы то ни было образомъ было бы и нежелательно, и безполезно. Что же касается выхода членовъ, то здѣсь ставилось нѣкоторое, весьма, впрочемъ, незначительное ограниченіе, а именно: никто изъ членовъ артели не могъ выйти изъ ея состава раньше, чѣмъ расплатится съ долгами, причитающимися на его семью по артельной кассѣ и хозяйству; тотъ же, кто пошелъ бы въ разрѣзъ съ общими интересами и пожелалъ бы бросить общество, составившееся при переселеніи, лишался своего десятирублеваго вноса и правъ на свою долю въ артельномъ имуществѣ (машинахъ, постройкахъ и пр.). Артель имѣла право и выключить дурныхъ членовъ, которые стали бы обманывать товарищей, пьянствовать и заводить ссоры, воровать или тайно пользоваться артельнымъ имуществомъ, умышленно, ради собствен-

ныхъ выгодъ, вредить артели и вообще какъ-нибудь позорить честь своихъ товарищей. Относительно такихъ договоръ говоритъ, что на нихъ нужно смотрѣть, какъ на людей, не выполняющихъ договора, и что артель должна не только удалить ихъ изъ своей среды, но и постановить приговоръ объ удаленіи вообще изъ поселка.

Срока для настоящаго договора опредѣлено не было, но говорилось, что онъ долженъ существовать до тѣхъ поръ, пока артельщики будутъ „сознавать его пользу"; впослѣдствіи же, по указанію опыта, онъ, конечно, могъ быть и измѣненъ, и замѣненъ другимъ. Для каждой отдѣльной группы артели предполагалось выработать, совмѣстно съ попечителемъ, болѣе подробной отдѣльный договоръ. Затѣмъ артельщики говорятъ о необходимости поддерживать, какъ въ своихъ жилищахъ, такъ и въ общественныхъ зданіяхъ, строгую чистоту и порядокъ, о возможно лучшемъ, красивомъ и безопасномъ отъ огня устройствѣ поселка, для чего всѣ дома, общественныя зданія, дороги и межи предполагалось обсадить деревьями, а подлѣ церкви, школы и больницы устроить сады, и о необходимости въ безлѣсной мѣстности лѣсоразведенія, въ видахъ чего рѣшено было, чтобы каждый „ежегодно, на отведенномъ сходомъ участкѣ, сажалъ по нѣскольку десятковъ деревьевъ тѣхъ породъ, какія будутъ указаны сходомъ".

Вотъ общія основанія этой интересной артели, къ сожалѣнію, скоро разрушившейся. Артель эта интересна и внутреннею своею стороною, и внѣшнею, какъ приктическая мѣра въ трудномъ переселенческомъ дѣлѣ. Во внутреннемъ отношеніи она особенно интересна тѣмъ, что представляетъ собою примѣненіе артельнаго начала къ жизни отдѣльнаго сельскаго общества. Это, собственно говоря, артель-община. Такъ могла пойти эволюція той и другой, направляясь въ одну сторону, въ общихъ интересахъ и къ общей матерьяльной и духовной пользѣ. Общій планъ, за исключеніемъ развѣ нѣкоторыхъ деталей, составленъ былъ хорошо и широко поставленъ. Изъ первоначальнаго поселка Родины до 40 семействъ изъявили желаніе примкнуть къ новоселамъ. Не зная, какъ пойдетъ дѣло дальше, мы полагали, что и въ худшемъ случаѣ, если артель распадется, она все-таки оставитъ тотъ положительный результатъ, что помогла столькимъ людямъ переселиться и устроиться, чего они никогда такъ скоро не достигли бы, если бы переселялись въ одиночку или въ разбродъ, сходясь случайно въ пути небольшими группами изъ раз-

ныхъ мѣстъ. О лишеніяхъ, какія испытываютъ переселенцы, такъ много писалось, что говорить объ этомъ значило бы повторять уже извѣстное; о томъ, что въ Сибири много бѣдствующихъ, неприписанныхъ, неустроенныхъ и переходящихъ съ мѣста на мѣсто и въ концѣ-концовъ возвращающихся нищими опять на прежнія мѣста переселенцевъ также говорилось не мало. Въ этомъ отношеніи, повторяемъ, данная артель представляетъ хорошій, чисто практическій шагъ, который, такъ сказать, исчерпываетъ всю внутреннюю силу переселяющихся для взаимной нравственной и матерьяльной поддержки. Если переселенческій вопросъ приметъ правильное теченіе, въ смыслѣ регулярнаго ежегоднаго переселенія извѣстнаго прироста населенія, то очень возможно, что среди другихъ мѣръ окажется одною изъ наиболѣе раціональныхъ содѣйствіе возможности переселяться цѣлыми обществами, составляющимися на мѣстахъ прежняго жительства изъ крестьянъ ближайшихъ деревень одной и той же мѣстности, болѣе или менѣе знающихъ другъ друга, связанныхъ обычаями, а иногда и этнографически, и привыкшихъ къ одинаковому хозяйственному укладу. Что же касается различныхъ затрудненій и неудачъ, какія могла встрѣтить указанная нами артель, то таковыхъ, разумѣется, могло оказаться не мало. Однимъ изъ такихъ существенныхъ затрудненій былъ недостатокъ средствъ. Складочный капиталъ артели, составлявшій болѣе 5 тыс. рублей, съ 1894 г., конечно, могъ уже быть израсходованъ на артельныя нужды, а оставшіеся 620 р. были предназначены на покупку плуговъ. Въ этомъ отношеніи артель родилась не подъ счастливою звѣздою и, благодаря чисто случайному стеченію обстоятельствъ, оказалась въ крайне невыгодномъ положеніи: въ то время, какъ другимъ переселенцамъ, переселяющимся на казенныя земли, даются отъ казны безвозвратныя или заимообразныя пособія (до 100 р. на семью) и оказываются, въ отношеніи податей и повинностей, разныя льготы, переселенцы на кабинетскія земли ни на что подобное, кромѣ отпуска лѣса на постройки, какъ мы уже сказали, разсчитывать не могутъ, по той простой причинѣ, что въ кабинетскомъ хозяйствѣ нѣтъ ассигнованныхъ на это суммъ, а вопросъ о необходимости ихъ ассигнованія еще не возникалъ. Обращеніе къ другимъ вѣдомствамъ также затруднялось чисто внѣшними, формальными препятствіями. Въ то время, какъ частное землевладѣльческое хозяйство и крупная промышленность имѣютъ различные виды кредита и могутъ разсчитывать на разнаго рода

содѣйствія и поддержку, въ то время, какъ теперь открывается возможность кредита и для промышленныхъ артелей, земледѣльческая артель-община представляетъ явленіе, такъ сказать, непредвидѣнное. Правда, у артели должны были открыться и промышленныя операціи (кожевенное, канатное, сукновальное, ткацкое и др.), но такъ какъ они составляли лишь части, лишь отдѣльныя отрасли непредвидѣннаго цѣлаго и не были оформлены уставами, то тѣ вѣдомства и учрежденія, куда артель обратилась бы за кредитомъ, могли посмотрѣть на это съ чисто формальной точки зрѣнія. Такъ это и случилось: въ какія учрежденія уполномоченный артели, г. Нечволодовъ, ни обращался, онъ кредита не получилъ. Не хотѣлось вѣрить, чтобы формализмъ могъ послужить препятствіемъ такому хорошему дѣлу. Если мы содѣйствуемъ и поддерживаемъ крупную промышленность и землевладѣніе, то, разумѣется, еще большей поддержки заслуживаетъ дѣйствительная народная нужда и такое законное желаніе изъ нея выбиться и устроить жизнь по человѣчески. Г-жа Антаева какъ-то ухитрилась добыть пособіе для своихъ переселенцевъ (по 150 р. на дворъ). Если въ другихъ случаяхъ пособія переселенцамъ и артелямъ, дѣйствительно, могли выдаваться, то, при сочувствіи, и въ данномъ случаѣ могли быть выданы, тѣмъ болѣе, что рѣчь шла не о какихъ-либо безвозвратныхъ субсидіяхъ, а лишь о кредитѣ, за исправность котораго ручалось круговою порукою цѣлое селеніе и который, разумѣется, былъ бы производителенъ и далъ бы плодъ сторицею. Безъ такого же кредита (достаточнаго и съ нормальнымъ % за него) артель должна была обращаться къ частному, обыкновенно крайне затруднительному кредиту, и оказалась въ положеніи, въ которомъ борьба съ общими экономическими условіями стала гораздо затруднительнѣе. Но не въ одномъ только этомъ состояли затрудненія, встрѣченныя артелью, которыя привели и эту попытку къ неудачному концу. Объ этихъ затрудненіяхъ стоитъ разсказать болѣе подробно.

Дѣятельности И. П. Нечволодова, въ самый разгаръ ея, пришлось встрѣтиться съ однимъ очень печальнымъ явленіемъ, которое за послѣдніе годы, къ сожалѣнію, все чаще и чаще встрѣчается въ нашей жизни. Вмѣсто сочувствія и поддержки, вмѣсто дружескаго указанія на ошибки и слабыя стороны, которыя въ такомъ большомъ и сложномъ дѣлѣ, взятомъ исключительно на однѣ плечи, легко могли быть, онъ встрѣтился съ такимъ недовѣріемъ интеллигенціи, съ такими оскорбительными подозрѣніями и обвиненіями, которыя на нѣсколько лѣтъ отравили ему существованіе и омрачили самое дѣло. Онъ успѣшно миновалъ цѣлый длинный рядъ мѣстныхъ затрудненій—экономическихъ, полицейскихъ и иныхъ—и выхлопоталъ для всѣхъ своихъ переселенцевъ разрѣшеніе на переселеніе; не менѣе успѣшно онъ прошелъ и черезъ другой искусъ—недовѣріе мѣстной, сибирской администраціи—и выхлопоталъ для переселенцевъ хорошую землю; затѣмъ, очень дешево и благополучно переправилъ значительную часть переселенцевъ на новое мѣстожительство; оставалось заняться ихъ устройствомъ, въ ожиданіи остальныхъ, чѣмъ онъ и занялся, начавъ хлопоты о лѣсѣ для построекъ, о разрѣшеніи на построеніе церкви, объ устройствѣ школы, медицинскаго пункта и т. д. Но вотъ тутъ то и начались испытанія. Кое кто изъ досужей и служилой мѣстной интеллигенціи, узнавъ о попыткѣ Нечволодова устроить большую артель, отправились смотрѣть на мѣстѣ, какъ на благоустройство переселенцевъ, такъ и на артельные порядки, при чемъ, вѣроятно, расчитывали встрѣтить нѣчто въ родѣ Овеновскаго Нью-Ленарка въ періодъ его процвѣтанія. Ничего подобнаго, разумѣется, не оказалось, такъ какъ переселенцы переживали въ то время одинъ изъ самыхъ трудныхъ моментовъ: водвореніе на новыхъ мѣстахъ всегда требуетъ огромныхъ усилій, времени, труда, денегъ, а послѣднихъ у большинства было мало, а у иныхъ и совсѣмъ не было; вмѣсто деревянныхъ избъ, нѣкоторые ютились въ глинобитныхъ и въ землянкахъ; всѣ торопились съ запашкой и посѣвомъ, между тѣмъ у однихъ не было скота, у другихъ плуговъ, у третьихъ сѣмянъ. Все это можно наблюдать (и нерѣдко въ болѣе сильной степени) и въ другихъ случаяхъ. Не представляетъ чего либо необычнаго въ переселенческомъ движеніи и то, что извѣстный процентъ переселенцевъ, придя на новыя мѣста, впадаетъ въ разочарованіе и начинаетъ искать чего либо лучшаго или выбивается изъ силъ и начинаетъ стремиться какъ нибудь иначе устроить свою жизнь; извѣстный процентъ, послѣ ряда неудачъ и скитаній, возвращается, какъ извѣстно, даже назадъ, „въ Россію“, на прежнее, брошенное свое пепелище, гдѣ все распродано или пришло въ крайній упадокъ и откуда люди ушли не отъ хорошей, а отъ трудной жизни. Играютъ въ числѣ причинъ подобныхъ перемѣщеній и скитаній извѣстную роль и личные мотивы: обида, самолюбіе, неуживчивый характеръ, ссора съ старожилами или между собою, съ цѣлымъ міромъ или съ кѣмъ либо въ отдѣльности, какой либо дурной поступокъ и т. п.

Все это, говоримъ мы, вещи обычныя и давно извѣстныя всѣмъ, близко интересовавшимся переселенческимъ дѣломъ; все это тѣмъ болѣе могло повториться и въ Родинѣ, среди такой большой группы людей, сошедшихся для общаго дѣла, хотя и изъ одной мѣстности, но изъ разныхъ деревень и уѣздовъ двухъ губерній; но въ данномъ случаѣ ничего подобнаго не допускалось: поселокъ Родина сразу долженъ былъ дать образчикъ благоустройства и благосостоянія. Маленькая группа въ два съ половиною десятка домохозяевъ, пытавшаяся сплотиться въ артель и обзавестись общимъ хозяйствомъ, конечно, строгихъ судей не удовлетворяла, и они не могли допустить, что съ теченіемъ времени къ ней могутъ присоединяться другіе односеленцы, или, что по образцу ея устроятся другія артели; наоборотъ, отпадавшія, по разнымъ причинамъ, отъ общаго дѣла отдѣльныя лица обобщались въ цѣлыя группы и становились мѣриломъ всего дѣла, не вникая при этомъ въ мотивы ихъ недовольства и отпаденія. Ихъ слушали, ихъ разспрашивали не только о настоящемъ положеніи вещей, но даже о прошломъ поведеніи Нечволодова. Слова ихъ записывались и служили предметомъ докладовъ въ ученыхъ сибирскихъ обществахъ (въ „Общ. любителей изслѣдованія Алтая“ и въ „Западносибирскомъ отдѣлѣ Геогр. Общ.“), откуда съ комментаріями докладчиковъ и дополненіями корреспондентовъ попадали въ газеты. Затѣмъ началось настоящее дознаніе, настоящее предварительное слѣдствіе съ „опросомъ“ или, вѣрнѣе, допросомъ пострадавшихъ переселенцевъ, свидѣтельскими показаніями, очными ставками и т. д. И все это продѣлывалось не слѣдственной властью и полиціей, а интеллигенціей. Скоро, такимъ образомъ, узнали, что никакой артели въ Родинѣ нѣтъ, что она есть не больше, какъ фикція, и что переселенцы оттуда разбѣгаются, что г. Нечволодовъ собиралъ съ нихъ по 10 р. съ семьи въ свою пользу, да еще по четвертаку „на нотаріуса“ и ходоковъ, да еще по 5 р. на плуги, которые еще не получены и относительно покупки которыхъ ничего неизвѣстно, что онъ есть настоящій обманщикъ, каждый шагъ и каждое слово котораго нужно провѣрять, и аферистъ, ловко эксплоатирующій переселенческую нужду, что подобные господа уже являлись въ Сибири и пошли въ тюрьму и т. д. и т. д. Началось все это слѣдующимъ образомъ: „Общ. Люб. изслѣд. Алтая“, посвящающее „значительную часть своей дѣятельности переселенческому вопросу“ *), получило въ февралѣ

*) „На ряду съ изученіемъ положенія переселенцевъ на Алтаѣ, говоритъ „Ст.

1896 г. „отъ извѣстнаго сибирскаго дѣятеля, В. Т. Зимина, предложеніе взять на себя посредничество по передачѣ, чрезъ В. Н. Богословскаго, ссуды въ 1000 р. поселившейся осенью въ 1895 г. на заселкѣ „Родина“ партіи полтавскихъ переселенцевъ, приведенной г. И. Нечволодовымъ. По свѣдѣніямъ Зимина, нечволодовскіе переселенцы составляютъ одну большую „артель изъ нѣсколькихъ сотъ семей“. „Не имѣя возможности помочь всей артели, г. Зиминъ предлагалъ ссуду на 5 лѣтъ изъ 5% годовыхъ десяти наиболѣе нуждающимся семьямъ съ тѣмъ условіемъ, чтобы онѣ обѣщались вести общее артельное хозяйство“.

Болѣе подробно этотъ начальный эпизодъ былъ разсказанъ потомъ, въ томъ же „Ст. Краѣ“, г. С. Швецовымъ *) слѣдующимъ образомъ: „Зимою въ Петербургѣ къ члену Общ. Люб. изслѣд. Алтая В. Т. Зимину явился г. Ив. Нечволодовъ и просилъ оказать матерьяльную помощь организованной имъ на Алтаѣ земледѣльческой артели, многіе изъ членовъ которой находились въ особенно тяжелыхъ условіяхъ. Г. Зиминъ предложилъ десяти наиболѣе нуждающимся семьямъ тысячу рублей въ долгосрочную ссуду на извѣстныхъ условіяхъ, и между нимъ и г. Нечволодовымъ состоялось въ этомъ смыслѣ предварительное соглашеніе. Когда же г. Зиминъ предложилъ произвести выборъ наиболѣе нуждающихся и выдачу самой ссуды черезъ Общ. любит. изслѣдов. Алтая и его члена В. Н. Богословскаго, котораго г. Зиминъ лично знаетъ, какъ человѣка, близко стоящаго къ переселенцамъ той именно мѣстности, гдѣ находится уч. Родина, и пользующагося ихъ довѣріемъ,—то г. Нечволодовъ отказался отъ ссуды, не желая допускать посторонняго посредничества“. Таковъ ли былъ, дѣйствительно, мотивъ отказа со стороны г. Нечволодова и неустрашился ли онъ еще какихъ либо условій, поставленныхъ г. Зиминымъ, сказать, разумѣется, съ такою увѣренностью, какъ говоритъ г. Швецовъ, нельзя. Условія кредита, поставленныя г. Зиминымъ для образованной имъ потомъ микроскопической артельки изъ тамбовцевъ, оказались въ высшей степени тягостными, не смотря на видимую

Край“, откуда мы это заимствуемъ, — оно не чуждается и практической помощи новоселамъ: при его содѣйствіи уже второй годъ раздается нуждающимся переселенцамъ ссуда (нынѣ 1000 р.) изъ средствъ Петерб. Общ. для вспомоществованія переселенцамъ. По порученію Общества раздачей ссудъ занимается главн. образомъ дѣйствительный членъ его Вл. Н. Богословскій, арендный чиновникъ Кулундинской степи“. (Ст. Кр. № 34, 1896 г.).

*) № 37, 1896 г., смт. статью „Г. И. Нечволодовъ и его „опроверженіе“.

льготность процента, и нецѣлесообразными, такъ что можно было испугаться и ихъ; одна регламентація артельныхъ отношеній и выговоренное имъ право вмѣшательства во внутреннія артельныя дѣла являлись такими путами, которыя крайне стѣсняли людей, а затѣмъ образованіе совершенно обособленной небольшой артели, по собственному выбору или по выбору довѣренныхъ, но столь же стороннихъ лицъ, могло поставить эту артель въ неправильное положеніе относительно остальныхъ переселенцевъ и внести на первыхъ же шагахъ расколъ въ общее дѣло. Но суть пока не въ этомъ. Не смотря на отказъ г. Нечволодова, продолжаетъ г. Швецовъ, „*тѣмъ не менѣе* В. Т. Зиминъ обратился въ общество съ просьбой войти въ переговоры съ В. Н. Богословскимъ объ организаціи изъ десяти наиболѣе нуждающихся переселенцевъ нечволодовской партіи артели, которой и предложить тысячерублевую ссуду". Съ такого же рода просьбой г. Зиминъ обратился лично и къ г. Швецову, какъ секретарю Общ. любит. изслѣдованія Алтая. Особенно характерно—это поставленное курсивомъ *тѣмъ не менѣе*. Нечволодовъ отказывается отъ предложенія, но оно, тѣмъ не менѣе, дѣлается и о немъ ведутся переговоры и съ г. Богословскимъ, и въ Общ. любителей изслѣдованія Алтая. И г. Зиминъ, и мѣстная интеллигенція, очевидно, смотрятъ на нечволодовское дѣло, какъ на дѣло общественное, что совершенно правильно, и если первый руководился, можетъ быть, больше самолюбивымъ желаніемъ примкнуть къ новому дѣлу, о которомъ будутъ говорить, и временно затратить для этого тысченку, то остальные должны были руководиться только желаніемъ помочь переселенцамъ. Что же мы видимъ? Они говорятъ не о томъ, какъ помочь людямъ, не вступаютъ по этому поводу въ переговоры съ Нечволодовымъ, а спѣшатъ производить надъ нимъ слѣдствіе. Они ѣдутъ во время его отсутствія въ Родину, собираютъ тамъ сходы и допрашиваютъ отдѣльныхъ недовольныхъ лицъ; записываютъ безъ провѣрки каждое ихъ слово, даже сплетни, въ родѣ того, что Нечволодовъ, сверхъ прочихъ поборовъ, заставлялъ еще переселенцевъ работать (совсѣмъ даромъ или платя лишь по 15 коп. въ день) въ своей прилукской экономіи, а его каждое слово провѣряютъ, снимаютъ копіи съ его писемъ, болѣе чѣмъ прозрачно намекая на его недобросовѣстность; печатаютъ корреспонденціи о томъ, гдѣ онъ былъ и что говорилъ, при чемъ вкладываютъ ему въ уста какія то крайне циничныя или совсѣмъ глупыя рѣчи. Словомъ, вы видите настоящую травлю

и присутствуете при торжествѣ поимки какого то злодѣя. Предложеніе Зимина отклоняется, главнымъ образомъ, на томъ основаніи, что нечволодовскіе переселенцы будто бы почти всѣ разбрелись, при чемъ въ Родинѣ остались только семьи, „наименѣе нуждающіяся" въ ссудѣ, тогда какъ изъ дальнѣйшаго изложенія видно, что они только разошлись на зиму по другимъ заселкамъ той же Покровской волости и что въ другія мѣста ушло лишь незначительное число семей. За докладомъ въ Общ. любит. изслѣдов. Алтая слѣдуетъ докладъ въ Зап. сиб. отд. геогр. общ.; за однимъ сообщеніемъ въ „Ст. Краѣ" слѣдуетъ другое, еще болѣе компрометирующее, за одной корреспонденціей другая, еще болѣе хлесткая; все это перепечатывается другими газетами и сопровождается фельетоннымъ зубоскальствомъ. На все это Г-нъ Нечволодовъ пишетъ крайне неумѣлое опроверженіе, которое служитъ лишь поводомъ для гораздо болѣе умѣлаго возраженія, въ которомъ по его адресу говорятся новыя оскорбленія. Кое что сглаживается, поправляется и искусно берется назадъ, но отъ этого падающая на него тѣнь не только не слабѣетъ, а становится лишь еще гуще. Вотъ эти интересные документы, документы въ высшей степени характерные для нашего времени.

Когда заявленіе г. Зимина поступило въ Обществ. люб. изсл. Алтая, г. Богословскій былъ въ отъѣздѣ, поэтому заявленіе это было ему послано, а полученный на него отвѣтъ былъ прочитанъ въ засѣданіи Совѣта общества, въ мартѣ.

„По собраннымъ г. Богословскимъ свѣдѣніямъ, изъ 216, выведенныхъ г. Нечеволодовымъ изъ Полтавской губ., семей только 50 осталось на з. „Родина", 113 разселились въ 9-ти другихъ заселкахъ той же Покр. вол., а 53 семьи разбрелись неизвѣстно куда. Г. Зиминъ предлагаетъ выдать ссуду водворившимся въ Родиной, но тамъ остались семьи, наименѣе нуждающіяся въ ней; кромѣ того, самыя условія ссуды опредѣлены г. Зиминымъ въ слишкомъ общей формѣ. Поэтому, г. Богословскій предлагалъ снестись предварительно съ г. Зиминымъ о болѣе подробномъ выясненіи типа артели и правилъ пользованія ссудой.

Въ дополненіе къ этому сообщенію, С. П. Швецовъ познакомилъ Совѣтъ общества съ доставленными ему г. Богословскимъ свѣдѣніями о той же Нечволодовской „артели". 12 домохозяевъ изъ этой партіи, опрошенные г. Богословскимъ, разсказывали, что передъ выходомъ изъ Полтавской

губ. они 2 раза подписывали у нотаріуса какія-то бумаги, содержаніе которыхъ неизвѣстно, а объ артели ничего не слыхали. За хлопоты по перечисленію они уплатили Нечволодову по 10 р. съ семьи, да кромѣ того отработали, осенью 1894 г., по 2 дня въ экономіи гг. Нечволодовыхъ (Прилуцкій уѣздъ), за что нѣкоторые получи по 15 коп. въ день, а другимъ совсѣмъ не заплатили. На работу г. Нечволодовъ потребовалъ по 2 человѣка отъ каждой переселенческой семьи (всего по 4 поденщины). За это Нечволодовъ съѣздилъ съ 2-мя ходоками на Алтай, осмотрѣлъ указанный ему земельной частью главнаго управленія заселокъ Родину и предъявилъ довѣренность отъ переселенцевъ, просилъ земельную часть записать ихъ на этотъ заселокъ. Главное управленіе, обычнымъ порядкомъ, снеслось съ Полтавскимъ губернаторомъ о разрѣшеніи довѣрителямъ Нечволодова переселиться, и они были выпущены. Ходокамъ переселенцы заплатили особо по 25 к. съ семьи; нотаріусу тоже былъ отдѣльный сборъ, по 24 к. Передъ выѣздомъ изъ Полтавской губерніи, Нечволодовъ предложилъ купить въ кредитъ саковскіе плуги и получилъ для этого по 5 руб. съ семьи, въ задатокъ. Это единственныя деньги, которыя переселенцы считаютъ за Нечволодовымъ: по 10 р. платили не въ артельную кассу, а ему лично. Плуги еще не получены. Говорилъ Нечволодовъ и о другихъ земледѣльческихъ орудіяхъ и получилъ довѣренность хлопотать о ссудѣ на ихъ пріобрѣтеніе. Въ настоящее время часть партіи разошлась съ Родины временно, на зиму, а большинство совсѣмъ перечислилось въ другіе заселки. При отправкѣ съ мѣста, Нечволодовъ обѣщалъ догнать партію въ Омскѣ и провести до заселка. Добравшись до Омска, партія ждала Нечволодова 13 сутокъ и проѣла около 5000 руб., но, не дождавшись, должна была разыскивать Родину сама. Многіе издержали въ Омскѣ послѣдніе гроши. Нечволодовъ пріѣхалъ уже поздно осенью, привезъ разрѣшеніе строить церковь, но денегъ на нее нѣтъ. Когда переселенецъ Багрій заявилъ ему, что переходитъ на жительство въ с. Боровой-Форпостъ, Нечволодовъ потребовалъ съ него за перечисленіе 15 р., но узнавъ, что документы уже отправлены для перечисленія безплатно мѣстнымъ арендным чиновникомъ, на уплатѣ болѣе не настаивалъ. Вообще, всѣ собранныя г. Богословскимъ свѣдѣнія показываютъ, что невчолодовская артель въ сущности фиктивна, существуетъ лишь на бумагѣ.

На основаніи этихъ сообщеній, Совѣтъ постановилъ извѣстить В. Т. Зимина, что артель фактически не существуетъ, водворившіеся на Родинѣ полтавцы—наиболѣе обезпеченные изъ всей партіи, остальные нечволодовцы крайне нуждаются въ помощи, не смотря на то, что нѣкоторымъ изъ нихъ была уже оказана г. Богословскимъ матеріальная поддержка изъ суммъ С.-Петерб. перес. общества. Многіе изъ этихъ переселенцевъ совершенно нищіе, многіе страдаютъ цынгой, куриной слѣпотой и друг. болѣзнями, вызываемыми плохимъ питаньемъ и дурной обстановкой жизни. Вообще положеніе этихъ переселенцевъ одно изъ самыхъ тяжелыхъ".

Нельзя не пожалѣть, что, говоря это, ни докладчики, ни газеты не сдѣлали указаній на то, что 1896 годъ былъ особенно тяжелъ для всѣхъ вообще кулундинскихъ обывателей. Въ томъ же „Ст. Краѣ" въ концѣ года, въ № 95, можно было прочитать слѣдующее:

„Безхлѣбье и безденежье—къ этому сводятся всѣ разговоры по нашимъ деревнямъ. Богатая Кулунда давно не переживала такого года... Весенняя засуха свела обычный урожай на половину, мѣстами не собрали даже и этого, а тутъ сырая осень постоянными бурями мѣшаетъ молотьбѣ, и хлѣбъ гніетъ и горитъ немолоченнымъ... И недородъ, и осень оставили бѣдноту, особенно переселенцевъ, почти безъ хлѣба; хлѣба многимъ такъ или иначе хватитъ на зиму, но сѣять будетъ нечего. У крупныхъ посѣвщиковъ и нынѣ есть избытки на продажу, да и прошлогодній не проданъ, а спроса на него никакого: 18—20 коп. за пудъ хорошей бѣлотурки красная цѣна, да и то трудно сбыть. Безденежье отразилось и на торговлѣ. Сельскія ярмарки нынче изъ рукъ вонъ плохи... Отсутствіе цѣны на хлѣбъ, казалось бы, облегчитъ неурожай для бѣдноты, которой придется прикупать хлѣбъ, но у насъ дешево только зерно, а мука вдвое дороже... Большинство деревень стоитъ на озерахъ. Водяныхъ мельницъ поставить негдѣ, за то каждая деревня окутана вѣтрянками. Лѣто было тихое, безвѣтренное, мельницы не работали, а осенью начались такія бури, что наши вѣтрянки опять не могутъ молоть. У кого лошадей много, ѣздили съ зерномъ на алейскія мельницы въ Змѣиногорскій и Бійскій округа, верстъ за 200. На мѣстѣ работали только немногія конныя мельницы, гдѣ и драли за помолъ, лошадьми помольца, по 15—20 коп. съ пуда. Не мудрено, что, при цѣнѣ въ 18 коп. за зерно, пудъ муки стоитъ 35 коп., а мѣстами доходилъ лѣтомъ до 60 и да-

же 80 коп.! Если прибавить къ этому полное отсутствіе у насъ зимнихъ заработковъ (нынѣ и въ страду жали по 1 р. 50 коп. за десятину!)—будетъ ясно, во что обойдется зима тѣмъ, у кого не хватитъ своего хлѣба. А Кулунда набита переселенцами".

Можно думать, что нечволодовскіе переселенцы не составляли исключенія и что это общее положеніе отзывалось и на нихъ. Затѣмъ не могли также остаться безъ извѣстнаго вліянія и земельные и иные платежи, съ которыми торопились мѣстные фискальные органы. Вотъ, напр., передъ нами квитанція мѣстнаго чиновника по сбору аренды Г-на Вл. Богословскаго въ полученіи съ переселенцевъ заселка Родины установленныхъ платежей за землю, а затѣмъ слѣдующія предписанія Покровскаго волостнаго правленія сельскимъ старостамъ: „20 марта 1895 г. Волостное Правленіе даетъ вамъ знать, что распоряженіемъ Томской казенной палаты отъ 2 сего марта за № (такимъ то) причислено въ общество крестьянъ заселка Родины съ 1 половины 1895 года мужскаго ревизскаго пола въ числѣ 27 душъ съ окладомъ 1 половины 1893 года въ круговое ручательство общества по платежу податей и повинностей сборами за 1893, 1894 и 1895 годы, на оборотѣ сего поименованными, и предписывается вамъ, по полученіи сего, объявить вновь причисленнымъ, а также немедленно приступить къ взысканію недоимки по 12 р. 26 к. съ каждой ревизкой души и первой половины оклада с. г. За старшину — Волостной Засѣдатель Бобровъ. Писарь Пичугинъ". За симъ слѣдовалъ перечень: за 1893 годъ оброчной подати 121 р. 50 к., въ доходъ казны 40 р. 50 к., въ межевой капиталъ 81 к. и частнаго сбора на содержаніе училищъ 2 р. 78 к., итого 165 р. 59 к.; по тѣмъ же статьямъ за 1894 г.—165 р. 31 к. и за 1895 г.—165 р. 31 к., а всего 496 р. 21 к. Арендный чиновникъ Вл. Богословскій взимаетъ съ переселенцевъ за арендуемую ими землю очень умѣренно: по 40 к. съ десятины пашни, по 40 к. съ десятины сѣнокоса, по 1 р. съ усадебной земли и по 15 к. со штуки кр. скота за выгонъ; но извѣстно, что курочка, хотя и по зернышку клюетъ, а наклевываетъ порядочно. Онъ, не въ примѣръ многимъ другимъ сибирскимъ чиновникамъ, очень гуманный человѣкъ и, по свидѣтельству того же „Ст. Края", весьма внимательно относится къ переселенцамъ: никогда на нихъ не кричитъ, „для внушенія къ себѣ почтительныхъ чувствъ"; помогаетъ имъ совѣтомъ и другими способами, напр. раздачей пособій отъ Спб. переселенческаго общества, благодаря чему пользуется „популярностью" въ тѣхъ краяхъ (№ 81, 1896 г.); но, тѣмъ не менѣе, говоря о переселенцахъ, нельзя умолчать о производимыхъ имъ сборахъ, такъ какъ сборы эти тѣсно связаны съ ихъ экономическимъ положеніемъ. И это тѣмъ болѣе, что онъ прекрасно знаетъ, какое большое значеніе имѣютъ для переселенцевъ даже небольшія суммы; такъ напр., совѣтуя г. Нечволодову возвратить десятирублевые взносы тѣмъ изъ нихъ, которые не остались въ Родинѣ, онъ говоритъ: „справедливость требуетъ, чтобы эти деньги были возвращены отказавшимся членамъ артели, какъ возвращены были деньги тѣмъ семьямъ, которыя не пошли на переселеніе. Десять рублей—это большія деньги для переселенца, при бѣдности же бывшихъ членовъ артели въ этихъ десяткахъ заключается цѣна многихъ человѣческихъ жизней. Десять рублей представляютъ стоимость посѣва двухъ десятинъ пшеницы, которыя при среднемъ урожаѣ обезпечиваютъ хлѣбомъ семью на цѣлый годъ. Десять руб.—стоимость коровы, молоко которой спасаетъ всю семью отъ цинги и сохраняетъ отъ смерти маленькихъ дѣтей" *).

Какъ ни плохо было—и въ литературномъ и въ другихъ отношеніяхъ—возраженіе г. Нечволодова, напечатанное въ № 47 „Ст. Края" (за 1896 г.), но онъ все таки въ немъ кое что сказалъ для снятія съ себя нѣкоторыхъ обвиненій. Такъ, по поводу утвержденія, со словъ 12 отпавшихъ переселенцевъ, что переселенцы передъ выходомъ изъ Полтавской губ. два раза подписывали у нотаріуса какія то бумаги, содержаніе которыхъ неизвѣстно, а объ артели будто бы даже ничего не слыхали, онъ говоритъ: „вѣроятно, г. Богословскій, опрашивая и выслушивая только 12 отпавшихъ переселенцевъ-членовъ артели, по незнанію нотаріальныхъ законовъ, вполнѣ имъ повѣрилъ... Замѣчу, что ни одинъ нотаріусъ не станетъ завѣрять, во 1, ни одной бумаги, не прочитавъ ея вслухъ завѣрителямъ, а во 2, не опросивши ихъ пунктуально, сознательно ли они относятся къ совершаемой сдѣлкѣ, а въ 3, согласны ли они между собою заключить и подписать эту сдѣлку на бумагѣ"... Если же, продолжаетъ онъ: „содержаніе подписанныхъ переселенцами бумагъ неизвѣстно г.г. Богословскому и Швецову, то почему они непоинтересовались узнать о содержніи этихъ подписанныхъ бумагъ отъ меня, такъ какъ, согласно 67 пункту артельнаго договора, всѣ эти бумаги должны храниться у меня, какъ у вы-

*) Ст. „По поводу нечволодовской артели", „Ст. Край", № 67, 1896 г.

браннаго всей артелью попечителя и уполномоченнаго этой же артели".

Затѣмъ, относительно десятирублеваго сбора, онъ сообщилъ, что не считалъ этихъ денегъ своими, а считалъ ихъ поступившими въ складочный капиталъ артели: „г.г. Богословскій и Швецовъ, говоритъ онъ, по показанію 12 переселившихся, доводятъ до свѣдѣнія Общ. люб. изслѣд. Алтая, что будто бы я бралъ за хлопоты по переселенію по 10 р. съ семьи,—поэтому считаю необходимымъ привести слѣдующій пунктъ", и приводитъ затѣмъ указанный уже нами выше пунктъ договора относительно десятирублевыхъ взносовъ и назначенія образуемаго изъ нихъ капитала, довольно неудачно названнаго „основнымъ". Капиталъ этотъ, предназначенный, главнымъ образомъ, для покрытія расходовъ по изысканію мѣстъ для переселенія, для борьбы съ различными случайностями, могущими произойти при переселеніи, для помощи тѣмъ изъ артельщиковъ, которые впадутъ въ какое либо несчастье (сильная болѣзнь или смерть кормильца семьи) и не въ состояніи будутъ сами устроиться на новомъ мѣстѣ, а также и на покрытіе расходовъ, касающихся дѣлъ всей артели, гораздо правильнѣе было бы назвать просто первоначальнымъ, складочнымъ капиталомъ, какъ мы и назвали его выше, но, по всей вѣроятности, г. Нечволодовъ смотрѣлъ на него, какъ на нѣчто, дѣйствительно, основное, постоянное и подлежащее пополненію. Наконецъ, дѣло не въ названіи. Указавъ далѣе еще на два пункта договора, 57 и 58, въ которыхъ говорится о хлопотахъ и расходахъ по артельнымъ дѣламъ и о вознагражденіи артельщиковъ, отлучающихся по общественнымъ надобностямъ, за потерянное время, онъ говоритъ: „такъ вотъ, сообразно этимъ пунктамъ, и расходовался основной капиталъ"; отчетъ же, какъ въ расходахъ, такъ и вообще въ своихъ дѣйствіяхъ, „въ силу своего нравственнаго долга, я буду отдавать только тѣмъ членамъ артели, которые будутъ жить согласно нашего договора", а никакъ не тѣмъ, которые по разнымъ причинамъ будутъ оставлять артель, и не г.г. Богословскому и Швецову. Формально, по договору, это, конечно, правильно, тѣмъ болѣе, что договоръ предусматриваетъ и случаи отпаденія артельщиковъ, вслѣдствіе исключенія за умышленный вредъ, причиняемый артели, за ссоры, пьянство, обманъ, воровство и т. п.; но, очевидно, сказана была послѣдняя фраза г. Нечволодовымъ въ раздраженіи, такъ какъ онъ тутъ же говоритъ, что въ свое время представитъ факты и данныя о дѣйствитель-

номъ положеніи дѣла, какъ Обществу любителей изслѣд. Алтая, такъ и всей читающей публикѣ, и впослѣдствіи, дѣйствительно, представилъ отчетъ о своей дѣятельности не только переселенцамъ, оставшимся въ Родинѣ, но и Спб. переселенческому обществу. Относительно отчета, онъ тутъ же привелъ 53 пунктъ договора, который гласитъ: „попечитель артели и его помощники обязаны, по требованію артели, отдавать подробный отчетъ во всѣхъ текущихъ дѣлахъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ они пользуются каждымъ общимъ сходомъ для сообщенія въ извѣстность артели о всѣхъ своихъ дѣйствіяхъ и о всѣхъ артельныхъ дѣлахъ". Если подобныя сообщенія дѣлались и артельщики вѣрили г. Нечволодову, то назойливыя приставанія постороннихъ лицъ, ничего въ сущности не дѣлающихъ для переселенцевъ, дѣйствительно, могли раздражать: эти стороннія лица требовали, вѣдь, отчета и объясненій не только въ крупныхъ вещахъ, но и въ такихъ, какъ напр., гдѣ онъ былъ и что дѣлалъ между августомъ и ноябремъ, всѣ ли расходы записывалъ и т. п. Они дѣлали разсчетъ, сколько онъ могъ получить денегъ и сколько могъ израсходовать на поѣздки, а за этимъ слѣдовало, конечно, другое исчисленіе—сколько у него таковыхъ могло остаться или пойдти на его содержаніе. Деньги при этомъ, разумѣется, назывались трудовыми, кровными и т. д.; но ни слова не говорилось, во сколько разъ больше выходило этихъ самыхъ денегъ у другихъ переселенцевъ, испытывавшихъ долгую канцелярскую волокиту. Относительно простоты и дешевизны поѣздокъ онъ поэтому говоритъ: „я ѣздилъ, во 1, не съ двумя ходоками, а съ 4-мя, во 2, главное алтайское управленіе мнѣ указало не одинъ з. Родину, но цѣлую серію свободныхъ для переселенія участковъ, въ 3, я ѣздилъ не только въ 1895 г., но и въ 1894, и нетолько осмотрѣлъ одну Родину и Барнаульскій округъ, но и много другихъ въ разныхъ округахъ". Нельзя не отмѣтить также возраженія противъ обвиненія, что, давъ обѣщаніе проводить партію переселенцевъ до Родины, онъ не сдержалъ обѣщанія, вслѣдствіе чего партія поджидала его въ Омскѣ 13 сутокъ и проѣла 5000 руб.—„Подобнаго обѣщанія, говоритъ г. Нечволодовъ, я не могъ въ силу того давать, что долженъ былъ остаться въ Россіи и кончать ихнія же дѣла. Наконецъ, я думаю, что мнѣ позволительно и захворать, почему я и не могъ быть въ Омскѣ. Дѣйствительно, нѣкоторые изъ переселенцевъ прожили въ Омскѣ 13 сутокъ, но не въ ожиданіи меня, а въ ожиданіи парохода, что можетъ подтвердить омскій переселен-

ческій чиновникъ, точно такимъ же образомъ, какъ нѣкоторые и теперь сидятъ по 3 недѣли въ ожиданіи своего багажа“. Невѣрно также, продолжаетъ онъ, и сообщеніе относительно церкви, что, пріѣхавъ въ Родину поздно осенью, я привезъ разрѣшеніе строить церковь, но денегъ на нее не привезъ: „пріѣхавъ въ заселокъ, я даже не зналъ о намѣреніи строить церковь, но по пріѣздѣ моемъ крестьяне начали жаловаться на отдаленность церкви и, постановивъ общественный приговоръ объ исходатайствованіи разрѣшенія построить церковь,—просили меня съѣздить похлопотать, для чего я и ѣздилъ въ Томскъ, а когда выхлопоталъ, то возвратился въ з. Родину. Денегъ же потому не привезъ, что на дорогѣ не нашелъ, но теперь есть уже немного и денегъ на это дѣло, а также есть деньги и на школы, къ постройкѣ которыхъ я приступлю въ этомъ году. И есть также деньги и на устройство медицинскаго пункта (въ Родинѣ)“.

До какой степени плохо защищалъ себя г. Нечволодовъ противъ сыпавшихся на него обвиненій, лучше всего можно видѣть изъ слѣдующаго: многократно ему ставился въ упрекъ особый пяти рублевый сборъ съ переселенцевъ на плуги. Говорилось такъ: „передъ выѣздомъ изъ Полтавской губ. Нечволодовъ предложилъ купить въ кредитъ сакковскіе плуги и получилъ для этого по 5 р. въ задатокъ. Это—единственныя деньги, которыя переселенцы считаютъ за Нечволодовымъ: по 10 р. платили не въ артельную кассу, а ему лично. Плуги еще не получены“. Гдѣ же плуги? спрашивали его, а читатель прикидывалъ въ умѣ,—какую сумму получилъ еще г. Нечволодовъ со всѣхъ переселенцевъ. Что же онъ на это отвѣчаетъ? „Плуги давно куплены, высланы и уже получены“; а о томъ, сколько именно плуговъ куплено и когда, кѣмъ и гдѣ они получены—ни слова. Вопросъ осложнился слѣдующимъ образомъ: „плуговъ нѣтъ“, отвѣчаетъ ему на это г. Швецовъ, разъѣхавшійся съ плугами, и вотъ что пишетъ по этому поводу въ № 58 „Ст. Края“.

„Г. Богословскому переселенцы заявили, что они давали Нечволодову по 5 руб. съ семьи въ задатокъ на пріобрѣтеніе плуговъ, но плуговъ до сихъ поръ не получали. Г. Нечволодовъ находитъ возможнымъ сказать по этому поводу: „повторяю, что и это не вѣрно. Плуги давно куплены, высланы и уже получены“... Г. Нечволодовъ писалъ это въ Кривощековѣ 29 мая 1896 года. Въ этотъ самый день я находился въ пос. Родина и производилъ опросъ; въ другихъ посел-

кахъ я былъ нѣсколькими днями ранѣе. Вездѣ я спрашивалъ о плугахъ и вездѣ слышалъ одно и тоже—плуговъ нѣтъ. Нѣкоторые передавали, какъ слухъ, что плуги куплены и высланы, но гдѣ они находятся—неизвѣстно. Довѣренный Ив. Фесикъ по этому поводу заявилъ мнѣ, что г. Нечволодовымъ куплено 18 плуговъ, которые уже и высланы, въ подтвержденіе чего и предъявилъ мнѣ два письма къ нему г. Нечволодова. Съ разрѣшенія Ив. Фесика, даннаго мнѣ имъ послѣ получасоваго обдумыванія, я снялъ съ этихъ писемъ копіи, которыя хранятся у меня. Г. Нечволодовъ дѣйствительно пишетъ, что плуги уже закуплены и будутъ имъ привезены (предполагалъ ѣхать съ новой партіей), но о числѣ плуговъ не говорилъ ни слова, и откуда Фесикъ взялъ цифру 18—я не знаю. Партія пришла въ Родину за день или два до меня, но плуговъ съ собой не привезла, о чемъ мнѣ заявилъ весь сходъ единогласно, не исключая и Фесика. Если 11 марта г. Нечволодовъ могъ писать Фесику, что плуги привезетъ съ собой, а пріѣхалъ на Алтай въ концѣ мая, то, я думаю, г. Богословскій имѣлъ право писать мнѣ въ концѣ марта, что плуговъ нѣтъ, точно также, какъ я считаю себя въ правѣ заявить сейчасъ, что 30 мая, когда писалъ письмо въ редакцію „Степ. Кр.“ г. Нечволодовъ, въ Родинѣ плуговъ не было. Г. Нечволодову нужно доказать, что я и г. Богословскій неправы, что сдѣлать очень легко, взявъ на станціи жел. дороги удостовѣреніе о времени выдачи плуговъ, а отъ возчиковъ—о времени доставки ихъ въ Родину“.

А къ этому присоединяется еще такого рода корреспонденція изъ Кулундинской степи. Сообщая, что въ заселокъ Родину пришла въ маѣ вторая партія переселенцевъ изъ артели г. Нечволодова, семей около 100, корреспондентъ говоритъ, что „доѣхала, наконецъ, до Родины“ и „партія желѣзн. плуговъ, штукъ около десятка, на покупку которыхъ г. Нечволодовъ собралъ съ переселенцевъ *изрядные* задатки“, но артельщики „отказались“ взять покупку г. Нечволодова. Возчики обратились за уплатой стоимости провоза плуговъ къ самому г. И. Нечволодову, который въ то время былъ въ заселкѣ, а тотъ заявилъ, что если переселенцы отказываются отъ уплаты, они, возчики, могутъ взять за провозъ плуги. Такъ плуги и уѣхали съ Родины, не видавши переселенческой пашни. Какъ устроится дѣло съ „задатками“, разъяснитъ, вѣроятно, самъ г. И. Нечволодовъ“ („Ст. Кр.“, № 66, 1896 г.)... Былъ ли, дѣйствительно,

такой эпизодъ—не знаемъ, но, судя по тому, что рѣчь о плугахъ вскорѣ прекратилась, можно думать, что онъ имѣлъ благопріятное теченіе, а въ слѣдующемъ, 1897 году, мы изъ того же „Ст. Края“ (№ 4), реферировавшаго докладъ г. Швецова въ З. С. Отд. Геогр. Общества, узнали, что въ выпискѣ, а слѣдовательно и во взносѣ задатковъ на плуги участвовали „не всѣ“ переселенцы, а лишь меньшинство*), добровольно желавшее обзавестись плугами, такъ что сборы задатковъ съ этою цѣлью рискованно было называть „поборами“, какъ это дѣлала газета.

Возраженіе г. Нечволодова, къ сожалѣнію, не прекратило газетной травли противъ него. Въ № 67 „Ст. Кр.“ (за 1896 г.) мы читали статью г. В. Богословскаго, въ которой онъ сообщалъ, что 1 іюля, будучи проѣздомъ въ з. Родина, онъ присутствовалъ при разговорѣ г. Нечволодова съ какимъ-то „однимъ высокопоставленнымъ лицомъ“, при чемъ „на вопросъ о 10-ти рублевыхъ платежахъ переселенцевъ, г. Нечволодовъ отвѣчалъ, что деньги эти представляютъ взносъ въ артельную кассу, что всего собрано имъ по 10 р. „приблизительно съ 435 семей“, что нѣкоторымъ переселенцамъ, отказавшимся отъ переселенія и оставшимся въ Россіи, уплоченныя ими деньги были возвращены. На вопросъ, на что расходуются эти деньги, г. Нечволодовъ указалъ двѣ статьи расхода: на покупку 20 сакковскихъ плуговъ и на поѣздку его, г. Нечволодова, изъ з. Родины на станцію Каргатъ и обратно по дѣламъ вдовы одного переселенца, умершаго въ Каргатѣ. Затѣмъ г. Нечволодовъ произнесъ мало-вразумительную фразу: „кромѣ того я жилъ 4 года и еще

*) Такъ это и оказалось въ дѣйствительности: въ отчетѣ, данномъ артели, г. Нечволодовъ объяснилъ, что 119 домохозяевами, желавшими пріобрѣсти плуги, было внесено по 5 р. и тремя по 2 р., а всого 601 р. На эти деньги куплено было въ Кіевѣ 19 плуговъ на сумму 598 р. 50 к. и одна скоропашка за 58 р., да за провозъ ихъ по жел. дор. было заплочено 95 р. 45 к. Партія переселенцевъ, съ которою они были отправлены, взять ихъ со станціи Каргатъ не могла, а наемныя подводы просили слишкомъ дорого. Пріѣхавъ въ Каргатъ, г. Нечволодовъ засталъ тамъ часть переселенцевъ. У нѣкоторыхъ было мало клади, и онъ уговорилъ ихъ доставить плуги въ Родину, сказавъ, что сходъ опредѣлитъ, сколько будетъ слѣдовать за доставку. Всѣ, разумѣется, согласились, но, къ сожалѣнію, въ Родину прибыло только 12 плуговъ и скоропашка, а съ остальными плугами вышло слѣдующее непріятное приключеніе: какіе то *доброжелатели* посовѣтовали везшимъ ихъ переселенцамъ направиться не въ Родину, а въ другіе поселки и оставить себѣ плуги въ счетъ внесенныхъ ими 10 р. на расходы по хлопотамъ о переселеніи.

надѣюсь прожить лѣтъ 10“. Фразу эту я понялъ такъ, что г. Нечволодовъ часть денегъ тратитъ на содержаніе себя, въ качествѣ уполномоченнаго артели, и что этотъ расходъ предстоитъ и въ будущемъ“. Не только послѣдняя фраза, но и все, что, по стенограммѣ г. Богословскаго, говорилъ г. Нечволодовъ, дѣйствительно, мало-вразумительно, а между тѣмъ расходъ на него предстоитъ и въ будущемъ! Консулы бдите!

Далѣе, въ № 78 той же газеты была напечатана чья-то анонимная корреспонденція изъ Барнаула, въ которой разсказывалось, что тамъ недавно былъ г. Нечволодовъ „и разсказывалъ, какъ идутъ дѣла въ Родинѣ“; но, замѣчалъ корреспондентъ, „сколько въ этомъ правды—сказать трудно, не побывавши въ Родинѣ и не провѣривъ слова г. Нечволодова“, а затѣмъ продолжалъ: „Гораздо любопытнѣе его объясненія о тѣхъ тысячахъ, которыя онъ собралъ въ 94 году съ переселенцевъ артельщиковъ. Оказывается, что почти всѣ деньги (5500 р.) пошли... на содержаніе самого г. Нечволодова“. Разъяснялъ онъ это, будто бы, такъ: „Я, говоритъ онъ, какъ человѣкъ, во-первыхъ, способный, во-вторыхъ, энергичный и, въ третьихъ, хорошій хозяинъ — въ губерніи первымъ хозяиномъ считался, могу сказать, не хвастаясь — не привыкъ (?!) получать менѣе 2000 р. въ годъ“. Брать жалованье съ артели онъ не желаетъ, „потому что служитъ артельному дѣлу, а не коммерсанту и не казнѣ“, а поэтому беретъ „только на расходы“. Расходы-же г. Нечволодовъ опредѣляетъ по 5 рублей въ сутки, или 150 руб. въ мѣсяцъ, что въ годъ составитъ 1800 р., а въ три года, которые онъ „убилъ на артель“, — 5400 руб. Такимъ образомъ, у г. Нечволодова на рукахъ должно остаться не болѣе ста рублей“...

По поводу такого „объясненія“ корреспондентъ, во 1-хъ, сомнѣвается въ числѣ лѣтъ *убитыхъ* на артель и говоритъ, что въ это число нельзя включать года, проведеннаго г. Нечволодовымъ въ Барнаулѣ, такъ какъ въ этомъ городѣ „слишкомъ многимъ въ подробностяхъ извѣстно, какія условія привели“ его туда и при какихъ онъ „прожилъ“ тамъ годъ (?), а во 2-хъ дѣлаетъ разсчетъ, что если онъ съ 800 семей бралъ по 10 р., то получилъ не 5500, а около 8 т. рублей.

Перепечатавъ эту корреспонденцію, другая газета („Сиб. Вѣстн.“, № 248), въ лицѣ г. Н. Гурьева, добавляла: не слишкомъ-ли это „жирно“ — „издержать на себя 8000 р. въ два года, ничего не сдѣлавъ для артели?“ Дальше шло такое заключеніе: „Вотъ какіе бываютъ „радѣтели“ о безъисходномъ переселенческомъ

горѣ. Имъ не жгутъ рукъ эти трудовыя, потомъ и кровью заработанныя десятирублевки, у нихъ хватаетъ даже совѣсти считать за должное, чтобы эти трудовыя деньги шли на ублаготвореніе ихъ собственной персоны"... Нельзя не отмѣтить также и слѣдующаго обобщенія г. Гурьева:

„Усиленное переселенческое движеніе въ Сибирь, и въ частности на Алтай, печальное положеніе тамъ переселенцевъ, пришедшихъ въ далекую, неизвѣстную страну, тѣ безчисленные обманы и притѣсненія, которымъ они подвергаются на новомъ мѣстѣ со стороны старожиловъ, не могли не обратить на себя вниманіе общества; нашлись добрые люди, которые всей душей отдались дѣлу помощи бѣдствующему переселенцу и тратили на это благое дѣло много силъ и средствъ. Имена Зимина (?) и Антаевой хорошо извѣстны каждому, интересующемуся переселенческимъ вопросомъ. Но, къ несчастію, подъ видомъ людей, желающихъ принести посильную пользу переселенцу, появились и волки въ овечьей шкурѣ, подъ видомъ пользы переселенцу прекрасно обдѣлывавшіе свои личныя дѣлишки. Къ числу такихъ „волковъ въ овечьей шкурѣ", по всей справедливости, слѣдуетъ причислить и г. Нечволодова"...

Не дурны были также обобщенія и „Ст. Края", въ особенности въ одной изъ передовицъ (№ 7, 1897 г.), „По поводу доклада г. С. П. Швецова" въ З. С. отд. Геогр. Общ., гдѣ г. Нечволодовъ прямо ставился за одну скобку съ мошенниками: „Исторія артели г. Нечволодова, говоритъ газета, лишній разъ подтверждаетъ, какъ легко на почвѣ народнаго невѣжества, безправія, беззащитности ловкому человѣку осуществить поговорку Щедрина: „съ голыхъ по ниткѣ — проворному рубашка". И эти проворные не дремлютъ: въ томъ же докладѣ г. Швецова указывалось, что въ Барнаулѣ существовалъ цѣлый „переселенческій комитетъ" изъ выгнанныхъ со службы чиновниковъ, занимавшихся самымъ наглымъ обираніемъ крестьянъ, желавшихъ переселиться; теперь часть этого комитета получила должную оцѣнку своей дѣятельности и сидитъ въ тюрьмѣ, часть же дѣйствуетъ и понынѣ".

Нельзя не упомянуть еще объ отвѣтной, на возраженіе г. Нечволодова, и, въ противоположность послѣднему, очень искусно и литературно-написанной статьѣ г. С. Швецова: „Г-нъ И. Нечволодовъ и его опроверженіе", напечатанной въ № 57 и 58 „Ст. Края" за 1896 г. Статья эта, при большей обстоятельности, чѣмъ прежде попадавшія въ печать свѣдѣнія, не столько, впрочемъ, интересна какими-либо новыми данными, сколько слѣдственно-полемическимъ характеромъ. На всемъ большомъ протяженіи этой статьи авторъ занимается главнымъ образомъ тѣмъ, что все ловитъ и изобличаетъ г. Нечволодова въ разныхъ дурныхъ дѣйствіяхъ и поступкахъ, что производитъ крайне тяжелое впечатлѣніе, тѣмъ болѣе, что новыхъ „криминаловъ" не только не прибавляется, но и нѣкоторые изъ старыхъ блѣднѣютъ и какъ-то смягчаются, а нѣкоторые и совсѣмъ отпадаютъ. Нужно замѣтить, что достовѣрность всего сообщаемаго въ этой статьѣ обставлена слѣдующимъ образомъ: „въ маѣ мѣсяцѣ, говоритъ авторъ, я былъ командированъ въ Кулундинскую степь и въ частности въ переселенческій зас. Родину со спеціальной цѣлью произвести изслѣдованіе положенія „земледѣльческой артели, организованной Нечволодовымъ", и объѣзжалъ поселки не одинъ, а въ сопровожденіи двухъ спутниковъ, присутствовавшихъ при всѣхъ моихъ разговорахъ съ переселенцами; одинъ изъ этихъ спутниковъ человѣкъ интеллигентный, способный отнестись вполнѣ сознательно ко всему, что онъ слышалъ объ артели. Кромѣ того, при всѣхъ разговорахъ съ переселенцами, всегда присутствовалъ сельскій староста или его кандидатъ. Такимъ образомъ, за каждый сообщенный здѣсь фактъ я могу ручаться, опираясь на свидѣтельскія показанія или оффиціальные документы".

Это было очень хорошо, и поэтому-то и имѣетъ особое значеніе, что „вполнѣ точный и не могущій возбуждать никакихъ сомнѣній въ своей достовѣрности" матерьялъ, сообщенный г. Богословскимъ лично г. Швецову для докладовъ въ „Общ. люб. изслѣд. Алтая", пришлось подвергнуть нѣкоторой корректурѣ: число разбѣжавшихся изъ Родины семей нѣсколько уменьшить, а оставшихся увеличить. Послѣднихъ вмѣсто 50 оказалось 64, а неизвѣстно гдѣ находящихся, т. е. ушедшихъ за предѣлы волости, а можетъ быть даже и округа, только 30 вмѣсто 53. Остальные же, главнымъ образомъ, разбрелись только по ближайшимъ селеніямъ и заселкамъ, что впослѣдствіи, помимо внутреннихъ причинъ, получило еще и другое объясненіе — въ видѣ недостатка проточной воды, отдаленности лѣса для постройки и нѣкоторыхъ другихъ неудобствъ. Не могъ не оказать и оказалъ, конечно, извѣстное давленіе въ томъ же направленіи и неурожайный годъ, а главнымъ образомъ количество вновь пришедшихъ и продолжавшихъ прибывать переселенцевъ, которымъ надо было гдѣ нибудь временно пріютиться. Какъ росло и временно увеличивалось населеніе зас. Родины можно видѣть изъ слѣдующаго:

прежде, до прихода нечволодовцевъ, тамъ было 68 дворовъ; затѣмъ, секретарь Спб. переселенческаго общества, бывшій въ Родинѣ въ іюнѣ 1896 г. для открытія медиц. пункта, говоритъ, что за 1895 г. и первую половину 1896 г. вновь прибыло 184 семьи, а по позднѣйшимъ, относящимся къ ноябрю, свѣдѣніямъ фельдшерицы Бубновой, до 350 семей. Общее населеніе Родины они исчисляли свыше 400 семей. Это — цѣлый городъ, да и города у насъ есть меньше. Нужно только представить себѣ въ степи подобную скученность населенія, которому нужна и крыша, и хлѣбъ, и стирка бѣлья и т. д.

Приводя цифры оставшихся и разошедшихся по другимъ селеніямъ переселенцевъ и выразивъ все это въ статистическихъ процентахъ, г. Швецовъ говоритъ: „вотъ факты, которые доказываютъ, что артель фактически распалась“.

Относительно того, что переселенцы, будто бы, не знали, какія они бумаги подписывали у нотаріуса и ничего не слыхали объ артели, читаемъ слѣдующее:

„Да, переселенцы это говорили г. Богословскому, нѣкоторые изъ нихъ тоже говорили и мнѣ въ разныхъ селеніяхъ, и я не имѣю основаній въ этомъ случаѣ всѣмъ имъ не довѣрять: весьма вѣроятно, что многіе переселенцы совершенно не понимали смысла тѣхъ „бумагъ“, которыя они подписывали. Въ такой значительной массѣ малоразвитыхъ людей, какая была объединена г. Нечволодовымъ договоромъ, было бы напрасно ждать яснаго и сознательнаго отношенія къ дѣлу отъ каждаго. Но переселенцы говорили г. Богословскому и мнѣ не только это, но и то, что когда подписывали договоръ, то нѣкоторые изъ нихъ были въ отсутствіи и за нихъ расписывались другіе, а г. Нечволодовъ впослѣдствіи взыскалъ съ нихъ „на нотаріуса“ по 25 коп. съ домохозяина. Правду-ли говорили въ этомъ случаѣ переселенцы или лгали — этого я сказать не могу, и думаю, что этотъ, какъ и слѣдующій вопросъ, могъ бы быть выясненъ только судебнымъ слѣдствіемъ. А слѣдующій вопросъ состоитъ въ томъ, читался-ли артельный договоръ всѣмъ прилукскимъ членамъ артели передъ подписью или только нѣкоторымъ, или даже м. б. и совсѣмъ не читался. Дѣло въ томъ, что на сходѣ въ пос. Родина нѣсколько человѣкъ утверждали, что имъ договоръ читанъ не былъ. На мое заявленіе, что это невозможная вещь, что они лгутъ и клевещутъ, переселенцы продолжали настаивать. Остальные въ это время молчали, и я не слышалъ ни одного протеста противъ высказываемыхъ обвиненій. Когда я обратился къ Ив. Фесику, довѣренному артели и ближайшему сотруднику г. Ив. Нечволодова за разъясненіями, то тотъ промолчалъ. На повторенное же требованіе онъ отвѣчалъ уклончиво: „какой же чиновникъ дастъ подписывать бумагу, не прочитавъ ее“, а затѣмъ перешелъ къ подробному разсказу, какъ читалъ договоръ, спрашивалъ согласія и проч. черниговскій нотаріусъ, послѣ разъясненій котораго человѣкъ тридцать отказались отъ подписи“.

Вы, можетъ быть, думаете, что авторъ удовлетворится этимъ; нѣтъ, онъ говоритъ:

„Вообще вопросъ о подписи договора прилукскими переселенцами для меня одинъ изъ самыхъ невыясненныхъ во всей этой печальной исторіи, и я рѣшительно затруднился бы сказать что-либо по этому поводу. Но слѣдующее я считаю себя обязаннымъ отмѣтить: ни одинъ изъ 169 домохозяевъ, опрошенныхъ мною въ шести различныхъ пунктахъ, не сказалъ мнѣ, чтобы онъ не зналъ и не слыхалъ ничего объ артели. Напротивъ, всѣ единогласно говорятъ, что они на артель соглашались. Разница въ показаніяхъ по этому пункту касается, во 1-хъ, времени, когда они услыхали отъ г. Нечволодова объ артельной организаціи, на которую изъявили впослѣдствіи согласіе, а во 2-хъ самаго пониманія артели, договоръ которой хранится у г. Нечволодова. Но это собственно уже не относится къ предмету настоящей замѣтки и будетъ мною подробно выяснено въ другомъ мѣстѣ и въ другое время. Здѣсь важно лишь установить одно: что переселенцы несомнѣнно лгали, когда говорили г. Богословскому, что ничего не слыхали объ артели“.

А установивъ это, весьма легко уже догадаться относительно причины такого лганья: „причина этого лганья—боязнь за будущее, боязнь, чтобы не пришлось расплачиваться впослѣдствіи за ссуду, о которой для артели хлопочетъ г. Нечволодовъ“ (?).

Дальше читаемъ: „переселенцы не совсѣмъ (также) говорили правду г. Богословскому, что они ждали г. Нечволодова въ Омскѣ и потому жили тамъ 13 дней“; а все же таки и онъ виноватъ, если не въ томъ, что они проѣли нѣсколько тысячъ, то въ другомъ:

„Жили они въ ожиданіи парохода, но въ то же время ждали и г. Нечволодова, который обѣщалъ догнать ихъ въ Омскѣ— это говорятъ всѣ переселенцы. Почему г. Нечволодовъ не сдержалъ своего обѣщанія, воспользовался-ли онъ въ это время своимъ правомъ „захворать“ и проч. — я не знаю. Фактъ

тотъ, что онъ обѣщанія не исполнилъ, а это имѣло своимъ послѣдствіемъ распаденіе артели ранѣе, чѣмъ оно послѣдовало бы при иныхъ условіяхъ, какъ это я покажу въ другомъ мѣстѣ".

Вотъ какія послѣдствія изъ этого проистекли! Искали мы разъясненія въ другомъ мѣстѣ, но не нашли.

„Переселенцы объясняли отсутствіе г. Нечволодова тѣмъ, что онъ въ это время былъ занятъ организацiей черниговцевъ, самъ же г. Нечволодовъ объяснялъ, „что онъ долженъ былъ остаться въ Россіи и кончать ихнія же (артельщиковъ) дѣла"... Любопытно бы знать, какія „ихнія дѣла" кончалъ г. Нечволодовъ между августомъ, когда отправились въ путь переселенцы, и ноябремъ, когда пріѣхалъ г. Нечволодовъ въ Родину?" Оказывается, что „совершенно правъ" былъ г. Нечволодовъ и въ томъ случаѣ, когда говорилъ, что ѣздилъ въ Томскъ за разрѣшеніемъ на постройку церкви уже изъ Родины, куда снова возвратился; „но вѣдь интересно не это, говоритъ авторъ, а то, что сдѣлалъ *для артели* г. Нечволодовъ въ этотъ свой зимній пріѣздъ, стоившій не мало денегъ, помимо исхлопотанія указаннаго разрѣшенія о постройкѣ храма", которое „всегда могло быть получено и самими переселенцами, были бы только средства на постройку", а „ихъ то и нѣтъ", тогда какъ „ихъ то и ждали переселенцы отъ г. Нечволодова".

Послѣдовало также смягченіе и относительно обязательной поденщины въ имѣніи г. Нечволодова, которую онъ совершенно отрицаетъ: изъ четырехдневной она превратилась въ двухдневную и поденная плата нѣсколько возросла (съ 15 до 20 к.), а тѣ, что ничего не получили, оказалось, не получили разсчета потому, что сами „не ходили за нимъ". Вымогательство 15 р. съ Багрія также не подтвердилось свидѣтельскими показаніями. Спрошенный по этому поводу Фесикъ показалъ, что „ничего подобнаго не было". „Очень вѣроятно, говоритъ по этому поводу авторъ, что Фесикъ правъ и что это лишь злостная выдумка самого Багрія, вѣроятно потому, что многіе изъ переселенцевъ озлоблены на г. Нечволодова". Послѣднее представляетъ, конечно, лишь догадку. Недовольные и озлобленные, разумѣется, могутъ быть, но едва ли ихъ ужъ такъ много. Мы, напротивъ, удивляемся сохраненію въ массѣ крестьянъ къ нему того довѣрія и расположенія, какія проявлялись въ цѣломъ рядѣ фактовъ, не смотря на всю мерзость, какая противъ него говорилась. Это есть лучшее доказательство, что онъ не „врагъ народа", какъ его величали нѣкоторые, а человѣкъ, который, такъ или иначе, сослужилъ ему дѣйствительную службу и съумѣлъ внушить къ себѣ довѣріе. Мужика, не смотря на всю его „малоразвитость", какъ стараго воробья, на словесной мякинѣ не обманешь и жалкими словами да устройствомъ елочекъ „для бѣдныхъ переселенческихъ дѣтокъ" не прельстишь. Идемъ, однако, дальше.

„Однимъ изъ главныхъ пунктовъ программы", по которой г. Швецовъ производилъ „опросы", былъ вопросъ о денежныхъ сборахъ съ переселенцевъ. Г. Нечволодовъ „рѣшается печатно утверждать", говоритъ онъ, что десятирублевые взносы онъ „до сихъ поръ считалъ поступившими въ основной капиталъ артели", между тѣмъ изъ 169 домохозяевъ, которыхъ г. Швецовъ „особенно внимательно опрашивалъ" по этому поводу, „напротивъ, всѣ единогласно утверждали, что взносы дѣлались въ личную пользу г. Нечволодова, что на нихъ слѣдуетъ смотрѣть, какъ на плату г. Нечволодову за его хлопоты по разрѣшенію переселиться въ Томскую губернію. Никакихъ правъ на эти деньги за собой переселенцы не признаютъ. Повторяю, это мнѣ было заявляемо во всѣхъ, гдѣ я былъ, переселенческихъ поселкахъ рѣшительно всѣми переселенцами—бывшими артельщиками. Я думаю, что нѣтъ основаній не вѣрить показаніямъ этихъ 169 домохозяевъ, такъ единодушно отказывающихся отъ нѣсколькихъ тысячъ рублей".

Въ одномъ только поселкѣ Каибъ автору пришлось „услышать, что передъ отправкой партіи г. Нечволодовъ говорилъ нѣсколькимъ изъ членовъ артели, что если у него останутся отъ расходовъ по хлопотамъ деньги (при этомъ указывались и самые расходы), то онъ сдастъ ихъ артели обратно", но въ другихъ поселкахъ этого не говорили, изъ чего авторъ заключаетъ, что, вѣроятно, подобный разговоръ съ нѣсколькими изъ артельщиковъ былъ, но „ничего обязательнаго въ немъ ни для г. Нечволодова, ни для артели" не могло быть.

Въ виду такого непредвидѣнно-единодушнаго отказа крестьянъ отъ десятирублевыхъ взносовъ, г. Швецовъ съ особою энергіей сосредоточился на дополнительныхъ сборахъ по 25 и по 21 коп. съ семьи на нотаріуса и по 25 к. на ходоковъ. „Разъ въ распоряженіи артели, а черезъ нея и г. Нечволодова, — говоритъ онъ, — была такая крупная сумма—6—8—тысячъ основнаго капитала, — то не было никакой надобности въ дополнительныхъ сборахъ, которые являются тѣмъ болѣе странными и — да проститъ мнѣ г. Нечволодовъ — преступными, что большинство чле-

новъ артели принадлежитъ къ числу бѣдняковъ, для которыхъ каждый грошъ дорогъ" *).

Не будемъ останавливаться на дальнѣйшихъ подробностяхъ разсматриваемой статьи: на всѣхъ ея прямыхъ и косвенныхъ уликахъ, на разсчетѣ, что поѣздки г. Нечволодова въ Сибирь съ 4 ходоками могли стоить лишь 1000 руб., что десятирублевые взносы дѣлались въ его личную пользу, а если онъ это отрицаетъ и смотритъ на нихъ, какъ на суммы общественныя, то таковыя должны храниться въ одномъ изъ указанныхъ въ договорѣ учрежденій, а поступленіе и расходованіе ихъ должно было своевременно записываться въ книги (прошнурованныя, пронумерованныя и „засвидѣтельствованныя", добавляетъ авторъ отъ себя) и т. д. Все это, короче говоря, очень просто: „ну-ка, молъ, покажи денежки то, или укажи, гдѣ они хранятся?!" Это ужъ разговоръ совсѣмъ особый.

Остановимся еще на статьѣ г. Адріана Астрахова, напечатанной письмомъ въ редакцію въ № 94 того же „Ст. Края" за 1896 годъ. Г. Астраховъ былъ въ Родинѣ и описываетъ видѣнную имъ тамъ артель. Читатель можетъ, чего добраго, удивиться: г. Швецовъ, „будучи въ Родинѣ и другихъ поселкахъ, гдѣ живутъ бывшіе артельщики", „самымъ тщательнымъ образомъ искалъ хоть какихъ нибудь, хотя бы косвенныхъ, доказательствъ существованія артели—и не нашелъ ихъ", а тутъ вдругъ артель?! Спѣшу выяснить это недоумѣніе: г. Швецовъ былъ въ Родинѣ въ маѣ, а артель образовалась въ іюлѣ. И любопытно, что образовалась она не изъ одной переселенческой партіи и не изъ жителей одного только селенія: „въ нее вошло 9 семей изъ партіи 1896 года и 14 семей уже прозимовавшихъ на Алтаѣ: 6 семей въ пос. Родинѣ, 3—въ Лебяжьей, 3—въ Ярославцевомъ Логу и по одной въ Хорошавкѣ и Волчихѣ". Съ первымъ артельщикомъ г. Астраховъ „познакомился на построй-

---

*) Что касается сбора на ходоковъ, то, судя по отчету г. Нечволодова, онъ носилъ характеръ не сбора, а добровольной складчины въ ихъ пользу и по ихъ просьбѣ, при чемъ не на эту ничтожную сумму они, конечно, ѣздили; а относительно нотаріальнаго сбора можно повѣрить г. Нечволодову на слово, что у него были для этогоизвѣстныя не *преступныя* основанія. И въ Полтавской губ. его подозрѣвали въ эксплоатаціи крестьянъ и преступныхъ намѣреніяхъ (до политическихъвключительно), только подозрѣвали не интеллигенція и ученыя общества, а полиція, земскіе начальники, помѣщики, купцы и богатые крестьяне, которымъ почему либо было непріятно затѣянное имъ дѣло. Производились по этому поводу дознанія пріѣзжали чиновникъ особыхъ порученій и, по порученію прокурора, даже судебный слѣдователь; но такой строгости не обнаруживали.

кѣ школы, которую устраиваетъ г. Нечволодовъ—это оказался Ив. Фесикъ, исполняющій въ отсутствіе „панича" (такъ называлъ онъ г. Нечволодова) обязанность нарядчика и наблюдателя по постройкѣ". Фесикъ собралъ артельщиковъ къ себѣ домой, и они разсказали г. Астрахову объ организаціи и составѣ своей артели, что онъ и изложилъ, къ сожалѣнію, настолько малообстоятельно, что мы не можемъ воспользоваться его сообщеніемъ. Укажемъ лишь, что 5 артельщиковъ имѣли деревянныя избы, 17 земляныя и 1 жилъ въ какомъ то плетневомъ сарайчикѣ. Мужчинъ въ артели состояло 67 чел., изъ которыхъ 27 было въ рабочемъ возрастѣ и 13 въ полурабочемъ, а женщинъ 66 чел. и изъ нихъ 30 въ раб. возр. и 5 въ полурабочемъ. „19 хозяйствъ имѣли 27 лошадей, 15 семей—15 коровъ", а „двѣ семьи не имѣли никакого скота—ни лошадей, ни коровъ". Кромѣ того былъ еще общій, артельный скотъ, въ видѣ 25 быковъ, 5 коровъ и 1 лошади, содержавшихся на особомъ артельномъ дворѣ. Скотъ этотъ, 4 плуга, 12 паръ яремъ и кое какой другой инвентарь были куплены на ссуду въ 900 р., сдѣланную артели Спб. переселенскимъ обществомъ. Въ какомъ положеніи находятся теперь дѣла этой артели—не знаемъ, но въ 1896 и первой половинѣ 1897 г.г., по имѣющимся у насъ свѣдѣніямъ, она жила очень бодро и дѣятельно: артельщики часто сходились на сходки, обсуждали свои дѣла и возбуждали очень интересные вопросы. Особенно занимало ихъ взаимное страхованіе и желаніе обзавестись паровой мельницей и общественной лавкой. По поводу мельницы и лавки шла дѣятельная переписка съ г. Нечволодовымъ. Артельныя постановленія, одно другаго интереснѣе, записывались въ особую книгу, а въ другой книгѣ велись записи: кто и сколько времени работалъ на артельномъ посѣвѣ, сколько было вспахано и засѣяно земли (35 дес.), общіе артельные расходы, стоимость артельнаго скота, кто и сколько взялъ артельныхъ денегъ и хлѣба и т. п. Возвращаясь на минутку къ статьѣ г. Астрахова, нельзя умолчать, что она тѣмъ еще интересна, что въ ней ясно сказалось предубѣжденіе (противъ г. Нечволодова и его дѣятельности), съ какимъ авторъ пріѣхалъ въ Родину. Онъ настолько замѣтно искалъ случая сказать что нибудь по адресу г. Нечволодова, что свалилъ на него даже необстоятельность своей статьи:

„Въ свое оправданіе, говоритъ онъ, я могу привести два обстоятельства. Во 1, артельщиковъ безъ г. Нечволодова я видѣлъ только всего одинъ разъ и все, что я говорилъ выше, узналъ отъ нихъ именно въ этотъ разъ. На слѣдующій день

пріѣхалъ г. Нечволодовъ, такъ что видѣть артельщиковъ безъ него я не имѣлъ возможности, говорить же при г. Нечволодовѣ считалъ совершенно безполезнымъ. Г-нъ же Нечволодовъ разстался со мной только тогда, когда я выѣзжалъ изъ Покровской волости, почему я не посѣтилъ рядъ другихъ поселковъ, гдѣ проживаютъ бывшіе артельщики, какъ предполагалъ сдѣлать это ранѣе... Второе обстоятельство состоитъ въ томъ, что я не могъ видѣть документовъ, относящихся къ артели, которые хранятся у г. Нечволодова. Въ Родинѣ онъ мнѣ ихъ не показалъ, ссылаясь на то, что ихъ нужно привести въ порядокъ, на что у него въ данный моментъ не было, по его словамъ, времени. Но всѣ документы обѣщалъ привезти въ Барнаулъ и тамъ ознакомить меня съ ними, и я повѣрилъ. Г. Нечволодовъ дѣйствительно пріѣхалъ, я его видѣлъ нѣсколько разъ, онъ много мнѣ говорилъ объ артели, но документовъ, которые обѣщалъ, все таки не показалъ. Писать же на основаніи разсказовъ г. Нечволодова я не считаю удобнымъ".

Вотъ какой злодѣй этотъ Нечволодовъ. Являются изслѣдователи, а онъ имъ только мѣшаетъ и документовъ не показываетъ. Не могу не сказать, что я ничего подобнаго не испыталъ: не будучи знакомъ съ г. Нечволодовымъ, я, по первой же просьбѣ, получилъ отъ него всѣ нужные документы и свѣдѣнія, точно также, какъ получалъ потомъ и послѣ знакомства. Такова сила предубѣжденія, а можетъ быть, впрочемъ, г. Нечволодовъ и дѣйствительно не показывалъ имѣвшихся у него документовъ, зная, что они нужны лишь для производства дознанія и газетной экзекуціи.

Предоставляю читателю самому судить, что долженъ былъ онъ въ теченіи всего этого времени испытывать, получая одно заушеніе за другимъ отъ людей, со стороны которыхъ можно было разсчитывать лишь на сочувствіе и поддержку. Наконецъ, онъ всего этого не выдержалъ—далъ отчетъ въ своей дѣятельности спб. переселенческому обществу и своимъ довѣрителямъ-крестьянамъ сел. Родины — и уѣхалъ оттуда, бросивъ и артель, и недостроенную школу, и медицинскій пунктъ, и другія начинанія, и людей и вообще все, что ему было такъ дорого. Въ общемъ итогѣ, въ теченіи 3 лѣтъ (1894—6 гг.), при содѣйствіи г. Нечволодова, переселилось 849 семей. Изъ этого числа первые переселенцы 1894 года (434 домохозяина, заключивши артельный договоръ, и 232 домохозяина, переселившіеся отдѣльными

семьями) вносили по 10 р.; но, такъ какъ съ наиболѣе бѣдныхъ ничего не бралось или потомъ имъ деньги возвращались, то въ среднемъ на семью вышло по 9 р. Вслѣдствіе того, что расходовъ потомъ предстояло меньше, послѣдующія партіи—75 семей 1895 года и 108 семей 1896 г.—вносили также меньше, а именно: они внесли только 1200 р. или въ среднемъ по 6 р. 55 к. съ семьи. Расходы дѣлались: на первоначальныя хлопоты о разрѣшеніи переселиться, требовавшія многократныхъ поѣздахъ въ Полтаву, Черниговъ и др. мѣста, на хлопоты о льготномъ проѣздѣ и провозѣ богажа по жел. дор., на осмотръ, выборъ и отводъ земли и лѣса для построекъ, на разъѣзды съ 4 ходоками, на телеграммы, нотаріальныя явки и личные разъѣзды въ теченіи трехъ лѣтъ по разнымъ крестьянскимъ нуждамъ (для взысканія по векселямъ, за медикаментами, по устройству школы и т. д.). Указывая на то, что 121 семья, переселившаяся раньше въ ту же мѣстность безъ его содѣйствія, истратила по 18 р. 50 к. съ семьи на однѣ лишь хлопоты о разрѣшеніи переселиться, не считая расходовъ по переѣзду и отводу земли, г. Нечволодовъ разсчитываетъ въ своемъ отчетѣ, что у него вышло въ среднемъ лишь по 8 р. 50 к. на семью и говоритъ: „Я не сомнѣваюсь, что переселеніе можетъ обходиться еще дешевле", такъ какъ „по новизнѣ дѣла и незнанію мѣстныхъ сибирскихъ условій", мнѣ приходилось впадать въ ошибки и дѣлать „сопряженные съ этимъ лишніе расходы". Вотъ общественный приговоръ родинцевъ—его главныхъ судей:

„1897 года іюля 20 дня, мы нижеподписавшіеся крестьяне, переселившіеся въ 1895—1896 году изъ Полтавской и Черниговской губерній въ д. Родину, Покровской волости, Барнаульскаго округа, собравшись сего числа для обсужденія своихъ нуждъ, выслушали отъ нашего уполномоченнаго Ивана Платоновича Нечволодова подробный отчетъ въ израсходованіи имъ семи тысячъ трехсотъ семидесяти руб. сер. (7370 р.), внесенныхъ нами по десяти руб. отъ каждаго домохозяина на хлопоты по переселенію и разнохарактерныя наши нужды, какъ на мѣстѣ нашего новаго поселенія, такъ равно и при нашемъ выселеніи изъ мѣстъ прежняго жительства.

Признавая всѣ прозведенныя уполномоченнымъ нашимъ Иваномъ Платоновичемъ Нечволодовымъ расходы по этимъ хлопотамъ правильными и умѣренными, мы единогласно рѣшили принести ему нашу глубочайшую благодарность за его безвозмездный трудъ за все время по этому дѣлу и за перерас-

ходованныя на наше же дѣло его личныя средства, за постоянное его стремленіе возможно уменьшить наши расходы и возможно облегчить наше положеніе во все время его хлопотъ за насъ, какъ на мѣстѣ прежняго жительства, такъ равно и здѣсь.

Симъ же постановленіемъ мы просимъ его продолжать свои хлопоты о нашихъ нуждахъ и нашемъ благоустройствѣ, какъ то: просимъ исхлопотать причисленіе насъ къ здѣшнему обществу, такъ какъ безъ причисленія мы на общественныхъ сходкахъ не имѣемъ права голоса и въ силу этого считаемся безправными и терпимъ разнаго рода притѣсненія, просимъ также хлопотать о скорѣйшемъ устройствѣ школы и постройкѣ церкви, разрѣшеніе на которую уже получено, и вообще о всемъ томъ, что онъ найдетъ для насъ полезнымъ, въ чемъ и подписуемся" (слѣдуютъ подписи).

Мнѣ кажется, что изъ этого краткаго документа можно лучше всего видѣть отношенія крестьянъ къ г. Нечволодову. Удовлетворитъ ли этотъ документъ его сердитыхъ противниковъ — не знаю, но думаю, что онъ долженъ хоть нѣсколько сократить ихъ развязность. Не мало и другихъ фактовъ довѣрія и расположенія крестьянъ къ своему „ходоку". Вотъ, напр., общественный же приговоръ не однихъ только переселенцевъ, а всего Родинскаго общества, относящійся къ октябрю 28, 1897 года, гдѣ выражается общая глубокая благодарность за его разнохарактерныя хлопоты о крестьянскихъ дѣлахъ и просьба продолжать хлопоты по постройкѣ храма, при чемъ ему предоставляется право быть „единоличнымъ" строителемъ этого храма и „поступать по своему усмотрѣнію, какъ въ наймѣ подрядчика на эту постройку и заключенія съ нимъ условій", такъ и въ требованіи съ крестьянъ подводъ, нужныхъ для вывозки строительнаго матерьяла. Самая церковь строится во имя Рождества Крестителя Господня Іоанна, т. е. во имя его ангела. Въ томъ же 1897 году, т. е. опять таки уже послѣ сыпавшихся на него обвиненій и не смотря на нихъ, мы видимъ, что крестьяне поручаютъ ему поѣздку въ прежнее свое мѣстожительство, въ Полтавскую и Черниговскую губерніи, для взысканія съ ихъ бывшихъ односельцевъ по 59 долговымъ обязательствамъ (52 векселя и 7 росписокъ) за купленные послѣдними у нихъ передъ переселеніемъ ихъ усадьбы, скотъ и разный домашній скарбъ *).

*) Г. Нечволодовъ каждый годъ ѣздилъ съ такими порученіями и въ общей сложности за три года прошло векселей черезъ его руки на сумму до 20 т. руб. („С. От.", № 123, 1897 г.).

Вижу я также хорошее, душевное отношеніе и въ цѣломъ рядѣ частныхъ писемъ, лежащихъ передо мною; а вотъ мѣстный поэтъ изъ переселенцевъ, Илья Горносталь, посвящаетъ г. Нечволодову цѣлое большое стихотвореніе: „Тобі, тобі не мудрымъ словомъ, разумному чыню хвалу", гдѣ говоритъ: „ты не згордывсь на мене глянувъ, вгадавъ усю мою нужду", и благодаритъ за то, что переселеніемъ онъ убилъ эту нужду, какъ „злую гадюку". Называя его „великимъ добродіемъ" и разными другими лестными именами, И. Горносталь далѣе говоритъ:

Не гордымъ окомъ ты взираешь...
Для насъ ты день и ночь не спишь
Ты намъ добро приготовляешь, и т. д.

Вотъ, сопоставляя все это съ тѣмъ, что приходилось слышать въ ученыхъ сибирскихъ обществахъ и читать въ газетахъ, и не знаешь, чѣмъ объяснить столь рѣзкія противорѣчія. Я вовсе не думаю быть адвокатомъ г. Нечволодова, а сужу лишь по фактамъ и стараюсь быть возможно болѣе объективнымъ. Я совсѣмъ не зналъ его лично, когда написалъ въ „Нов. Словѣ" статью объ его смѣлой попыткѣ—переселить и образовать артель изъ 800 семействъ, и меня чрезвычайно огорчало то, что потомъ приходилось читать о немъ, тѣмъ болѣе, что на статью мою постоянно дѣлались ссылки. Относительно возможности осуществленія такой большой артели мною было высказано тогда же сомнѣніе, что же касается примѣненія артельнаго принципа къ переселенію и участія въ этомъ переселеніи интеллигентнаго человѣка, то въ этомъ я видѣлъ новый, весьма полезный и практическій шагъ. Такъ я и теперь смотрю, не смотря на разные промахи и изъяны въ дѣятельности г. Нечволодова, которые онъ отчасти и самъ сознаетъ. Я думаю, что онъ могъ бы дѣйствовать гораздо лучше, но не объясняю себѣ его дѣйствій такъ дурно, какъ они объяснялись, и думаю, что онъ все таки значительно облегчилъ крестьянамъ хлопоты о переселеніи, значительно сократилъ ихъ расходы, сравнительно съ другими переселенцами, и жизнью своею въ Родинѣ, поѣздками и хлопотами объ ихъ дѣлахъ значительно облегчилъ ихъ положеніе на новомъ мѣстѣ. Вотъ посмотримъ—кто безъ него будетъ дѣлать то, что онъ дѣлалъ. Вѣдь это только въ мелочномъ раздраженіи можно говорить, что фельдшерскій пунктъ открытъ де не имъ. Да, открытъ не имъ, но онъ хлопоталъ о немъ и безъ него, съ увѣренностью можно сказать, этого пункта долго не было бы. Онъ же положилъ начало и школѣ, постройку которой довелъ до

крыши. Онъ же возилъ больныхъ къ докторамъ за сотни верстъ, когда больнички еще не было. Онъ же покупалъ лекарства и давалъ деньги на покупку ихъ, когда вновь открытый пунктъ сидѣлъ безъ лекарствъ и безъ денегъ. А лекарства, посланныя изъ Петербурга переселенческимъ обществомъ въ маѣ на имя Общ. люб. изслѣд. Алтая, лежали въ Барнаулѣ до 20 окт., пока тотъ же Нечволодовъ не пріѣхалъ за ними и не доставилъ ихъ въ Родину. Вотъ что говорилъ по этому поводу въ своемъ докладѣ переселенческому обществу секретарь его, г. Григоровъ: приходилось многимъ больнымъ отказывать, приходилось покупать лекарства небольшими количествами, но это было возможно, пока у фельдшерицы г-жи Е. В. Бубновой не изсякли оставленные ей на содержаніе пункта 100 руб., а затѣмъ, „когда вышли эти деньги, пунктъ долженъ былъ закрыться, и только благодаря тому, что дѣйств. членъ общества (переселенческаго), живущій въ поселкѣ Родина, И. П. Нечволодовъ выдавалъ заимообразно на расходы свои деньги, пунктъ не былъ закрытъ“. Недостатокъ медикаментовъ, совпавшій съ наибольшимъ движеніемъ переселенцевъ, былъ причиною частыхъ отказовъ въ помощи и служилъ основаніемъ для многихъ недоразумѣній и недовольства. Лекарства шли изъ Петербурга и лежали въ Барнаулѣ ни много, ни мало, какъ цѣлыхъ 5 мѣсяцевъ. Вотъ какое интересное объясненіе далъ этому обстоятельству секретарь Совѣта „Общ. Люб. изсл. Алтая“, г. С. П. Швецовъ, въ № 96 „Ст. Края“.

„Въ № 85—86 „Ст. Кр.“, въ корреспонденціи изъ Кулундинской степи, объ открытіи фельдшерскаго пункта въ переселенческомъ поселкѣ Родина, между прочимъ, говорится слѣдующее: „переселенческое Общество, по слухамъ, давно уже отправило для Родинскаго пункта достаточное количество лекарствъ черезъ совѣтъ Общества любителей изслѣдованія Алтая, давно уже медикаменты получены въ Барнаулѣ, гдѣ лежатъ и теперь. Неужели это правда? Нужно представить себѣ только, какая масса больныхъ валяется по переселенческимъ поселкамъ, чтобы понять, что такая медленность въ передачѣ лекарствъ почти преступна. Все это тѣмъ болѣе странно, что совѣтъ Барнаульскаго Общества уже не разъ заявилъ себя внимательнымъ отношеніемъ къ нуждамъ переселенцевъ. Въ чемъ же теперь дѣло?“

„Упрекъ, дѣлаемый Совѣту, очень тяжелъ и былъ бы имъ вполнѣ заслуженъ, если бы замедленіе въ пересылкѣ медикаментовъ въ Родинскій пунктъ произошло по винѣ Совѣта. Въ дѣйствительности этого, однако, не было, какъ видно изъ нижеслѣдующихъ фактовъ.

„Агентствомъ „Надежды“ 30 августа получена посылка въ 23 пуда, оцѣненная въ 600 р., отъ С.-Петербургскаго переселенческаго Общества. Благодаря тому обстоятельству, что посылка была адресована на предъявителя, Совѣтъ Общества любителей изслѣдованія Алтая узналъ о прибытіи ея въ Барнаулъ не ранѣе 7—8 сентября, когда я, возвратившись изъ служебной командировки, навелъ въ агентствѣ справки.

„Такъ какъ еще 24 іюля Совѣтомъ была получена телеграмма отъ комитета переселенческаго Общества, который просилъ передать высланные на имя Совѣта медикаменты переселенческому чиновнику г. Барсову, то Совѣтъ 10 сентября письмомъ увѣдомилъ г. Барсова о полученіи медикаментовъ въ Барнаулѣ, причемъ препроводилъ и накладную. 12 сентября предсѣдатель Совѣта А. Н. Недзвецкій ѣздилъ лично къ г. Барсову съ предложеніемъ отправить хоть часть полученныхъ медикаментовъ въ пос. Родину съ г. Астраховымъ, который, по порученію Совѣта, ѣхалъ туда для раздачи денегъ нуждающимся переселенцамъ. Г. Б-въ предполагалъ воспользоваться поѣздкой г. Астрахова, который, прождавъ медикаменты до 14 сентября, долженъ былъ, однако, выѣхать безъ нихъ. Почему это произошло такъ, мнѣ неизвѣстно. Въ концѣ сентября барнаульскій агентъ „Надежды“ г. Ладышевъ, не дождавшись г. Б-ва и зная, что въ медикаментахъ переселенцы сильно нуждаются, лично отвезъ въ канцелярію г. Б. медикаменты и сложилъ ихъ въ амбаръ. Г. Барсова не оказалось въ это время дома, въ канцеляріи же его никто не хотѣлъ росписаться въ полученіи клади, почему г. Л. въ тотъ же день вечеромъ вынужденъ былъ увезти медикаменты обратно. 8 октября за медикаментами въ агентство явился г. Нечволодовъ съ накладной и посылка была выдана ему г. Л—вымъ

„Почему г. Барсовъ въ теченіе мѣсяца не принялъ медикаментовъ отъ агентства „Надежда“, какимъ образомъ накладная могла попасть къ г. Нечволодову—ни Совѣту, ни мнѣ лично это не извѣстно, точно также не извѣстно, когда медикаменты были получены въ Родинѣ. Такимъ образомъ промедленіе, о которомъ говорится въ корреспонденціи, произошло не по винѣ Совѣта Общества любителей изслѣдованія Алтая“.

Ну, конечно, кто же въ этомъ сомнѣвается; а вотъ странно, какъ не оказалось, что и это также произошло по винѣ все того же „Ив. Нечволодова". Замедленіе въ отчетахъ о раздачѣ помощи переселенцамъ изъ суммъ переселенческаго Общества, о чемъ заявлялось въ годовомъ отчетѣ послѣдняго, также имѣло конечно, свои причины, если только опять и тутъ не былъ виноватъ Ив. Нечволодовъ, свои отчеты о раздачѣ суммъ представлявшій своевременно. Наконецъ у Общества люб. изсл. Алтая есть свои дѣла, да и свой отчетъ ему нужно составлять. Денежныя средства этого крупнаго Общества къ 1 янв. 1896 г. состояли, какъ это видно изъ отчета, изъ цѣлыхъ 966 р. 93 к., „каковая сумма" слагалась изъ слѣдующихъ статей: „запаснаго капитала 135 р., расходнаго 699 р. 34 к.; капиталовъ имѣющихъ спеціальное назначеніе: на изслѣдованіе мѣстъ водворенія переселенцевъ въ Алтайскомъ округѣ—57 р. 79 к., на производство однодневной переписи 49 р. 80 к. и на раму для пожертвованнаго Обществу портрета покойнаго изслѣдователя Сибири Н. М. Ядринцева — 52 руб.". Нужно же было имѣть сужденіе, а потомъ и объяснить, что послѣдняя сумма была сперва пожертвована г. В. А. Гороховымъ на могильный памятникъ Ядринцеву, но потомъ онъ согласился придать ей „иное назначеніе", именно — „употребить на пріобрѣтеніе рамы для имѣющагося въ Обществѣ художественнаго портрета Н. М. Ядринцева". Наконецъ, развѣ неизвѣстно, что оно само дѣятельно помогаетъ переселенцамъ: въ отчетномъ году, напр., кромѣ труда по раздачѣ 649 р. 95 к. (раздай-ка!) переселенческаго Общества, оно даже „перерасходовало" на вспомоществованіе переселенцамъ цѣлыхъ „1 р. 5 к." (стр. 35 стр.). А сколько времени занялъ у него этотъ самый „Ив. Нечволодовъ", какъ его тогда называли, котораго надо же было когда нибудь поймать, обличить и показать, что это настоящій волкъ въ овечьей шкурѣ. „Зап. сиб. отдѣлъ Геогр. Общ.", кромѣ занятія тѣмъ же Нечволодовымъ, былъ еще очень удрученъ большою распрей съ своимъ предсѣдателемъ, г. Катанаевымъ. Въ Омскѣ въ это время интеллигенція готовилась уже къ устройству елки для бѣдной, переселенческой „дѣтворы", и ред. „Ст. Края" публиковала о пріемѣ пожертвованій платьемъ и деньгами. А больные крестьяне, пріѣзжавшіе за сто и болѣе верстъ за медицинскою помощью, оставались безъ таковой; а сама фельдшерица Бубнова, вертѣвшаяся въ такомъ положеніи, какъ на угольяхъ, сидѣла съ половины октября до 23 декабря безъ жалованья, не

смотря на то, что деньги для этого были высланы изъ Петербурга г. Барсову. Всѣмъ было некогда, у всѣхъ были какія нибудь свои дѣла (къ тому же извѣстно, что и дѣло—не медвѣдь, въ лѣсъ не убѣжитъ). Вотъ, если сопоставить такое чисто внѣшнее формально-культурное отношеніе къ жизни и дѣйствительной человѣческой нуждѣ съ дѣятельною помощью людямъ Нечволодова, то и выйдетъ, что бранить то его надо погодить. Какъ характерно въ этомъ отношеніи слѣдующее мѣсто изъ вышеуказанной статьи г. Швецова: „Положеніе бывшихъ членовъ артели, говорилъ онъ, поистинѣ тяжелое, для нѣкоторыхъ можетъ быть безвыходное; нужна помощь немедленная, при томъ возможно широкая. Но прежде всего нужно выяснить, что это за артель, куда пошли тѣ тысячи, которыя яко бы составляли ея основный капиталъ, возможна ли помощь артели и не будетъ-ли производительнѣе оказать матеріальную поддержку отдѣльнымъ домохозяевамъ и т. д.". Почему это прежде нужно не помощь оказать, а заняться этими вопросами, что неминуемо отодвинетъ помощь въ долгій ящикъ, совершенно неизвѣстно, и я увѣренъ, что это можетъ быть понятно развѣ только съ точки зрѣнія культурной формалистики, о которой я говорю, да развѣ еще личного раздраженія на извѣстное непріятное лицо. Послѣднее обстоятельство также играетъ очень большую роль въ происходящихъ тамъ и сямъ культурныхъ распряхъ. Почему, напр., противникамъ Нечволодова такъ хотѣлось доказать, что крестьяне его не любятъ и очень озлоблены на него, доказать не относительно отдѣльныхъ лицъ или даже какихъ нибудь группъ, а вообще? Радуется, положимъ, онъ маленькою радостью, что крестьяне строятъ ему домъ, въ чемъ видитъ благодарность и расположеніе къ себѣ съ ихъ стороны. Нѣтъ, говорятъ, домъ этотъ строится не одними вашими артельщиками, а всѣмъ обществомъ д. Родины и предназначается вовсе не для васъ, а для причта будущей церкви, пока же будетъ служить „для пріѣзжихъ" и въ томъ числѣ, пожалуй, и для васъ. По другой версіи хуже выходитъ: по поводу слуха, что Нечволодовъ будто бы приказалъ построить себѣ домъ, говоря: „не по квартирамъ же мнѣ шляться", говорится: „заставлять нищихъ, у большинства которыхъ нѣтъ даже землянокъ, въ которыхъ они могли бы пріютиться, строить для себя домъ—это, по меньшей мѣрѣ, непозволительно, точно также, какъ и приводить непозволительно этотъ фактъ въ доказательство существующихъ симпатій". Чѣмъ, какъ не личнымъ и при томъ мелочнымъ раздраженіемъ вызвано и это

указаніе на непровѣренный слухъ, и это элементарнѣйшее назиданіе насчетъ дома, когда другіе живутъ въ землянкахъ, точно это въ самомъ дѣлѣ какой нибудь домъ, а не простая изба, за которую было заплочено, кажется, 60 рублей, наконецъ, этотъ послѣдній coup de bec: ты, молъ, здѣсь только *пріѣзжій*. Простимся, однако, съ этой во всѣхъ отношеніяхъ грустной исторіей и перейдемъ къ артели, основанной г.Зиминымъ. Пользуемся для этого сообщеніемъ П. Х—о о засѣданіи Зап. сиб. отдѣла Геогр. Общ., гдѣ г. Швецовъ дѣлалъ докладъ объ этой артели.

Артель, основанная г. В. Т. Зиминымъ въ 5 в. отъ Змѣиногорска, говоритъ авторъ:

„представляетъ совершенно иную картину. Убѣжденный, что изъ кризиса, переживаемаго въ настоящее время крестьянскимъ хозяйствомъ, можетъ вывести его только артельная организація хозяйства, г. З—нъ хотѣлъ произвести нѣсколько опытовъ въ этомъ направленіи.

Лѣтомъ 94 года г. З—нъ явился на Алтай съ цѣлью организовать земледѣльческую артель, образовавъ изъ нея самостоятельный арендный поселокъ; самостоятельный поселокъ представилъ бы ту выгоду, сравнительно съ поселеніемъ въ старомъ, что онъ менѣе былъ бы подверженъ неблагопріятнымъ условіямъ сосѣдства не-артельщиковъ.

Размѣры артели г. З—нъ заранѣе опредѣлилъ въ 5—6 семей.

При помощи переселенца М. Полетаева, указаннаго ему священникомъ села Колыванскаго, г. З—нъ организовалъ артель изъ 6 семей переселенцевъ Тамбовской губ., въ составѣ 21 д. муж. п. и 13 д. ж. п. и 19 октября 94 г. заключилъ съ ними артельный договоръ. Вотъ его главные пункты: 1) г. З—нъ даетъ переселенцамъ-артельщикамъ за круговою ихъ отвѣтственностью денежную ссуду для аренды земли, покупки избъ, инвентаря и пр. необходимаго въ крестьянскомъ хозяйствѣ имущества. 2) Взявшіе ссуду обязуются вести земледѣльческое хозяйство на артельныхъ началахъ; порядокъ работъ и ихъ распредѣленіе устанавливается артелью ежегодно. 3) За правильнымъ веденіемъ хозяйства наблюдаетъ учредитель артели, г. Зиминъ, или приглашенный имъ „попечитель“. 4) Для непосредственнаго руководительства дѣлами артели избирается староста каждый разъ съ согласія г. З—а. 5) За дурное поведеніе члены артели исключаются учредителемъ навсегда. 6) При невыполненіи артелью условій договора г. З. „имѣетъ право взять обратно у артели все неоплаченное ею артельное имущество“. 7) Урожай дѣлится старостой такъ: лучшія сѣмена откладываются для посѣва; необходимое для артели количество хлѣба и сѣна оставляется, остальная часть продается и деньги идутъ на уплату аренды, погашеніе долга г. З—у, 10% отчисляется въ запасной капиталъ артели, остальное дѣлится между артельщиками по числу рабочихъ рукъ въ каждой семьѣ“.

Докладчикъ отмѣчаетъ главный недостатокъ договора: отводя главное мѣсто руководителю артели, онъ вмѣстѣ съ тѣмъ очень мало говоритъ о самодѣятельности самой артели.

Для хозяйства было заарендовано 300 десятинъ цѣлины по 40 к. за десятину на 12 лѣтъ и 20 десятинъ мягкой земли на 1 годъ.

Ссуду г. З. выдалъ только 4 семьямъ изъ 6%, по 200 р. на каждую — всего 800 р., что создало неравенство имущественнаго положенія артельщиковъ, съ одной стороны, и не позволило имъ поставить хозяйство въ томъ размѣрѣ, какъ это проектировалось, съ другой. Вмѣстѣ съ тѣмъ эти два обстоятельства послужили причиной нескончаемыхъ недоразумѣній между артельщиками. Изъ послѣднихъ только одинъ организаторъ артели, Мих. Полетаевъ, стоящій по своему умственному уровню несравненно выше другихъ артельщиковъ, ясно понималъ принципы артельнаго хозяйства, другіе же смотрѣли на артель, какъ на своеобразную повинность, установленную г. З—мъ за выданную имъ ссуду. Все это вмѣстѣ послужило причиной распаденія артели. Экономическое положеніе ея характеризовалось слѣдующими цифровыми данными.

Изъ 18 человѣкъ мужского пола 7 чел. въ рабочемъ возрастѣ и 13 женщинъ. Артель имѣла 3 избы и 1 домъ, принадлежащій Полетаеву. Изъ 315 десятинъ заарендованной земли— 22½ было подъ посѣвомъ различныхъ хлѣбовъ. Остальная земля находилась подъ выгономъ и сѣнокосомъ. Сѣна было заготовлено 600 копенъ. Артель имѣла 11 рабочихъ лошадей и 2 жеребятъ. Частную собственность отдѣльныхъ семей составляли: 5 коровъ, 1 быкъ, 5 телятъ и 1 овца.

Умолотъ 1895 года далъ 929 пудовъ разнаго хлѣба. За отчисленіемъ на сѣмена, артель имѣла отъ урожая 551 п. пшеницы, т. е. на 49 п. меньше того количества, которое необходимо для продовольствія артели, считая по 20 п. въ среднемъ на человѣка. Ясно, что при такомъ положеніи дѣлъ артель не имѣла возможности ни уплатить за аренду земли въ 96 году, ни возвратить г. З—у согласно договора 100 р. взятой ссуды.

Староста артели, Михаилъ Полетаевъ причинами распаденія артели считаетъ: 1, ссуда была выдана на 4 семьи, а не на всѣ 6 семей; 2, г. З—нъ не жилъ въ г. Змѣиногорскѣ и не могъ оказывать вліянія на артель; вліяніе же попечителя было ничтожно, и 3, подборъ членовъ артели не удачный, собрались люди лѣнивые и малопонятливые. Къ этимъ тремъ причинамъ докладчикъ присоединилъ четвертую: выработанный г. З—мъ уставъ страдаетъ слишкомъ большою теоретичностью, а слишкомъ строгое неукоснительное примѣненіе этого устава способно было только ломать жизнь людей, дѣлать самую артель ненавистною для ея участниковъ. По отзыву лица, близкаго къ артели — договоръ артели былъ бы хорошъ для мертвецовъ, а не для живыхъ людей.

Внѣшняя сторона распаденія артели такова: сначала артель рѣшила подѣлить лошадей на 6 частей „во всегдашнее владѣніе", мотивируя это „нерадивостью въ уходѣ". Затѣмъ были раздѣлены такимъ же образомъ хомуты и другія принадлежности. Кормить лошадей долженъ самъ хозяинъ, въ случаѣ же пропажи лошадей, артель обязана для него купить лошадь и удержать впослѣдствіи стоимость ея изъ доли урожая. Впрочемъ, это послѣднее условіе артель отказалась выполнить при первомъ же представившемся случаѣ. Такимъ же образомъ были раздѣлены плуги и прочій инвентарь. 3 августа состоялось постановленіе о раздѣлѣ поля для уборки хлѣба между отдѣльными семьями.

Г. З—нъ, извѣщенный обо всѣхъ раздорахъ въ артели и о раздѣлѣ имущества, обратился къ Змѣиногорскому волостному правленію съ просьбой объ охранѣ артельнаго имущества отъ расхищенія. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ предложилъ обществу любителей изслѣдованія Алтая „произвести научное изслѣдованіе учрежденной имъ артели".

Послѣднее лучше всего. Кто-то въ „Ст. Кр.", вѣроятно, во исполненіе этой просьбы, и сравнилъ уже его дѣятельность съ дѣятельностью Р. Овена, но, къ сожалѣнію, не въ его пользу.

Мы въ долгу у г. Н. В. Левитскаго, о которомъ лишь мимоходомъ упомянули выше, но который несомнѣнно заслуживаетъ гораздо большаго вниманія.

Живя среди крестьянъ въ Александрійскомъ уѣздѣ, Херсонской губ. и видя ихъ бѣдственное экономическое положеніе, все болѣе и болѣе обострявшееся цѣлымъ рядомъ неурожаевъ, Н. В. Левитскій пришелъ къ заключенію о необходимости земледѣльческихъ артелей. Это было въ срединѣ 80 годовъ, какъ разъ въ то время, когда вся губернія была охвачена недородомъ и когда сами крестьяне усиленно волновались мыслью, какъ выдти изъ своего критическаго положенія. Н. В. сталъ разговаривать съ ними объ артеляхъ и нашелъ въ нихъ полное сочувствіе этому дѣлу. Однако, прошло цѣлыхъ 10 лѣтъ прежде, чѣмъ отъ сочувствія крестьяне перешли къ активному желанію учредить артель. Только въ сентябрѣ 94 года крестьяне села Федваря явились къ нему съ просьбою помочь имъ устроить земледѣльческую артель. Съ этого момента начинается дѣятельность Левитскаго, заинтересовавшая собою не только всю интеллегентную Россію, но и цѣлый рядъ заграничныхъ обществъ, занятыхъ разрѣшеніемъ вопроса о народномъ благосостояніи. Н. В. приступилъ къ дѣлу немедленно. Не имѣя средствъ, онъ занялъ 200 р. и на эти деньги купилъ для артели первыя четыре лошади. За первой артелью явилась вторая, за второй третья. Артели эти были небольшія, всего въ двѣ-три семьи и Левитскій прекрасно сознавалъ ихъ неудобство, но, по началу, ввиду трудности подбора людей, приходилось мириться и съ этимъ. Впослѣдствіи онъ не дозволялъ основываться артелямъ меньше 5 семействъ. Вслѣдъ за тремя артелями въ с. Федварѣ, тамъ основалось еще 10; затѣмъ въ селѣ Сентовѣ составилось 11 артелей.

Въ 95 г. двѣ Сентовскія артели завели *артельную мельницу*, первую въ Херсонской губ., за Сентовскими возникло 26 артелей въ с. Алжамковѣ и т. д. Словомъ, земледѣльческія артели стали быстро распространяться по уѣзду; а изъ александрійскаго уѣзда перешли и стали основываться и въ Елисаветградскомъ, и въ Верхнеднѣпровскомъ уѣздахъ, но въ послѣднихъ ихъ, въ общемъ, образовалось меньше.

Чтобы придать дѣлу прочность и оформить его до нѣкоторой степени юридически, Левитскій совмѣстно съ крестьянами выработалъ артельный уставъ, который вступавшіе въ артель должны были подписывать, свидѣтельствуя подпись у земскаго начальника или у нотаріуса. Выходъ изъ артели ничѣмъ не стѣснялся, и желавшіе по какимъ-либо причинамъ выдти изъ артели могли это дѣлать совершенно свободно. При образованіи каждой артели прежде всего, конечно, являлась нужда въ деньгахъ. Съ этою цѣлью Н. В. обращался и къ частнымъ лицамъ, и къ Вольноэкономическому обществу, и къ Херсонскому земству и ходатайствовалъ даже черезъ посредство Елисаветградскаго земскаго собранія объ открытіи мелкаго кредита въ размѣрѣ 50 тысячъ руб. для

крестьянъ передъ Государственнымъ банкомъ. И хлопоты Н. В. бывали не безуспѣшны. Изъ отчета, представленнаго имъ губернскому земскому собранію въ 1897 г., мы видимъ, что въ теченіи лишь первыхъ трехъ лѣтъ имъ было получено изъ Вольн. эк. Общ. и отъ частныхъ лицъ и выдано въ ссуду крестьянамъ 21 тыс. 17 р. 88 коп. Сюда слѣдуетъ прибавить еще 1800 р., исходатайствованныхъ для артелей въ Государственномъ банкѣ и 500 р. въ Елисаветградскомъ земствѣ. Этими деньгами воспользовались 118 артелей, и всѣ они пошли на покупку скота и мертваго сельско-хозяйственнаго инвентаря.

Отдавшись цѣликомъ крестьянскому дѣлу, Левитскій не ограничился одною матерьяльною помощью, а сталъ придумывать, какъ бы всестороннѣе облегчить крестьянскую нужду. Прежде всего онъ обратилъ вниманіе на мужицкій скотъ и на недостатокъ кормовъ. Задумавъ ввести *травосѣяніе* и вообще разведеніе хорошихъ кормовыхъ злаковъ, онъ обратился за помощью въ Министерство Земледѣлія и въ мѣстныя земскія управы.

Министерство Земледѣлія отнеслось съ полнымъ сочувствіемъ къ просьбѣ Левитскаго и выслало ему по нѣскольку пудовъ разнаго рода кормовой свеклы, вики, тыквы и пр. Управы же, какъ Александрійская, такъ и Елизаветградская, открыли артелямъ кредитъ для покупки сѣмянъ кормовыхъ травъ.

Затѣмъ, Н. В. сталъ распространять среди артелей культуру льна, кукурузы, чечевицы, картофеля, подсолнуха и т. п., для того, чтобы, съ одной стороны, нѣсколько разнообразить посѣвы, такъ какъ по его заключенію сельское хозяйство, основанное на воздѣлываніи однихъ хлѣбныхъ злаковъ, очень неустойчиво, а съ другой стороны, этимъ же самымъ онъ желалъ утилизировать поля, лежавшія подъ паромъ и пропадавшія даромъ для хозяйства и, кромѣ того, еще до извѣстной степени противодѣйствовать *засоренности* крестьянскихъ полей, такъ какъ, по его убѣжденію, сорныя травы приносятъ огромный убытокъ сельскому хозяйству.

Чтобы улучшить самый *способъ* посѣва, отъ котораго въ значительной степени также зависитъ урожайность, Н. В. сталъ пропагандировать среди своихъ артельщиковъ *сѣялки*, и для того, чтобы доказать очевидность преимуществъ сѣялки передъ ручнымъ посѣвомъ — онъ купилъ самъ маленькую американскую сѣялку и отдалъ ее въ распоряженіе артельщиковъ. Они остались очень довольны. Точно также выписалъ имъ Левитскій и простую *соломорѣзку*, чтобы, пока-что, улучшить хоть до извѣстной степени общеупотребительный кормъ скота — солому, измельчая ее. Соломорѣзка эта была столь проста по устройству, что каждый крестьянинъ могъ сдѣлать ее самъ, пріобрѣтя лишь для нея стальной ножъ.

На *огородничество* Левитскій тоже обратилъ вниманіе. Онъ выписалъ изъ Елизаветградскаго земскаго бюро прекрасныя огородныя сѣмена лучшихъ заграничныхъ и русскихъ фирмъ. Точно также сталъ онъ уговаривать артельщиковъ заняться садоводствомъ и древонасажденіемъ вообще. Встрѣтивъ въ нихъ полное сочувствіе своимъ доводамъ — онъ обратился къ завѣдующему казеннымъ питомникомъ при Нерубаевско-Чутянскомъ лѣсничествѣ съ просьбою о безплатномъ отпускѣ артельщикамъ плодовыхъ и иныхъ деревьевъ. Ходатайство это было уважено и многіе артельщики съ большою радостью принялись за разведеніе садовъ вокругъ своихъ домовъ.

Для улучшенія коневодства, скотоводства и овцеводства, Н. В. обратился въ Министерство Земледѣлія съ просьбою о помощи въ дѣлѣ полученія племенныхъ производителей. Въ этомъ помогли также до извѣстной степени и мѣстные помѣщики. Развелъ онъ также хорошихъ куръ, раздавая крестьянамъ яйца, и вообще не упускалъ изъ виду ничего.

Но мало этого. Чтобы дать артельщикамъ заработокъ и зимой и занять непроизводительно пропадавшее у нихъ время, благодаря отсутствію у нихъ промысловъ, Левитскій задумалъ ввести среди нихъ *ткачество*. Хотя станки для тканья простаго грубаго холста и имѣлись почти во всѣхъ избахъ, но Н. В. задумалъ пріобрѣсти болѣе легкіе, усовершенствованные, чтобы производить на нихъ болѣе изящную работу, которая имѣла бы сбытъ. Въ силу этого онъ обратился въ Министерство Земледѣлія съ просьбой оказать ему содѣйствіе, какъ въ смыслѣ пріобрѣтенія улучшенныхъ станковъ „самолетовъ“, такъ и обученія работѣ на нихъ: путемъ ли посылки крестьянъ-ткачей для обученія работѣ на „самолетѣ“, или путемъ командированія къ нимъ мастера ткача-спеціалиста. Министерство уважило это ходатайство и прислало Левитскому кустарнаго техника по ткачеству, а также способствовало ему въ пріобрѣтеніи образцоваго станка-„самолета“.

Кромѣ ткацкаго дѣла, Левитскій хотѣлъ также ввести *пеньковое* производство, какъ имѣющее большое значеніе въ крестьянскомъ хозяйствѣ, а также и *лѣсной* промыселъ.

Принявъ на себя, въ силу необходимости и естественнаго хода вещей, заботу о всестороннемъ поднятіи крестьянскаго благо-

состоянія, Н. В. Левитскій не могъ забыть, конечно, и духовную жизнь крестьянъ, ихъ темноту и невѣжество. Чтобы помочь этой бѣдѣ, онъ сталъ стучаться во всѣ двери: въ книжные магазины, редакціи, просвѣтительныя общества, обращаться къ издателямъ и частнымъ лицамъ съ просьбою о книгахъ и газетахъ. Употреблялись усилія и для увеличенія числа школъ въ раіонѣ существованія артелей. Недостатокъ въ средствахъ являлся въ послѣднемъ случаѣ частою причиною неуспѣха; но такія неудачи не уменьшали энергіи Левитскаго. Не уменьшали ее и нѣкоторыя неурядицы, происходившія въ артеляхъ, распаденіе многихъ изъ нихъ, вслѣдствіе разныхъ причинъ, какъ внѣшнихъ, такъ и внутреннихъ. Дѣло организаціи артелей въ такой средѣ и при такихъ условіяхъ было дѣломъ новымъ и естественно вызывало неудачи и ошибки; жизнь вносила коррективъ въ это дѣло, заставляя измѣнять уставъ, иначе группировать людей, выдѣлять негодные элементы, многое дополнять и т. д. Словомъ, какъ это всегда бываетъ, теорія и практика вступили въ борьбу, дѣлая взаимныя уступки и приспособляясь другъ къ другу. Но насколько жизненно было дѣло Левитскаго, видно изъ того, что многія изъ его распавшихся артелей стали вновь организоваться уже совершенно самостоятельно, убѣдившись на опытѣ въ выгодѣ ихъ. Жизненность этого дѣла, какъ мы уже говорили, вызвала къ нему интересъ всей интеллигентной Россіи и многихъ земствъ. На ряду съ сочувствующими явились, конечно, и протестанты, главнымъ образомъ, въ лицѣ такъ называемыхъ „марксистовъ“, бурные дебаты съ которыми отняли не мало вечеровъ у Н. В. во время его пріѣздовъ въ Петербургъ. Но уже самая страстность отношенія къ вопросу только доказывала его жизнеспособность и интересъ. Кромѣ того, сочувствіе выражалось не всегда только платонически. Во многихъ мѣстахъ Россіи явились подражанія и приступлено было къ практической организаціи артелей въ губерніяхъ: Смоленской, Курляндской, Симбирской, Черниговской, новороссійскихъ и др. Многіе фабричные рабочіе изъ разныхъ мѣстъ обращались къ Левитскому съ просьбою организовать изъ нихъ артельныя мастерскія.

За границей же дѣло Левитскаго встрѣтило едва ли не болѣе еще сочувствія и вниманія, чѣмъ у насъ. Его артельный договоръ былъ переведенъ на сербскій, французскій, нѣмецкій и англійскій (въ Америкѣ) языки. Появились сочиненія (напр. Paul Apostol „Das Artel“ и др.), въ которыхъ высказывалось сочувствіе нашимъ земледѣльческимъ артелямъ. На международномъ конгрессѣ рабочихъ въ Лондонѣ земледѣльческія артели Левитскаго были признаны дѣломъ полезнымъ и целесообразнымъ. Профессоръ университета въ Христіаніи Брокъ просилъ Н. В. выслать ему матеріалы объ артеляхъ, такъ какъ онъ имѣетъ въ виду читать лекціи о русской деревнѣ и въ частности объ артеляхъ. Въ 1897 г., по приглашенію французскаго арганизаціоннаго комитета Левитскій участвовалъ въ международномъ кооперативномъ конгрессѣ въ Парижѣ. Здѣсь идея земледѣльческихъ артелей встрѣтила большое сочувствіе конгресса. Кромѣ этого конгресса Н. В. получилъ приглашеніе въ 1898 г. участвовать въ сербскомъ конгрессѣ „Совеза српскихъ земльородничкихъ за друга“, въ г. Крагуевацѣ и на конгрессѣ въ г. Тарбѣ, затѣмъ въ Голландіи, въ городѣ Дельфтѣ, и на конгрессѣ французскихъ деревенскихъ рабочихъ кассъ. На всемірной Парижской выставкѣ 1900 г. при отдѣлѣ Соціальной Экономіи былъ организованъ конгрессъ производительныхъ рабочихъ ассоціацій (Cogrès des Associations ouvrierès de Production), и Н. В. Левитскій былъ избранъ членомъ организаціоннаго Комитета.

Помимо всего этого, Н. В. получаетъ за все время своей дѣятельности изъ за границы массу всякихъ запросовъ и привѣтствій отъ представителей самыхъ разнообразныхъ слоевъ общества, начиная съ крестьянскаго.

Что выйдетъ изъ дѣла Левитскаго покажетъ будущее, но, во всякомъ случаѣ, если его артели преобразуются, по пути нѣкоторыхъ изъ нихъ, лишь въ потребительныя общества и сольются въ деревенскіе, сельскіе и волостные союзы, что для нихъ будетъ только выгодно, то и тогда дѣятельность его не останется безслѣдной.

Въ дѣятельности Н. В. Левитскаго особенно поучительно то, что онъ, не смотря на неудачи, крайній недостатокъ средствъ, а подъ часъ и личную нужду, не теряетъ ни вѣры въ свое дѣло, ни энергіи. Не останавливаясь на однѣхъ своихъ земледѣльческихъ артеляхъ, онъ спѣшитъ на каждый призывъ и помогаетъ устройству ремесленныхъ артелей среди ремесленнаго и фабричнаго городского населенія. Вотъ что читаемъ о немъ въ газетахъ. Одесскій корреспондентъ „С. Петерб. Вѣд.“ сообщаетъ, что весной прошлаго 1900 г. имъ была организована въ Одессѣ первая артель мужскихъ портныхъ. Вслѣдъ за нею возникла вторая артель такихъ же портныхъ; затѣмъ, въ короткое время образовались артели: дамскихъ портныхъ, чемоданщиковъ, слесарей и столяровъ. Затѣмъ, осенью онъ опять былъ вызванъ

въ Одессу „для организаціи артелей трубочистовъ, мѣдно-котельщиковъ, папиросниковъ, сапожниковъ и др.“

„Дѣйствующія артели ремесленниковъ, говоритъ корреспондентъ, не смотря на короткое время своего существованія, успѣли заслужить симпатіи общества. Работая почти исключительно непосредственно на потребителя, артели съ каждымъ днемъ расширяютъ кругъ своихъ заказчиковъ, такъ что работа у нихъ не переводится. Благодаря этому, замѣчается нѣкоторое повышеніе экономическаго благосостоянія членовъ артелей, и есть полное основаніе предполагать, что въ недалекомъ будущемъ сознаніе своихъ собственныхъ выгодъ проникнетъ во всѣ слои ремесленнаго населенія нашего города и и при помощи артелей наши ремесленники выбьются изъ того тяжелаго положенія, въ которомъ большинство ихъ находится въ настоящее время. А положеніе это дѣйствительно незавидное. Въ такомъ большомъ и торговомъ городѣ, какъ Одесса, гдѣ капиталъ особенно сильно проявляетъ себя во всѣхъ отрасляхъ труда, мелкіе ремесленники-собственники съ каждымъ днемъ все больше и больше теряютъ свою самостоятельность. Десятокъ, другой ремесленниковъ, обладающихъ значительными капиталами и придавшихъ своей профессіи совершенно фабричный характеръ, мало-по-малу поглощаютъ мелкихъ ремесленниковъ-хозяевъ. Большинство изъ этихъ послѣднихъ лишь номинально числятся ремесленниками, въ сущности же они фабричные рабочіе со всѣми отрицательными и тяжелыми особенностями такого положенія. Вотъ поэтому нельзя не быть глубоко-благодарнымъ неутомимому Левитскому, пришедшему на помощь ремесленникамъ и воодушевившимъ на это благое дѣло лучшіе элементы нашего общества“.

Затѣмъ, не далѣе, какъ на дняхъ, т. е. въ началѣ уже настоящаго 1901 года, московская газета „Курьеръ“, сообщая о пріѣздѣ Н. В. Левитскаго въ Москву, поясняла, что пріѣхалъ онъ съ цѣлью „положить начало организаціи ремесленныхъ артелей въ Москвѣ“. Оказывается, что къ помощи его обратились „мѣстные столяры, портные и литографскіе граверы“. Теперь, продолжаетъ газета, Н. В. Левитскимъ „устроены ремесленныя артели въ Кіевѣ, Харьковѣ, Одессѣ, Севастополѣ, Симферополѣ, Херсонѣ, Елисаветградѣ, Полтавѣ, Никополѣ, Оргѣевѣ и Знаменкѣ. Изъ Москвы Н. В. Левитскій отправляется въ Самару для организаціи артели мастеровъ для починки сельскохозяйственныхъ орудій. Самарское губернское земство обѣщало

свою помощь этому дѣлу. Изъ Самары Н. В. Левитскій отправляется въ Воронежъ и Вятку, по приглашенію мастеровъ, желающихъ объединиться въ артель“.

Неутомимая дѣятельность Левитскаго болѣе, чѣмъ какое либо другое вліяніе, содѣйствовало тому, что объ артеляхъ стали вновь говорить, послѣ того, какъ этотъ древній народный институтъ въ теченіи долгаго времени былъ совсѣмъ почти забытъ. Объ артеляхъ стали говорить въ печати, въ вольно-экономическомъ и другихъ обществахъ, въ земствахъ, въ канцеляріяхъ; возникъ вопросъ о пересмотрѣ стараго законодательства и о выработкѣ новаго артельнаго устава, который давалъ бы имъ право гражданства и извѣстныя юридическія гарантіи. За выработку устава, не считая одной группы частныхъ лицъ, сразу принялись двѣ комиссіи: одна, очень многолюдная, при вольно-экономическомъ обществѣ, и другая при департаментѣ торговли и мануфактуръ. Работы первой, по независящимъ отъ нея обстоятельствамъ, пріостановились, и выработанный ею уставъ не получилъ дальнѣйшаго движенія, а вторая опредѣлила общее положеніе объ артеляхъ и выработала очень хорошій образцовый уставъ. Наконецъ тамъ и сямъ стали основываться артели и другими лицами: явились г. В. Ѳ. Сокульскій, учителя И. П. Даниленко и И. В. Соколъ, священникъ А. В. Коцарь и др. Вотъ что читаемъ, напр. въ „Сиб. Листкѣ“ объ основавшихся въ Тобольской губ. артельныхъ маслобойняхъ: въ 1900 г. ихъ было 12 и закончили онѣ операціонный годъ „прекрасно“. Въ теченіе года ими было „выработано 20000 п. масла на сумму 200,000 руб.“ „Всѣ онѣ окончательно выкупили свои зданія и машины въ теченіе 4—5 лѣтъ, разсчитали крестьянъ за молоко выше всѣхъ частныхъ заводовъ и въ настоящее время имѣютъ имущества болѣе чѣмъ на 60,000 р. Выгоды участія въ артеляхъ крестьянами сознаны, и въ настоящее время наблюдаются уже случаи входа новыхъ членовъ артели, которыхъ артель принимаетъ при условіи уплаты извѣстной суммы съ каждой коровы. Число артелей могло бы возрасти, но этому препятствуетъ невозможность для руководителя артелей В. Ѳ. Сокульскаго взять въ свое вѣдѣніе больше чѣмъ сколько ихъ находится въ настоящее время“.

Не смотря на то, что два артельныхъ маслодѣльныхъ завода (въ Ялуторовскомъ округѣ и въ Юрьевѣ, Тюкалинскаго округа) перешли въ частныя руки, потому что артели распались, нельзя не назвать такого результата хорошимъ, тѣмъ болѣе, что

и указываемая неудача то, по крайней мѣрѣ, въ первомъ случаѣ, произошла „именно вслѣдствіе невозможности для г. Сокульскаго слѣдить за всѣми моментами жизни завода". Неудачи вездѣ бываютъ, даже въ старыхъ окрѣпшихъ дѣлахъ. Сожалѣя о томъ, что „сельская интеллигенція не приходитъ на помощь крестьянамъ", газета говоритъ: „для организаціи артели прежде всего требуется надлежащая постановка счетоводства, что требуетъ въ первое время постояннаго надзора и руководства, а затѣмъ убѣжденіе крестьянъ въ необходимости постройки спеціальныхъ зданій и приглашенія хорошихъ мастеровъ*)".

Учитель Софіевскаго училища И. П. Даниленко основалъ, при содѣйствіи Н. В Левитскаго, въ д. Ивановкѣ, Александровской вол., Верхнеднѣпровскаго у., артель изъ малоземельныхъ крестьянъ. Пока артель составилась лишь изъ 8 домохозяевъ, но еслибы планъ относительно аренды казенной земли удался, то можно быть увѣреннымъ, что число ея членовъ увеличится, или, по образцу ея, оснуются и другія артели. Недостатокъ земли—главная бѣда крестьянъ, а потому Н. В. Левитскій обратился къ уполномоченному по сельско-хозяйственной части министерства земледѣлія въ Екатеринославской губ. съ ходатайствомъ „объ отводѣ въ арендное пользованіе 100 дес. земли изъ оброчныхъ казенныхъ земель, гдѣ бы могла устроиться артель". Вмѣстѣ съ тѣмъ Н. В. Левитскій возбудилъ вопросъ объ устройствѣ на артельномъ участкѣ, „въ случаѣ, если онъ будетъ отведенъ, опытнаго поля, считая, что крестьяне, согласившіеся организоваться въ артель, представляются наиболѣе подходящимъ элементомъ для того, чтобы завести, подъ руководствомъ спеціалистовъ, раціональное хозяйство, что будетъ важно, какъ для нихъ, такъ и для окружающаго населенія". („Днѣпр. Молвы", № 48, 1900 г.).

О дѣятельности другаго сельскаго учителя, И. В. Сокола, въ Александровскомъ у., той же Екатеринославской губ., можно составить нѣкоторое представленіе изъ поданнаго имъ въ прошломъ 1900 г. прошенія въ Управленіе госуд, имуществъ. Прошеніе это было напечатано въ томъ же вышеуказанномъ № „Днѣпр. Молвы". Вотъ что онъ говоритъ въ немъ, въ качествѣ попечителя двухъ артелей, основавшихъ въ с. Кушугумовкѣ:

„Занимая должность сельскаго учителя и присматриваясь къ жизни нашего земледѣльца-крестьянина, я убѣдился, что

*) Свѣдѣнія эти можно найдти также въ „СПБ. Вѣд.", № 29, 1901 г.

безъ поднятія его имущественнаго положенія онъ никогда не сдѣлается тѣмъ человѣкомъ, какимъ, вѣроятно, желалось бы его видѣть всѣмъ просвѣщеннымъ людямъ, т. е. человѣкомъ культурнымъ.

„Наше учительское вліяніе, при всей любви и энергіи учителя, парализуется этой убійственной бѣдностью, въ которую все больше и больше впадаетъ нашъ безземельный или малоземельный землецѣлецъ крестьянинъ.—На мои поученія не разъ приходилось отъ нихъ выслушивать горькіе отвѣты, „что все это, молъ, хорошо, но когда жрать иногда нечего тебѣ и семьѣ твоей, то что ужъ тутъ разговаривать".

„Прійдя къ убѣжденію въ необходимости способствовать поднятію имущественнаго положенія крестьянъ, безъ чего моя прямая обязанность учителя мало будетъ ему полезна, я два года тому назадъ составилъ изъ 5 семействъ безземельныхъ крестьянъ дер. Кушугумовки земледѣльческую артель по образцу херсонскихъ артелей г. Левитскаго, попечителемъ коей и состою до сего дня, за этотъ періодъ дѣятельности нашей артели эта форма общаго труда замѣчательно благотворно отразилась на имущественномъ и нравственномъ благосостояніи членовъ артели.—До соединенія въ артель крестьяне не имѣли почти никагого инвентаря; въ настоящее время имѣютъ его цѣнностью до 1500 руб. Съ нравственной стороны успѣхъ еще поразительнѣй: почти всѣ члены артели перестали употреблять спиртные напитки; появилось сознаніе своего человѣческаго достоинства, а самое главное—начинаетъ мало-помалу исчезать замѣчавшаяся раньше озлобленность на людей состоятельныхъ...

„Я глубоко убѣжденъ, что, при искреннемъ участіи людей интеллигентныхъ, въ качествѣ попечителей земледѣльческихъ артелей, эти несчастные, озлобленные бѣдняки, съ завистью и злобой глядящіе на зажиточныхъ людей, стали бы неузнаваемы какъ съ матеріальной, такъ и нравственной стороны.

„А пока настанетъ время, когда наша интеллигенція пойметъ свой нравственный долгъ предъ народомъ и поэнергичнѣй пойдетъ на помощь подавляющей массѣ нашихъ рабочихъ — исконнымъ крестьянамъ, превращающимся въ сельскій пролетаріатъ, до тѣхъ поръ надо хоть отдѣльнымъ лицамъ способствовать народу стать зажиточнѣй и нравственнѣй какимъ либо способомъ. Я, еще разъ повторяю, на двухлѣтнемъ опытѣ убѣдился, что лучшій и наиболѣе въ данномъ положе-

ніи удачный способъ—это соединеніе въ земледѣльческія артели... Кромѣ указанной причины—равнодушія интеллигенціи къ земледѣльческимъ артелямъ, крупнымъ тормазомъ роста ихъ въ нашей мѣстности служитъ и непомѣрно высокая аренда на землю частныхъ владѣльцевъ.

„Тѣмъ не менѣе, глядя на улучшеніе имущественнаго положенія своихъ односельчанъ артельщиковъ, образовалась изъ 25-ти семействъ крестьянъ д. Кушугумовки новая земледѣльческая артель, пригласившая меня руководить ею въ качествѣ попечителя.

„Въ силу принятой на себя обязанности попечителя артели и принимая во вниманіе высокую аренду на землю, которой вдобавокъ и не отыщешь вблизи, я осмѣливаюсь покорнѣйше просить Управленіе Государственныхъ Имуществъ сдать образовавшейся земледѣльческой артели крестьянъ дер. Кушугумовки, прошеніе коей при семъ прилагаю, казенный участокъ земли, лежащій въ Екатеринославскомъ уѣздѣ, прилегающій къ граничащему съ нашей межой заливу Днѣпра. При этомъ имѣемъ честь покорнѣйше просить дозволить намъ на просимомъ участкѣ вести хозяйство по системѣ многопольнаго сѣвооборота или трехпольное, но съ черным паромъ“...

Заслуживаетъ также вниманія артель, устроившаяся въ 1898 г. въ м. Аджамки, Александрійскаго у., Херсонской губ. Артель эта составилась изъ 8 домохозяевъ, при чемъ попечителемъ ея состоитъ мѣстный священникъ о. Алексѣй Коцарь, который въ то же время входитъ и въ составъ артели на одинаковыхъ основаніяхъ съ другими. Въ имѣющейся у меня копіи артельнаго договора, заключеннаго участниками на пять лѣтъ въ Аджамскомъ волостномъ правленіи, читаемъ: „мы (такіе то), руководствуясь 1528, 1529 и 1530 ст. X тома, части первой, и 89, 90 и первой частью 91 ст. XV т. ч. 2 (устав. торг.) и 2 ст. Высочайше утвержденнаго положенія 1 іюня, 1895 года, объ учрежденіяхъ мелкаго кредита, порѣшили соединиться всѣмъ вмѣстѣ въ одно товарищество для пользы нашего хозяйства и составить земледѣльческую артель для веденія одного общаго хозяйства“, при чемъ „всю нашу землю, надѣльную и арендную, какая имѣется у насъ въ настоящее время или будетъ впослѣдствіи, соединяемъ для общаго и совмѣстнаго пользованія всей артели, не оставляя ничего для себя, для отдѣльнаго хозяйства, котораго не должно быть никоимъ образомъ ни у кого изъ насъ; вся земля обработывается сообща и составляетъ одно цѣлое;

хозяиномъ ея является артель“. (п. 1 догов.) Такъ какъ земли у артельщиковъ было неравное количество, то они уравнивали ее такимъ образомъ: кто давалъ земли меньше, тотъ долженъ былъ доплатить въ артель по оцѣнкѣ до средней равной части, а кто давалъ больше этой части, тотъ долженъ былъ получить за излишекъ, при чемъ незасѣянная земля оцѣнивалась въ 9 р., а за засѣянную прибавлялась еще стоимость сѣмянъ (п. 2). Весь урожай артельнаго посѣва рѣшено было свозить въ одинъ общій артельный дворъ и послѣ молотьбы распредѣлять зерно такимъ порядкомъ: а) оставлять сколько слѣдуетъ на посѣвъ, б) на уплату артельныхъ долговъ, в) для запаса, на всякій случай, и г) остальной хлѣбъ дѣлить между всѣми поровну, при чемъ каждый можетъ или взять свою часть натурой, или оставить ее для совмѣстной продажи одной партіей (п. 3). Артельнымъ дворомъ артельщики временно избрали дворъ священника о. А. Коцаря, оставивъ за собою право, въ случаѣ надобности, перевести его въ другое мѣсто. Въ артельномъ дворѣ должны находиться весь артельный рабочій скотъ, сельскохозяйственныя орудія, машины и вообще весь инвентарь, а также и весь артельный хлѣбъ. Послѣ молотьбы, артельщики, подѣлившись между собой, берутъ домой солому для топлива и кормъ для мелкаго скота и птицы. Не имѣя отдѣльнаго рабочаго скота, они могутъ держать отдѣльно отъ артели коровъ, овецъ, свиней и домашнюю птицу (п. 9). Артельный рабочій скотъ состоитъ изъ 9 рабочихъ лошадей: всѣ артельщики обязались дать въ артель по одной лошади, стоимостью по 30 р., а о. Алексѣй далъ сверхъ того еще одну лошадь въ 80 р., которая была зачтена ему за землю, каковой въ годъ основанія артели у него „еще не было“ (п. 4). Всѣ артельщики по очередно дежурятъ по артельному двору и присматриваютъ за лошадьми. Въ свободное время всѣ артельщики пользуются этими лошадьми для поѣздокъ по своимъ домашнимъ дѣламъ, но не для отдѣльныхъ заработковъ отъ артели (п.п. 6 и 8). Всѣ заработки артельными лошадьми, орудіями, машинами и проч., а также и заработки отдѣльныхъ членовъ тѣмъ же сельскохозяйственнымъ инвентаремъ поступаютъ въ доходъ всей артели, въ артельный капиталъ, который долженъ храниться въ сберегательной кассѣ Государственнаго Банка (п. 7). Такъ какъ о. Алексѣю Коцарю, за исполненіемъ его служебныхъ обязанностей, нѣтъ возможности принимать участіе въ артельныхъ работахъ, то онъ долженъ, вмѣсто себя и жены, нанимать двухъ рабочихъ—мужчину и женщину (п. 20). Въ

случаѣ смерти кого либо изъ артельщиковъ или жены-домохозяйки какого либо двора, также допускаются наемные работники или работницы, для замѣщенія ихъ, и тогда семьи умершихъ продолжаютъ оставаться въ артели; въ противномъ же случаѣ имъ выплачивается, по разсчету, слѣдуемая имъ доля деньгами (п. 6). Артель очень строго относится къ пьянству, буйству, ругани, картежной игрѣ (п. 10), уклоненію безъ уважительныхъ причинъ отъ артельныхъ работъ (п. 11) и другимъ дурнымъ поступкамъ (п.п. 17 и 18), прибѣгая противъ нихъ послѣдовательно къ выговору, штрафу и наконецъ къ исключенію изъ артели; но за то, „въ случаѣ какого либо несчастія съ членомъ артели или въ его семействѣ (болѣзнь, смерть, пожаръ и проч.)“, она ему „помогаетъ, чѣмъ можетъ, и за пропущенные по этой причинѣ дни никакого вычета изъ его части не производится“ (п. 12). Чтобы не переплачивать, при отдѣльной покупкѣ товаровъ по мелочамъ, артельщики рѣшили, для общей выгоды, „сами или вмѣстѣ съ другими артелями“, составить „потребительную артель для закупки товара сообща оптомъ“ (п. 15). Рѣшили также устроить „самостоятельную или въ союзѣ съ другими артельщиками“ вспомогательную кассу „для образованія запаснаго капитала“, при чемъ размѣръ взносовъ опредѣляется „по взаимному соглашенію“ (п. 14). Всѣ артельныя дѣла, а также всякіе, могущіе возникнуть споры и недоразумѣнія, рѣшено „улаживать общимъ добрымъ совѣтомъ и рѣшать всею артелью по большинству голосовъ“, при чемъ въ томъ случаѣ, еслибы голоса раздѣлились поровну, „голосъ попечителя имѣетъ рѣшающее значеніе“ (п. 22).

Нельзя не указать еще на интересный опытъ организаціи „босяцкой артели въ Ярославлѣ. Артель эта была устроена въ прошломъ 1900 г. нѣсколькими частными лицами, въ видахъ „оказанія помощи и поддержки тѣмъ изъ босяковъ, которые пожелали бы выбиться изъ своего положенія“, и называется „артелью трудовой помощи“. Вотъ что разсказываетъ по этому поводу г. Никоновъ въ „Россіи“: задача была „очень простая: установить попечительство для оказанія помощи людямъ слабымъ, желающимъ выбиться на путь правильной, трудовой жизни. Въ цѣляхъ этихъ составлена была изъ выразившихъ на то согласіе босяковъ артель, причемъ каждый артельщикъ получилъ особую рабочую книжку для найма на работы, въ которую вписывается причитающійся каждому заработокъ; но заработанныя артелью деньги на руки артельщикамъ до времени выхода изъ

артели не выдаются, чтобы не дать возможности прокучивать ихъ по мелочамъ“. Все необходимое для артельщиковъ, какъ одежда, разные продукты, обувь и т. д. покупается попечительствомъ. Въ противуположность предыдущей аджамской артели, которая крайне затруднила выходъ изъ артели въ теченіи пятилѣтняго договорнаго срока*), выходъ изъ ярославской артели совершенно „свободенъ во всякое время для желающихъ“, которые получаютъ тогда „сколько на ихъ долю приходится изъ чистаго дохода артели“. „Интереснѣе всего то обстоятельство, говоритъ авторъ, что сами зимогоры-артельщики, сознавая, что ихъ благосостояніе въ артели зависитъ отъ личныхъ трудовъ, а не отъ благотворительности частныхъ лицъ, начинаютъ вполнѣ сознательно трудиться въ цѣляхъ улучшить свое благосостояніе. Денежная отчетность, какъ равно и касса артели, находятся подъ контролемъ особаго попечительства изъ мѣстной интеллигенціи“. Черезъ какихъ нибудь пять мѣсяцевъ уже можно было „указать рядъ случаевъ, когда нѣкоторые изъ членовъ артели, послѣ пребыванія въ ней, привыкнувъ вновь къ правильному труду, окрѣпнувъ физически и нравственно и пріобрѣтя на свои заработанныя деньги приличную одежду, вышли изъ того состоянія полной почти гибели, до какого опустились въ свое время, и поступили въ нѣкоторыхъ случаяхъ, при содѣйствіи попечительства, на должности, которыя ранѣе составляли ихъ обычное занятіе.

„Простота въ организаціи босяцкихъ артелей, продолжаетъ авторъ въ заключеніе, полное соотвѣтствіе нуждамъ этихъ несчастныхъ съ устраненіемъ въ то же время нежелательнаго здѣсь, а подъ-часъ и оскорбительнаго для „золоторотцевъ“, элемента благотворительности, возвышеніе въ то же время послѣднихъ до почтеннаго званія честныхъ тружениковъ, съ предохраненіемъ ихъ, однако, отъ соблазна полученія заработка на руки, „на выпивку“,—все это на практикѣ такой артели настолько „оправ-

---

*) Собственно говоря, такой выходъ изъ аджамской артели совершено закрытъ, Пунктъ 23 договора гласитъ: „Договоръ этотъ мы заключаемъ срокомъ на 5 лѣтъ и раньше этого срока не имѣемъ права уходить изъ артели, а кто броситъ ее раньше опредѣленнаго выше срока, тотъ ничего не получаетъ—ни имущества, ни земли: земля его остается въ артели до уплаты артельнаго долга, сдѣланнаго при его участіи“. Исключеніе сдѣлано только для одного о. Алексѣя, и то лишь въ случаѣ перевода его въ другое мѣсто, при чемъ часть его должна быть выдана ему деньгами по оцѣнкѣ, съ предварительнымъ вычетомъ „причитающейся на его долю части долга артели“ (п. 22).

дало себя“, что въ настоящее время смѣло можно рекомендовать желающимъ помочь босякамъ и въ другихъ городахъ, дать имъ вѣрный путь выбиться въ люди,—обратить свое вниманіе, время и трудъ на организацію такихъ же босяцкихъ артелей трудовой помощи. Сколько погибающихъ будетъ спасено тогда и какъ много народу скажетъ свое сердечное спасибо добрымъ людямъ, выручившимъ ихъ изъ омута пролетаріата“.

Словомъ, дѣятельность Н. В. Левитскаго пріобрѣтаетъ въ разныхъ мѣстахъ все болѣе и болѣе сторонниковъ артельной идеи. А сколько у него такихъ сторонниковъ среди крестьянъ, которые, какъ Гордѣй Гончаренко и другіе артельщики Рейментаровской артели (Чигиринскаго уѣзда), возмущаются всякими невѣрными и искаженными свѣдѣніями объ артеляхъ и пишутъ поэтому поводу опроверженія въ газеты, доказывая, что „у народа есть понятіе“, чтобы разобраться въ добрыхъ и худыхъ совѣтахъ и вещахъ и что „народъ, соединившійся въ артели, кромѣ того, что сталъ имѣть кусокъ хлѣба, но еще сталъ привыкать къ взаимной любви и сталъ отвыкать отъ злобы другъ къ другу“. У меня есть какъ разъ такое опроверженіе, присланное въ нѣсколько редакцій и въ вольно-экономическое общество, гдѣ шли толки объ артеляхъ и критиковалась дѣятельность г. Левитскаго; это—цѣлый протестъ, гдѣ говорится и о малоземельѣ, какъ главной причинѣ крестьянской бѣдности, и о разныхъ притѣсненіяхъ со стороны людей богатыхъ и сильныхъ, которые забываютъ *главное*, что „Богъ сотворилъ человѣка по своему образу и подобію“, что „всѣ мы происходимъ отъ одного человѣка и не только православные, но и всѣ расы людей одного происхожденія“, что съ устройствомъ артелей крестьяне стали себя чувствовать гораздо самостоятельнѣе и независимѣе отъ кулаковъ и собственнымъ опытомъ „убѣдились, что для бѣдныхъ людей только и есть одно спасеніе, что артель“. Опровергая по пунктамъ разныя „нелѣпости“ и „лукавыя клеветы“, которыя пишутъ объ артеляхъ нѣкоторые столичные господа („панычи“), авторы опроверженія говорятъ: „прежде всего распускаютъ недобрую молву (объ артеляхъ и артельщикахъ) деревенскіе кулаки, которые до этихъ поръ располагали этими людьми, какъ своею собственностью и называли ихъ по своему *голотою* и платили имъ, какъ которому вздумается, прежде всего руганьемъ, а потомъ и деньгами, но только такими, что этимъ бѣднякамъ едва хватало на насущный хлѣбъ, а про одежду и говорить нечего“. А когда эти самые бѣдняки, образовавъ артель, стали помаленьку обзаводится рабочимъ скотомъ, инвентаремъ, снимать землю и работать на себя, когда какой нибудь Иванъ-голота, прежде безмолвно соглашавшійся на всякія условія, сталъ говорить: „якъ бувъ я дурачекъ, то робывъ вамъ за корячекъ, а теперь, дядюшка Тарасъ, идить до насъ“, то всѣ такіе Тарасы разсердились и стали „лаять во весь ротъ“ противъ артелей и того, кто ихъ „выдумалъ“.

Не всѣ сельско-хозяйственныя артели Левитскаго удались и окрѣпли, извѣстная часть ихъ распалась, въ чемъ нѣтъ ничего удивительнаго, если мы окинемъ взглядомъ всю совокупность условій, среди какихъ онѣ возникали; но замѣчательно, что многія изъ закрывшихся артелей, черезъ нѣкоторое время, стали вновь устроиваться или принимать какую нибудь иную форму, напр., форму товариществъ для общей закупки товаровъ, весьма близкую къ потребительнымъ обществамъ. Очевидно, опытъ, хотя бы и неудачный, прошелъ не безслѣдно, и польза соединенія отдѣльныхъ слабыхъ усилій была сознана людьми на практикѣ. Хотя первообразъ потребительныхъ обществъ—харчевыя артели и не представляютъ чего либо новаго на Руси, но не въ обыденной жизни населенія и тѣмъ болѣе малороссійскаго. Наши городскія потребительныя общества, число которыхъ теперь такъ растетъ, также имѣли значительный перерывъ въ своей дѣятельности. Послѣ перваго ихъ возникновенія и довольно быстрыхъ успѣховъ, въ началѣ семидесятыхъ годовъ дѣла большей части изъ нихъ пошли такъ плохо, что скоро наступила точно какая то эпидемія ихъ закрытія. Общества стали закрываться одно за другимъ, и потянулась длинная, многолѣтняя полоса полной общественной бездѣятельности въ этой области, пока наконецъ уже въ 90-хъ годахъ общества не стали вновь возникать и въ городахъ, и на фабрикахъ, и въ военной средѣ, и среди служащихъ разныхъ другихъ вѣдомствъ и учрежденій, при чемъ дѣла нѣкоторыхъ изъ нихъ идутъ прекрасно, достигая стотысячныхъ и даже милліонныхъ оборотовъ. И теперь могутъ быть, и въ отдѣльныхъ случаяхъ даже навѣрное будутъ, неудачи, но дѣло все таки растетъ и во всякомъ случаѣ стоитъ гораздо болѣе прочно, чѣмъ вначалѣ, такъ что можно уже сказать, что дальнѣйшая судьба обществъ зависитъ не отъ какихъ либо стихійныхъ силъ и коренныхъ изъяновъ въ самой ихъ сущности и задачахъ, а исключительно отъ предусмотрительности и практическаго умѣнья лицъ, стоящихъ во главѣ ихъ. По всей вѣроятности, тоже будетъ и съ артелями Н. В. Левитскаго:

однѣ изъ нихъ закроются, другія преобразуются, третьи вновь возникнутъ и т. д., но, повторяю, что еслибы даже всѣ онѣ потерпѣли неудачу въ главной своей цѣли—сельско-хозяйственной производительной дѣятельности и превратились лишь въ потребительныя общества, то и тогда имѣли бы извѣстное экономическое значеніе. Отъ закупки товаровъ сообща недалекъ переходъ къ продажѣ хлѣба и другихъ продуктовъ деревенскаго хозяйства тоже сообща, а затѣмъ не можетъ не возникнуть вопроса и о болѣе раціональномъ и выгодномъ общественномъ производствѣ. Мы видѣли что аджамская артель предусмотрѣла въ своемъ уставѣ возможность артельной закупки товаровъ; другія артели также начинаютъ практиковать такую закупку и соединяются иногда для этого даже вмѣстѣ; артельщики рейментаровской артели, „возраженіе“ которыхъ мы только что цитировали, говорятъ въ немъ: „для закупки разнаго товара насъ на первый разъ соединилось *сто тридцать пять* чловѣкъ“, и мы „только жалѣли, что не содинились раньше“. Мы думаемъ, что въ сферѣ экономическихъ отношеній вопросъ объ общественной торговлѣ назрѣлъ болѣе, чѣмъ какой либо другой. Не даромъ мы видимъ столько разнообразныхъ попытокъ организовать такую торговлю и сблизить потребителя съ производителемъ: тамъ и сямъ земства закупаютъ хлѣбъ для продовольственныхъ нуждъ и поставокъ въ армію; въ цѣломъ рядѣ земскихъ собраній заходитъ рѣчь, а въ нѣкоторыхъ земствахъ дѣлаются уже и практическія попытки выдачи ссудъ подъ крестьянскій хлѣбъ, чтобы дать крестьянамъ возможность выжидать лучшихъ цѣнъ и продавать его не по мелочамъ на базарахъ, а цѣлыми вагонами и партіями, минуя мелкихъ скупщиковъ; устроиваются склады кустарныхъ издѣлій и дѣлаются попытки сбывать ихъ въ большихъ городскихъ центрахъ и даже за границу (въ Англію, Францію, Америку); дѣлаются казенные заказы кустарямъ и т. п. Не можемъ не остановиться на двухъ послѣднихъ попыткахъ этого рода. Вотъ что разсказывалъ г. П. М. въ „С. От.“ 1899 г. объ общественной торговлѣ въ Печерскомъ краѣ.

„Въ настоящее время крестьянскую торговлю въ Архангельской губ. можно считать за фактъ установившійся, пережившій періодъ первоначальныхъ опытовъ“, когда приходится сталкиваться „съ разными затрудненіями, капризами отдѣльныхъ личностей и разочарованіемъ неустойчивыхъ натуръ“. „Крестьянская общественная торговля устанавливается въ губерніи приговорами на сельскихъ сходахъ и получила особенно выдающееся и благотворное значеніе въ Печерскомъ уѣздѣ“. Первоначальная мысль о ней возникла въ 1892 г. среди мѣстной интеллигенціи и встрѣтила „поддержку въ лучшихъ представителяхъ мѣстной администраціи. Особенно ревностнымъ проводникомъ этой мысли явился въ Печерскомъ у. мѣстный чиновникъ по крестьянскимъ дѣламъ В. Е. Таратинъ“. Нужно замѣтить, что введеніе и упроченіе общественной торговли въ краѣ имѣетъ особое значеніе, вслѣдствіе оторванности его отъ торгово-промышленныхъ центровъ и отсутствія конкурренціи. Въ этомъ отношеніи достаточно указать, что „отъ с. Усть-Цыльмы, административнаго центра Печерскаго у., до г. Архангельска насчитывается по земско-почтовому и недавно проложенному гужевому пути около 800 верстъ“. Населеніе уѣзда „искони находилось подъ игомъ чердынскихъ торговцевъ“, „внесшихъ туда обычай торговли, основанный на водочной разорительной системѣ, сопровождаемой всяческимъ развратомъ“. Радѣтелямъ крестьянскаго интереса пришлось „преодолѣвать много препятствій“. Особенно много хлопотъ выпало на долю покойнаго Таратина, къ сожалѣнію, преждевременно скончавшагося въ 1897 году. Забота о томъ, чтобы провести мысль объ общественной торговлѣ въ сознаніе крестьянъ, подавленныхъ задолженностью и темнотою, и осуществить ее, „ему стоила безсонныхъ ночей и трудныхъ разъѣздовъ, ускорившихъ его смерть“. Прежде всего пришлось встрѣтиться съ безденежьемъ въ общественныхъ кассахъ. Образованіе складочнаго общественнаго капитала для торговли обзывалось трезвыми людьми, которые есть, конечно, и въ Печерскомъ краѣ, „излишней затѣей“. Пришлось прибѣгать къ займамъ на сторонѣ изъ 10% и болѣе годовыхъ „за свой собственный страхъ и поруку“. Подысканіе этихъ кредитовъ, установленіе разныхъ соглашеній, устройство помѣщеній и выборъ подходящихъ людей заняли цѣлыхъ два года, такъ что общественная торговля началась только съ 1894 года. Началась она, „за недостаткомъ средствъ и въ интересахъ скорыхъ результатовъ“, съ винторговли, разсчитанной на 1 рубль барыша съ ведра. Въ с. Усть-Цимлѣ, гдѣ жилъ Таратинъ, по особому договору съ другими обществами, былъ открытъ общій винный складъ, куда привозился спиртъ изъ Архангельска, а затѣмъ, въ разбавленномъ и очищенномъ видѣ, развозился за сотни верстъ по общественнымъ виннымъ лавкамъ. Нѣкоторыя изъ послѣднихъ, съ разрѣшенія начальства, имѣли, впрочемъ, свои разливочныя отдѣленія. „Хотя нѣкоторымъ обществамъ пришлось выдержать ожесто-

ченную дипломатическую войну съ кабатчиками, дѣйствовавшими за одно съ подонками разной канцелярщины, тѣмъ не менѣе, выгода рѣзко обнаруживалась: старые долги уплачивались, находился удешевленный кредитъ, появлялись сбереженія". Съ накопленіемъ средствъ устроивалась и торговля въ мелочныхъ лавкахъ разными съѣстными и прочими припасами, необходимыми въ крестьянствѣ, а въ Усть-Цыльмѣ, гдѣ сосредоточены уѣздныя правительственныя учрежденія и живетъ значительная группа лицъ некрестьянскаго сословія, заѣзжій человѣкъ можетъ найдти въ общественной лавкѣ даже нѣкоторые предметы роскоши. Начавшись въ Усть-Цыльмѣ, Пустозерскѣ, Махчѣ и Красноборовѣ, общественная торговля распространилась и по другимъ селамъ, такъ что въ 1899 г. изъ 26 крестьянскихъ обществъ, составляющихъ 7 волостей Печерскаго уѣзда, въ 14 обществахъ она была уже въ полномъ ходу, и, кромѣ того, должна была открыться еще въ нѣсколькихъ пунктахъ (между прочимъ, и въ самоѣдскомъ селеніи Колва, на самой границѣ тундры). Были и тутъ грѣхи и даже „случаи хищеній и растратъ", что зависѣло отъ неудачнаго выбора довѣренныхъ и приказчиковъ. Много горя причинилъ покойному Таратину „несоотвѣтствующій выборъ лицъ обществами, гнавшимися за дешевизною наймовъ". Причинила также заминку въ дѣлѣ и смерть самого В. Е. Таратина. Увидавъ его въ гробу, мѣстные кулаки направили атаку на его беззащитное дѣло, сосредоточивъ главный ударъ на счетахъ усть-цылемскаго виннаго склада; но, къ счастью, у хорошаго дѣла оказались друзья, въ лицѣ мѣстнаго уѣзднаго казначея г. Н. и чиновника по крестьянскимъ дѣламъ г. К., которые защитили его. Съ этого времени, говоритъ г. П. М., „для устраненія неурядицъ и наблюденія за ходомъ общественной торговли, вызваны были къ жизни общественные торговые комитеты, которые, имѣя подъ своимъ непосредственнымъ надзоромъ единоличныхъ довѣренныхъ и приказчиковъ, озабочены согласованіемъ общихъ интересовъ. Ихъ дѣятельность въ большинствѣ случаевъ благотворна". Комититъ общ. торговли въ с. Кедвѣ съ успѣхомъ произвелъ въ 1898 г. опытъ скупки у своихъ однообщественниковъ плодовъ изъ охотничьяго промысла, чѣмъ вызвалъ „повышеніе скупной цѣны на мѣстную дичь вдвое". Въ слѣдующемъ 1899 году такимъ же образомъ, только въ большихъ еще размѣрахъ, было поступлено съ рыбнымъ уловомъ, при чемъ была сдѣлана попытка завязать торговыя сношенія непосредственно съ Петербугомъ, куда пріѣзжалъ съ печерскою семгою одинъ изъ

мѣстныхъ чиновниковъ по крестьянскимъ дѣламъ. Семгу эту, благодаря превосходнымъ ея качествамъ, у него быстро разобрали, какъ цѣлыми бочками, такъ и отдѣльными рыбами. „Въ настоящее время крестьянскія общества въ Печерскомъ у. охотно, въ виду видимыхъ барышей, предъявляютъ ходатайства объ учрежденіи и у нихъ общественной торговли. Но для удовлетворенія всѣхъ желаній не находится, къ сожалѣнію, мѣстныхъ средствъ, чему, конечно содѣйствуютъ кулаки и міроѣды, поощряемые сродными имъ иногородными хищниками—предпринимателями".

Изъ сбереженій и свободныхъ суммъ общественной торговли уже не мало черпалось и черпается на разныя общественныя нужды и на покрытіе затянувшихся мірскихъ недоимокъ за несостоятельныхъ односельчанъ. Затѣмъ, съ 1897 г. изъ этого же фонда нѣкоторыя общества дѣлаютъ не малые расходы на отправку рабочихъ для ремонта Усть-цылемско-Койносскаго тракта, продолженіе котораго соединяетъ Усть-Цыльму черезъ Пинегу съ Архангельскомъ, а въ 1898 г. въ с.с. Усть-Цыльмѣ и Махчѣ было ассигновано по 2 т. руб. „въ пособіе казнѣ на устройство сельскихъ школъ". „Таковы, говоритъ г. П. М. въ заключеніе, результаты крестьянской общественной торговли, организованной на почвѣ общины и сознательнаго отношенія крестьянъ къ самозащитѣ отъ торговой эксплоаціи". Теперь „на очереди организаторскаго раздумья стоятъ вопросы о товариществѣ съ представителями большихъ рынковъ для выгоднаго сбыта мѣстныхъ товаровъ и закупки привозныхъ, а также централизаціи товарныхъ складовъ и надзора".

Какъ бы въ отвѣтъ на эти мечты, въ Москвѣ устраивается товарищество подъ фирмою „Союзъ" для торговли артельными и кустарными товарами, доказывающее полную возможность осуществленія, по тому же или иному плану, и торговли сильнохозяйственными артельными произведеніями. Устроителемъ этого товарищества явился другой, не менѣе энергичный поборникъ артельнаго принципа, о которомъ мы упоминали уже выше, а именно—предсѣдатель правленія Павловской кустарной артели, А. Г. Штанге, отдавшій этой артели много лѣтъ, по истинѣ, самоотверженнаго труда. Въ краткихъ чертахъ, сообщенныхъ имъ самимъ въ „С. От." 1899 г. (№№ 45 и 47), произошло это слѣдующимъ образомъ и на слѣдующихъ основаніяхъ.

Весною 1898 г. Павловская кустарная артель, убѣдившись въ выгодности сбыта своихъ издѣлій на Нижегородской ярмаркѣ, рѣшила открыть магазинъ въ Москвѣ. Желая вмѣстѣ съ тѣмъ

положить начало „общерусскому складу артельныхъ и кустарныхъ издѣлій“, артель обратилась съ запросомъ къ земствамъ (московскому, вятскому, нижегородскому, новоторжскому), къ рязанскому кустарному комитету, къ златоустовской артели и къ разнымъ лицамъ, организовавшимъ на мѣстахъ закупку кустарныхъ издѣлій. Отовсюду былъ полученъ сочувственный отвѣтъ и выражена готовность „поставлять въ магазинъ товаръ на коммиссіонныхъ началахъ“.

Въ концѣ марта магазинъ былъ открытъ, и торговля стала постепенно развиваться, сначала розничная, а затѣмъ стали поступать и партіонные заказы. Но для оптовой торговли—товара, за исключеніемъ собственнаго товара Павловской артели, оказалось недостаточно и получить его на коммиссіонныхъ началахъ представлялось невозможнымъ, въ виду ограниченности средствъ, которыми располагаютъ учрежденія и лица, поставляющія товаръ въ магазинъ. Это обстоятельство Павловская артель предвидѣла, и въ своемъ извѣщеніи о предстоящемъ основаніи магазина сообщила, что открываетъ его „на свой рискъ и страхъ, лишь для того, чтобы положить починъ этому дѣлу, и что она надѣется передать его товариществу учрежденій и лицъ, которыя явятся его поставщиками.“

Затѣмъ, вслѣдствіе того же недостатка средствъ, это предположеніе получило иную постановку и осуществилось въ формѣ товарищества на паяхъ, основаннаго, впрочемъ, не на чисто коммерческихъ началахъ. Учредителями и пайщиками его являются лица, заинтересованныя не столько „извлеченіемъ наибольшей прибыли изъ предпріятія“, сколько тѣмъ, чтобы дѣло пошло: уставъ ограничиваетъ дивидентъ 6%, при чемъ вся прибыль сверхъ этого % назначается „на развитіе кустарнаго дѣла и усиленіе средствъ пенсіонной кассы служащихъ въ товариществѣ“ (§ 45), затѣмъ, паи установлены именные и обращенію на биржѣ не подлежатъ (§§ 16 и 20); въ тѣхъ же видахъ учрежденъ совѣтъ, на который, кромѣ обязанностей ревизіонной коммисіи, возложена еще „оцѣнка всѣхъ дѣйствій правленія, съ точки зрѣнія ихъ соотвѣтствія основной задачѣ товарищества—содѣйствовать развитію артельной и кустарной промышленности“ (§ 69) и при этомъ члены совѣта никакого вознагражденія не получаютъ (§ 67). Учредителями товарищества были: прежде всего Павловская кустарная артель, потомъ, попечитель Моск. земск. кустарн. музея С. Т. Морозовъ, гласный моск. губ. земства и моск. думы М. П. Щепкинъ, предсѣдатель совѣта Строгановскаго училища рисованія П. В. Жуковскій, членъ совѣта того же училища Д. А. Хомяковъ, директоръ этого училища Д. А. Глоба и извѣстный уже намъ устроитель земледѣльческихъ артелей Н. В. Левитскій; а въ подпискѣ на паи приняли участіе—г-жи В. А. и М. Ѳ. Морозовы, Е. А. Кабанова, М. В. и С. В. Сабашниковы, С. А. Скирмунтъ, прис. пов. кн. А. И. Урусовъ, В. А. Плевако и много другихъ лицъ преимущественно изъ интеллигенціи. Паямъ былъ приданъ небольшой, возможно-доступный размѣръ въ 125 р., такъ что общая сумма капитала въ 100,000 р. была раздѣлена на 800 паевъ. Въ обсужденіи и установленіи окончательной редакціи устава, кромѣ учредителей, принимали участіе: проф. А. И. Чупровъ и Н. А. Каблуковъ, предсѣдатель моск. губ. управы Д. Н. Шиповъ, пр. пов. И. Н. Сахаровъ, М. Я. Герценштейнъ и др. Торговля была открыта при взносѣ лишь 40% капитала, т. е. 40 тыс. руб. Для начала этого было достаточно, но, предвидя, что съ развитіемъ дѣла, особенно оптоваго, не хватитъ и всѣхъ 100,000 р., уставъ допускаетъ дальнѣйшій выпускъ паевъ (§ 14). Товарищество разсчитываетъ хорошимъ веденіемъ дѣла доказать свою кредитоспособность и надѣется на приливъ капиталовъ, имѣя въ виду не капиталы, занятые въ фабричномъ производствѣ, торговлѣ и идущіе въ спекуляцію и на биржевую игру, а совершенно особые капиталы частныхъ лицъ, носящіе характеръ сбереженій и ищущіе „только вѣрнаго помѣщенія и процента, который по возможности былъ бы выше процента, приносимаго вполнѣ обезпеченными государственными бумагами“. Насколько разсчеты эти основательны и осуществятся въ дѣйствительности,—сказать, разумѣется, довольно трудно. Дѣла товарищества пошли прекрасно. Оно приняло отъ павловской кустарной артели, по взаимному съ нею соглашенію, ея московскій магазинъ, въ которомъ уже производилась торговля, какъ ея собственными издѣліями, такъ и издѣліями тобольской, златоустовской и красносельской артелей и кустарными товарами разныхъ губерній, получаемыми отъ земскихъ учрежденій, кустарныхъ комитетовъ, школъ и частныхъ лицъ, расширило операціи и помѣщеніе склада и обороты его стали быстро рости. Кромѣ вышеуказанныхъ товаровъ, оно выговорило себѣ также право торговать издѣліями земскихъ мастерскихъ, профессіональныхъ училищъ и благотворительныхъ учрежденій, а равно школьными и учебными принадлежностями. Изъ товаровъ, производимыхъ частными фабриками и мастерсими, оно держитъ лишь такіе, которые не конкурри-

руютъ съ артельными и кустарными и требуются для асортимента. При оживленныхъ сношеніяхъ земствъ со складомъ, имъ весьма удобно выписывать черезъ посредство товарищества нужныя ему школьныя принадлежности, тѣмъ болѣе, что „такіе предметы, какъ парты, столы, доски, счеты, гимнастическіе приборы и перочинные ножи уже производятся кустарями или артелями". Что касается издѣлій благотворительныхъ учрежденій (школы слѣпыхъ, глухонѣмыхъ и т. д.), то, кромѣ поддержки личнаго труда „наиболѣе обездоленной части населенія", товарищество руководится еще слѣдующимъ соображеніемъ: „Издѣлія филантропическихъ учрежденій часто расцѣниваются слишкомъ низко, вслѣдствіе оплаты части издержекъ производства изъ постороннихъ источниковъ и, поступая на общій рынокъ, понижаютъ цѣну издѣлій обыкновеннаго труда; поэтому полезно сосредоточить, по возможности, сбытъ подобныхъ издѣлій въ учрежденіи, правильно оплачивающемъ трудъ." Поставивъ первоначальною, ближайшею задачей развитіе розничной торговли въ Москвѣ и въ другихъ торговыхъ центрахъ, товарищество, по мѣрѣ увеличенія поступленія кустарныхъ товаровъ, разсчитываетъ „ставить отрасль за отраслью и оптовую торговлю различными артельными и кустарными товарами; а затѣмъ, независимо отъ этого, находитъ возможнымъ и полезнымъ включить въ кругъ своей дѣятельности" и другіе виды помощи кустарямъ и артелямъ, а именно— пріобрѣтеніе необходимыхъ имъ образцовъ, орудій, матерьяловъ и припасовъ и выдачу ссудъ и авансовъ". Всѣ эти виды помощи должны повести къ улучшенію производства, а слѣдовательно и увеличенію сбыта, „составляющаго основную задачу товарищества". Вотъ что можно было прочитать недавно о дѣятельности „Союза".

„Безшумно и совершенно незамѣченнымъ для большой публики прошло состоявшееся 17-го декабря прошлаго года въ Москвѣ общее собраніе пайщиковъ товарищества „Союзъ" для выслушанія отчета по торговлѣ и состоянію счетовъ товарищества за первый операціонный годъ. Свѣдѣній о дѣятельности товарищества не проникло въ общую печать. Мы очень хорошо понимаемъ причины, по которымъ множество акціонерныхъ учрежденій коммерческаго типа предпочитаютъ въ настоящее время оставаться въ тѣни и не торопятся съ опубликованіемъ своихъ отчетовъ: одинъ конфузъ ожидаетъ ихъ. Но „Союзъ" получилъ прибыли больше, чѣмъ ожидалъ; расходовъ понесъ меньше, чѣмъ ожидалъ; операціи его успѣшно развиваются вширь и вглубь...

Почему же „Союзу" такъ скромно забиваться въ уголъ и прятаться отъ свѣта? Огромной важности общественная работа, которую онъ дѣлаетъ, требуетъ, казалось бы, самой широкой огласки его дѣятельности.

„Насколько велика потребность въ учрежденіяхъ, подобныхъ „Союзу", лучше всего свидѣтельствуетъ популярность, которую онъ быстро завоевалъ въ средѣ кустарей. Кустарь, до котораго тѣмъ или инымъ путемъ дошли свѣдѣнія о „Союзѣ", уже избѣгаетъ частныхъ скупщиковъ и обращается исключительно къ „Союзу".

„Добросовѣстный расчетъ и болѣе высокая выручка—вотъ что привлекаютъ къ молодому „Союзу" его кліентовъ. Но значеніе его идетъ гораздо глубже... Онъ помогаетъ кустарямъ добрымъ совѣтомъ и техническими указаніями. „Союзъ"—это не только добросовѣстный посредникъ, но и заботливый и попечительный руководитель.

„Эта сторона дѣятельности „Союза" имѣетъ огромное значеніе. Въ самомъ дѣлѣ, не просуществовавъ еще и года, „Союзъ", кромѣ случайныхъ кліентовъ, завязалъ постоянныя сношенія съ тридцатью земскими управами и кустарными учрежденіями, 28-ю потребительными обществами и 56-ю частными фирмами. Оборотъ „Союза" за первые одиннадцать мѣсяцевъ его дѣятельности достигъ 680 тысячъ руб. Если дѣятельность его будетъ такъ расти и впредь, то она очень легко достигнетъ многомилліонныхъ оборотовъ и очень сложнаго дѣлопроизводства. Разумѣется, соотвѣтственно съ этимъ будутъ расти и размѣры приносимой „Союзомъ" пользы... „Союзъ" имѣетъ не меньшее нравственное и принципіальное значеніе перваго примѣра для русскаго общества, чѣмъ практическое значеніе для кустарей. Его качественный успѣхъ долженъ цѣниться столь же дорого, сколько и количественный. Не бѣда, если онъ завербуетъ меньше кліентовъ, чѣмъ могъ бы, но зато онъ на примѣрѣ покажетъ, что можетъ сдѣлать безкорыстный трудъ и благожелательная энергія" („Россія", 5 февр. 1901 г.).

Очень скоро пришлось увеличить асортиментъ товаровъ и рѣшено было прибавить нѣсколько „новыхъ отдѣловъ, увеличить помѣщеніе магазина, открыть филіальное отдѣленіе въ Тулѣ и вести правильную торговлю на нижегородской ярмаркѣ". Относительно увеличенія магазина московскіе газеты сообщаютъ, что „Союзъ на-дняхъ заключилъ съ домовладѣлицей г-жей Шориной контрактъ на девять лѣтъ съ платой по 7,000 руб. ежегодно",

при чемъ „помѣщеніе будетъ значительно расширено въ глубь двора и всѣ расходы по ремонту, которые исчислены въ 10,000 руб., союзъ принимаетъ на себя“. Затѣмъ относительно расширенія операцій читаемъ, что „союзъ, желая завязать прочныя сношенія съ рынками Персіи, по предложенію министра финансовъ, въ числѣ многихъ крупныхъ фабрикантовъ и заводчиковъ, отсылаетъ на востокъ образцы своимъ товаровъ“. „Дальнѣйшее расширеніе дѣятельности Товарищества, говоритъ г. Штанге, будетъ идти вмѣстѣ съ ростомъ земской и общественной работы, направленной на поднятіе народныхъ промысловъ, значеніе которыхъ, какъ наиболѣе дѣйствительнаго средства противъ народнаго обѣднѣнія, все болѣе сознается обществомъ. Начавшаяся въ этомъ направленіи дѣятельность земствъ непрерывно расширяется, но все еще представляется несоразмѣрно малой по сравненію съ предстоящей задачей: кустарей насчитываютъ милліоны, а произведенія кустарной промышленности оцѣниваются сотнями милліоновъ. Между тѣмъ на содѣйствіе кустарной промышленности всѣми правительственными, земскими и общественными учрежденіями не затрачено еще и милліона, особенно, если считать только оборотный фондъ, а не расходы на изслѣдованія, музеи и т. п. безвозвратныя затраты“.

Мы думаемъ, что на земства можно было бы разсчитывать и въ смыслѣ паеваго участія въ товариществѣ. Для такого участія возможны разныя формы. Могли бы, при земскомъ содѣйствіи, сдѣлаться пайщиками и мѣстныя артели. Собственно говоря, самымъ правильнымъ было бы, еслибы центральное торговое учрежденіе, какимъ является товарищество съ его складомъ, было устроено не при помощи частныхъ лицъ, а объединенными силами самихъ артелей или тѣхъ земствъ, которыя устраиваютъ закупку издѣлій у кустарей и продажу ихъ изъ музеевъ, складовъ, на ярмаркахъ, заботятся объ улучшеніи кустарной техники, о введеніи лучшихъ образцовъ, о предоставленіи кустарямъ дешевыхъ сырыхъ матеріаловъ, о заказахъ и поставкахъ ихъ издѣлій, содѣйствуютъ возникновенію артелей, доставленію имъ кредита и т. д. Мы имѣемъ уже цѣлый рядъ такихъ земствъ, и число ихъ, конечно, будетъ только рости, такъ что разсчетъ на нихъ былъ бы едва ли менѣе основателенъ, чѣмъ на сбереженіи частныхъ лицъ и доброе расположеніе просвѣщенныхъ капиталистовъ. Введеніе частнаго интереса въ общественное дѣло внушаетъ невольное опасеніе относительно возможности какихъ либо неблагопріятныхъ для послѣдняго осложненій.

Говоря о торговлѣ артельными и кустарными товарами въ Москвѣ, нельзя умолчать еще о „Магазинѣ кооперативныхъ произведеній“ въ Харьковѣ, основанномъ г. Н. П. Баллинымъ раньше московскаго склада. Магазинъ этотъ не имѣетъ такого успѣха, какъ московскій складъ, но представляетъ собою несомнѣнно дальнѣйшій шагъ въ дѣлѣ кооперативнаго объединенія. Онъ торгуетъ исключительно кооперативными товарами, какъ русскими, такъ и иностранными, при чемъ послѣдніе выписываетъ черезъ Великобританскій кооперативный союзъ или „непосредственно отъ кооперативныхъ фабрикъ“. Тамъ вы найдете и разнообразныя желѣзныя издѣлія Общества Фамилистера въ Гизѣ, и часы кооперативной фабрики „Andrew's Coop. Watch coop. Society Coventry“, и швейныя машины, и лампы, и волшебные фонари, и шерстяныя матеріи, и эмалевыя краски, и мыло—все кооперативныхъ же фабрикъ, и кооперативный шеффильдскій ножевый товаръ и даже кооперативные чай и кофе „Кооперативнаго общества оптовой продажи въ Лондонѣ“. По всей вѣроятности, недалеко то время, когда и русскія кооперативныя общества, подобно обществамъ другихъ странъ, вступятъ, въ видахъ общей выгоды, въ сношенія съ существующимъ уже „Alliance Coopérative Internationale“.

4. Исканіе новыхъ путей къ народному просвѣщенію.

I.

Я привелъ мало примѣровъ и вообще мало сказалъ о дѣятельности культурныхъ людей въ области народнаго просвѣщенія, потому что дѣятельность эта довольно однообразна; болѣе или менѣе однообразны и тѣ условія, среди которыхъ они дѣйствуютъ, и тѣ препятствія, какія приходится имъ встрѣчать, такъ что пришлось бы повторяться. Но нельзя было бы не отмѣтить и совсѣмъ ничего не сказать о нѣсколькихъ попыткахъ исканія новыхъ путей, новыхъ пріемовъ и способовъ къ распространенію просвѣщенія. Къ числу такихъ попытокъ слѣдуетъ отнести дѣятельность, къ сожалѣнію, теперь уже прекратившуюся, г-жи Штевенъ по устройству школъ въ Арзамасскомъ уѣздѣ, Нижегородской губ., устройство нѣсколькими лицами народныхъ читаленъ и сельскихъ

библіотекъ, книжныхъ складовъ, въ родѣ костромскаго склада г-жи П. Д. Антиповой, подвижныхъ библіотекъ, народныхъ чтеній и т. п. Остановимся прежде всего на школахъ г-жи Штевенъ.

Передъ нами вышедшая въ 1894 г. брошюрка г-жи А. А. Штевенъ: „Изъ записокъ сельской учительницы“. Есть книги очень большія по объему, о которыхъ, однако, нечего или почти нечего сказать,—такъ онѣ ординарны и малосодержательны; названная же крошечная брошюрка, наоборотъ, полна живого интереса и затрогиваетъ цѣлый рядъ вопросовъ, о которыхъ можно и думать, и спорить, и волноваться, и болѣть душою. Г-жа Штевенъ очень просто, но въ то же время въ высшей степени сердечно и живо разсказываетъ, какъ она устраивала и вела свои школы (въ пользу которыхъ была и издана самая брошюрка); разсказъ перемежается наблюденіями надъ деревенской жизнью, сценами изъ деревенскаго быта и общими соображеніями относительно школьнаго дѣла.

По свѣдѣніямъ, какія имѣлись у насъ къ январю 1893 года, г-жею Штевенъ было открыто 14 школъ: одна центральная, земская, и вокругъ нея 13 филіальныхъ школъ грамотности; къ началу 1894 г. послѣдняя цифра превратилась уже въ 31, такъ какъ осенью 1893 года было открыто еще 18 новыхъ школъ, слѣдовательно, въ общей сложности, г-жа Штевенъ открыла и завѣдывала цѣлыми 32 школами *). Можно относиться скептически къ школамъ грамотности въ томъ видѣ, какъ онѣ у насъ поставлены, можно раздѣлять или не раздѣлять тѣ или иные взгляды г-жи Штевенъ, сочувствовать или не сочувствовать тѣмъ или инымъ пріемамъ ея дѣятельности; но нельзя не признать, что дѣятельность эта отличалась рѣдкою энергіею и любовью къ дѣлу. Читатель, вѣроятно, не посѣтуетъ на насъ, если мы познакомимъ его поближе съ этою интересною дѣятельностью, прежде, чѣмъ сдѣлать о ней какое-либо общее заключеніе.

Нѣсколько лѣтъ тому назадъ, послѣ двухлѣтняго пребыванія заграницей, г-жѣ Штевенъ пришлось поселиться въ довольно глухой мѣстности въ 120 верстахъ отъ желѣзной дороги, въ имѣніи ея родителей—въ с. Яблонкѣ, Арзамасскаго уѣзда, Нижегородской губ. Такъ какъ школы тогда въ селѣ еще не было, то она, отъ нечего дѣлать, стала учить читать нѣсколькихъ крестьянскихъ ребятъ. Число учениковъ стало постепенно увеличиваться, а вмѣстѣ съ тѣмъ и занятія съ ними получили для г-жи Штевенъ большой интересъ. Послѣ Европы и Петербурга, съ которыми она

*) Впослѣдствіи, какъ увидимъ ниже, число это еще увеличилось.

до того времени почти только и была знакома, ее прежде всего поразилъ тотъ трудный и суровый образъ жизни, какой вели ея ученики: „эти корки хлѣба, которыя они считали обѣдомъ, эти тѣсныя, грязныя избы, въ которыхъ они жили“. Случалось ей видѣть болѣзнь и смерть въ такой обстановкѣ, и „забыть этого, говоритъ она, было уже невозможно“. „Поражали меня, продолжаетъ г-жа Штевенъ, въ моихъ ученикахъ еще и многія неожиданныя черты характера. Я замѣтила, что они не только отличаются неунывающей веселостью и способностью шутить даже по поводу того, что питаться многимъ приходилось впроголодь; что они не только смѣлы и находчивы... но что они еще и очень добродушно относятся другъ къ другу, что новенькихъ и маленькихъ они не только не дразнятъ и не преслѣдуютъ, но даже берутъ подъ свое покровительство,—что они, хорошо зная брань и побои, способны краснѣть и плакать отъ стыда и очень живо чувствовать любовь и ласку“. А главнымъ образомъ, замѣтила она, что ребята сильно желаютъ учиться и что ничѣмъ родители не могутъ такъ ихъ огорчить, какъ угрозой не пустить въ училище. При ближайшемъ знакомствѣ съ крестьянскимъ бытомъ, узнала она также и про дѣтскіе пороки: про шаткія понятія о собственности, привычку къ лжи, грубыя слова, скверныя пѣсни и пьянство, въ которомъ, во время престольныхъ праздниковъ и свадебъ, участвуютъ и дѣти; но вмѣстѣ съ этимъ пришла она и къ убѣжденію, что имъ легко дать понятіе и вселить отвращеніе къ порокамъ. Наблюденія эти очень измѣнили ея тогдашнія воззрѣнія на крестьянское населеніе и на ея обязанности къ нему. Поставивъ себѣ двѣ цѣли: учить ребятъ тому, что имъ хотѣлось знать, и исправлять ихъ отъ пороковъ; она считала послѣднее вполнѣ посильнымъ для себя дѣломъ, но скоро въ этомъ разочаровалась и говоритъ:

„Теперь я знаю, что тутъ неизбѣжны разочарованія; знаю, что на большинство людей среда всегда будетъ вліять сильнѣе, нежели школа, и думаю, что значеніе школы—въ даваемомъ ею развитіи, которое поможетъ народу измѣнить условія своего быта и тогда уже исправиться отъ своихъ пороковъ. Но я продолжаю думать, что стремленіе къ перевоспитанію учащихся должно быть присуще каждой хорошей школѣ, потому что всегда есть случаи, когда оно достигаетъ цѣли, и потому, что во всѣхъ случаяхъ оно вызываетъ далеко не лишнее, хотя и временное, оживленіе совѣсти и нравственнаго чувства“.

Разсказывая о первыхъ шагахъ своего учительства, г-жа Штевенъ откровенно говоритъ, что учительницей она была тогда крайне неопытной и неумѣлой. Ни какой-либо учебной системы, ни дисциплины въ школѣ у нея не было: всякій говорилъ и вставалъ съ мѣста, когда хотѣлъ, разныя группы одновременно читали вслухъ, разсказывали, задавали вопросы и, за исключеніемъ времени, когда она что-нибудь разсказывала, „въ школѣ былъ такой же безпорядокъ и шумъ, какой бываетъ на иномъ сельскомъ сходѣ“. Пока учениковъ было мало, это дѣлу не вредило, но когда ихъ набралось до 40, то стало отражаться на занятіяхъ. Впрочемъ, она не особенно жалѣла объ отсутствіи дисциплины въ первое время существованія школы, такъ какъ это повело къ искренности отношеній между нею и учениками. Отсутствіе наказаній за шалости, отмѣтокъ, принужденія и наградъ за ученье устраняло всякіе поводы къ скрыванію чего-нибудь, къ хитрости, подсказыванію и списыванію другъ у друга, между тѣмъ нравственно она вліяла на нихъ: было устроено школьное общество трезвости и ученики бросили пить водку, перестали ругаться, дразнить юродивыхъ, смѣяться надъ стариками, лгать. Длинныя бесѣды съ старшими учениками о какомъ-нибудь только-что прочитанномъ эпизодѣ изъ русской исторіи, главѣ изъ Евангелія или явленіяхъ мѣстной жизни, хотя и невыгодно прерывали уроки ариѳметики и грамматики, но давали г-жѣ Штевенъ многія цѣнныя указанія. Она видѣла, какъ всякій разговоръ о подвигахъ, о преданности вѣрѣ и отечеству, о самопожертвованіи и презрѣніи къ смерти одушевлялъ ея молодыхъ собесѣдниковъ, и съ удовольствіемъ вспоминаетъ нѣсколько эпизодовъ. Однажды ей случилось разсказать, какъ одинъ оренбургскій казакъ научилъ своихъ односельчанъ и сосѣдей истинному христіанскому житью. Безмолвно и со страстнымъ вниманіемъ выслушали ученики этотъ разсказъ. Одинъ угрюмый и скрытный мальчикъ, никому никогда не смотрѣвшій прямо въ глаза, въ первый, кажется, разъ поднялъ ихъ на учительницу „и все лицо его преобразилось и освѣтилось прекрасной, чуткой мыслью“, а другой, лѣтъ 12, взволнованно и твердо заявилъ, что будетъ кормить отца, пока тотъ живъ, а потомъ уйдетъ въ Оренбургъ, на христіанское житье. Въ другой разъ ей случилось долго бесѣдовать съ крестьянскими дѣвушками, приходившими въ школу по вечерамъ съ пряжей.

„Мы говорили, разсказываетъ г-жа Штевенъ, о темныхъ сторонахъ деревенскаго быта, и дѣвушки были очень задумчивы и серьезны. А черезъ нѣсколько времени послѣ того, какъ мы разошлись, я услышала звонокъ и нашла у подъѣзда нашего дома четырехъ дѣвушекъ, которыя, не смотря на поздній часъ, вернулись, чтобы сообщить мнѣ свое рѣшеніе: онѣ не хотятъ жить какъ всѣ, въ грязи, грубости и неправдѣ; онѣ не хотятъ слышать бранныхъ словъ и видѣть пьяныхъ, не хотятъ участвовать въ насиліяхъ и обманахъ; онѣ хотятъ втроемъ поселиться особо въ чистой кельѣ за садомъ, у церкви; хотятъ пѣть, работать, читать и молиться, и хотятъ до самой смерти прожить чистыми и добрыми. Этотъ проектъ вызвалъ въ школѣ оживленные толки и споры; нѣкоторые мальчики подняли на смѣхъ молодыхъ отшельницъ и сами онѣ, къ прискорбію своему, должны были согласиться, что имъ въ 15 лѣтъ поселиться однѣмъ въ кельѣ невозможно; надо было подождать года два, а черезъ два года всѣ онѣ повышли замужъ, и житье ихъ въ кельѣ не состоялось, какъ не состоялось и переселеніе мальчиковъ въ Оренбургъ“.

Эти наивныя вспышки идеализма показали г-жѣ Штевенъ, какъ могущество искренняго слова, такъ и то, что „рускіе люди въ глубинѣ души всякую правду глубоко чтутъ“.

Отсутствіе въ Яблонской школѣ дисциплины слишкомъ утомляло неопытную учительницу, дѣлая ее неспособной къ преподаванію, и вредно дѣйствовало на учениковъ, „лишая ихъ необходимой сдержанности, вѣжливости и внимательности“. Пришлось измѣнить порядокъ, что оказалось не особенно труднымъ: ученики скоро поняли, чего отъ нихъ хотятъ, и въ школѣ водворились относительные порядокъ и тишина. Вмѣстѣ съ тѣмъ г-жа Штевенъ выработала себѣ извѣстную систему занятій и стала придерживаться извѣстной программы. Вслѣдствіе этого ученье пошло гораздо лучше, а весной 1889 г. школа ея была оффиціально объявлена земской. Такъ какъ учебныя занятія не поглощали всего времени, то вскорѣ послѣ этого г-жа Штевенъ задумала открывать въ ближайшихъ деревняхъ школы грамотности, ставя въ нихъ учителями наиболѣе способныхъ изъ окончившихъ въ ея школѣ учениковъ. Поэтому, сдавши экзаменъ, большинство учениковъ продолжало посѣщать ея Яблонскую школу. Пусть сама она разскажетъ о первой такой школѣ грамотности, открытой въ большой деревнѣ Петлинѣ (съ 300 душъ), въ 5 верстахъ отъ Яблонки.

„Я слышала, что тамъ есть желающіе учиться,—знала, что тамъ имѣется пустой брошенный кабакъ, которымъ, при пат-

ріархальности нашихъ порядковъ, удобно можно было завладѣть, и поручила старостѣ переговорить съ крестьянами объ открытіи у нихъ школы. На должность учителя я прочила старшаго своего ученика и помощника 16-ти-лѣтняго, способнаго и бойкаго малаго, которому перспектива учительства чрезвычайно понравилась. Какой огонь пробѣжалъ по его подвижнымъ чертамъ въ ту минуту, когда меня вызывали изъ класса посланные сходомъ петлинскіе мужики! Они пришли сказать, что общество ихъ по бѣдности отъ учрежденія у себя школы отказывается. Но я такъ была увѣрена, что непремѣнно нужно открыть школу въ Петлинѣ, что увѣренность эта какимъ-то образомъ передалась и пришедшимъ съ отказомъ. Рѣшено было еще разъ собрать сходъ и мнѣ самой пріѣхать въ Петлино. Подъѣзжая къ деревнѣ, я увидѣла издали толпу, гудѣвшую у пожарнаго сарая, но я тогда еще боялась этой чуждой мнѣ толпы и стала ждать рѣшенія схода въ домѣ старушки-родственницы. Ждать пришлось не мало, но, наконецъ, пришло съ десятокъ стариковъ, отъ которыхъ я, къ несказанной моей радости, узнала, что два общества согласились платить по 1 к. съ души въ мѣсяцъ и только третье маленькое общество еще „ломается“. Два первыя взялись уломать это третье упрямое общество, и, дѣйствительно, черезъ нѣсколько времени высокій, бородатый староста торжественно вручилъ мнѣ 3 р. 15 к.,—жалованье учителю за первый учебный мѣсяцъ. Мы открыли двери и ставни въ старомъ, низкомъ, закоптѣломъ бывшемъ кабакѣ, вставили и вымыли окна, передѣлали стойку на столы, раздобыли и принесли скамеекъ,—и въ новую школу набилось 38 мальчиковъ, жаждавшихъ учиться. Деньгами я въ то время почти никакими не располагала и книгъ у насъ не было, но на первые дни заготовлены были листки почтовой бумаги съ нарисованными на нихъ печатными буквами. По этимъ-то листкамъ и начали въ школѣ учиться, а потомъ взяты были взаймы буквари изъ сосѣдней земской школы, гдѣ они тогда (т.-е. въ февралѣ) уже пройдены были младшимъ отдѣленіемъ. Черезъ нѣсколько дней я пріѣхала въ новую школу и чуть не съ замираніемъ сердца спросила выбѣжавшаго мнѣ на встрѣчу учителя, какъ идетъ у него дѣло. И какой камень свалился у меня съ совѣсти, когда онъ, радостно улыбнувшись, мнѣ отвѣтилъ: „слава Богу!“ — Дѣйствительно вся школа была полна ребятъ, всѣ, и въ томъ числѣ даже ровесники его по годамъ, охотно слушались „Николая Ивановича“; они уже выучились нѣсколькимъ молитвамъ и знали почти всѣ буквы. А черезъ два мѣсяца стали медленно читать“...

Осенью 1890 г. была открыта другая школа грамотности, а въ концѣ 1891 г. такихъ школъ было уже 5. Въ это время г-жа Штевенъ нѣсколько измѣнила прежнюю систему, а именно: вмѣсто того, чтобы возлагать необходимый школьный расходъ на все сельское общество, какъ это было сначала въ Петлинѣ, она стала назначать небольшую плату за ученье, именно по 40 к. въ годъ съ ученика, что повлекло за собою нѣкоторое уменьшеніе числа учениковъ тамъ, гдѣ ученье было сперва даровымъ. Противъ такой перемѣны можно было бы сдѣлать нѣкоторыя возраженія, но г-жа Штевенъ считаетъ новый порядокъ болѣе удобнымъ: во-1), потому, что онъ не требуетъ траты времени на переговоры съ обществами, а во-2) потому, что не причиняетъ „неудовольствія тѣмъ, кого общества вынуждаютъ платить и кто при томъ школой не пользуется“.

Прошли первые два года, ученики школъ грамотности стали бѣгло читать и понимать читаемое, стали писать довольно красиво и правильно, но разсказывать вначалѣ умѣли только выученное наизусть и, зная четыре дѣйствія ариѳметики, совсѣмъ не умѣли ихъ примѣнять. Къ концу второго года, однако, уразумѣли, когда слѣдуетъ вычитать и когда дѣлить и привыкли связно передавать „своими словами“ прочитанное. „Особенно много труда, говоритъ г-жа Штевенъ, пришлось положить на Законъ Божій, такъ какъ нужно было достигнуть, чтобы ученики твердо знали Св. исторію, молитвы, краткій катехизисъ и порядокъ и значеніе церковныхъ службъ“. Не смотря, однако, на значительность программы, рвеніе молодыхъ учителей и „крестьянская привычка къ упорному труду сдѣлали свое дѣло“: ученики первыхъ двухъ выпусковъ двухъ старѣйшихъ школъ, въ числѣ 17 (въ 1892 г.) и 27 (въ 1893 г.) выдержали экзаменъ и получили свидѣтельства на льготу по воинской повинности. Относительно послѣдняго экзамена г-жа Штевенъ замѣчаетъ, что онъ, сравнительно съ экзаменами въ земскихъ школахъ, „былъ очень строгъ по отношенію къ Закону Божію, средней строгости по отношенію къ чтенію и письму и очень снисходителенъ по отношенію къ ариѳметикѣ“. Усиленныя требованія по Закону Божію объясняются программою экзаменовъ на льготу, но, кромѣ того, здѣсь, по всей вѣроятности, мы видимъ еще и вліяніе епархіальнаго училищнаго совѣта, желающаго

приблизить школы грамотности по характеру къ школамъ церковно приходскимъ. Если при этомъ будутъ оставаться безъ вниманія такіе общеобразовательные предметы, какъ ариѳметика и даже сама грамотность, то врядъ-ли это цѣлесообразно. Поэтому было бы желательно, чтобы если не всѣ, то хоть часть школъ грамотности, тяготѣющая не къ церковноприходскимъ, а къ земскимъ школамъ, была изъята изъ исключительной подвѣдомственности духовенству и поставлена, наравнѣ съ земскими школами, въ порядокъ общей, свѣтской подчиненности.

Когда осенью 1892 г. школъ грамотности было уже 13, то поддерживать ихъ на свои средства стало затруднительно для г-жи Штевенъ, а потому она начала искать посторонней помощи. Благодаря поддержкѣ одного высокопоставленнаго лица, въ концѣ года было открыто еще 18 новыхъ школъ. Находятся эти школы отчасти въ маленькихъ деревушкахъ, отчасти въ многолюдныхъ селахъ, гдѣ еще не было правильно организованныхъ школъ и гдѣ не мало мордовскаго населенія, мало еще знакомаго не только съ русской грамотой, но и языкомъ. Были мѣста, гдѣ давно уже желали имѣть школу, но куда г-жа Штевенъ не могла еще добраться; въ другихъ она первая завела рѣчь о школѣ, потому что ѣздить туда было по дорогѣ. „Я давно уже убѣдилась, говоритъ она, что потребность въ ученіи существуетъ вездѣ“. Правда, иногда встрѣчаются и такія глухія деревни, гдѣ приходится слышать, что „ученье пахарю не нужно, что ученыя дѣти не станутъ слушаться родителей и что нечего тратить деньги на пустяки“; но надъ такими деревнями уже смѣются сосѣди, и на одно заявленіе, что ученье вздоръ, можно указать „сотни горячихъ рѣчей о пользѣ ученья и о томъ, что не вѣкъ дураками быть“. Г-жа Штевенъ съ увѣренностью говоритъ слѣдующее: когда о своемъ желаніи завести школу я передавала крестьянамъ черезъ третьихъ лицъ, то „мнѣ не разъ приходилось получать отказы; но тутъ почти всегда играло роль какое-нибудь недоразумѣніе, чье-либо косвенное враждебное вліяніе или просто недобросовѣстность старосты, избѣгающаго хлопотъ. Стоило пріѣхать въ село, собрать сходъ и объяснить крестьянамъ, что къ міру ни малѣйшихъ требованій не предъявляешь,—что платить и учиться будетъ только тотъ, кто пожелаетъ, что платить нужно будетъ самую бездѣлицу, а учить дѣйствительно будутъ,—и тотчасъ же становилось возможнымъ нанять квартиру и набрать достаточное число учениковъ“. Впрочемъ, въ селахъ, гдѣ не особенно сочувствовали школамъ, г-жа Штевенъ открытіе школъ откладывала резонно предпочитая открывать ихъ сначала тамъ, гдѣ польза ученія уже сознавалась. Но были случаи, когда ей почему-либо не хотѣлось отказаться отъ открытія школы въ извѣстной мѣстности, и тогда, говоритъ она, „я пріѣзжала туда, не смотря на несочувствіе крестьянъ, и, по народному выраженію, *брала ихъ изморомъ*“. „Имъ совсѣмъ не хотѣлось идти на сходъ ради ненужнаго имъ ученья, имъ даже, можетъ быть, заманчивымъ казалось немного поломаться надъ барышней, но брало-ли верхъ добродушное мнѣніе, что нельзя же заставить барышню ждать до безконечности, или начинала появляться мысль, что ученье можетъ быть не такъ уже излишне, какъ сперва казалось,—въ концѣ концовъ сельчане собирались“. А разъ сходилось человѣкъ 10—15, уже можно было разсчитывать на благопріятный исходъ, на то, что самые ярые противники просвѣщенія уступятъ—гдѣ передъ здравымъ смысломъ и горячимъ увѣщаніемъ, гдѣ передъ шуткой. Съ большою симпатіею вспоминаетъ она объ этихъ совѣщаніяхъ и добавляетъ: „каковъ бы ни былъ результатъ переговоровъ и какъ бы великъ ни былъ шумъ на сходѣ, я въ немъ никогда рѣшительно не встрѣчала ничего оскорбительнаго для себя и все болѣе убѣждалась, какъ добродушна на видъ эта грубая масса и какъ она чутко умѣетъ щадить чувства людей, не принадлежащихъ къ ней по своимъ привычкамъ“. Присутствовать на сходахъ стало для нея весьма привлекательнымъ. Потомъ впрочемъ надобности въ такомъ присутствіи становилось все меньше и меньше: крестьяне, узнавъ черезъ волостного старшину или черезъ другое лицо о намѣреніи устроить у нихъ школу, сами собирали сходъ, нанимали помѣщеніе, составляли списокъ желающихъ учиться и присылали г-жѣ Штевенъ бумагу, въ которой просили „ея высокородіе, госпожу учительшу“, пожаловать къ нимъ и начать ученье. Однажды случилось, что такая бумага затерялась, и г-жа Штевенъ, узнавъ объ этомъ, только черезъ мѣсяцъ могла исполнить желаніе крестьянъ, чѣмъ они остались очень недовольны и нашли, что она „плохо исполняетъ свои обязанности; но это неодобреніе, говоритъ она, доставило мнѣ еще больше удовольствія, чѣмъ ихъ сердечное спасибо за стараніе въ другихъ случаяхъ“.

Въ нѣкоторыхъ селахъ для школъ имѣются даровыя помѣщенія—въ церковныхъ сторожкахъ и въѣзжихъ избахъ, но большинство изъ нихъ темны, тѣсны или холодны; а потому при-

ходилось помѣщеніе нанимать. Квартиры нанимались очень различныя. Были хозяева, которые отдавали для школы особую, довольно просторную комнату и получали за это вмѣстѣ съ отопленіемъ отъ 10 до 25 р. въ годъ; были такіе, которые пускали учиться въ свою же избу за одни дрова или за плату отъ 6 до 10 р. въ зиму. Деньги эти раскладывались на учениковъ, при чемъ въ деревняхъ бѣдныхъ или малолюдныхъ г-жа Штевенъ давала отъ себя рубля 3 или 5, или же, послѣ уплаты учениками взносовъ отъ 30 до 50 к., доплачивала сама остальное. Школьныя помѣщенія были по большей части плохи, такъ что изъ 31 школы только двѣ имѣли „помѣщеніе дѣйствительно удобное". Въ нѣкоторыхъ же мѣстахъ приходилось мириться и съ тѣснотою и съ темнотою, и съ присутствіемъ постороннихъ лицъ, съ говоромъ и дѣтскимъ крикомъ во время занятій. Столы и скамейки нерѣдко бывали сборные, по пословицѣ: съ міру по ниткѣ, но иногда крестьяне снабжали школы на общественный счетъ партами. Приходилось также толковать и относительно платы учителю. Въ школахъ бѣдныхъ платили по 40 к. въ зиму съ ученика, въ селахъ побогаче по 50 к., и, кромѣ того, въ очень многихъ мѣстахъ родители по очереди еще кормили учителя. При общемъ числѣ 840 учениковъ, на каждую школу въ среднемъ приходилось по 27 чел.; но такъ какъ въ нѣкоторыхъ школахъ училось только по 12—15 человѣкъ, то взносы составляли не болѣе 5 — 6 р. Въ такія школы г-жа Штевенъ назначала самыхъ молоденькихъ, начинающихъ учителей, которые, при добавочной отъ нея платѣ, получали не болѣе 2 р. за учебный мѣсяцъ или 12 р. въ зиму". Во второй и третій годъ учительства они получали уже до 3 р. въ мѣсяцъ; тѣ же изъ нихъ, которые учили долѣе, получали по 5 и 6 р. въ мѣсяцъ или отъ 25 до 40 р. р. въ годъ. Такихъ учителей г-жа Штевенъ помѣщала въ болѣе многолюдныя школы, гдѣ до 40 и 50 учениковъ и гдѣ изъ взносовъ ихъ набиралось столько, что большой доплаты съ ея стороны не требовалось. Вначалѣ она сама собирала деньги и выдавала учителямъ жалованье, но взносы поступали „очень неисправно"; а затѣмъ сборъ денегъ предоставила самимъ учителямъ, и крестьяне, зная, что учителю, какъ и имъ самимъ, нужны деньги на одежду и пищу, исполняли свои обязательства „довольно добросовѣстно". Первыми учителями въ школахъ грамотности были ученики Яблонской школы, но затѣмъ ихъ ужъ не хватало, и учительскій комплектъ пополнялся учениками другихъ земскихъ и церковно-приходскихъ школъ, при чемъ мальчики, желавшіе стать учителями, должны были нѣкоторое время пробыть въ земской Яблонской школѣ, какъ для пополненія ихъ познаній, такъ и — главное — для того, чтобы г-жа Штевенъ могла составить мнѣніе объ ихъ характерѣ, способностяхъ и вообще пригодности къ дѣлу. Хорошую подготовку учителей или, проще сказать, хорошую учительскую школу г-жа Штевенъ считаетъ предметомъ „настоятельной необходимости", но достигнуть этого скоро она не имѣла возможности и занималась съ учителями лишь въ свободное время, а такого времени, съ увеличеніемъ числа школъ, у нея было очень мало. Осенью 1893 г, она обратилась въ уѣздное земское собраніе съ просьбою объ ассигновкѣ средствъ для назначенія въ Яблонскую школу еще другой, кромѣ нея, учительницы. Земское собраніе согласилось на это, но и двухъ учительницъ оказалось недостаточно; между тѣмъ,—говоритъ г-жа Штевенъ, — средствъ на приглашеніе особаго учителя для готовящихся къ учительству учениковъ я не имѣла, да и сама посвящать все свое время исключительно имъ не могла. Г-жа Штевенъ считала нужнымъ бывать въ каждой школѣ, по крайней мѣрѣ, разъ въ двѣ недѣли; изъ двухъ недѣль 5 или 6 учебныхъ дней у нея цѣликомъ уходили на объѣздъ 15 дальнихъ школъ; а въ остальные 6 или 7 учебныхъ дней она ежедневно утромъ до 2 или 3 часовъ занималась со старшими учениками, а подъ вечеръ ѣздила въ какія-нибудь двѣ ближайшія школы. Въ ея отсутствіе со старшими учениками занималась новая яблонская учительница, но и она много времени отдавать имъ не могла. Г-жа Штевенъ думаетъ, что и при такихъ занятіяхъ можно было бы достигать лучшихъ результатовъ, если бы будущіе учителя оставались въ школѣ подольше, но это оказывалось очень затруднительнымъ. Жить имъ приходилось точно на бивуакѣ: учились и ночевали они въ той же комнатѣ, гдѣ днемъ занимались всѣ 50 или 60 учениковъ Яблонской школы; а кормились нѣкоторые у яблонскихъ крестьянъ, другіе чѣмъ Богъ пошлетъ, т.-е. взятыми изъ дома пирогами и лепешками; такимъ образомъ, пребываніе въ школѣ было сопряжено для нихъ или съ расходомъ на столъ и ночлегъ, или же съ довольно чувствительными лишеніями. А съ другой стороны нельзя было ихъ долго оставлять въ школѣ и потому еще, что „требовались все новые и новые учителя". Поэтому г-жа Штевенъ предпочитала наиболѣе способныхъ учениковъ, достигшихъ 14 — 15 лѣтъ, не задерживать

долѣе одной зимы, а иногда даже только нѣсколькихъ мѣсяцевъ, и назначать на мѣста, но за то дѣлать потомъ учебные сборы: собирать ихъ въ свою школу недѣль на 6 весною, послѣ окончанія занятій въ школахъ, и осенью, до начала ихъ, во время относительно свободное отъ полевыхъ работъ, въ которыхъ ребята, не смотря на свое учительское званіе, по прежнему принимали участіе. Такимъ образомъ, напр., осенью 1893 года, у нея собралось 25 учителей; а въ 1894 г. свыше 50.

Г-жа Штевенъ проводитъ слѣдующую параллель между учителями — крестьянами и учителями не крестьянскихъ сословій: послѣдніе часто поступаютъ на учительскую должность только потому, что не имѣютъ другого исхода; у крестьянскаго же мальчика есть свой домъ и работа; особыхъ матеріальныхъ выгодъ учительство не даетъ, такъ что если онъ принадлежитъ къ числу дюжинныхъ натуръ съ низменными вкусами, то и самъ не захочетъ браться за такое дѣло. „Но за то учительство какъ нельзя болѣе привлекательно для тѣхъ даровитыхъ мальчиковъ, которые болѣе развиты умственно и душевно, которымъ нравится значительность дѣла, которымъ хочется показать себя,—и еще для тѣхъ особаго типа милыхъ русскихъ юношей, которые не всегда обладаютъ блестящими способностями, но за то отличаются глубокимъ идеализмомъ и рѣдкой душевной чистотой и въ старыя времена изъ грѣшнаго міра уходили въ тишину монастырской кельи или въ прекрасную мати-пустыню, а теперь отчасти нашли себѣ мѣсто въ деревенской школѣ“. Ихъ безкорыстное отношеніе къ дѣлу почти всегда приноситъ хорошіе плоды. Не мало и кромѣ нихъ на Руси, продолжаетъ г-жа Штевенъ, „такихъ же точно юношей и дѣвушекъ, способныхъ и добрыхъ, еще не зачерствѣвшихъ и не загрязшихъ въ житейскомъ болотѣ, и еслибъ дать имъ нужное развитіе и открыть имъ доступное поприще, много бы они принесли добра и свѣта своей многомилліонной крестьянской братіи. А между тѣмъ они проживаютъ свой вѣкъ почти ничего не сдѣлавъ и нерѣдко неся тяжелый крестъ никѣмъ не понятыхъ и ничѣмъ не удовлетворяемыхъ стремленій“...

Относительно своихъ 26 учителей и 5 учительницъ она говоритъ, что, конечно, не всѣ они были одинаково хороши и способны, но въ общемъ можно быть, быть ими довольнымъ. Во время посѣщенія школъ она обыкновенно спрашивала учителей—довольны ли они учениками, а учениковъ и ихъ родителей—довольны ли они учителемъ, и говоритъ, что по большей части ей

приходилось слышать „съ обѣихъ сторонъ хорошіе отзывы другъ о другѣ“. Учителя старались держать себя какъ можно лучше, съ достоинствомъ, и вообще, учительская дѣятельность имѣетъ, по ея наблюденіямъ, настолько хорошее вліяніе на крестьянское юношество, что нерѣдко совершенно его преображаетъ. Возможно, продолжаетъ она, что многіе изъ этихъ юношей, ставши постарше, не захотятъ „довольствоваться получаемымъ ими скромнымъ вознагражденіемъ и постараются стать писарями; но такъ какъ и хорошіе волостные писаря крайне намъ нужны, то я не буду считать этого несчастьемъ и надѣюсь, что въ школахъ на смѣну однимъ учителямъ найдутся другіе“.—Школьное преподаваніе шло успѣшно. Были, говоритъ она, такія школы, которыми не смотря на тѣсноту помѣщенія, на недостатокъ пособій, на неприготовленность учителя и недолгое время ученья, какъ будто тотчасъ же и непосредственно вносились „жизнь въ мертвенность и свѣтъ во тьму“. Вотъ какъ интересно заканчиваетъ она разсказъ о посѣщеніи такихъ школъ:

„Если пріѣдешь туда вечеромъ, когда учениковъ уже распустили, они, заслышавъ колокольчикъ, съ такой стремительностью сбѣгаются въ школу, словно боятся потерять самое короткое мгновенье. И пока ждешь, когда они всѣ сбѣгутся, не успѣваешь отвѣчать на громкія, радостныя привѣтствія влетающихъ въ дверь другъ за дружкой ребятъ, не успѣваешь переглядѣть тетрадки, которыя они наперерывъ показываютъ, не успѣваешь даватъ отвѣты на вопросы, которые они на перерывъ задаютъ и которыхъ, очевидно, много накопилось у нихъ за двѣ недѣли моего отсутствія. Они ловятъ всякое сказанное имъ слово, просятъ имъ еще и еще что-нибудь разсказать, просятъ спросить ихъ, почитать съ ними, задать имъ задачу. Дѣльно и бодро, съ значительнымъ видомъ, командуетъ ими молоденькій учитель, и глаза его радостно блестятъ, когда ученики отвѣчаютъ удачно; а ребята дружелюбно вертятся вокругъ него, и, хотя для нѣкоторыхъ изъ нихъ онъ по годамъ скорѣе товарищъ, нежели старшій, охотно и часто величаютъ его Григоріемъ Федоровичемъ или Иваномъ Ипполитычемъ. И мужики, толпясь у двери, чтобы слышать, что я разсказываю и какъ отвѣчаютъ ребята, добродушно смотрятъ на все происходящее, улыбаясь, хвалятъ учителя и ученье и разсказываютъ, какъ ревностно занимаются и читаютъ дома ихъ Мити и Пети, и какъ имъ са-

мимъ „лестно“ слышать ихъ чтеніе, и что въ училище ребята собираются чуть ли не до свѣта, а расходятся только когда стемнѣетъ“ и т. д.

Вспоминаютъ ученье въ старые годы, „какъ драли за волосы и подолгу ничему не выучивали прежніе дьячки, отставные солдаты старики“ и какъ многіе бѣгали и прятались отъ ученья. Указывая, какъ курьезъ, что нѣкоторые изъ родителей бываютъ иногда недовольны тѣмъ, что ихъ ребята не всему еще выучились въ первый же годъ, а другіе, напротивъ, находятъ, что въ первый же годъ ребята такъ хорошо всему выучились, что и учить ихъ больше незачѣмъ, г-жа Штевенъ говоритъ, что разъяснить такія недоразумѣнія бываетъ обыкновенно не трудно, такъ что по большой части крестьяне соглашаются, что дѣти должны учиться три года и доучиваться до экзамена. „Къ большому моему прискорбію и всегда слишкомъ быстро наступало время, говоритъ г-жа Штевенъ, когда мнѣ необходимо было изъ одной школы ѣхать въ другую“.

Установленію добрыхъ отношеній между крестьянами и мальчикомъ-учителемъ, по мнѣнію г-жи Штевенъ, не мало способствовало то обстоятельство, что онъ былъ вхожъ и столовался по очередно въ домахъ всѣхъ учениковъ. Вначалѣ такой кочующій образъ жизни нѣсколько пугалъ новичка-учителя, но „крестьяне всегда усердно убѣждали его, что стѣсняться ему нечего, что онъ скоро привыкнетъ къ нимъ, какъ къ роднымъ, что они даже рады ему будутъ, если, въ благодарность за ихъ хлѣбъ-столъ, онъ вечеромъ займется съ ихъ дѣтьми, или почитаетъ, или раскажетъ имъ что нибудь“. Г-жа Штевенъ говоритъ, что такія вечернія бесѣды и чтенія въ семьѣ нравятся крестьянамъ и приносятъ свою долю пользы, а также указываетъ и на то, что вмѣстѣ съ потребностью въ грамотности растетъ также и спросъ на книги. При Яблонской школѣ имѣлась небольшая библіотека, состоявшая, главнымъ образомъ, изъ книгъ, высланныхъ Моск. Ком. грамотности. „Книги эти брались на расхватъ учениками Яблонской и ближайшихъ школъ и читались ими вслухъ, то зимними вечерами въ избахъ, въ присутствіи семейныхъ и знакомыхъ, то лѣтомъ на улицѣ, въ праздникъ, нерѣдко при цѣлой толпѣ слушателей“. Книги эти и книги, высылавшіяся для временнаго пользованія нижегородскимъ обществомъ распространенія начальнаго образованія, г-жа Штевенъ передавала также и въ другія школы, и нужно было видѣть, говоритъ она, „какъ въ этихъ школахъ ребята умоляли учителя дать имъ скорѣе почитать только что привезенную, драгоцѣнную новую книжечку. А ихъ было такъ немного, что школѣ цѣлый мѣсяцъ приходилось довольствоваться какимъ-нибудь десяткомъ тоненькихъ брошюрокъ“. Нижегородское общество разсылаетъ также книжки для продажи, и дешевыя, копеечныя изданія всегда очень быстро расходятся; усиленно покупаются также евангелія, псалтири, священныя исторіи, азбуки. Еслибы требуемыя книги всегда имѣлись подъ руками, говоритъ г-жа Штевенъ, и я имѣла бы время этимъ заняться, то книги расходились бы „въ гораздо большемъ еще количествѣ“. А то бывало такъ, что на одну книгу двое покупателей, такъ что приходилось метать жребій, чтобы необидѣть. И мальчикъ, добавляетъ она, которому выпадалъ жребій, стремглавъ бѣжалъ домой просить денегъ и съ восторгомъ вручалъ 30 или 50 коп., слѣдуемыя за книгу. Вообще, въ брошюрѣ г-жи Штевенъ столько примѣровъ и самыхъ убѣдительныхъ доказательствъ огромной потребности народа въ образованіи и затруднительности путей къ нему, что уже по одному этому она заслуживала бы вниманія; но этого мало: она проникнута такимъ хорошимъ увлеченіемъ и дышетъ такою любовью къ дѣлу, которыя заставляютъ видѣть, насколько необходима народу помощь, и вселяютъ невольно вѣру въ возможность дать ему если не образованіе, то по крайней мѣрѣ грамотность и открыть съ помощью ея доступъ къ книгѣ. А затѣмъ, не менѣе наглядно также можно видѣть, въ какой мѣрѣ жизнь въ деревнѣ и дѣятельность на народную пользу полны интереса и вознаграждаются искреннимъ расположеніемъ населенія. Г-жа Штевенъ была желаннымъ гостемъ въ каждой деревнѣ, гдѣ были ея школы, ее радостно встрѣчали, ее слушали ей вѣрили, какъ и она, въ свою очередь, вѣрила въ здравый смыслъ и добросердечіе простого народа. „Когда я мысленно переживаю послѣднія 8 лѣтъ моего пребыванія въ деревнѣ, говоритъ она, мнѣ много-много вспоминается разныхъ сценъ, потому что много есть прекрасныхъ и забавныхъ, загадочныхъ и трогательныхъ страницъ въ той ни съ чѣмъ несравнимой книгѣ, которую читаешь, знакомясь съ жизнью, и которая особенно хороша тѣмъ, что мы сами можемъ вписывать въ нее цѣлыя строки и страницы“. Г-жа Штевенъ вписала въ жизнь Арзамасскаго уѣзда несомнѣнно интересную страницу, и та духовная радость, какую она при этомъ испытывала, конечно, выше многихъ другихъ культурныхъ радостей. Съ какимъ удовольствіемъ она воспоминаетъ, напримѣръ, объ открытіи школъ.

Однако, удовольствіе не вело еще къ самодовольству, къ которому такъ опасно приблизиться и отъ котораго г-жа Штевенъ была очень далека. Въ заключеніе она говоритъ слѣдующее, и я прошу на эти послѣднія двѣ страницы обратить особое вниманіе.

„...Я не могу не сознавать, что всѣ мои школы только въ жалкой и слабой степени удовлетворяютъ потребности народа въ образованіи. Я довольна ими только потому, что онѣ все же лучше, чѣмъ ничего, какъ лучше дать голодному корку хлѣба, чѣмъ ничего не давать. Я знаю, конечно, что этого недостаточно, что людямъ, способнымъ мыслить и задавать себѣ вопросы, людямъ, стремящимся къ добру, обладающимъ прекрасными художественными дарованіями и наклонностями и всѣми добрыми, живыми человѣческими свойствами, нельзя дать какія-то жалкія крохи ученія и на томъ успокоиться. Надо по мѣрѣ силъ удовлетворять ихъ духовную жажду", ибо „гдѣ она заглохла, тамъ полный просторъ всѣмъ животнымъ инстинктамъ, тамъ вся цѣль—гроши и барыши, и все счастье—пьяный разгулъ; тамъ нѣтъ уже ничего святого, тамъ нѣтъ человѣческой жизни и совершаются тѣ ужасы, о которыхъ страшно даже вспомнить"...

Когда, продолжаетъ она, люди начинаютъ читать книги, думать о вращеніи земли, говорить о душѣ и нравственныхъ обязанностяхъ человѣка и т. д., „всѣ они въ ту минуту живутъ уже человѣческою жизнью", и, чтобы жизнь ихъ была человѣческой „не въ короткія только мгновенія, а постоянно,—надо, чтобы истинное, доброе и прекрасное было имъ доступно въ возможно полномъ и широкомъ объемѣ".

„Мнѣ кажется, нѣтъ истины, говоритъ г-жа Штевенъ, которая не нашла бы себѣ мѣста въ бытѣ народа и не была бы доступна его пониманію, если только выразить эту истину простымъ народнымъ языкомъ или же пріучить народъ къ пониманію языка литературнаго. Я убѣждена, что и великіе уроки исторіи, и знакомство съ явленіями природы, и наслажденіе произведеніями искусства — все это дѣйствуетъ на сельскихъ людей и нужно и дорого имъ такъ же, какъ и намъ. И все это возможно дать народу, хотя, конечно, не такими примитивными школами, какъ тѣ, которыя я только что описала... Нужно стремиться къ безконечно большему и лучшему, нежели та голая грамотность и эти первыя смутныя понятія, но и это одно я считаю уже шагомъ впередъ".

Указывая, какъ мало въ Арзамасскомъ и другихъ уѣздахъ правильно организованныхъ школъ и какъ мало надежды, чтобы число ихъ въ скоромъ времени увеличилось до размѣровъ, необходимыхъ для всеобщаго обученія, она говоритъ, что поэтому-то именно и считала „крайне желательнымъ завести возможно больше школъ грамотности, не останавливаясь, конечно, на этомъ и постоянно стремясь къ замѣнѣ ихъ школами высшаго типа", а затѣмъ добавляетъ: „я не могу забыть, что если мы будемъ ждать момента, когда будутъ устроены повсюду однѣ только правильно организованныя школы,—цѣлыя поколѣнія выростутъ, возмужаютъ и умрутъ, не знавши, что такое чтеніе, не получивъ и жалкихъ крохъ изъ тѣхъ сокровищъ, которыми другіе съ избыткомъ пользуются, не встрѣтивъ даже слабой помощи въ самомъ лучшемъ и законномъ, истинно человѣческомъ своемъ стремленіи къ свѣту". „Но я одна, говоритъ г-жа Штевенъ, и съ тѣми средствами, которыми до сихъ располагала, больше того, что уже сдѣлано, сдѣлать уже не могу"; нужны средства, чтобы открывать новыя школы (на каждую школу приходится въ среднемъ приплачивать около 25 р. въ годъ), нужны образованные и преданные дѣлу люди, нужно устроить учительскую школу, нужны средства на хорошіе учебники и такія — недоступныя пока, но крайне необходимыя — пособія, какъ географическія карты и картины, нужны, наконецъ, средства, чтобы исполнилась „наша съ ребятами общая завѣтная мечта: чтобы устроилась настоящая, хорошая сельская библіотека", потому что въ молодыхъ, сравнительно мало учившихся и попадающихъ опять въ безграмотную среду, учителяхъ школъ грамотности только путемъ чтенія и вызываемаго имъ обмѣна мыслей можетъ поддерживаться полученное ими развитіе.

Когда собственныхъ силъ и средствъ стало не хватать у г-жи Штевенъ, она обратилась прежде всего къ нижегорскому губ. собранію, которое и согласилось оказать ей небольшую помощь; а затѣмъ, она возлагала надежды на содѣйствіе русскаго общества. „Если русское общество, говорила она, пожелаетъ принять участіе въ этомъ дѣлѣ, оно найдетъ силы и средства на безконечно большее и лучшее, потому что иначе оно было бы недостойно стоять впереди великаго русскаго народа", если же, добавляла она, путь, которымъ я предлагаю слѣдовать, болѣе меня свѣдущимъ въ этомъ дѣлѣ людямъ покажется невѣрнымъ, то я жду отъ нихъ указаній. Къ сожалѣнію, г-жа Штевенъ встрѣтилась съ новыми внѣшними препятствіями и прекратила свою дѣятельность.

II.

Въ то время, какъ мы десятки лѣтъ безплодно толкуемъ о народномъ образованіи, о недостаткѣ средствъ и учителей, о томъ, кому стоять во главѣ и руководить мѣстными школами,— дворянству, представителямъ вѣдомства народнаго просвѣщенія, духовенству или земству,—въ то время, какъ дворянство относится къ школамъ довольно равнодушно, директоры и инспекторы народныхъ училищъ стараются преимущественно о приведеніи школъ къ своему знаменателю, духовенство не столько устраиваетъ новыя школы, сколько претендуетъ на подчиненіе себѣ земскихъ школъ, оставляя земствамъ одни только расходы (которые при этомъ рекомендуется изъ необязательныхъ сдѣлать обязательными), а земства въ однихъ случаяхъ естественно не изъявляютъ на это согласія, а въ другихъ малодушно забрасываютъ школьный вопросъ или сваливаютъ его съ себя, какъ непріятное бремя, Россія продолжаетъ оставаться страною наиболѣе безграмотною. Нигдѣ такъ не стоитъ низко процентъ учащихся къ населенію, какъ у насъ: составляя въ Германіи 18,5% и въ С.-Ам. Штатахъ 22,5%, въ Россіи онъ еле достигаетъ 2,39%. Даже Японія превосходитъ насъ въ этомъ отношеніи (7%). Относительно числа школъ, по офиціальнымъ даннымъ центр. статист. комитета, Россія занимаетъ среди европейскихъ государствъ самое послѣднее мѣсто. По числу же безграмотныхъ новобранцевъ, наоборотъ, намъ принадлежитъ первое мѣсто: въ то время, какъ безграмотные новобранцы въ Швейцаріи, Даніи, Пруссіи, Швеціи и Баваріи не составляютъ и одного процента, у насъ только 21% грамотныхъ; а общая безграмотность между молодыми людьми 20-лѣтняго возраста всѣхъ сословій внутри Россіи выражается между мужчинами 90,5 и между женщинами 95,3%. Вотъ гдѣ общая исходная точка зрѣнія г-жи Штевенъ. Очутившись въ глуши Арзамасскаго уѣзда, она воочію увидѣла весь мракъ и всю невозможность для крестьянъ получить образованіе. Это былъ, конечно, частный случай, извѣстная небольшая мѣстность, но случай и мѣстность довольно типичные. Она говоритъ, что сначала не имѣла въ виду какихъ-либо общихъ соображеній и руководилась исключительно тѣмъ, что видѣла, да желаніемъ помочь окружающему населенію, но такъ какъ данное положеніе оказалось вѣрнымъ отраженіемъ общаго положенія вещей, то путь, на который

она стала, естественно возбуждаетъ вопросъ о такого рода дѣятельности вообще. Въ то время, какъ существующія школы не удовлетворяютъ потребности народа въ образованіи, въ то время, какъ разныя сословія и учрежденія занимаются пререканіями и тянутъ, какъ въ баснѣ, школьный возъ въ разныя стороны, она думала и желала показать своимъ примѣромъ, что пререканіямъ этимъ въ обстоятельствахъ столь печальныхъ и въ вопросѣ столь важномъ не только можетъ не быть, но и не должно быть мѣста, что вопросъ этотъ — о грамотности и элементарномъ образованіи—равносиленъ вопросу о хлѣбѣ, относительно необходимости котораго и возможности не подмѣшивать къ нему постороннихъ вещей, кажется, не можетъ быть разнорѣчій, и что если есть дѣйствительное желаніе послужить странѣ, то работы окажется слишкомъ много для всѣхъ учрежденій и сословій. Если духовенство убѣждено, что оно можетъ создать наилучшія школы, то пусть и создаетъ ихъ, не претендуя на школы другихъ учрежденій и монополію народнаго образованія. Если земства сознаютъ, что ихъ школы, какъ истинно общественныя, могутъ давать наилучшіе результаты, то пусть не забрасываютъ ихъ и стараются поддерживать на необходимой высотѣ. Если министерство нар. просвѣщенія считаетъ свои школы наиболѣе близкими къ совершенству, то пусть даетъ ихъ возможно больше, но не стѣсняетъ при этомъ общественную и частную дѣятельность, чтобы не утратить связи съ жизнью и не попасть въ заколдованный кругъ канцелярской рутины, и т. д. Существованіе рядомъ разныхъ школъ можетъ повести только къ ихъ общей пользѣ и совершенствованію и, конечно, лучше всего выяснитъ, какія школы дѣйствительно лучше. Самъ народъ разберетъ, какія школы ему нужнѣе и ближе къ его жизни, кто его кормитъ отъ чистаго сердца, кто съ какою-либо цѣлью, кто предлагаетъ настоящій хлѣбъ, кто съ мякиной. Пусть только будетъ возможность сравненія и выбора. Г-жа Штевенъ начала съ устройства земскаго двухкласснаго училища, но скоро увидѣла, что необходимаго числа такихъ школъ не скоро дождешься и обратилась къ школамъ грамотности, къ тому именно черному хлѣбу, котораго, какъ она полагаетъ, можетъ хватить на всѣхъ и относительно котораго думала, что не можетъ быть разнорѣчія между различными направленіями. Въ послѣднемъ она ошиблась: сперва мѣстное духовенство заподозрило ее, кажется, въ вольтерьянствѣ, а когда въ этомъ отношеніи она себя реабилитировала, то, съ другой стороны, нѣкоторыя столичныя либераль-

ныя фракціи заподозрили ее чуть-ли не въ клерикализмѣ, на томъ основаніи, что школы грамотности находятся подъ непосредственнымъ наблюденіемъ духовенства. Этому могъ содѣйствовать также слухъ, что вышеупомянутая брошюрка ея появится въ другомъ изданіи—будетъ напечатана въ небольшомъ количествѣ экземпляровъ въ сѵнодальной типографіи, по распоряженію г. оберъ-прокурора, чтобы обратить вниманіе духовенства на ея ея дѣятельность, какъ на примѣръ для руководства. Въ фактѣ появленія духовнаго и свѣтскаго изданій, конечно, можно было видѣть разныя вещи: и просто разностороннее признаніе пользы дѣятельности г-жи Штевенъ, и какую-нибудь случайность, которыхъ такъ много бываетъ въ жизни, подъ вліяніемъ разныхъ столкновеній и личныхъ отношеній, и можетъ быть черезчуръ объективный взглядъ г-жи Штевенъ на народное образованіе — „пусть, молъ, кто хочетъ, каждая изъ сторонъ пользуется моими наблюденіями“, и вполнѣ естественное желаніе этихъ сторонъ воспользоваться ея примѣромъ и направить ея выдающуюся энергію сообразно съ собственными односторонними стремленіями, но рѣшать, что сама г-жа Штевенъ стремится дѣйствовать въ руку церковно-приходскимъ школамъ было преждевременно. Если бы она, дѣйствительно, даже задалась трудною задачею примиренія и объединенія различныхъ элементовъ на поприщѣ народнаго образованія или мечтою поставить иначе самую церковно-приходскую школу, съ болѣе близкимъ участіемъ въ ея жизни прихожанъ, то и тогда мы врядъ-ли имѣли бы право сказать, что она дѣйствуетъ въ пользу тѣхъ отрицательныхъ ея сторонъ, какія имѣются обыкновенно въ виду и дѣйствительно сочувствія не заслуживаютъ. Для этого нужны или факты, или, по крайней мѣрѣ, ясно-выраженныя намѣренія; мы же видимъ, что она поставила въ центрѣ своихъ школъ школу земскую, а не церковно-приходскую; затѣмъ, она старалась о преобразованіи школъ грамотности также въ земскія, а не въ церковно-приходскія, и одновременно съ этимъ хлопотала въ земствахъ объ открытіи новыхъ земскихъ школъ; въ тѣхъ же случаяхъ, когда школы грамотности встрѣчали слишкомъ большія препятствія и нарушался тотъ крайній modus vivendi, какой она считала для нихъ необходимымъ, она предпочитала закрывать ихъ совсѣмъ или открывать вмѣсто нихъ новыя въ другихъ мѣстахъ. Такимъ образомъ, напримѣръ, въ 1894 году изъ вышеупомянутыхъ 31 школы было закрыто 7 школъ, а вмѣсто нихъ открыто 25 новыхъ *); а арзамасское земство согласилось преобразовать въ 1895 году три школы грамотности въ земскія и открыло одну новую земскую школу; сергачское также преобразовало одну школу грамотности въ земскую и княгининское, вмѣсто предположенной сначала школы грамотности, прямо открыло новую земскую школу.

Конечно, положеніе г-жи Штевенъ было не изъ легкихъ: извольте приспособляться со своими школами къ личному составу того или иного причта, тѣхъ или иныхъ земскихъ начальниковъ, благочинныхъ и т. д. Если бы она могла накрѣпко привязать свою ладью къ кормѣ земскаго корабля, то, конечно, различныя сомнѣнія устранились бы, но корабль этотъ идетъ слишкомъ тихимъ ходомъ и школьное дѣло отъ него все больше и больше отбивается, а такія общедоступныя школы, какъ школы грамотности, совсѣмъ отошли, такъ что ей волей-неволей приходилось сталкиваться съ разными другими учрежденіями и лицами и вступать съ ними въ соглашенія. Компромиссъ, вообще, вещь тягостная, и для того, чтобы приводить практически различные элементы къ одной общей благой цѣли, не поступаясь основною сущностью добра и нравственнымъ достоинствомъ, нужно не мало такта, искусства, внутренней устойчивости и силы характера. Съ другой стороны, встрѣчая скептицизмъ и слушая возраженія, нужно значительное терпѣнье ихъ выслушивать, умѣнье отличать существенныя возраженія отъ несущественныхъ и имѣть мужество идти своимъ путемъ, не оставляя служенія народу. Это въ дѣйствительности одно изъ очень трудныхъ положеній, которое будетъ, вѣроятно, длиться до тѣхъ поръ, пока частная и общественная иниціатива не получатъ въ дѣлѣ народнаго образованія необходимаго простора или пока мѣстная жизнь не поднимается сама на столько, что въ состояніи будетъ ассимилировать и обратить приходскія и другія низшія школы въ дѣйствительно приходскія, т. е, въ такія, которыя будутъ соотвѣтствовать родительскимъ желаніямъ и въ судьбѣ которыхъ родители будутъ жизненно заинтересованы.

Г-жа Штевенъ могла бы предложить недовольнымъ сторонамъ цѣлый рядъ вопросовъ, на которые онѣ врядъ-ли могли бы дать удовлетворительные отвѣты. Она могла бы сказать мѣстному духовенству: почему вы сами не основывали школъ грамотности, а когда я стала такія открывать, то начали ставить мнѣ пре-

*) 8 въ Сергачскомъ уѣздѣ, 8 въ Лукояновскомъ и 9 въ Княгининскомъ.

пятствія и прекратили ихъ только тогда, когда я заручилась вліятельною поддержкою въ Петербургѣ? Я знаю, что въ школахъ грамотности полагается преподаваніе Закона Божія и преподаю его правильно и неукоснительно: учу дѣтей церковнославянскому чтенію, молитвамъ, пѣнію, читаю ветхій и новый завѣтъ и т. д.; я понимаю значеніе и потребность вѣры въ крестьянской жизни и дѣлаю все, что мнѣ подсказываетъ уваженіе къ христіанскому ученію, а среди учителей, которымъ поручаются школы, вы найдете и учениковъ церковно-приходскихъ школъ, изъ чего можете заключить о моемъ безпристрастномъ отношеніи къ дѣлу; но не понуждайте меня переходить съ широкой дороги общаго образованія на узкую стезю чисто сословныхъ вашихъ стремленій и не заставляйте меня служить имъ. Школы грамотности могутъ тяготѣть какъ къ церковноприходскимъ, такъ и къ земскимъ школамъ. То, что дѣлаю я, дѣлалось и раньше меня, напримѣръ, въ нѣкоторыхъ уѣздахъ Смоленской губерн., гдѣ вокругъ земскихъ школъ устраивались параллельные классы, въ сущности тѣ же школы грамотности; то же самое дѣлалось и въ нѣкоторыхъ другихъ мѣстахъ, и я считаю это болѣе правильнымъ. Я имѣю въ виду просвѣщеніе массы, а дворянскихъ, духовныхъ и вообще какихъ-либо сословныхъ, постороннихъ интересовъ для меня не существуетъ. Противуположной же сторонѣ недовольныхъ она могла бы сказать слѣдующее: подчиненіе школъ грамотности ближайшему вѣдѣнію духовенства составляетъ такой же фактъ, какъ и подчиненіе и наблюденіе за остальными народными школами со стороны свѣтской училищной инспекціи. Дѣлайте, если вамъ угодно, сравнительное сопоставленіе между этими двумя вѣдомствами, а я надобности въ этомъ не нахожу, по крайней мѣрѣ, въ данную минуту. Какъ среди духовенства есть и плохіе, и очень хорошіе и образованные люди, такъ и среди училищныхъ инспекторовъ есть люди порядочные и люди узкіе, придирчивые, пропитанные формализмомъ и склонные въ то же время къ произволу. Въ школахъ грамотности Законъ Божій можетъ преподаваться не духовенствомъ, а учителями; въ сельскихъ же и городскихъ училищахъ полагается преподавать духовенству, слѣдовательно, оно имѣетъ отношеніе и къ этимъ училищамъ. Можетъ быть перенесеніе религіознаго воспитанія и преподаванія изъ школы въ семью, какъ это мы видимъ въ Америкѣ, правильнѣе, но въ министерствѣ народнаго просвѣщенія объ этомъ пока нѣтъ рѣчи. Я нисколько не жалѣю о томъ, что у насъ

есть учебныя заведенія, находящіяся въ вѣдѣніи министерствъ военнаго, государственныхъ имуществъ, финансовъ и другихъ и могу лишь жалѣть о томъ, когда вижу, что огромное дѣло народнаго образованія переходитъ въ одно какое-нибудь вѣдомство; относительно же вопроса, который возникаетъ, какъ относительно народныхъ училищъ вообще, такъ и школъ грамотности въ частности, а именно: о гарантіяхъ для школъ и о возможности найдти справедливую и законную защиту отъ личныхъ усмотрѣній, то въ этомъ отношеніи земскія школы имѣютъ несомнѣнное преимущество, такъ какъ въ лицѣ управы и собранія тамъ имѣются органы, которые могутъ разсматривать неправильныя дѣйствія членовъ, завѣдующихъ училищною частью, принимать мѣры и дѣлать, въ случаѣ надобности, представленія о неправильныхъ дѣйствіяхъ инспекціи и училищныхъ совѣтовъ. Дискреціонный порядокъ утвержденія и увольненія учителей школъ грамотности священниками, конечно, гарантій этихъ не даетъ, и здѣсь самое слабое мѣсто этихъ школъ, не дающее увѣренности даже въ завтрашнемъ днѣ; но надо полагать, что положеніе вещей не измѣнится къ лучшему, если мы ничего не будемъ дѣлать и махнемъ рукой на школы грамотности. Подъ лежачій камень вода не течетъ. Школы отъ этого, конечно, не закроются и учителями въ нихъ будутъ попрежнему пропившіеся чиновники, заштатные причетники, отставные солдаты, выгнанные со службы урядники, писцы полицейскихъ правленій и всякій прочій полуграмотный сбродъ. Чтобы измѣнить какое-нибудь положеніе, надо что-нибудь дѣлать и стоять ближе къ самому дѣлу. Другое слабое мѣсто школъ грамотности — это то, что онѣ представляютъ, сравнительно съ прочими народными школами, пониженный типъ школъ, но разъ лучшихъ школъ нѣтъ и мы знаемъ, что въ скоромъ времени имѣть ихъ и не предвидится, то вопросъ о школахъ грамотности, въ связи съ вопросомъ о распространеніи сельскихъ библіотекъ, нисколько не выходитъ изъ предѣловъ ходячей логики относительно распредѣленія просвѣщенія. Развѣ не то же самое обыкновенно говорится относительно высшихъ и среднихъ учебныхъ заведеній, т.-е., что ихъ мало, что онѣ существуютъ лишь для немногихъ, избранныхъ, и что надо устроить побольше народныхъ школъ; развѣ не то же самое говорится постоянно и относительно науки, когда она забирается на свои спеціальныя, самодовлѣющія высоты и слишкомъ отходитъ отъ жизни и т. д. Кто же не знаетъ, что было бы гораздо лучше, еслибы вся страна была покрыта школами

высшаго типа и всѣмъ и каждому были доступны вершины знанія. Какъ будто элементарныя школы, выдвигаемыя самою жизнью и создаваемыя во многихъ мѣстахъ самимъ народомъ, мѣшаютъ школамъ высшаго типа и какъ будто, если ихъ не будетъ, то послѣднія тотчасъ же появятся въ необходимомъ количествѣ; какъ будто онѣ возникаютъ почему-либо другому, а не потому, что нѣтъ лучшихъ школъ. Это одно изъ неудачныхъ примѣненій извѣстнаго афоризма, что хорошее мѣшаетъ лучшему, афоризма, такъ часто употребляемаго тѣми, кому хорошо живется, при вопросѣ о тѣхъ, кому живется плохо. Афоризмъ этотъ, вѣрный въ нѣкоторыхъ случаяхъ, ведетъ къ неосновательнымъ ожиданіямъ и даже увѣренности, что худшее будто бы всегда ведетъ къ лучшему, что денегъ нѣтъ передъ деньгами, а „флотовъ нѣтъ передъ флотами". Наконецъ, мы не понимаемъ, почему дѣятельность по устройству школъ грамотности заслуживаетъ особаго, не совсѣмъ одобрительнаго ярлыка, и чѣмъ собственно она отличается отъ другихъ культурныхъ дѣятельностей, считающихся почтенными, напримѣръ: учительскихъ профессій въ гимназіяхъ и другихъ учебныхъ заведеніяхъ, издательства книгъ, устройства читаленъ и библіотекъ, статистическихъ изслѣдованій и т. д. Все это дѣятельности одного характера и общественнаго смысла, съ не меньшимъ количествомъ компромиссовъ и съ тою только разницею, что такой дѣятель, какъ г-жа Штевенъ, живетъ въ деревнѣ, служитъ непосредственно населенію и пользуется его любовью, а это очень важно, тогда какъ другія дѣятельности полны сомнѣній и еще большихъ и горшихъ сдѣлокъ съ дѣйствительностью. Конечно, дѣятельность г-жи Штевенъ, какъ и эти дѣятельности, могла измѣниться или быть эскамотирована и направлена въ нежелательную сторону, но только тогда и можно было бы сказать, что въ данномъ случаѣ произошло такое-то нежелательное явленіе; утверждать же заранѣе, что это такъ именно и было бы и иначе быть не могло—нельзя.

Остановимся еще на минуту на нашемъ предметѣ. Читатель навѣрное знаетъ или столько разъ читалъ и слышалъ о разныхъ затрудненіяхъ, съ какими сопряжена дѣятельность по народному образованію, что едва-ли есть надобность распространяться по этому поводу. Начиная съ недостатка средствъ не только у частныхъ, наиболѣе преданныхъ дѣлу, лицъ, но и у земствъ, и продолжая суровыми условіями учительской жизни—бѣдностью, зависимостью чуть не отъ всѣхъ и каждаго, недостаткомъ необходимаго простора и разными другими препятствіями, все это

дѣлаетъ пути къ народному образованію очень тернистыми и трудными. Одно вмѣшательство въ учительскую дѣятельность и жизнь можетъ отравлять существованіе. Въ дѣятельность сельскихъ учителей, напр., земскихъ школъ, могутъ вмѣшиваться не только высшія, губернскія начальства, но и мѣстный училищный совѣтъ, и членъ управы, завѣдующій училищной частью, и инспекторъ народныхъ училищъ въ отдѣльности, и предводитель дворянства, и земскій начальникъ, и мѣстный „батюшка", и г-нъ становой, и старшина, и урядникъ, словомъ, всѣ, кому полагается имѣть наблюденіе и не полагается, до волостныхъ писарей, кулаковъ и вольныхъ строчителей доносовъ включительно. Случаи нужды, одиночества и умственной заброшенности, когда не начто выписать ни книгъ, ни журналовъ и газетъ, не менѣе тягостны. И вотъ, многіе говорятъ: „нѣтъ, невозможно" и уходятъ на другія поприща или остаются безъ дѣла. Мы нисколько этому не удивляемся, потому что понимаемъ мѣру обыкновенныхъ человѣческихъ силъ и терпѣнья, а скорѣе удивляемся другимъ людямъ, которые не падаютъ духомъ отъ всей совокупности этихъ зависимостей и препятствій и стараются устраивать школы, библіотеки, читальни, издавать книжки для народа и т. д., удивляемся и въ то же время считаемъ, что они поступаютъ лучше. Сплошь и рядомъ дѣятельность ихъ оказывается такой сокращенной и незначительной, что не только не приноситъ имъ нравственнаго удовлетворенія, а причиняетъ даже страданія; но они всетаки не отказываются отъ нея, такъ какъ смотрятъ на нее, какъ на гражданскую обязанность. Тутъ приходится выбирать одно изъ двухъ: или сидѣть и ждать, когда трудные пути окажутся достаточно свободными и чистыми, чтобы по нимъ могли ходить порядочные люди, не марая калошъ, или же идти по ихъ терновнику и рытвинамъ и стараться объ ихъ улучшеніи, не боясь при этомъ ни исцарапать лицо колючками, ни испытать другія непріятности. А опредѣляется этотъ выборъ прямо степенью гражданскаго сознанія и чувства, степенью стремленія и любви къ правдѣ и тѣмъ живымъ существамъ, помощь которымъ требуется. Мать не станетъ годить, выжидая хорошей погоды, и пойдетъ къ любимому ребенку черезъ какія угодно дебри; любящая жена идетъ за мужемъ и въ тюрьму, и на каторгу, и на край свѣта; настоящій другъ не покидаетъ друга ни при какихъ условіяхъ. Это не подвиги, которыми полна исторія, не геройство Юдиѳи, рисковавшей для отечества и собственнымъ позоромъ, и неволей и самою жизнью,

не геройство Некрасова, претерпѣвавшаго ради литературы столько многолѣтнихъ нареканій и униженій и гнувшаго голову—и направо, и налѣво. Это просто исполненіе minimum'а гражданскихъ обязанностей, которыя долженъ нести каждый человѣкъ, и напоминаніе о нихъ обществу. Только что указанныя рискованныя положенія, отъ которыхъ у людей обыкновенныхъ захватываетъ духъ, можно сравнить съ переходомъ по тонкому льду или по тоненькой жердочкѣ черезъ пропасть: прошелъ—герой, свалился—пропалъ. И обругаютъ еще въ догонку. Рекомендовать для всѣхъ подобные примѣры, конечно, нельзя: героическія духовныя качества не составляютъ общаго удѣла, и гдѣ съ ними можно сдѣлать дѣйствительно много, тамъ, при отсутствіи или недостаткѣ ихъ, кромѣ мерзости, ничего не выйдетъ. При такихъ условіяхъ нужно имѣть большую волю и увѣренность въ своихъ силахъ: человѣкъ знаетъ, что ему придется гнуться, но онъ долженъ быть увѣренъ, что не сломится и не перегнется дальше извѣстнаго предѣла; залѣзая въ трясину, онъ долженъ знать, что у него хватитъ силъ изъ нея выбраться, что она имѣетъ свойство втягивать людей и отнимать у нихъ силы не сразу, а постепенно, и что люди слабохарактерные, если она не сразу грозитъ гибелью и съ виду не очень омерзительна, могутъ привыкать къ ней и даже входить во вкусъ ея мягкаго спокойствія. Это во всякомъ случаѣ пути необыкновенные; мы же говоримъ о людяхъ обыкновенныхъ и дѣйствіяхъ открытыхъ, говоримъ, что такимъ людямъ, когда они выступаютъ на скользскую и трудную арену общественнаго служенія въ одиночку, не достаточно полагаться на однѣ собственныя силы, а нужно всегда гарантировать себѣ поддержку другихъ людей, или сдѣлать дѣятельность свою настолько открытой, чтобы никто не могъ думать, что они поступаютъ такъ, а не иначе для собственнаго удовольствія или почему-либо другому, а не по горькой необходимости, не ради благой, общественной цѣли, которая иначе, при данныхъ условіяхъ, недостижима. Тотъ же Некрасовъ никогда не былъ въ литературѣ человѣкомъ одинокимъ. Правда, что ближайшіе товарищи его всегда отводили ему самую трудную и тягостную роль,—онъ на своихъ плечахъ переносилъ ихъ черезъ житейскую грязь,—но въ то же время они всегда служили ему нравственной поддержкой.

Русскій человѣкъ и наше общество отличаются либо необыкновеннымъ равнодушіемъ ко всему, либо необычайною нетерпимостью. Въ одинъ изъ пріѣздовъ г-жи Штевенъ въ Петербургъ мнѣ пришлось видѣть не мало и равнодушія, и слышать много разныхъ возраженій противъ ея дѣятельности, при полномъ отсутствіи какой-либо иной программы; между тѣмъ бывшая въ то время въ Петербургѣ иностранка, англійская писательница, мистриссъ Гарнетъ *), отнеслась къ г-жѣ Штевенъ совсѣмъ иначе: пріѣхавъ въ Петербургъ для ознакомленія съ Россіей и познакомившись съ г-жою Штевенъ, она такъ заинтересовалась ея школами, что поѣхала съ нею въ Арзамасскій уѣздъ посмотрѣть на нихъ. Русская деревня и школы произвели на нее сильное впечатлѣніе своею бѣдностью; тѣмъ болѣе удивили ее въ такой обстановкѣ радушіе, деликатность и природный умъ деревенскаго населенія, которому такъ недостаетъ образованія. Въ англійской жизни много темныхъ пятенъ, но есть и стороны, обусловленныя степенью политическаго развитія и терпимости господствующихъ классовъ, которыхъ у насъ нѣтъ. Мнѣ вспоминается слѣдующій фактъ. Въ 1894 году—Общество распространенія университетскаго образованія или, просто, университетскаго распространенія (University Extension) праздновало 21 годъ своего существованія конгрессомъ въ Лондонѣ, на который собрались всѣ дѣятели этого движенія не только изъ Англіи и ея колоній, но и изъ Бельгіи, Швейцаріи и Италіи. Движеніе это очень любопытно во многихъ отношеніяхъ. Правда, мысль о сближеніи университета съ народомъ не разъ возникала и раньше у отдѣльныхъ лицъ, но успѣха не имѣла; за то въ данномъ случаѣ, начавшись въ 1873 году скромными лекціями нѣсколькихъ кембриджскихъ профессоровъ въ г. Нотингамѣ, дѣло быстро пошло впередъ. Въ 1873 г. на лекціяхъ кембриджскихъ лекторовъ было только 1.200 слушателей, а въ 1893 г.—9.600, на лекціяхъ оксфордскихъ профессоровъ 22.500 человѣкъ, лондонскихъ 15.500, манчестерскихъ 4.000 и т. д., такъ что всего въ Англіи и Америкѣ было уже 104.460 слушателей на 920 курсахъ. Лекціи читаются по всевозможнымъ предметамъ, доставляются слушателямъ книги, дѣлаются письменныя работы, производятся экзамены, результатомъ которыхъ бываетъ выдача дипломовъ и открытіе доступа въ университеты, при чемъ наиболѣе способнымъ даются сти-

*) Жена англійскаго поэта, сестра м-ссъ Блеккъ, основательницы нѣсколькихъ женскихъ союзовъ и переводчица Тургенева, Л. Толстого и Гончарова на англійскій языкъ.

пендіи. Контингентъ слушателей самый разнообразный, при чемъ заслуживаетъ вниманія, что людей взрослыхъ обоего пола больше, чѣмъ молодежи. Правда, что большинство слушателей принадлежитъ къ сравнительно достаточнымъ классамъ (ремесленники, мастера, мелкіе торговцы и т. п.), но есть также среди нихъ не мало и рабочихъ. Курсы, для удобства, раздѣлены на дневные и вечерніе. Плата за 12 лекцій отъ 2 до 5 шилл., а для рабочихъ 1 шиллингъ.

Въ видахъ большей доступности курсовъ, на конгрессѣ былъ возбужденъ вопросъ о продолжительности ихъ и объ экзаменахъ, и рѣшено было допустить въ этомъ отношеніи полное разнообразіе и свободу: для желающихъ просто пріобрѣсти извѣстныя начальныя знанія предлагаются курсы въ 6, 12 и 24 лекціи, а для тѣхъ, кто хочетъ серьезно заниматься, трехлѣтніе, по окончаніи которыхъ слушателямъ будетъ открытъ доступъ въ университеты безъ особыхъ испытаній; экзамены становятся необязательными и сохранятъ значеніе лишь для людей честолюбивыхъ да для желающихъ получить дипломъ съ какими-либо практическими цѣлями. Особенно не совѣтовалъ увлекаться экзаменами глава Оксфорда—лордъ Сольсбери, называя ихъ остаткомъ стариннаго недоразумѣнія, смѣшавшаго механическое накопленіе свѣдѣній съ истиннымъ знаніемъ и полагавшаго, что полезно „съѣдать въ три мѣсяца то количество пищи, которое требуется на три года". Можетъ быть, и у насъ когда-нибудь составятся общества гимназическаго и университетскаго распространенія, а пока мы стоимъ у порога самой элементарной школы и никакъ перешагнуть его не можемъ. Но дѣло не въ этомъ, а вотъ въ чемъ: то движеніе въ пользу демократизаціи науки, о которомъ мы говоримъ, соединяетъ въ Англіи людей самыхъ разнообразныхъ политическихъ партій и оттѣнковъ. Въ немъ принимаютъ одинаковое участіе и либералы, и консерваторы, и радикалы, и англиканцы, и диссентеры, и аристократы, и рабочіе, причемъ къ политическимъ мнѣніямъ и религіознымъ вопросамъ можно видѣть самое безпристрастное отношеніе. Уже одно предсѣдательствованіе на конгрессѣ трехъ канцлеровъ университетовъ—оксфордскаго (лорда Сольсбери), кембриджскаго (герцога Девонширскаго) и лондонскаго (лорда Гершеля)—показываетъ, что въ такомъ вопросѣ, какъ народное образованіе, тори могутъ сходиться съ гладстоновцами и либеральными отщепенцами. Суммы для покрытія всѣхъ расходовъ по устройству курсовъ вносятся муниципальными совѣтами, различными корпораціями, ремесленными и благотворительными обществами, членами Общества университетскаго распространенія и университетскихъ комитетовъ, а также частными лицами. Между прочимъ, на конгрессѣ былъ возбужденъ вопросъ о правительственной субсидіи, но многіе изъ самыхъ горячихъ сторонниковъ движенія возстали противъ вмѣшательства государства въ это дѣло, и оно осталось въ рукахъ частной инициативы и общественныхъ учрежденій.

Начните у насъ устроивать что-либо подобное. Одни сей часъ же предъявятъ такія требованія, что отъ нихъ станетъ только жутко, другіе отвѣтятъ, что при такихъ условіяхъ ничего дѣлать нельзя (а зачастую имъ только это и нужно), большинство же останется равнодушно. Положимъ, Англія есть классическая страна компромиссовъ, а возводить компромиссъ въ доктрину и тѣмъ болѣе въ правило индивидуальнаго поведенія, какъ мы сказали, нельзя; но когда вы видите, съ одной стороны, полную безцеремонность и безпрепятственность рутины и обскурантизма, а съ другой—не меньшее переполненіе жизни всевозможными и еще худшими компромиссами, то невольно вспоминаете о тѣхъ компромиссахъ, которые дѣлаются въ Англіи, дѣлаются не втихомолку, а открыто, не каждымъ за себя, а цѣлыми группами или всѣмъ обществомъ, при чемъ остается гораздо меньше мѣста личнымъ злоупотребленіямъ, ошибкамъ и лицемѣрію и получается гораздо больше контроля надъ уклоненіями въ эту сторону; становятся гораздо яснѣе предѣлы общественныхъ интересовъ, дальше которыхъ заходить нельзя; становится гораздо понятнѣе, что урѣзывать принципъ до неузнаваемости и пошлости, производить слишкомъ дорогой учетъ будущаго для ничтожной пользы въ настоящемъ—неразсчетливо, такъ же неразсчетливо, какъ и продавать право первородства за чечевичную похлебку, и что такого рода компромиссы деморализируютъ людей, лишаютъ ихъ характеръ благородства и поведеніе возвышенности. У насъ же никакихъ предѣловъ нѣтъ. Мы говоримъ о предметѣ менѣе ясномъ, но не менѣе деморализующемъ и унижающемъ эпоху, когда люди, по выраженію поэта, становятся „къ добру и злу постыдно равнодушны", закрываютъ глаза на всѣ явленія дѣйствительности, кромѣ собственныхъ выгодъ, лицемѣрятъ, не только показывая передъ другими видъ, будто несутъ тяжелое бремя неудовлетворенныхъ стремленій, но и стараются увѣрить себя въ этомъ, тогда какъ на самомъ дѣлѣ никакого бремени не несутъ и преисправно, какъ самые на-

стоящіе филистеры, пользуются всѣми благами порицаемой жизни и отрицаемыхъ порядковъ. Рѣчь идетъ объ явленіи, гораздо чаще встрѣчающемся, о компромиссѣ гораздо болѣе распространенномъ, при чемъ тѣ люди, которые съ нимъ не мирятся, оказываются или въ полномъ противорѣчіи съ жизнью, или, если хотятъ дѣйствовать на ея основы и работать систематически, то также должны прибѣгать къ компромиссамъ; компромиссъ становится для нихъ въ такомъ случаѣ явленіемъ вынужденнымъ, обусловленнымъ указаннымъ положеніемъ вещей, но уже при невыгодныхъ условіяхъ единоличной за него отвѣтственности и большихъ шансахъ зайти по его скользкому пути слишкомъ далеко въ сторону противуположную. Отдѣльная личность всегда больше рискуетъ не справиться съ препятствіями и засѣсть въ трясину мелкихъ сдѣлокъ, рискуетъ сама измѣниться и измѣнить первоначальнымъ идеаламъ. Являются здѣсь, конечно, и Галифаксы, люди, ведущіе завѣдомо двойную игру. Но что же вы подѣлаете, коли не смотря на эту примѣсь порочныхъ натуръ, натуры искренніе, нетерпѣливыя и энергичныя, умы подвижные и понимающіе весь вредъ неподвижности, не могутъ годить и рвутся вонъ изъ стоячаго болота квіетизма и повседневныхъ компромиссовъ, стараясь стряхнуть или уменьшить вредъ такого положенія и искупить его хотя бы малыми дѣлами; факты же, что нѣкоторые изъ нихъ при этомъ погружаются иногда въ это болото еще глубже, или начинаютъ руководиться какимъ-нибудь ошибочнымъ разсчетомъ, надо прямо отнести на счетъ общественнаго равнодушія и бездѣятельности. Сравнивая двѣ формы одного и того же явленія (компромисса), пассивную и активную, и двѣ категоріи людей, ихъ выражающихъ, мы поистинѣ затрудняемся сказать, какая изъ нихъ печальнѣе, и не видимъ основаній, почему бы люди первой категоріи могли судить и высокомѣрно относиться къ людямъ второй категоріи, пока съ ихъ стороны не послѣдовало измѣны принципамъ: тѣ, по крайней мѣрѣ, рискуютъ спокойствіемъ и добрымъ именемъ, а эти ничѣмъ не рискуютъ, ничего для исповѣдуемой идеи не дѣлаютъ и сохраняютъ еще за собою право приклеивать имъ несоотвѣтственные ярлыки въ тѣхъ случаяхъ, когда дѣятельность ихъ не оправдается хорошими послѣдствіями. Они идутъ за ними, въ случаѣ удачи, и судятъ и казнятъ ихъ, въ случаѣ неудачи, совершенно упуская изъ виду или не желая знать, что сами они, не принося никакихъ жертвъ и ничего не дѣлая длѣ отвращенія бѣдъ и улучшенія дѣлъ, стоятъ на одномъ уровнѣ съ тѣми, кто причиняетъ бѣды и ухудшаетъ дѣла. Нужно отличаться большимъ воображеніемъ и безцеремонностью, чтобы думать, что старые, дурные обычаи и злоупотребленія, рутина и обскурантизмъ могутъ сами собою устраняться изъ жизни, что міръ и людскія отношенія совершенствуются безъ соціальной дисциплины, которая обязываетъ активно относиться къ добру и злу, содѣйствовать словомъ, образомъ жизни и поведеніемъ торжеству добра. Давно уже замѣчено, что если люди ничего не дѣлаютъ и молчатъ, то улучшенія задерживаются и вредные элементы отжившихъ идей остаются разслаблять общество, подобно тому, какъ задерживаніе ненужныхъ веществъ ослабляетъ и отравляетъ организмъ.

Мы могли бы привести много примѣровъ, къ чему приводило бездѣйствіе, но остановимся лишь на слѣдующихъ: общество наше было заинтересовано судьбою женскихъ врачебныхъ курсовъ, между тѣмъ много лѣтъ не было собрано необходимыхъ для ихъ существованія незначительныхъ средствъ. Мнѣ скажутъ, что дѣло было вовсе не въ этомъ, а въ разрѣшеніи. Еслибы были собраны деньги—и я сказалъ бы тоже самое, а пока вправѣ былъ видѣть двѣ причины ихъ непоявленія. Затѣмъ, тоже общество было очень недовольно системою воспитанія, которую насаждалъ гр. Толстой, а между тѣмъ само ровно ничего не сдѣлало для обученія своихъ дѣтей такъ, какъ хотѣло бы. За все это время у насъ основалось только двѣ-три частныхъ гимназіи мужскихъ и нѣсколько гимназій женскихъ, которыя, конечно, всей потребности общества не удовлетворяютъ. Хотя система гр. Толстого при послѣдующемъ министерствѣ была нѣсколько ослаблена, но общество и теперь желаетъ уменьшенія преподаванія классическихъ языковъ и увеличенія преподаванія общеобразовательныхъ предметовъ и предметовъ, имѣющихъ болѣе близкое отношеніе къ практической жизни, желаетъ, а между тѣмъ число общественныхъ и частныхъ заведеній не увеличивается. Совершенно то же самое и съ вопросомъ о народномъ образованіи: если мы ничего не будемъ дѣлать, то оно будетъ стоять такъже, какъ стояло до сихъ поръ, въ теченіи десятковъ лѣтъ или приметъ еще худшій оборотъ. Потому мы такъ горячо и привѣтствуемъ частную иниціативу, которая начала понемногу тамъ и сямъ проявляться. Къ устройству школъ грамотности приступила не одна г-жа Штевенъ. Мы знаемъ о такого же рода попыткахъ въ Симбирской губерніи, въ Богородскомъ уѣздѣ, Мо-

сковской губер., и въ нѣкоторыхъ другихъ мѣстахъ. Необходимымъ дополненіемъ народныхъ школъ и тѣмъ болѣе школъ грамотности являются сельскія библіотеки, читальни и книжные склады. Всего этого такъ еще мало, что о серьезномъ значеніи такого рода учрежденій пока и рѣчи еще быть не можетъ, и мы отмѣчаемъ ихъ больше какъ починъ или какъ извѣстный способъ отвѣтить на огромную духовную потребность народа. Пріемы при этомъ бываютъ иногда совершенно неожиданные, въ особенности, когда начинаетъ ихъ давать сама жизнь, помимо интеллигенціи: появляется, наприм., въ Смоленской губ., чтецъ — „странникъ, имѣющій съ собою штукъ 40 книжекъ. Приходя въ деревню, онъ входитъ въ какую нибудь избу, читаетъ свои книжки вслухъ собравшемуся народу, за что получаетъ отъ крестьянъ ночлегъ, пищу, яйца, иногда холстъ и даже деньги“ *). Недостатокъ книгъ такъ великъ, что однѣ и тѣ же книги читаются по нѣскольку разъ, а иногда даже переписываются. Во многихъ мѣстахъ, за отсутствіемъ книгъ, идутъ для чтенія учебники. Иногда крестьяне нанимаютъ всѣмъ селомъ особую избу, гдѣ по вечерамъ сходятся и читаютъ вслухъ „Сельскій Вѣстникъ“, книги и, вообще, что случится. Разсказывая о такомъ примѣрѣ въ дер. Тюлинѣ, Баскаковской вол., Смоленск. губ., г. Ровинскій говоритъ, что „въ этой избѣ зимою крестьяне засиживаются до поздняго вечера, причемъ не только никто не думаетъ пить водку, но даже не пьютъ чаю, такъ какъ сходятся всѣ съ единственною цѣлью — „чему-нибудь поучиться“. Иногда крестьяне сами устраиваютъ нѣкоторое подобіе библіотекъ и выписываютъ въ складчину дешевыя изданія, въ родѣ „Сельск. Вѣстника“, „Духовно-нравственнаго чтенія“ и т. п. Подобныя попытки извѣстны въ Тверскомъ уѣздѣ, въ Бузулукскомъ, Оханскомъ, Нижнеломовскомъ и нѣкоторыхъ другихъ; а за совѣтомъ и помощью по устройству библіотекъ въ одни комитеты грамотности было изъ разныхъ мѣстъ столько обращеній, что потребность эту надо признать всеобщей. Устроителями библіотекъ при школахъ чаще всего являются учителя, частныя лица и земства, при чемъ справедливостъ требуетъ сказать, что хотя и есть земства, гдѣ всѣ (какъ въ Чердынскомъ у.) или почти всѣ земскія школы (какъ въ Бердянскомъ уѣздѣ) снабжены библіотеками, но большинство земствъ

*) Город. и сельск. библіотеки и читальни для народа по свѣдѣніямъ Петерб. Кимитета Грамотн. Спб., 1892 г., стр. 35.

до сихъ поръ относилось къ этому вопросу не съ надлежащимъ вниманіемъ и только теперь ставитъ его на очередь. Нѣкоторыя библіотеки являются настоящими пародіями на свое названіе: можно, наприм., судить о богатствѣ библіотеки при Костомаровскомъ училищѣ (въ Острогожскомъ уѣздѣ, Воронежской губерніи), коли вся стоимость ея опредѣляется лишь въ 27 р. съ копѣйками *). Если къ этому присоединить еще неумѣлое отношеніе къ дѣлу библіотекарей, то не мудрено, что у такихъ библіотекъ будетъ мало читателей; между тѣмъ тамъ, гдѣ библіотеки лучше поставлены, мы видимъ совсѣмъ иное. Наприм. волостная библіотека въ с. Марковѣ, Лебед. у., Харьк. губ., имѣвшая 2.200 экз. книгъ, въ первый же мѣсяцъ послѣ открытія имѣла уже до 1.000 читателей, а затѣмъ число это стало увеличиваться, такъ что вскорѣ же почти половина мужского населенія волости уже пользовалась ею. Заслуживаетъ вниманія, что какъ только хорошая книга начинаетъ проникать въ деревню, такъ изданія московскихъ лубочниковъ начинаютъ ею вытѣсняться. Что касается книжныхъ складовъ, то объ успѣхѣ ихъ можно судить по слѣдующимъ даннымъ, собраннымъ В. П. Вахтеровымъ.

Открытый въ 1891 г. г-жею П. Д. Антиповой въ Костромѣ частный складъ народныхъ изданій въ первой же годъ своего существованія продалъ 35,431 экз. книгъ для чтенія, 5,454 экз. картинъ и 9,270 экземп. учебниковъ для сельскихъ народныхъ школъ **). Складъ при редакціи неоффиціальной части „Яросл. Губ. Вѣд.“ въ первый же мѣсяцъ послѣ открытія (въ 1892 г.) продалъ болѣе 10 тыс. экз. брошюръ. Астраханскій складъ при комиссіи народн. чтеній имѣетъ 9 тыс. руб. годового оборота; одесскій, при Славянск. благотв. обществѣ, продаетъ ежегодно болѣе 100 тыс. экз. книгъ и брошюръ; нижегородское общество распространенія грамотности въ 1893 г. также продало до 67 тыс. экз. Тверской земскій складъ, торгующій книгами, учебными пособіями и канцелярскими принадлежностями, черезъ четыре года уже сталъ самъ себя окупать и пересталъ нуждаться въ земской поддержкѣ; а Харьковскій не только не требуетъ земской поддержки, но составилъ изъ чистыхъ прибылей даже собственный капиталъ въ 16,094 руб. Не дурно также

*) ib. стр. 51.

**) См. книгу „Частный починъ въ дѣлѣ нар. образованія“. Изд. Москов. Ком. Грам. Москва. 1895 г. стр. 295.

идутъ земскіе склады устюженскій и тихвинскій. Многія земства сочувственно высказались въ пользу складовъ и поручили управамъ заняться ихъ устройствомъ; таковы: смоленское (губ.), зубцовское, кобелякское, екатеринбургское, кирсановское, казанское (губ.), волчанское, красноуфимское, маріупольское, новгородское, кременчугское, царевококшайское; а въ другихъ земствахъ подобные склады въ небольшихъ размѣрахъ уже существуютъ при управахъ (усманское, новоржевское, уржумское) или при нѣкоторыхъ училищахъ (въ уѣздахъ Козьмодемьянскомъ и Чухломскомъ). Мысль о земскихъ книжныхъ складахъ при училищахъ не нова, но первые опыты были не совсѣмъ удачны: склады, открытые земствами уржумскимъ, варнавинскимъ, валдайскимъ и кологривскимъ, просуществовали недолго и закрылись. Причинами этого, по объясненію управъ, были, съ одной стороны, недостаточно дѣятельное отношеніе учителей къ дѣлу, а съ другой—недостатокъ разнообразія въ выборѣ книгъ; послѣднее же зависѣло отъ ограниченія не имѣть въ складѣ иныхъ книгъ, кромѣ одобренныхъ для низшихъ училищъ ученымъ комитетомъ мин. нар. просвѣщенія. Среди частныхъ лицъ, озабоченныхъ устройствомъ складовъ, мы встрѣчаемъ нѣсколько учителей, помѣщицу, двухъ донскихъ землевладѣльцевъ, редактора „Ярослав. Губ. Вѣд.", г. Ушакова, нѣкоего г. Елагина, устраивающаго складъ въ с. Спасъ-Клепикахъ, Рязанскаго у., и т. п. Риску въ такомъ дѣлѣ очень мало. По имѣющимся свѣдѣніямъ, офени продаютъ обыкновенно книги всемеро *) дороже, чѣмъ онѣ стоятъ имъ самимъ, слѣдовательно, конкурренція ихъ въ этомъ отношеніи не такъ страшна. Что же касается до другого несомнѣннаго и несравнѣнно болѣе важнаго ихъ преимущества: хожденія по базарамъ и глухимъ деревнямъ, благодаря чему книга сама идетъ къ крестьянину, тогда какъ въ центральномъ складѣ, помѣщающемся гдѣ-нибудь въ губернскомъ или уѣздномъ городѣ, лежитъ, потому что крестьяне тамъ рѣдко и не всѣ бываютъ, то и въ этомъ отношеніи, конечно, можно будетъ что-нибудь сдѣлать. Неудобство это дѣйствительно значительное. Въ этомъ убѣдились уже и нѣкоторыя земства, и основательница костромскаго склада, г-жа Антипова, которая скоро увидѣла, что чрезъ посредство одного только губернскаго склада на сколько-нибудь значительный сбытъ книгъ нельзя разсчитывать. Она вынуждена была обратиться къ народнымъ учителямъ и учительницамъ, докторамъ, частнымъ лицамъ, мѣстнымъ мелкимъ торговцамъ и сдѣлать попытку завести своихъ книгоношъ, отпуская однимъ изъ нихъ книги въ кредитъ, а другимъ на коммиссію. Правда, практика показала нѣкоторыя неудобства этого опыта: частныя лица охотно брались за продажу, но быстро остывали, въ виду незначительности самой дѣятельности и ея результатовъ; книгоноши же, нанятые складомъ, продавали книги выше назначенныхъ цѣнъ, неаккуратно приносили деньги и часто работали въ убытокъ складу; но, не смотря на это, общій полученный результатъ былъ до такой степени нагляденъ и убѣдителенъ, что дальнѣйшія попытки въ этомъ отношеніи должны продолжаться: изъ 35,431 экз. проданныхъ книгъ непосредственно центральнымъ складомъ было продано только 5,370 экз., а остальное количество разошлось чрезъ учителей, черезъ земства, черезъ докторовъ, фельдшеровъ и разныхъ другихъ лицъ. Нижегородское общество распространенія грамотности сдѣлало другую попытку избѣжать недостатковъ центральныхъ складовъ: оно организовало отдѣленія своего склада при сельскихъ училищахъ. Такихъ отдѣленій въ 1889 году въ разныхъ уѣздахъ губерніи было 53, а въ 1894 году уже 201. Способъ этотъ также имѣетъ свои неудобства, на одно изъ которыхъ уже указали земства: это то, что въ складахъ и библіотекахъ при училищахъ могутъ быть только книги, одобренныя ученымъ комитетомъ мин. нар. просв., а книгъ этихъ очень мало. У насъ и безъ того мало книгъ (изъ проданныхъ въ 1892 году книгъ не приходилось и 1 экз. на кв. версту), а съ этими ограниченіями становится и еще меньше *). Къ этому надо еще прибавить, что изъ одобренныхъ книгъ нѣкоторыя берутся весьма неохотно, такъ что приходится ихъ чуть не навязывать.

И земства и частныя лица жалуются на это ограниченіе. Отзывается оно также и на библіотекахъ. Надо стоять непосред-

*) Ib., стр. 312.

*) Еще меньше у насъ періодическихъ изданій, могущихъ идти въ библіотеки. Не могу, между прочимъ, не привести слѣдующаго разсчета г. Вахтерова изъ вышеупомянутаго очерка его о книжныхъ складахъ въ провинціи относительно того, какъ мало у насъ періодическихъ изданій вообще: мы имѣли въ 1895 г. только около 300 изданій, считая въ томъ числѣ губернскія, областныя и полицейскія вѣдомости, а безъ нихъ только 167 частныхъ изданій и изъ нихъ ежедневныхъ газетъ только 57. Между тѣмъ въ крошечной Бельгіи было 917 изданій, въ Швейцаріи до 600, въ Голландіи около 700, въ Японіи 2.000 и т. д., а въ Америкѣ до 20.000 изданій. Чтобы сравняться, принимая количество населенія, напр., съ Японіей, намъ нужно было бы имѣть болѣе 6.000 изданій, а для того, чтобы сравняться съ Америкой, болѣе 40.000 изданій.

ственно у дѣла,—говоритъ г. Девель, собиравшій для „Петерб. Ком. Грам.“ свѣдѣнія о сельскихъ библіотекахъ и читальняхъ,—чтобы судить, какою тяжестью ложится такое ограниченіе на развитіе дѣятельности библіотекъ. А между тѣмъ, рядомъ съ этимъ и не смотря на это, при открытіи складовъ и библіотекъ, приходится каждый разъ испытывать такую массу затрудненій, что нужно употребить большія усилія, чтобы всѣ ихъ благополучно преодолѣть: одни склады и библіотеки (при училищахъ) находятся въ вѣдѣніи министерства нар. просв. другіе въ вѣдѣніи губернаторовъ и мин. внутр. дѣлъ, третьи въ вѣдѣніи духовенства, четвертые требуютъ каждый разъ особаго соглашенія министерства нар. просв. съ мин. внутр. дѣлъ; въ однихъ случаяхъ, при разрѣшеніи открытія школьныхъ библіотекъ, говорится, что чтенія въ помѣщеніи школы „отнюдь не разрѣшаются“ *), въ другихъ, наоборотъ, одобряются и поощряются (въ Западн. краѣ) и т. п. Нельзя, въ заключеніе, не присоединиться къ пожеланію почтеннаго автора, у котораго мы беремъ эти указанія: чтобы „пришло скорѣе то время, когда всякое начинаніе въ сферѣ народнаго образованія ограничивалось бы обязательствомъ простого заявленія власти открыть то или другое учрежденіе и только обязательствомъ подчиняться государственному контролю и представлятъ періодически, куда слѣдуетъ, отчеты о дѣятельности„. Какъ такое желаніе ни скромно, говоритъ онъ, „но оно казалось бы верхомъ благополучія, сравнительно съ существующими порядками и обрядностями, которыми обставлена теперь у насъ частная иниціатива“. Несомнѣнно, что пожеланіе это только тогда исполнится, когда будетъ больше частной, а слѣдовательно и общественной иниціативы и когда она будетъ дѣятельнѣе, а безъ этого, выражаясь кудрявымъ восточнымъ, языкомъ, мы только напрасно будемъ сидѣть на коврѣ ожиданій и всуе призывать имя Аллаха.

---

*) „Гор. и сельск. библіотеки“ и т. д., стр. 61.

ГЛАВА III.

По поводу культурныхъ одиночекъ.

Ознакомившись съ разнохарактернымъ составомъ и наиболѣе выдающимися чертами людей, живущихъ и пытающихся жить и дѣйствовать въ деревнѣ, мы хотимъ остановиться на ихъ общихъ чертахъ и сдѣлать нѣкоторыя обобщенія. Безъ этого не только нашъ очеркъ („Культурные одиночки“) былъ бы не полонъ, но и сами эти люди не получили бы въ глазахъ читателя того значенія, какое мы имъ придаемъ, какого они, если пока не имѣютъ, то могутъ имѣть. Значеніе это прямо опредѣляется степенью общественной полезности и нравственнаго содержанія и вліянія ихъ дѣятельности.

Для однихъ изъ этихъ людей общественныя задачи и служеніе составляютъ главную и прямую цѣль; другіе, не задаваясь широкими общественными планами, руководятся преимущественно личною этикою и желаніемъ найти скромное, чистое занятіе по душѣ и совѣсти; третьи присоединяютъ къ этому личный, экономическій интересъ, т.-е. желаніе, чтобы занатіе это служило вмѣстѣ съ тѣмъ и источникомъ существованія; а нѣкоторые ставятъ послѣднюю цѣль даже на первое мѣсто и руководятся исключительно ею. По всей вѣроятности, съ теченіемъ времени, съ возрастаніемъ въ народѣ культурныхъ потребностей, дѣятельность около него можетъ служить извѣстному числу и сорту лицъ даже источникомъ наживы; но о такихъ господахъ мы не говоримъ, хотя, какъ читатель увидитъ ниже, вовсе не отрицаемъ личнаго интереса, поскольку таковой представляетъ фактъ неустранимый и въ общественномъ смыслѣ безвредный. Въ данномъ же случаѣ насъ прежде всего занимаетъ наилучшая постановка вопроса, какую мы встрѣчаемъ у лучшихъ людей этого

рода, и условія наилучшаго, если можно такъ выразиться, обобществленія культурной дѣятельности вообще, т.-е. какимъ образомъ она можетъ переходить въ плоть и кровь, на общественную потребу и духовную пользу.

Люди эти стремятся дѣлать то, что, при иныхъ условіяхъ и состояніи общественности, должно было бы дѣлать все образованное общество. Тогда ихъ дѣятельность не представляла бы ничего выдающагося, ничего особеннаго; но за то и не была бы такой одинокой, трудной и бѣдной результатами. Но чѣмъ безразличнѣе и бездѣятельнѣе общественная среда, чѣмъ къ ней больше могутъ относиться слова поэта: „къ добру и злу постыдно равнодушны“, тѣмъ ярче выдѣляются на ея темномъ фонѣ эти маленькіе, одинокіе огоньки теплящейся жизни, искренней любви къ ближнему и вѣры въ лучшее будущее, тѣмъ симпатичнѣе всѣ эти безкорыстные учителя и учительницы, врачи, крестьянскіе повѣренные, ходоки, основатели артелей и т. д. Со всѣхъ сторонъ говорятъ имъ, что они берутся за непосильное дѣло и не передѣлаютъ жизни, что они толкутъ воду въ ступѣ и размѣниваются на мелочи, что ковшомъ моря не исчерпать; а они отвѣчаютъ: „надо хоть что-нибудъ дѣлать, надо хоть ковшомъ отчерпывать человѣческое горе, если оно заливаетъ землю, лишь бы не сидѣть, забравшись въ верхніе этажи, сложа руки; мы органически не можемъ дольше сидѣть, потому что у насъ затекли ноги и руки отъ бездѣйствія, мы хотимъ дѣлать, что можемъ и умѣемъ; пусть являются болѣе сильные и умѣлые,— честь имъ и дорога, мы пойдемъ за ними, если сможемъ, а кто не сможетъ — будетъ помогать общей работѣ, лишь бы только это была работа, а не черпаніе чужого горя однимъ только языкомъ“. И этотъ-то вотъ дѣйственный элементъ, которымъ проникнуты ихъ неугомонныя души, и дѣлаетъ ихъ особенно цѣнными во время общественной апатіи, подавленности духа и празднословія. Это, разумѣется, не историческіе герои,—съ героями мы ихъ не сравниваемъ, передъ героями они и сами снимутъ шапки, а люди обыкновенной человѣческой мѣры, только добросовѣстные и искренніе, показывающіе, что должны и могутъ дѣлать всѣ, что доступно всякому, даже самому дюжинному человѣку, если только онъ добросовѣстенъ и не боится стать лицомъ къ лицу съ неправдой и лишеніями. Героевъ обыкновенно бываетъ мало, но людей, для оправданія собственной бездѣятельности, прикидывающихъ ко всѣмъ и всему героическую мѣрку, очень много. Не мало у насъ также мокрыхъ куръ, сидящихъ десятки лѣтъ на своихъ насѣстяхъ и увѣряющихъ, что жить они могутъ только въ широкихъ горизонтахъ и что у нихъ будто бы отростаютъ орлиныя крылья. Никакія самыя мощныя крылья не поднимутъ ихъ даже на вершокъ отъ земли; но тѣмъ не менѣе всѣхъ, кто летаетъ ниже орлинаго, по ихъ мнѣнію, нельзя цѣнить больше пятіалтыннаго. Это умѣютъ теперь дѣлать даже просвѣщенные краснорядцы, шустрыя чиновницы и наметавшіяся въ разговорахъ купчихи. Вы говорите имъ: какой хорошій у васъ докторъ, сейчасъ же ѣдетъ къ бѣднымъ и ничего не беретъ, а они вамъ отвѣчаютъ: „да, черпаетъ воду рѣшетомъ, лечитъ для того, чтобы они сейчасъ же вновь заболѣвали“. Вы указываете на незнающую устали учительницу, а они говорятъ: „ничего себѣ, копается, приготовляетъ грамотныхъ приказчиковъ, но пороху не выдумаетъ“. Сами они, конечно, также не только не выдумаютъ пороха, но зачастую и не знаютъ, кто его выдумалъ, а діалектическіе разговоры прекрасно умѣютъ вести. Передъ такими господами и госпожами люди, о которыхъ мы говоримъ, шапки, разумѣется, не снимутъ. Объ этомъ рѣчь, впрочемъ, впереди, а пока достаточно сказать, что съ героями неправильно ихъ и сравнивать, а можно сравнивать только съ большинствомъ общества, съ общественною массою. Съ этой же точки зрѣнія врядъ-ли кто-нибудь имѣетъ право смотрѣть на нихъ сверху внизъ. Тѣмъ болѣе не можетъ смотрѣть на нихъ такъ литература, дѣло которой — оцѣнивать явленія по ихъ общественному смыслу и ободрять каждую активную попытку къ добру. Она твердила и продолжаетъ твердить о недостаткѣ учителей, докторовъ, техниковъ, о томъ, что народъ болѣетъ, бѣднѣетъ, не знаетъ грамоты и т. д., и, когда являются люди, которымъ надоѣло сидѣть за зелеными столами, участвовать въ любительскихъ спектакляхъ и ѣсть предводительскіе пироги съ визигой, люди, которые выходятъ на работу съ рѣдкимъ самоотверженіемъ и не смотря на множество препятствій, она должна привѣтствовать ихъ. Если результаты въ этомъ отношеніи достигались до сихъ поръ лишь самые незначительные, она должна посмотрѣть, почему это происходило и что нужно для того, чтобы дѣло шло лучше. Такъ мы и дѣлаемъ.

Результаты дѣятельности культурныхъ одиночекъ, дѣйствительно, до сихъ поръ были лишь самые незначительные. Причины этому лежатъ, съ одной стороны, во внѣшнихъ неблагопріятныхъ условіяхъ, среди которыхъ имъ приходится дѣйство-

вать, а съ другой—въ условіяхъ внутреннихъ: въ способахъ и пріемахъ дѣйствія, въ выборѣ и направленіи дѣятельностей, въ малочисленности и разрозненности дѣйствующихъ лицъ и въ цѣломъ рядѣ смутныхъ понятій и недоразумѣній, распространенныхъ въ культурномъ обиходѣ. Внѣшнія условія представляютъ не рѣдко такую массу препятствій, что нисколько не удивительно, если въ столкновеніи съ ними гибнетъ много силъ и энергіи; а натуры деликатныя и робкія, неспособныя къ жизненной борьбѣ, прямо отступаютъ передъ ними. Какъ, въ самомъ дѣлѣ, защититъ себя одинокая сельская учительница отъ ловеласничества и ложныхъ доносовъ волостного писаря съ урядникомъ (случай указанный выше); гдѣ гарантія для человѣка, ведущаго крестьянскіе судебные процессы, подобно г. Гецевичу, надъ которымъ продѣлывались самыя невѣроятныя издѣвательства (въ Валдайскомъ у). Случаевъ грубости и мелочной придирчивости такъ много въ провинціи, что ихъ затруднительно даже перечислить: въ одномъ мѣстѣ волостной старшина, разсерженный раскрытіемъ его злоупотребленій, домогается подвергнуть учителя тѣлесному наказанію (въ Старицкомъ у.); въ другомъ пьяныя сельскія власти вламываются ночью въ учительскую квартиру и наносятъ учителю побои (въ Новосильскомъ у.); въ третьемъ составляется цѣлая компанія изъ волостного писаря, становового и нѣсколькихъ деревенскихъ воротилъ, которая путемъ разныхъ подвоховъ и сикофанства выживаетъ лицъ для нея неудобныхъ (дѣло, разбиравшееся окружнымъ судомъ въ Сарапулѣ) и т. д. Есть и другого рода препятствія, хоть и не столь рѣзкія, за то болѣе постоянныя, преодолѣвать которыя едва-ли не еще болѣе трудно. Указывать и перечислять ихъ, кажется, будетъ излишне. Многія безобразія производятся совершенно открыто, на глазахъ всего общества, какъ нѣчто вполнѣ правомѣрное и заслуживающее одобренія, производятся съ полною откровенностью и даже съ цинизмомъ, что, конечно, крайне дурно говоритъ о нашей общественности. Къ сожалѣнію, одними внѣшними препятствіями далеко не ограничивается и не исчерпывается вся сумма явленій, противудѣйствующихъ добру. Препятствія эти составляютъ несомнѣнный фактъ, но сваливать на нихъ все безъ исключенія, какъ это дѣлаютъ нѣкоторые, нельзя. Самое существованіе этого факта въ значительной степени обусловливается состояніемъ и развитіемъ общества: къ нему принадлежатъ, изъ него выходятъ и въ него опять возвращаются всѣ эти Магницкіе, Руничи и ихъ духовное потомство. Если мы попробовали бы пожить уѣздною жизнью или пошли бы на большинство дворянскихъ и земскихъ собраній, то прежде всего не получили бы яснаго представленія о направленіи большинства дѣйствующихъ лицъ. Мы встрѣтили бы господъ, которые сегодня говорятъ одно, а завтра другое, или говорятъ одно, а дѣлаютъ другое, которые въ однихъ случаяхъ придерживаются либеральныхъ взглядовъ, въ другихъ ретроградныхъ, въ третьихъ неизвѣстно какихъ, вообще, встрѣтили бы ту русскую мѣшанину, которая такъ удручаетъ своею неопредѣленностью. Сегодня они распространяются о пользѣ гласности и вредѣ всего, что стѣсняетъ земскую дѣятельность, завтра становятся врагами земской самостоятельности и гонителями печати, статистики, газетныхъ корреспондентовъ; сегодня состоятъ членами и предсѣдателями управъ, мировыми судьями, присяжными повѣренными; завтра становятся прокурорами, земскими начальниками, акцизными надзирателями, полицейскими приставами и т. д. Становятся по существу, но въ то же время складываютъ въ карманѣ либеральный кукишъ, который изрѣдка показываютъ знакомымъ. Проходитъ нѣкоторое время — и происходитъ какая-нибудь новая метаморфоза. Какъ и кто можетъ полагаться на такихъ людей? Среди нихъ есть настоящіе мерзавцы, которые продадутъ кого угодно. А вокругъ этихъ дѣйствующихъ лицъ простирается цѣлая пустыня безразличія и безпринципности, по которой скачи кто хочетъ и куда хочетъ. Мы отлично знаемъ, въ какой мѣрѣ важны общія условія, въ какой мѣрѣ они могутъ поднимать духъ даже слабыхъ людей, поддерживать неустойчивыхъ и облагораживать сомнительныхъ, а въ другихъ случаяхъ доводить до безчувствія даже людей сильныхъ; но домъ, въ которомъ тепло, когда и на дворѣ тепло, и холодно, когда и на дворѣ холодно, — плохой домъ, и человѣкъ, который, при малѣйшемъ холодѣ превращается въ ледяную сосульку или бѣжитъ на печку грѣться и сталкиваетъ оттуда всѣхъ болѣе слабыхъ, также немногаго стоитъ. Вотъ почему направленіе и тонъ жизни опредѣляются у насъ не общественнымъ мнѣніемъ, а случайными обстоятельствами, внѣшними температурами и вѣяніями да безсознательнымъ ходомъ экономическихъ причинъ, которыми мы управлять не умѣемъ и которыя, поэтому, періодически заставляютъ насъ упираться въ стѣну. Кто по совѣсти или на основаніи незыблемыхъ фактовъ дастъ отвѣтъ, напр., относительно крестьянской реформы: была ли она плодомъ общественнаго сознанія, или дѣломъ небольшой,

просвѣщенной и энергичной группы лицъ? Если необходимость ея сознавалась многими, то точно также многіе и противудѣйствовали ей. По тѣмъ же причинамъ, когда совершаются реформы, въ родѣ послѣдней земской и городской, или вводится институтъ земскихъ начальниковъ, то общество не знаетъ, какъ къ нимъ относиться: тѣ, кто должны были бы радоваться, обуреваются разнаго рода сомнѣніями; тѣ, кто ропщутъ, думаютъ: „а можетъ быть, такъ лучше будетъ"; третьи, напротивъ, впадаютъ въ преждевременное отчаяніе, думая, что все погибло, а большинство даже и не интересуется ни сущностью, ни подробностями вновь вводимаго порядка, ему все ровно, что бы тамъ ни было, лишь бы только не тревожили его спокойствія и не приходилось платить новыхъ налоговъ. Если нѣкоторыя реформы вырабатываются канцелярскимъ путемъ, вдали отъ общества, то примѣненіе ихъ, тѣмъ не менѣе, безъ общественнаго участія не обходится, а отъ этого въ такой же, если только не въ большей еще мѣрѣ, зависитъ успѣхъ реформы; между тѣмъ никто не знаетъ, какіе элементы пойдутъ на новыя роли и какъ и кто будетъ дѣйствовать. Сколько людей колебалось передъ вопросомъ: идти имъ въ земскіе начальники, въ городскіе головы, въ предсѣдатели и члены земскихъ управъ, по новому положенію, или не ходить?

Въ обществѣ съ развитымъ сознаніемъ гражданскихъ потребностей и обязанностей ни подобныя колебанія, ни такое отношеніе къ дѣлу были бы немыслимы, потому что оно всякую реформу, если только въ ней есть жизненныя стороны, ассимилировало бы по своему, т.-е. воспользовалось бы и дало бы развитіе тѣмъ ея сторонамъ, которыя цѣлесообразны; стороны же ненужныя обратило бы въ мертвую букву; а если въ реформѣ совсѣмъ нѣтъ жезненности, то она и совсѣмъ осталась бы инороднымъ тѣломъ. Конечно, имѣть дѣло съ инородными тѣлами не легко, но, по крайней мѣрѣ, не было бы многолѣтняго ненужнаго процесса. Намъ скажутъ, что реформы не съ неба сваливаются, а производятся въ удовлетвореніе общественныхъ же потребностей, если не всего общества, то извѣстной его части; но это нисколько не измѣняетъ того, что мы говоримъ: чѣмъ меньше группа, заинтересованная въ реформѣ, чѣмъ интересы ея приходятъ въ большее противорѣчіе съ интересами общими, тѣмъ обществу необходимѣе создать практическій коррективъ къ ней, выяснить, гдѣ страдаютъ его законные интересы, и на законной почвѣ постоять за ихъ охраненіе.—Въ обществѣ же съ слабымъ самосознаніемъ выходитъ наоборотъ: въ то время, какъ большинство общества остается равнодушнымъ, а лучшіе люди сторонятся отъ непріятностей, являются на сцену худшіе элементы или люди, своекорыстно заинтересованные въ отрицательныхъ сторонахъ реформы, которые и даютъ развитіе именно этимъ ея сторонамъ. Наиболѣе рьяные изъ нихъ проносятся настоящимъ смерчемъ по жизни. То же самое происходитъ и съ хорошими, истинно-общественными реформами: онѣ попадаютъ или въ руки слабыя, или въ руки людей, недовольныхъ ими, которые по своему поправляютъ ихъ, урѣзываютъ, вообще, вертятъ ими, какъ хотятъ, и въ концѣ концовъ искажаютъ. Нечего и говорить, насколько невыгодно для государства такое распредѣленіе общественныхъ силъ и такое отношеніе къ дѣлу, а между тѣмъ не рѣдко доходитъ до того, что нѣтъ возможности узнать даже откровеннаго общественнаго мнѣнія о реформѣ: говорятъ и хвалятъ только тѣ, кто лично заинтересованъ, а остальные молчатъ или выражаются уклончиво. Происходитъ то же самое, что и съ печатью: кто разберетъ теперь нашъ „эзопскій языкъ"? Скоро переводчикъ понадобится, а нѣкоторые до того въ немъ запутались, что и сами ключъ къ нему потеряли.—Вышеуказанныя колебанія относительно занятія извѣстныхъ должностей, при измѣнившихся условіяхъ, также не должны были бы имѣть мѣста, еслибы вопросъ рѣшался не съ личной, а съ общественной точки зрѣнія. Тогда было бы ясно, въ какихъ случаяхъ не слѣдуетъ и въ какихъ не только слѣдуетъ, но даже обязательно занимать, хотя бы лично и непріятныя, должности; когда же этотъ вопросъ рѣшается каждымъ за себя, то при этомъ, естественно, могутъ возникать не только личныя сомнѣнія и колебанія, но и общественное недовѣріе къ тѣмъ, кто не сообразуется съ общественными интересами.

Такихъ подмоченныхъ репутацій у насъ очень не мало; но еще больше людей благородныхъ, въ которыхъ, однако, чрезвычайно мало толку: мы говоримъ о людяхъ, совсѣмъ устраняющихся отъ общественной дѣятельности, уходящихъ въ свою хату съ краю и превращающихся въ благородный пассивъ. Пассивъ этотъ очень великъ. Тутъ мы встрѣтимъ и новѣйшихъ Обломовыхъ, и престарѣлыхъ Маниловыхъ, и возмужавшихъ Фемистоклюсовъ, и широкія, возвышенныя натуры à la Рудинъ и Агаринъ, которыя не находятъ дѣла по плечу; и людей, проявившихъ нѣкогда какія-нибудь гражданскія чувства и съ тѣхъ поръ отдыхающихъ отъ этого проявленія, на подобіе ветерановъ отечествен-

ной войны; и людей, нѣкогда обиженныхъ и ждущихъ, что къ нимъ еще обратятся, если не сами обидчики, то ихъ преемники; и людей, разочарованныхъ въ жизни и сердящихся на дѣйствительность, что, однако, не мѣшаетъ ни ихъ прекрасному сну, ни пищеваренію; и чистоплотниковъ, не любящихъ общественныхъ дрязгъ, но прекрасно ведущихъ свои личныя дѣла, порою очень нечистоплотныя; и господъ, говорящихъ, что теперь нельзя и не стоитъ ничего дѣлать, однако, достаточно обезпеченныхъ, чтобы жить безъ труда; и людей, занимающихся на склонѣ жизни самоусовершенствованіемъ и саморазвитіемъ, и людей, живущихъ исключительно воспоминаніями прошлаго, и просто говоруновъ, и просто трусовъ, боящихся житейскихъ столкновеній и недоразумѣній, и настоящихъ либеральныхъ фарисеевъ, и теоретиковъ, возводящихъ пассивность въ принципъ, какъ, напр., нѣкоторые изъ новыхъ экономистовъ, которые говорятъ, что съ капитализмомъ ничего нельзя подѣлать, что онъ предназначенъ покорить народы и обратить мужика въ пролетарія, что передъ его требованіями должны преклониться всякія общественныя силы и даже самый человѣческій духъ, и т. д. Вотъ съ кѣмъ нужно сравнивать людей, проявляющихъ бодрость духа и желающихъ нести и въ деревню ободреніе, просвѣщеніе и помощь. Вотъ что говоритъ Спенсеръ во II томѣ своей „Этики“: „участвовать въ общественной жизни страны есть долгъ каждаго гражданина; тотъ, кто этого не дѣлаетъ, обнаруживаетъ одновременно и близорукость, и неблагодарность, и подлость“. Хотя рѣчь собственно идетъ объ Англіи и ея учрежденіяхъ, но смыслъ ея во всѣхъ случаяхъ остается однимъ и тѣмъ же: близорукимъ былъ бы такой человѣкъ потому, что воздержаніе отъ участія въ общественной жизни, — еслибы оно стало всеобщимъ, — повлекло бы неизбѣжно къ упадку какихъ угодно хорошихъ учрежденій и къ замѣнѣ ихъ плохими; неблагодарнымъ онъ былъ бы потому, что забылъ бы о работѣ мысли и усиліяхъ лучшихъ людей прошлаго, и, наконецъ, это было бы низостью или подлостью потому, что сваливаніе общаго дѣла на другихъ „равносильно наклонности получать какую-нибудь выгоду, не давая за нее взамѣнъ ничего“.

Литература наша очень богата типами хорошихъ говоруновъ, людей возвышеннаго образа мыслей, но практически неумѣлыхъ, недѣятельныхъ, непослѣдовательныхъ и вообще несостоятельныхъ. У одного Тургенева цѣлая серія такихъ родственныхъ портретовъ. Люди эти въ свое время имѣли большое значеніе для умственнаго развитія общества и въ этомъ смыслѣ сдѣлали свое

дѣло, но жизнь съ тѣхъ поръ настолько измѣнилась, что встрѣча съ ними теперь представляется положительнымъ анахронизмомъ. Нѣкоторыя условія, какъ, напр., крѣпостное право, совсѣмъ исчезли, требованія къ личности стали строже и то, что прежде не обращало на себя вниманія, какъ вещь общераспространенная, стало немыслимымъ или приняло форму обостреннаго вопроса. У всѣхъ этихъ господъ были, напр., „свои деревни“, „свой мужичокъ“, съ которымъ они, конечно, хорошо обращались, „свои доходы“, позволявшіе жить за границей и не думать о низменной сторонѣ существованія, а когда доходы начинали высылаться худо, то они, какъ Агаринъ (въ поэмѣ Некрасова „Саша“), пріѣзжали и принимали соотвѣтственныя мѣры. Теперь доходы эти пришлось замѣнить: однимъ — хорошими казенными окладами, другимъ — акціонерными предпріятіями, третьимъ — хозяйствомъ съ наемными рабочими, которыхъ надо выгоднѣе нанимать, побольше заставлять работать, удерживать отъ пьянства и прогуловъ и т. д., словомъ, пришлось дѣлать практическое дѣло, но не то, о которомъ такъ хорошо говорится, а которое находится въ прямомъ противорѣчіи съ разговорами. И въ Европѣ, и у насъ жизнь какъ нарочно сосредоточилась около щекотливыхъ и мало возвышенныхъ предметовъ, вродѣ фабричнаго законодательства и инспекціи, регулированія рабочаго дня, крестьянскаго землевладѣнія, налоговъ, народнаго кредита, хозяйственной самостоятельности и т. п. Нельзя, напр., ничего возразить противъ справедливости подоходнаго налога, а когда поднимается вопросъ о болѣе равномѣрной земской раскладкѣ податей, то приходится его замалчивать; нельзя не понимать, что изученіе экономическихъ условій и гласность составляютъ необходимую принадлежность благоустроенной общественной жизни, а когда при этомъ, того и гляди, поднимутся собственныя кулисы, то приходится возражать и противъ безпокойныхъ газетчиковъ, и противъ самой даже статистики. Происходитъ настоящее раздвоеніе личности, и явленіе это, увеличиваясь въ ширину и глубину, обѣщаетъ сдѣлаться общимъ; мало этого: происходитъ раздвоеніе взгляда на такихъ людей и подрывается въ нихъ вѣра. Чрезвычайно также любопытно, что въ литературѣ нашей, рядомъ съ обиліемъ отрицательныхъ типовъ, чрезвычайно мало типовъ положительныхъ. Разумѣется, не вся жизнь отражалась въ литературѣ, какъ въ зеркалѣ, зеркало это, по самому своему положенію, не захватывало нѣкоторыхъ ея сторонъ и явленій,—но передъ нею прошло все же не мало админи-

стративныхъ, земскихъ и другихъ общественныхъ дѣятелей, вставало солнце, спускалась ночь, происходили перемѣны, столкновенія, такъ что могли бы отразиться типичныя черты людскихъ характеровъ, ихъ одушевленіе, направленіе, идеалы, тактъ и выдержка. Мы склонны были бы даже возложить въ данномъ случаѣ вину на литературу, такъ какъ и въ эпоху освобожденія крестьянъ, и въ послѣдовавшую затѣмъ эпоху ихъ устройства, и въ земской жизни у насъ были прекрасныя фигуры дѣятелей, еслибы только онѣ не стояли особняками, вслѣдствіе чего изображеніе ихъ было бы лишь портретами, а не собраніемъ, какъ въ фокусѣ, общихъ типическихъ чертъ. Передѣлка же портрета въ типъ представляетъ въ художественномъ отношеніи вещь очень рискованную: какъ, въ самомъ дѣлѣ, возможно было бы превратить въ положительный типъ, напр., Я. И. Ростовцева или гр. Валуева? Послѣдній самъ попробовалъ создать положительную картину жизни, но получилъ отрицательную. Дѣло, впрочемъ, не въ этомъ, а въ томъ, что все это наше прошлое могло, можетъ и должно служить образованнымъ людямъ, выступающимъ на общественную дѣятельность, достаточнымъ поводомъ къ тому, чтобы стремиться быть послѣдовательными, къ тому, чтобы слово не расходилось съ дѣломъ, и чтобы это было не принадлежностью однѣхъ только исключительныхъ натуръ и не слѣдствіемъ временныхъ только возвышенныхъ настроеній, а общимъ свойствомъ, присущимъ людямъ въ теченіе всей ихъ жизни, какъ во время обычной дѣятельности, такъ и во время обострившейся борьбы интересовъ. Одно это, конечно, не гарантируетъ еще успѣха, но въ общественныхъ вопросахъ и дѣлахъ всегда не только въ нравственномъ смыслѣ лучше, но и выгоднѣе имѣть дѣло съ опредѣленными величинами, чѣмъ съ неопредѣленными. А потому каждый шагъ въ этомъ направленіи, въ какой бы сферѣ онъ ни дѣлался, нельзя не назвать правильнымъ, и естественно желать, чтобы и въ будущемъ, какъ на этихъ скромныхъ путяхъ, такъ и на болѣе широкихъ поприщахъ, это стремленіе не прекращалось.

Существуетъ опасеніе, что дѣятельность культурныхъ людей въ деревнѣ ограничится крошечными предѣлами маленькихъ, частныхъ дѣлъ, такъ что въ общественномъ смыслѣ не только не будетъ отъ нихъ пользы, а будетъ будто бы даже ущербъ, въ видѣ потери времени и силъ. Если представить себѣ, что эти попытки не встрѣтятъ сочувствія, что сами дѣйствующія лица не приложатъ усилій къ развитію и упроченію своей дѣятельности и энергія ихъ

ослабѣетъ, то опасеніе это можетъ имѣть нѣкоторыя основанія, но говорить, что это такъ и будетъ—нельзя. Гораздо больше опасеній могутъ внушать чисто внѣшнія препятствія и общественная безучастность, а не-дѣла, которыя хотя бы и малы въ данную минуту, но неизвѣстно почему обречены оставаться такими и въ будущемъ. Въ полемикѣ, которая произошла нѣсколько лѣтъ тому назадъ по этому поводу между „Недѣлею“ и покойнымъ Шелгуновымъ, дѣйствительно, можно было подумать, что „Недѣля“ рекомендуетъ малыя дѣла или, вѣрнѣе, малыя цѣли, какъ нѣчто самодовлѣющее, не совѣтуя при этомъ не только смотрѣть, но даже взглядывать кверху; но такую постановку вопроса нельзя не признать исключительной, несогласной не только съ мотивами дѣятельности людей, думающихъ о деревнѣ, но даже съ самой природой человѣческой. Я уже имѣлъ случай высказываться по этому поводу, и теперь мнѣ остается только повторить то же самое. Во 1-хъ, маленькое дѣло вовсе не синонимъ маленькой цѣли. Что можно, напр., представить себѣ меньше сборовъ, которые производилъ Массе для своей Лиги образованія, а между тѣмъ цѣль была не малая. Во 2-хъ, маленькія дѣла могутъ не имѣть никакого отношенія къ тому, что находится за ихъ предѣлами, быть раскиданными тамъ и сямъ крупинками и не имѣть никакой перспективы, но могутъ также, при извѣстномъ сродствѣ и содѣйствіи, слагаться въ большія суммы, какъ слагаются капли въ рѣки и паровыя частицы въ тучи, а также могутъ и синтетически входить въ большое дѣло, подобно тому, какъ каждое большое дѣло, въ свою очередь, разбивается на части. Въ этомъ большая разница, и въ послѣднемъ смыслѣ чуждаться маленькихъ дѣлъ, конечно, нельзя. Если они будутъ дѣлаться съ убѣжденіемъ и въ направленіи общаго плана, если люди въ продолженіи всего процесса дѣятельности не будутъ терять изъ виду идеала, будутъ всегда смотрѣть на подробности съ точки зрѣнія цѣлаго, не давая имъ разростаться до такихъ размѣровъ, чтобы онѣ заслоняли общую перспективу будущаго, то вредить это большому дѣлу не можетъ. Между тѣмъ чрезвычайно важно не упускать ни одного случая для дѣятельности, стоять непосредственно у какого-нибудь дѣла и соприкасаться съ неулучшенной практикой, откуда виднѣе нужды и запросы жизни, необходимость улучшеній и перемѣнъ. Только очень большіе люди, да и то дѣлающіе что-нибудь существенное для человѣческаго счастья, могутъ сверху смотрѣть на черную работу учителей, ходоковъ, адвокатовъ и т. п. и считать такую дѣятельность ниже своего роста; всѣмъ же

прочимъ слѣдуетъ воздерживаться отъ слишкомъ несоотвѣтственныхъ словъ и алюровъ. А между тѣмъ изъ ихъ-то среды обыкновенно и награждаютъ деревенскихъ дѣятелей то презрительною кличкою культуртрегеровъ, то присочиненіемъ, будто они стремятся къ опрощенію, не понимаютъ настоящаго смысла и вкуса въ европейской цивилизаціи и относятся къ ней враждебно. Думаемъ, что это облыжно, что вкуса въ желаемомъ у нихъ не меньше и что вся разница заключается только въ томъ, что въ то время, какъ тѣ, ничего не дѣлая, только ждутъ, что цивилизація, какъ библейская манна, сама къ нимъ спустится, эти стараются дѣлать что могутъ для ея водворенія въ жизнь; въ то время, какъ тѣ мечты свои о ней начинаютъ отъ одного пункта, какъ отъ печки, эти, не отрицая ихъ точки отправленія, говорятъ, что можно исходить и изъ другихъ пунктовъ самой жизни и что той же цѣли скорѣе достигнешь, стоя крѣпче на землѣ. Каждое такое маленькое живое дѣло, разумѣется, гораздо лучше большого бездѣлья, о которомъ мы выше говорили и которое имѣемъ, главнымъ образомъ, въ виду. — Нужно не имѣть ни малѣйшаго представленія объ обществѣ, чтобы не понимать, что живетъ оно непрерывно и движется по равнодѣйствующей не потенціальныхъ, а активныхъ общественныхъ силъ. Если положительныхъ силъ больше, оно идетъ впередъ, если отрицательныя силы получили преобладаніе — идетъ назадъ, и при этомъ пассивные элементы вовсе не остаются въ безразличной роли, а увеличиваютъ движеніе въ направленіи преобладающемъ.

Рѣшивъ этотъ элементарный, общій вопросъ, мы будемъ имѣть уже дѣло съ точкою отправленія и методомъ дѣятельности, съ воззрѣніями, склонностями, характерами и вообще индивидуальными сторонами дѣйствующихъ лицъ, приводить которыхъ къ однообразію пансіона будетъ въ значительной степени нецѣлесообразно. Это значило бы стѣснять иниціативу и ограничивать могущіе получиться результаты. Здѣсь необходимъ значительный просторъ. Совершенно достаточно знать, что люди одинаково понимаютъ добро и зло и идутъ, хотя бы и разными тропинками, но въ одномъ направленіи. Нельзя, напр., всѣхъ и каждаго сдѣлать учителями, какъ нельзя всѣхъ превратить въ докторовъ. Мнѣ, напр., наиболѣе симпатична и кажется, по времени, наиболѣе нужной дѣятельность г. Гецевича, но еслибы заставить заниматься адвокатурой, положимъ, врачей и учителей, не имѣющихъ къ ней склонности и не знающихъ законовъ, то они навѣрное проиграли бы множество дѣлъ. Между тѣмъ, сегодняшній

врачъ или учитель могутъ завтра сами потерять всякую охоту къ леченію и преподаванію и пожелать болѣе живой и подвижной дѣятельности, а человѣкъ, ведшій подвижной образъ жизни, занять болѣе спокойное учительское мѣсто. Тогда навѣрное все устроится гораздо лучше и даже недостающія знанія пополнятся. Мы видѣли, наконецъ, недавній примѣръ, какъ необходимость помощи во время голода заставила самыхъ разнообразныхъ людей сосредоточиться около одного предмета—кормленія голодающихъ.

Словомъ, здѣсь больше, чѣмъ гдѣ-либо, необходима свобода, а между тѣмъ здѣсь-то именно и предъявляется больше всего требованій и дѣлалось и дѣлается больше всего ошибокъ. Разумѣется, между дѣйствующими лицами могутъ происходить по временамъ столкновенія, какъ по поводу тѣхъ или иныхъ временныхъ вопросовъ, такъ и по поводу болѣе глубокихъ взглядовъ; но если это происходитъ на почвѣ одинаковыхъ стремленій, во имя правды и прогресса, то результатъ всетаки получается положительный. Руссо и Вольтеръ, какъ извѣстно, во многомъ расходились и ссорились, а если теперь, съ нашей точки зрѣнія, посмотрѣть на нихъ, то трудно будетъ сказать, кто изъ нихъ сдѣлалъ больше для человѣчества. Вѣрнѣе всего будетъ сказать: оба сдѣлали много. Но европейцы, приходя между собою въ столкновеніе, всетаки не теряютъ къ противнику и его мнѣнію извѣстнаго уваженія; у насъ же считается необходимымъ, чтобы отъ противниковъ не оставалось даже хвостовъ, — такъ они взаимно исключаютъ другъ друга, и, что особенно любопытно, исключаютъ тѣмъ рѣшительнѣе, чѣмъ на самомъ дѣлѣ ближе другъ къ другу. Въ противуположность простому народу, наше культурное общество отличается замѣчательною неуживчивостью и склонностью къ регламентаціи. Можетъ быть, отчасти этимъ объясняется и тотъ фактъ, что культурные люди живутъ и дѣйствуютъ въ деревнѣ одиночками. Еслибы мы обратили вниманіе на любой изъ ближайшихъ или даже на цѣлый рядъ послѣднихъ лѣтъ, то увидѣли бы, что они прошли въ спорахъ и раздорахъ, которыми оглашались столицы и провинціи. Едва стихла распря въ томскомъ обществѣ естествоиспытателей и университетѣ, какъ произошелъ конфликтъ между цѣлой дюжиной казанскихъ профессоровъ и „Вол. Вѣстникомъ", едва кончилась эта исторія, какъ начались ссоры въ Харьковѣ, Ставрополѣ-Кавказскомъ, въ петербургской думѣ и т. д., а петербургскія, такъ-называемыя, ученыя общества почти всѣ переругались. Ссоры неизбѣжны и даже необходимы, но для этого должны быть достаточныя логи-

ческія и нравственныя основанія: когда въ жизнь вторгаются обскурантизмъ, нахальство, мошенничество и всякаго рода неправда, — безъ ссоръ, конечно, нельзя обойтись, но когда мотивами являются мелочные счеты, чрезмѣрныя претензіи и взаимное непониманіе, то ссоры производятъ удручающее впечатлѣніе, и слѣдуетъ желать, чтобы при этомъ люди не доходили, по крайней мѣрѣ, до забвенія всего существующаго на свѣтѣ. Вольтеровъ и Руссо у насъ не было, но если представить себѣ ихъ въ русскомъ видѣ, то они по всей вѣроятности должны были бы отложить все прочее въ сторону и употребить всѣ свои силы на взаимное истребленіе. Хорошо, что они не забывали о существованіи предметовъ болѣе неотложныхъ, о понятіяхъ разъясненіе которыхъ и борьба съ которыми были дѣломъ болѣе настоятельнымъ. Такое забвеніе приводитъ обыкновенно на практикѣ къ тому, что теченія мысли близкія и однородныя взаимно уничтожаются, а получаютъ преобладаніе теченія противуположныя. Полное единодушіе и единомысліе по нѣкоторымъ предметамъ — вещь очень хорошая, къ которой надо стремиться, и оно устанавливается по мѣрѣ общественнаго развитія или въ извѣстные моменты жизни; но желать, чтобы всѣ безъ исключенія и во всѣхъ случаяхъ думали по одному образцу и ходили по одной тропинкѣ, да еще не обыкновеннымъ шагомъ, а размѣреннымъ, — вещь не только несбыточная, но и ненужная, не только ненужная, но и вредная.

Отсюда одинъ только шагъ до аракчеевщины, а можетъ быть и еще дальше, — въ глубь тѣхъ историческихъ подземелій, гдѣ совсѣмъ не церемонились съ человѣческою совѣстью. Имѣя дѣло съ обществомъ безформеннымъ и разрозненнымъ, которому предлагаемые пути и ожидаемые результаты еще не ясны, нужно имѣть въ виду, что оно можетъ отвернуться отъ такихъ бинтовъ и рецептовъ для поведенія и что самый призывъ къ добру, если онъ съ этого начинается, можетъ остаться неуслышаннымъ; что общество состоитъ изъ элементовъ очень разнородныхъ, для которыхъ одного рецепта не придумаешь, но которые, однако, могутъ своеобразно служить добру конкретному, близкому и понятному, а, слѣдовательно, служить и одной общей высшей цѣли, что одна изъ первыхъ задачъ должна состоять въ томъ, чтобы вызвать на такую работу возможно больше работниковъ и что въ этомъ смыслѣ надо дорожить каждою личностью, каждою обращенною въ сторону правды дѣятельностью, какъ бы она ни казалась мала и какъ бы, повидимому,

далеко ни отходила отъ требуемаго образца. Не съуженіе умственнаго горизонта должно произойти при этомъ, а расширеніе, хотя бы ужъ по тому одному, что лучше выяснятся условія добра и причины зла, что большему числу людей придется возводить частные факты къ общимъ причинамъ. Однѣ общія экономическія причины представляютъ очень сложную задачу для изученія и раціональнаго рѣшенія. На добро и зло конкретныя, повседневныя, не смотря на ихъ сравнительную незначительность, нельзя смотрѣть какъ на нѣчто ниже нашего достоинства и не стоющее вниманія. Въ нихъ мы прежде всего познаемъ людей; а затѣмъ, прогрессивныя стремленія отдѣльныхъ лицъ и изолированныхъ группъ столько разъ приходили по этому поводу въ противорѣчіе съ обществомъ, народомъ и вообще со всею страною, что нельзя не думать объ уменьшеніи такихъ противорѣчій и о томъ, чтобы не создавалось такихъ положеній для прогрессивныхъ стремленій. Между тѣмъ, когда заходитъ рѣчь о практической дѣятельности, то очень многіе, и въ томъ числѣ тѣ же прогрессивные элементы, говорятъ, что у насъ нельзя и не стоитъ ничего дѣлать, и остаются въ бездѣйствіи, предполагая, вѣроятно, что все само собою сдѣлается, но въ то же время не отказываясь, однако, пользоваться тѣми условіями, на которыя такъ высокомѣрно машутъ рукой; а тѣ, кто берется за общественное дѣло, сплошь и рядомъ оказываются неумѣлыми или бросаютъ его при первой же неудачѣ, при первой же встрѣчѣ съ препятствіями. Развѣ мало было гласныхъ, которые не ходили въ земскія и городскія собранія, когда должны были ходить; развѣ мало было предсѣдателей и членовъ управъ, разныхъ коммиссій и подкоммиссій, которые при первомъ же столкновеніи съ противниками самоуправленія уходили, уступали имъ мѣсто и потомъ отказывались отъ выборовъ; развѣ не было людей, которыхъ выбирали на общественныя должности, но которые, узнавъ частнымъ образомъ, что губернаторъ на нихъ косится, спѣшили подъ разными предлогами отказаться отъ чести избранія, не дожидаясь формальнаго неутвержденія. Мною самимъ приведено выше не мало примѣровъ очень трудныхъ положеній, когда 90 чел. изъ 100 навѣрное скажутъ, что нѣтъ никакой возможности что либо дѣлать; очень возможно, что въ извѣстныхъ случаяхъ и я сказалъ бы тоже самое, не будучи въ состояніи вынести слишкомъ тягостной практики; но указалъ я также и на другихъ людей, которые съ этимъ не согласны, собственнымъ примѣромъ показываютъ, что

говорить этого нельзя, и очень цѣню такихъ людей. Если взглянуть, напр., на ту шавѣевскую учительницу, которая пожелала открыть школу, не дѣлая объ этомъ даже заявленія, и когда ея школу за несоблюденіе формальностей закрыли, то она рѣшила, что народнымъ образованіемъ заниматься нельзя, и сравнить ее съ цѣлымъ рядомъ другихъ, видѣнныхъ нами учительницъ, то, конечно, сравненіе будетъ не въ ея пользу. Точно также и неудачная попытка дѣятельности цѣлой группы лицъ въ уѣздѣ, съ цѣлью поднять экономическое благосостояніе населенія, могла бы быть болѣе удачной, еслибы люди отличались большею устойчивостью: всѣ неудачи ихъ состояли только въ томъ, что двое землевладѣльцевъ отобрали у нихъ два участка земли, что судебнаго слѣдователя перевели въ другой уѣздъ, а остальнымъ предводитель съ исправникомъ пригрозили. И этого было достаточно, чтобы люди бросили начатую съ такимъ успѣхомъ дѣятельность и не попросили даже объясненія по поводу совершенно ни на чемъ не основанной угрозы.

Встрѣчается не рѣдко еще одно недоразумѣніе. Когда у насъ говорятъ, что практика, какъ тина, засасываетъ людей и что надо смотрѣть выше, то предполагается, что надо отъ нея сторониться, а на малыя дѣла и тѣмъ паче нужно плюнуть; а когда говорятъ, что надо дѣло дѣлать, то добавляютъ: „и не предаваться при этомъ мечтамъ", точно то и другое представляютъ нѣчто совсѣмъ несовмѣстимое, точно человѣкъ, дѣлающій какое-нибудь дѣло, уже не можетъ мечтать и смотрѣть вверхъ, а человѣкъ, смотрящій выше брюха, не долженъ даже и думать о какомъ-нибудь практическомъ дѣлѣ. Намъ кажется наоборотъ, что человѣку всегда слѣдуетъ смотрѣть возможно выше и шире, но что это нисколько не мѣшаетъ, а равнымъ образомъ и этому нисколько не мѣшаетъ, если онъ будетъ не забывать объ окружающемъ и будетъ любить и умѣть дѣлать какое-нибудь дѣло. Поэты и тѣ занимаются практическими дѣлами, не исключая самыхъ прозаическихъ, въ родѣ желудочныхъ катарровъ. Почему же не заниматься какимъ-нибудь общественнымъ или общеполезнымъ дѣломъ? Какъ не хорошо погружаться съ маковкой въ технику практическихъ дѣлъ, такъ же нецѣлесообразно и изъ смотрѣнія вверхъ дѣлать какую-то особую спеціальность. Нецѣлесообразно уже по тому одному, что люди перваго положенія не рѣдко располагаютъ гораздо большимъ образованіемъ и умственными способностями и могли бы, смотря выше, больше увидѣть, тогда какъ спеціалисты по части смотрѣнія вверхъ

часто ничего путнаго не высматриваютъ, потому что могутъ съ успѣхомъ только лудить самовары или дѣлать нѣчто подобное. Происходитъ двойная потеря силъ. Говорятъ, что русскій человѣкъ склоненъ къ широкимъ общечеловѣческимъ интересамъ и стремится быть всечеловѣкомъ. Если не подвергать такой поэзіи сомнѣнію, то это, разумѣется, очень хорошо, но надо при этомъ заботиться и о томъ, чтобы вмѣсто всечеловѣка не сдѣлаться всероссійскою размазнею, переполненною только смутнымъ броженіемъ хорошихъ чувствъ, но не способною ни на истинное самоотверженіе, ни на то, чтобы сдѣлать что-нибудь прочное въ жизни. Въ этомъ послѣднемъ отношеніи я знаю, напр., такой обидный фактъ: въ одной мѣстности на югѣ Россіи жило человѣкъ пятнадцать русской молодежи, одушевленной самыми лучшими намѣреніями и любовью къ меньшему брату; мужику оказывалось всяческое вниманіе и почтеніе; его сажали чуть ли не на первое мѣсто, ѣли съ нимъ одною ложкою, угощали вареньями и печеньями; за все ему платили дороже, чѣмъ другіе, давали денегъ—и въ займы, и „на чай", и просто такъ себѣ,—разсказывали объ европейскомъ устройствѣ и рабочихъ ассоціацiяхъ и т. д. Въ той же мѣстности жилъ и одинъ молодой нѣмецъ—Шульцъ, управляющій или, вѣрнѣе, просто садовникъ, человѣкъ безъ всякихъ гуманитарныхъ идей, настоящая узкая, формальная нѣмецкая душа, съ военною выправкою, съ ни на чемъ не основаннымъ и не скрываемымъ высокомѣрнымъ отношеніемъ не только къ русскому мужику, но и ко всему русскому. Само собою разумѣется, что русскіе культурные сосѣди относились къ нему соотвѣтственно и ничего общаго съ нимъ не имѣли; а года черезъ три-четыре и онъ, и они разъѣхались изъ той мѣстности въ разныя стороны. Прошло около 20 лѣтъ, и вотъ что я, совершенно неожиданно для себя, узналъ и услышалъ, когда снова заглянулъ въ тотъ край. Одинъ крестьянинъ, показывая мнѣ свой садикъ, сказалъ: „эти груши и яблони мнѣ еще Шульцъ прищепилъ"; другой, на вопросъ о томъ, какъ идутъ дѣла, отвѣтилъ: „дай Богъ здоровья Шульцу,—научилъ, какъ садить и ходить за виноградомъ, вотъ теперь пудовъ по 80 продаю каждый годъ по 2 р., это и выручаетъ, а то бы плохо было". Третій, указывая на маленькій виноградникъ, также помянулъ добрымъ словомъ все того же Шульца и сказалъ, что, благодаря ему, имѣетъ вѣрныхъ 75—100 р. въ годъ; четвертому Шульцъ далъ хорошихъ сортовъ сливъ для прививки и такъ далѣе. Словомъ, г. Шульцъ, про-

ѣзжая изъ имѣнія, гдѣ служилъ, въ городъ, останавливался по пути въ деревнѣ и училъ людей тому, что зналъ и что впослѣдствіи стало имъ давать нѣкоторый доходъ, и о немъ сохранилась добрая память, а о господахъ, только питавшихъ хорошія чувства къ мужику и ничего существеннаго для него не сдѣлавшихъ, даже памяти не сохранилось, точно ихъ и не было совсѣмъ; развѣ только, когда самъ о нихъ напомнишь и спросишь у кого-нибудь изъ стариковъ, услышишь: „да, ничего,— господа были хорошіе, добрые". Я не говорю этимъ, конечно, что Шульцъ лучше этихъ господъ, а говорю только, благодаря чему, при всѣхъ прочихъ дефектахъ, онъ оставилъ всетаки болѣе прочный слѣдъ въ данной мѣстности и въ населеніи. Не говорю я также, что онъ сдѣлалъ нѣчто важное, а напротивъ, привожу сдѣланное имъ, какъ образчикъ самаго крошечнаго, попутнаго и ничего ему не стоившаго дѣла, но дѣла несомнѣнно жизненнаго.—У жизни много сторонъ, и такой, и гораздо болѣе глубокій слѣдъ могутъ оставить по себѣ и учитель, и техникъ, и докторъ, и юристъ, и земскій дѣятель и вообще всякій образованный человѣкъ, если будутъ дѣйствовать сознательно, систематически и съ дѣйствительнымъ знаніемъ дѣла и потребностей жизни. Отдѣльная дѣятельность, будучи совсѣмъ изолированной и одинокой, конечно, можетъ ограничиться слишкомъ незначительной сферой и походить на заплатываніе худого кафтана, который будетъ пороться въ другихъ мѣстахъ; но разъ отдѣльныя и разрозненныя дѣятельности могутъ быть какъ сами по себѣ расширены, такъ и приведены во взаимную связь и въ общую систему, такъ положеніе становится инымъ. Тогда онѣ дѣлаются живыми, органическими частями одного большого дѣла, которое, творя добро, будетъ вмѣстѣ съ тѣмъ препятствовать и злу уже въ болѣе широкой сферѣ. Чѣмъ больше будетъ работниковъ, чѣмъ разнообразнѣе и полнѣе будетъ ихъ контингентъ, чѣмъ разнообразнѣе будутъ пути, которыми они вступятъ въ жизнь, тѣмъ значительнѣе будутъ и результаты. Всего менѣе я былъ бы защитникомъ малыхъ дѣлъ, еслибы не видѣлъ возможности обобщенія частныхъ усилій и не былъ бы убѣжденъ, что люди, идущіе отъ частнаго къ общему, нисколько не мѣшаютъ людямъ, идущимъ отъ общаго къ частному.

Каждое дѣло, если только оно живое, уже въ силу одного этого, стремится къ развитію и распространенію; каждый человѣкъ, если только онъ не страдаетъ боязнью пространства, любитъ свое дѣло и вѣритъ въ него, старается поставить его лучше и распространить. Разумѣется, можно представить себѣ извѣстный % людей, которые сами отмежевываютъ себѣ для дѣятельности не болѣе двухъ вершковъ; можно вообразить себѣ даже такое каррикатурное положеніе, что человѣкъ, прочитавъ въ газетахъ, что въ Пермской губ., по случаю неурожая и падежа скота, основались изъ 5—6 семействъ артели, которыя на одной лошади обрабатываютъ землю, а затѣмъ, узнавъ, что составляются народныя библіотеки отъ 1 рубля, до того плѣнится этими вещами, что оснуетъ такую артель и выпишетъ для нея такую библіотечку, а самъ сдѣлается руководителемъ артельныхъ работъ и библіотекаремъ, да на томъ и опочитъ; но такого дурака даже представить себѣ нельзя въ дѣйствительности. Хотя любители малыхъ пространствъ и горизонтовъ у насъ и имѣются, но большинство, конечно, не таково и не можетъ быть такимъ. А. Н. Энгельгардтъ не ограничивается примѣненіемъ фосфоритовъ въ одномъ только Батищевѣ, а стремится къ примѣненію ихъ всюду, гдѣ только можно, и вызываетъ фосфоритное производство; Н. В. Верещагинъ не довольствуется сывареніемъ въ одномъ только Едимоновѣ, а старается преобразовать во всей странѣ цѣлую большую отрасль сельскаго хозяйства; другіе также стремятся къ расширенію дѣятельности и работаютъ до послѣдней возможности, до послѣдняго предѣла физическихъ силъ. Дѣятельность и стремленія г-жи Штевенъ также нельзя назвать малыми, уже по одному количеству основанныхъ ею школъ не въ одномъ, а въ цѣлыхъ четырехъ уѣздахъ.

Другой примѣръ расширенія дѣятельности. Г. Гецевичъ, о которомъ мы упоминали выше, дѣйствуя въ качествѣ крестьянскаго повѣреннаго и защитника на судѣ крестьянскихъ интересовъ, не выходитъ за предѣлы Валдайскаго уѣзда, даже той мѣстности, гдѣ живетъ, и берется не за всѣ, а только за такія дѣла, которыя особенно его возмущаютъ своею несправедливостью. Онъ поступаетъ несомнѣнно хорошо, какъ сосѣдъ, какъ человѣкъ и гражданинъ; но дѣятельность его слишкомъ ограничена пространствомъ и количествомъ дѣлъ. До нѣкоторой степени онъ расширяетъ ее, когда переноситъ дѣла въ слѣдующія губернскія и столичныя высшія инстаціи, но расширеніе это относится уже къ судоустройству и сущности самыхъ процессовъ. А теперь представимъ себѣ такое положеніе: что онъ или другой кто-нибудь посвятили себя всецѣло такой дѣятельности и ни одно правона-

рушеніе въ уѣздѣ мимо нихъ не проходитъ, а одновременно съ этимъ нашлись такіе же люди въ другихъ уѣздахъ и въ губернскомъ городѣ среди настоящихъ юристовъ.

Для дѣлъ, которыя переходятъ въ высшія столичныя инстанціи, могутъ найтись люди и въ столицахъ. Связь съ столицей можетъ быть полезна и въ другихъ отношеніяхъ, — въ смыслѣ воздѣйствія на низшія мѣстныя инстанціи, въ чемъ, къ сожалѣнію, такъ часто встрѣчается надобность, благодаря тому, что русскій человѣкъ все еще продолжаетъ быть гораздо впечатлительнѣе къ такимъ воздѣйствіямъ, чѣмъ къ прямому смыслу закона, необходимости исполненія обязанностей и внутреннему голосу правды. Такой дѣятельности уже нельзя назвать малой, а что въ ней есть сильная потребность—въ этомъ, полагаю, никто сомнѣваться не можетъ. Юридическая безпомощность крестьянъ такъ велика, столько проигрывается ими дѣлъ, по незнанію закона и невозможности вести защиту, что нѣсколько лѣтъ тому назадъ въ министерствѣ внутр. дѣлъ разрабатывался проектъ особаго института крестьянскихъ повѣренныхъ. Въ то время, какъ крестьянство пребываетъ во тьмѣ кромѣшной и бродитъ въ какой-то безсудной пустынѣ, въ то время, какъ его обираютъ невѣжественные въ законахъ кляузники изъ выгнанныхъ со службы чиновниковъ, дьячковъ и пропившихся военныхъ, настоящіе юристы, присяжные повѣренные и ихъ помощники, сплошь и рядомъ, сидятъ безъ дѣла и предаются мечтамъ, не улыбнется-ли имъ счастье, въ видѣ какого-нибудь „хорошенькаго конкурса", бракоразводнаго дѣла или крупнаго наслѣдства. Мечты эти, однако, для многихъ продолжаются столь же долго, какъ и о выигрышѣ въ 200 т. Недавно въ совѣтѣ петербургскихъ присяжныхъ повѣренныхъ возникла очень хорошая мысль: ѣздить самимъ и командировать своихъ помощниковъ въ провинцію съ выѣздными сессіями окружного суда, такъ какъ очень много дѣлъ остаются совсѣмъ безъ защиты, по неимѣнію защитниковъ. Мысль эта возникла не изъ одной только нужды въ заработкѣ, а находится также въ несомнѣнной связи и съ потребностью жизни къ законности. И такого рода дѣятельность, если она будетъ шире поставлена и правильно организована, опять-таки нельзя будетъ назвать малой: она можетъ не ограничиваться только дѣлами, дошедшими уже до судебнаго разбирательства, а можетъ распространяться и на вновь возникающія дѣла, давая имъ правильное, законное направленіе, при чемъ наблюденіе совѣта присяжныхъ повѣренныхъ можетъ служить достаточной гарантіей, что злоупотребленій не будетъ, что гонораръ будетъ браться не произвольный, а установленный и по возможности минимальный. Это можетъ только возвысить адвокатуру и придать ей популярность, а это, въ свою очередь, можетъ повести къ тому, что заработокъ сдѣлается болѣе постояннымъ и, можетъ быть, въ среднемъ даже возвысится противъ теперешняго, когда адвокаты дѣлятся на родившихся въ рубашкѣ и безъ рубашки или срываютъ временные куши, а потомъ сидятъ по нѣскольку лѣтъ безъ дѣла. Поѣздки въ провинцію и связь съ провинціальной жизнью также могутъ быть въ высшей степени полезны. Можно будетъ надѣяться, что если не всякая неправда, то по крайней мѣрѣ проявляющаяся въ грубомъ нарушеніи законныхъ человѣческихъ правъ, будетъ встрѣчать отпоръ и возмездіе, а можетъ быть, явится возможность помѣряться на законной почвѣ и съ болѣе глубокимъ зломъ. Разумѣется, это будетъ неосуществимою мечтою, если окажется слишкомъ мало представителей добра и правды, но чрезвычайно важно даже только уяснить это, т.-е. уяснить, съ какимъ обществомъ мы имѣемъ дѣло, а затѣмъ не менѣе важно также, какъ въ этомъ смыслѣ, такъ и вообще, поддержаніе въ населеніи чувства законности. Проектъ расширенія дѣятельности совѣта петербургскихъ присяжныхъ повѣренныхъ представляетъ много преимуществъ передъ дѣятельностью одинокою, за свой личный рискъ и страхъ. Человѣкъ, дѣйствующій въ одиночку, безъ чьей бы то ни было дружественной поддержки, будетъ самъ слабѣе, и дѣятельность свою рискуетъ изолировать, съузить или измѣнить въ нежелательную сторону, а потому не будетъ пользоваться (хотя бы въ нѣкоторыхъ случаяхъ это было даже несправедливо) такимъ довѣріемъ, какъ цѣлая группа лицъ или цѣлое общественное учрежденіе,—совѣтъ присяжныхъ повѣренныхъ, земство, дума, управа и т. п. Вотъ почему, когда врачъ Таировъ переходитъ съ частной практики въ земство, то мы невольно этому радуемся, такъ какъ онъ, нисколько не уменьшая своей дѣятельности, ставитъ ее подъ нѣкоторую гарантію и защиту земства, а вмѣстѣ съ тѣмъ усиливаетъ земскіе ряды своею энергичною личностью.

Еще одинъ примѣръ возможнаго расширенія дѣятельности. Когда люди помогаютъ какому-нубудь кустарному производству и не думаютъ объ его будущемъ и о товарной формѣ производства и сбыта произведеній, то дѣлаютъ только половину дѣла. Кустари, работая на неопредѣленный рынокъ и сбывая произведенія, обыкновенно оказываются не въ силахъ сами добраться

до болѣе выгодныхъ рынковъ, а потому попадаютъ въ руки скупщиковъ. Когда устраиваются земскіе склады въ наиболѣе бойкихъ пунктахъ и открывается кустарямъ кредитъ, какъ это сдѣлали нѣкоторыя земства, то дѣлается шагъ впередъ; но возможно сдѣлать и еще шагъ впередъ, если устроить склады соединенными силами земствъ въ мѣстахъ съ опредѣленнымъ спросомъ и попытаться сблизить потребителя съ производителемъ настолько, чтобы уравновѣсить производство со сбытомъ и ослабить или даже совсѣмъ устранить вредныя стороны ихъ товарной формы. Теперь относительно самаго производства. Какъ извѣстно, у насъ было нѣсколько опытовъ поддержки кустарныхъ промысловъ и устройства промышленныхъ артелей. Одни изъ этихъ опытовъ были не совсѣмъ удачны, другіе совсѣмъ неудачны; но отсюда вовсе не слѣдуетъ, что надо прекратить всякія попытки созданія народной промышленности. Во 1-хъ, опытовъ такого рода было слишкомъ мало и не всѣ они были хорошо поставлены, во 2-хъ, вопросъ этотъ настолько важенъ, что едва-ли мы ошибемся, если назовемъ его самымъ настоятельнымъ изъ всѣхъ экономическихъ вопросовъ нашего времени, слѣдовательно думать о немъ и рѣшать его такъ или иначе нужно. Съ нимъ тѣсно связаны вопросы хозяйственные, финансовые, объ обрабатывающей промышленности вообще и нашемъ положеніи на международномъ рынкѣ, о происходящей капитализаціи промысловъ, о крестьянской хозяйственной самостоятельности, землевладѣніи, общинѣ, пролетаріатѣ и т. д. При поддержаніи мелкаго производства, нельзя не обращать вниманія на слѣдующее: на промыслы, близкіе къ сельскому хозяйству, и такіе, которые не капитализируются; затѣмъ, есть промыслы, которые, въ силу внутреннихъ и техническихъ условій, могутъ довольно продолжительное время существовать рядомъ съ крупною промышленностью, а въ нѣкоторыхъ случаяхъ даже спорить съ нею за существованіе, и, наконецъ, есть отрасли промышленности, гдѣ произошла уже капитализація промысловъ и водворилось капиталистическое хозяйство. Въ первомъ случаѣ мелкое производство можетъ свободно существовать, во второмъ—можетъ существовать временно или въ особыхъ случаяхъ (напр., передача силы на разстоянія можетъ въ нѣкоторыхъ производствахъ уравновѣсить шансы), въ третьемъ—создавать производство въ мелкой формѣ будетъ равносильно, какъ если бы кто-нибудь сталъ создавать и улучшать извозъ въ то время, какъ прошла уже желѣзная дорога. Ясное дѣло, что тутъ нужна уже

организація производства также въ крупной формѣ, нуженъ основной и оборотный капиталъ, машины и прочія орудія и приспособленія, или уравновѣшеніе этихъ условій чѣмъ-нибудь другимъ: дешевымъ кредитомъ, устраненіемъ излишняго посредничества, артельною формою хозяйства и возможностью обходиться безъ предпринимательской выгоды, обезпеченностью сбыта, изобрѣтеніемъ болѣе дешевыхъ двигателей и другихъ техническихъ улучшеній и т. п., чтобы поднять или возмѣщать хроническое пониженіе заработной платы другими выгодами. Въ такихъ несложныхъ производствахъ, какъ, напр., павловское ножовое, и тамъ является надобность за невозможностью имѣть паровой двигатель, въ керосиновомъ двигателѣ, которымъ обзавелась основанная г. Штанге павловская артель; ткацкое дѣло, которое устроила кн. Урусова, и то потребовало лучшихъ станковъ и приспособленій.

Никогда еще наша народная промышленность не нуждалась настолько въ измѣненіи взгляда на нее, какъ на нѣчто второстепенное и неимѣющее значенія, и въ такомъ вниманіи къ ней со стороны людей знанія, земства и государства, какъ теперь. Она требуетъ подробнаго изученія и коренного преобразованія. Увѣковѣчить ее въ настоящемъ видѣ, разумѣется, нельзя, но, при правильномъ къ ней отношеніи и реорганизаціи, изъ нея можетъ развиться та настоящая народная промышленность, которая нужна странѣ и которая не потребуетъ со стороны государства такихъ жертвъ, какъ промышленность капиталистическая. Въ то время, какъ послѣдняя сплошь и рядомъ создается искусственно, и фабрики возникаютъ тогда и тамъ, когда и гдѣ имъ нѣтъ основаній быть, народное производство въ большинствѣ случаевъ возникаетъ естественно, когда въ немъ есть дѣйствительная потребность и въ мѣстахъ дѣйствительной необходимости. Бываютъ, конечно, и тутъ ошибки, но не такія крупныя и дорогія. Затѣмъ, въ русской жизни есть еще одно чрезвычайно важное обстоятельство—обстоятельство, собственно говоря, свойства отрицательнаго, но которое нуждается въ положительномъ разрѣшеніи: это мертвый зимній сезонъ, невозможность для крестьянина, несмотря на всю его нужду и желаніе,—хоть что-нибудь заработать. Невозможность эта обоюдно невыгодна, какъ для страны, такъ и для него, потому что онъ въ это время даже не отдыхаетъ и умственною жизнью не живетъ, а только томится въ напрасныхъ поискахъ за грошовымъ заработкомъ. Разрѣшеніе этого вопроса предполагается

обыкновенно унитарное и шаблонное: это обезземеленіе и обращеніе избытка земледѣльческаго населенія къ фабричной промышленности, при чемъ совершенно упускается изъ виду, что и существующіе рабочіе не поглощаются фабриками. Съ фабричной точки зрѣнія, можетъ быть, и правильно, что избытокъ и дешевизна рукъ могутъ вызвать къ жизни разныя промышленныя предпріятія, но съ государственной и народной точки зрѣнія это совсѣмъ нежелательно, а потому нужно искать для разрѣшенія этого вопроса иныхъ, болѣе справедливыхъ и цѣлесообразныхъ путей. Нѣтъ мѣстности, гдѣ невозможно было бы основать тѣхъ или иныхъ подспорныхъ заработковъ, а во многихъ случаяхъ и настоящихъ правильныхъ производствъ. Непрерывность дѣйствія заводовъ и фабрикъ вовсе не составляетъ неизбѣжнаго и необходимаго свойства всякаго производства: есть производства, гдѣ такая непрерывность, дѣйствительно, играетъ большую роль, но есть также производства, гдѣ заводы дѣйствуютъ втеченіе только извѣстнаго времени и дѣйствіе которыхъ какъ разъ совпадаетъ съ окончаніемъ полевыхъ работъ; таковы, напр., заводы винокуренные, сахарные, отчасти крахмальные и др. Весьма возможно, что найдутся и другія производства, которыя выгоднѣе будетъ вести втеченіе только полугода, чѣмъ терять зимнее время. Это прямо будетъ зависѣть отъ учета затратъ на производство (стоимость зданій, машинъ и т. д.) и потерь, которыя несетъ страна отъ обязательнаго и невольнаго полугодоваго бездѣйствія. Что касается основныхъ затратъ на производство, то опять-таки есть не мало производствъ, гдѣ эти затраты вовсе не столь значительны, какъ абсолютно, такъ и относительно, напр.: стоимость затратъ на кирпичное производство можетъ быть въ 15 разъ меньше годового оборота заводовъ. Затѣмъ, вышеупомянутая передача силы на разстоянія и мелкіе дешевые двигатели могутъ повести къ тому, что нѣкоторыя производства окажется выгоднѣе вести, не устроивая большихъ зданій, въ небольшихъ помѣщеніяхъ и размѣрахъ, и не порывая связи съ землей. Вообще, этотъ вопросъ требуетъ спеціальнаго разсмотрѣнія и раздѣленія производствъ на группы производствъ, примѣнимыхъ къ народной жизни, и такихъ, примѣненіе которыхъ встрѣчаетъ какія-нибудь серьезныя затрудненія. Мы думаемъ, что такихъ производствъ окажется меньше, потому что народная промышленность, при извѣстномъ содѣйствіи и благопріятныхъ условіяхъ, можетъ принимать и крупную форму, ничѣмъ не отличаясь въ

техническомъ отношеніи отъ капиталистической промышленности и представляя собою только иную внутреннюю организацію и болѣе справедливый порядокъ отношеній. При этомъ могутъ быть различныя комбинаціи. Ни жизнь, ни живая экономическая наука не устанавливаютъ на вѣчныя времена какихъ-либо данныхъ формъ производства и отношеній между трудомъ и капиталомъ. Даже самые непоколебимые для извѣстныхъ періодовъ экономическіе законы подлежатъ эволюціи и воздѣйствію человѣка. Артельная и государственная форма промышленности, о которыхъ не разъ говорилось, вовсе не представляютъ собою всего, что въ данномъ случаѣ можно представить. Возможна, напр., такая земская комбинація: въ 1892 году одинъ техникъ принесъ въ редакцію одного журнала обширный проектъ промышленной эксплоатаціи Донской области. Носился онъ съ этимъ проэктомъ, какъ курица съ яйцомъ. Увлечься, дѣйствительно, было можно. Одинъ перечень сырыхъ, нетронутыхъ богатствъ могъ вдохновлять технологическое сердце. Въ артельную форму онъ не вѣрилъ, въ казенное завѣдываніе и руководительство живымъ дѣломъ также, а потому останавливался на формѣ акціонерной, но чтобы акціи были возможно мелки (не болѣе 100 р.). Послѣднему обстоятельству онъ придавалъ особенно важное значеніе, такъ какъ, съ одной стороны, хотѣлъ привлечь и заинтересовать въ дѣлѣ возможно больше техниковъ, а съ другой—считалъ такую форму легче осуществимой и наиболѣе устойчивой. Насколько можно было заключить изъ разговора, онъ былъ знакомъ съ возраженіями В. Грэгэма *) противъ Маркса, что концентрація капитала въ немногихъ рукахъ вовсе не составляетъ преобладающей и неизмѣнной капиталистической тенденціи, что въ послѣдніе годы единоличныя предпріятія начинаютъ уступать мѣсто акціонернымъ и сами преобразовываются въ акціонерныя, и что послѣднія, хотя и стремятся также къ концентраціи путемъ синдикатовъ, но принадлежатъ уже очень значительному числу лицъ и потому отличаются большею прочностью, не только въ самомъ процессѣ производства, но и относительно конечныхъ предположеній Маркса. Автору проекта было сказано, что напечатаніе и рекомендація такого проэкта къ журналу не подходитъ, не смотря на полное сочувствіе разработкѣ природныхъ богатствъ, что если и онъ больше интересуется этою разработкою, чѣмъ не представляю-

*) Профессоръ полит. экономіи въ Бельфастѣ.

щею ничего новаго акціонерною формою, то пусть измѣнитъ свой проэктъ, напримѣръ, такимъ образомъ: чтобы акціи принадлежали не частнымъ лицамъ, а сельскимъ обществамъ, причемъ часть ихъ населенія, которая станетъ работать въ предпріятіяхъ, получала бы обыкновенную заработную плату, а сельскія общества гарантировали бы ей связь съ землей и возможность возвращенія на землю. Не буду передавать длинныхъ разговоровъ, которые при этомъ произошли: возраженій, что у сельскихъ обществъ нѣтъ денегъ для внесенія по акціямъ, и моихъ возраженій, что таковыя могутъ найтись, что отсутствіе денегъ не одно и то же, что отсутствіе капитала и кредитоспособности, что если предпріятія вѣрны и будутъ солидно поставлены, то капиталы сами отыщутся, что акціонерныя предпріятія сплошь и рядомъ выѣзжаютъ на капиталахъ облигаціонныхъ и т. д. Словомъ, въ концѣ концовъ, авторъ согласился, что такая комбинація не представляетъ невозможности и хотѣлъ передѣлать свой проектъ; однако, не передѣлалъ и глазъ больше не показалъ, изъ чего я заключаю, что сдѣланная поправка пришлась ему не по душѣ.

Когда наступаетъ практическое разрѣшеніе какого-нибудь вопроса, то очень многіе утрачиваютъ на него надлежащую точку зрѣнія: теоретическія рѣшенія вдругъ начинаютъ возбуждать недовѣріе и уступаютъ мѣсто традиціоннымъ, частности загромождаютъ общую постановку предмета и мѣшаютъ видѣть его во всемъ его объемѣ и широтѣ. При этомъ всегда находятся въ достаточной мѣрѣ безцеремонные господа, которые пользуются смятеніемъ, и въ концѣ концовъ появляются на сцену шаблоны: московское купечество увѣряетъ, что промышленность можетъ успѣшно развиваться только при отсутствіи фабричной инспекціи и высокихъ пошлинахъ на иностранные товары, т. е. если хорошенько затвориться отъ „заграницы“ да предоставить производить что хочешь и брать что хочешь съ потребителя; нижегородское всероссійское столпотвореніе тянетъ свою пѣсню о льготахъ; фабриканты, понюхавшіе просвѣщенія, доказываютъ, что предложеніе свободныхъ рукъ должно предшествовать спросу, и потому указываютъ, какъ на источникъ зла, на крестьянское землевладѣніе и общину; въ униссонъ же поютъ и южные землевладѣльцы, въ родѣ гг. С. Короленко и Бодиско. А на встрѣчу этимъ господамъ идутъ доктринеры и несутъ новые шаблоны, люди, хотя и ведущіе себя съ другого полюса, но говорящіе буквально то же самое: мы говоримъ о

нашихъ неомарксистахъ или, вѣрнѣе, псевдо-марксистахъ, которые доказываютъ, что община, въ силу неизбѣжной исторической, чуть-ли даже не перманентной необходимости, должна разрушиться и потребное для фабрикъ количество населенія лишиться земли и быть принесеннымъ въ жертву фабричному Молоху. Они утверждаютъ, что это, будто бы, научно установлено Марксомъ и готовы jurare in verba magistri, хотя это значитъ съуживать научное и философское значеніе ученія Маркса, обращать его въ какой-то талмудъ, въ какое-то раскольничье исповѣдываніе буквы, которое, подавляя духъ, даетъ въ то же время буквоѣдамъ страшный произволъ искажать и втискивать ученіе въ какіе угодно узенькіе корридоры собственнаго міроразумѣнія. Къ счастью, не всѣ послѣдователи Маркса понимаютъ его въ такомъ смыслѣ, но когда кто-нибудь изъ нихъ пытается толковать его шире, пробуетъ, положимъ, усумниться въ цѣлесообразности разрушенія общины и обезземеленія населенія и указываетъ на возможность иного исхода, какъ это сдѣлалъ, напр., Николай—онъ (въ своей книгѣ „Очерки нашего пореформ. хозяйства“), то начетники остаются очень этимъ недовольны и называютъ такія стремленія не иначе, какъ утопическими. Хотя псевдо-марксизмъ и пережилъ уже наиболѣе острую фазу своего развитія и наиболѣе видные его представители пошли уже на синтезъ съ тѣмъ, что отрицали, но послѣдователи ихъ еще есть, а потому тѣмъ болѣе не слѣдуетъ забывать эту страничку изъ нашихъ новѣйшихъ недоразумѣній. Любопытно, что доктрина эта, ставшая потомъ такой крикливой и придирчивой, высказана была сначала не у насъ, а за границей, по крайней мѣрѣ, впервые я ее встрѣтилъ въ нѣмецкой газетѣ „S. P. Centralblatt“ (№ 2 окт. 1893 г.), гдѣ одинъ нашъ соотечественникъ, имени котораго нѣтъ надобности называть, такъ какъ дѣло не въ именахъ, сдѣлалъ довольно величественный выговоръ за это Николаю—ону, и не только ему одному, но и многимъ другимъ сторонникамъ общины и защитникамъ крестьянскаго землевладѣнія. Николай—онъ совершилъ, напр., такое преступленіе: приведя, что въ Россіи рабочаго населенія, занимающагося земледѣліемъ, 80%, а въ Соединенныхъ Штатахъ 44%, онъ этимъ, однако, еще не сказалъ, что капиталистическое развитіе Россіи должно стремиться къ уравненію этой разницы, тогда какъ, кажется, можно было бы сказать, что въ этомъ уравненіи заключается его историческая миссія (darin, könnte man sagen, besteht ihre historische Mission), т. е. миссія нашего экономическаго разви-

тія. Историческая миссія состоитъ, видите-ли, въ томъ, чтобы обезземелить добрую половину крестьянъ и обратить ихъ въ рабочихъ, нужныхъ для капиталистической промышленности! Затѣмъ, авторъ, какъ и господа, съ которыми какъ-то стыдно его сопоставлять, говоритъ, что духовными отцами направленія, не сочувствующаго и сомнѣвающагося въ этой миссіи, были въ нашей литературѣ два старыхъ писателя—die geistigen Vater derselben sind Herzen und Tschernyschewsky, а защитниками являются люди, носящіе названіе народниковъ, точно никого другого и не было, кто стоялъ за общину и земельный надѣлъ. А составители положенія о крестьянахъ, положившіе общину и хозяйственную самостоятельность крестьянъ въ основу реформы, а изслѣдователи нашей исторіи и современнаго быта, говорящіе въ пользу этихъ началъ, а почти вся наша серьезная и порядочная печать, также стоящая за эти начала,—неужто все это жертвы заблужденія, называемаго „національнымъ соціализмомъ“? Говоря, что это направленіе идеализируетъ крестьянское общинное устройство и натуральное хозяйство, авторъ добавляетъ, что dieser nationale Sozialismus war und ist von entschieden utopischer Natur. Слово утопія и производныя отъ него такъ ему нравятся, что онъ ихъ повторяетъ нѣсколько разъ въ своей маленькой статейкѣ.

Прежде всего такому усердному ученику Маркса не слѣдовало бы ставить за одну скобку писателей, которыхъ самъ Марксъ раздѣлялъ: одного, хотя бы и не совсѣмъ справедливо, онъ называлъ просто „беллетристомъ“, а другого „замѣчательнымъ русскимъ ученымъ и критикомъ“. Еще страннѣе приводить къ одному источнику, надъ которымъ выставляется какъ бы для пристыженія надпись „утопія“, столькихъ людей различныхъ убѣжденій, взглядовъ, практическихъ, научныхъ и философскихъ знаній и направленій. Если они приходятъ различными путями къ одному и тому же заключенію относительно предмета, то это говоритъ въ пользу предмета; если же они исходятъ изъ одного предвзятаго и завѣдомо утопическаго взгляда, то это, конечно, легко можетъ дискредитировать предметъ. Такіе пріемы не только не научны, но и какъ будто неприличны. Съ неменьшимъ удивленіемъ прочитали мы и взглядъ новаго экономиста на значеніе международныхъ рынковъ, именно, что значеніе это можетъ быть для насъ приравнено къ нулю, что развитіе капитализма въ Россіи, благодаря земельному простору, можетъ, какъ въ Америкѣ, опираться исключительно на внутренніе рынки, не обращая вниманія на внѣшніе, и достигнуть при этомъ не то что какихъ-нибудь посредственныхъ результатовъ, но блистательнаго разцвѣта (glänzenden Blüthe).

Все это говорилось, разумѣется, для пущей славы капитализма, ad majorem Kapitalismi gloriam, т. е. что онъ представляетъ собою такую могущественную стихію, которая предназначена наполнить собою всю вселенную и не нуждается при этомъ въ содѣйствіи даже такихъ благопріятныхъ условій, какъ международный обмѣнъ. До сихъ поръ, вслѣдъ за Марксомъ, мы считали внѣшніе рынки однимъ изъ важныхъ факторовъ капитализма, но если бы кто-нибудь, дѣйствительно, освободилъ насъ отъ этого, то мы вздохнули бы свободнѣе и сказали бы, что капитализмъ утратилъ значительную принадлежность своихъ доспѣховъ. Здѣсь будетъ кстати припомнить и привести нѣсколько строкъ изъ письма самого К. Маркса по этому поводу. Въ высшей степени интересное письмо это было написано по поводу одной полемической статьи Н. К. Михайловскаго и предназначалось для напечатанія въ русскомъ журналѣ, но, своевременно не отправленное, оно осталось въ бумагахъ Маркса, гдѣ и было найдено послѣ его смерти. У насъ оно было напечатано въ „Юрид. Вѣстникѣ“ (№ 10, 1888 г.), откуда мы и цитируемъ нижеслѣдующее:

„Въ главѣ о первоначальномъ накопленіи, — говоритъ Марксъ,—я только имѣлъ намѣреніе прослѣдить тотъ путь, которымъ въ Западной Европѣ экономическій капиталистическій строй вышелъ изъ нѣдръ экономическаго феодальнаго строя. А путь этотъ велъ къ тому, чтобы разъединить производителя отъ его средствъ производства, обращая перваго въ наемника (пролетарія въ современномъ смыслѣ этого слова), а послѣднія въ капиталъ“.

Въ этой исторіи, продолжаетъ онъ, составляло эпоху все, что служило средствомъ подвинуть впередъ формированіе капиталистическаго класса; но „основою всего процесса“ служило обезземеленіе крестьянъ и потеря ими хозяйственной самостоятельности, или, какъ онъ выражается, отдѣленіе производителя отъ средствъ производства. Теперь спрашивается, говоритъ онъ, какое же приложеніе къ Россіи можно извлечь изъ моего краткаго историческаго очерка Европы? И отвѣчаетъ:

„Только слѣдующее: если Россія стремится стать націей капиталистической, по образцу западно-европейскихъ націй,— а втеченіе послѣднихъ лѣтъ она надѣлала себѣ въ этомъ смыслѣ много вреда,—она не достигнетъ этого, не преобра-

зовавъ предварительно доброй доли своихъ крестьянъ въ пролетаріевъ; а послѣ этого, приведенная разъ на лоно капиталистическаго строя, она подпадаетъ подъ власть неумолимыхъ законовъ, какъ и всякая другая непосвященная (profane) нація".

Въ этихъ словахъ вы чувствуете уже разницу съ тѣмъ, что говорятъ псевдо-марксисты. А ниже онъ высказывается еще опредѣленнѣе и говоритъ слѣдующее:

„Въ послѣсловіи ко второму нѣмецкому изданію „Капитала" я говорю о „великомъ русскомъ ученомъ и критикѣ" съ тѣмъ высокимъ уваженіемъ, какого онъ заслуживаетъ (стр. 817). Ученый этотъ въ своихъ замѣчательныхъ статьяхъ изслѣдовалъ вопросъ, должна-ли Россія, чтобы перейти къ капиталистическому строю, начать съ уничтоженія поземельной общины, какъ того добиваются либеральные экономисты, или же, наоборотъ, она можетъ, не претерпѣвая всѣхъ мученій этого строя, усвоить всѣ плоды его, развивая собственныя историческія данныя. Онъ высказывается въ смыслѣ послѣдняго рѣшенія". И я,—говоритъ Марксъ,—раздѣляю эти взгляды. А затѣмъ, въ заключеніе, добавляетъ, что если въ этомъ смыслѣ не будетъ обращено надлежащаго вниманія, что если Россія будетъ продолжать идти по тому же пути, по какому она шла съ 1861 года, относительно развитія своей фабричной промышленности и положенія деревенскаго населенія, „то она лишится самаго прекраснаго случая, который когда-либо представляла народу исторія, чтобы избѣжать всѣхъ перипетій капиталистическаго строя".

Изъ этого достаточно видно, въ какой мѣрѣ Марксъ былъ далекъ отъ фетишизма тѣхъ своихъ послѣдователей, которые дѣлаютъ изъ капитализма нѣчто роковое, неизбѣжное, почти сверхъестественное, нѣчто, не только не подлежащее воздѣйствію человѣка, но и устраняющее даже самую мысль объ этомъ, какъ какое-то дерзновеніе. Вмѣсто того, чтобы считать человѣка въ ряду условій и силъ, направляющихъ общественную, а, слѣдовательно, и экономическую жизнь, первою и главною силою, они низводятъ его на степень какого-то инвентаря, какого-то орудія экономическихъ процессовъ, совершающихся по разъ установленному на всѣ времена и случаи ритуалу. Нужно замѣтить, что Марксъ, для того, чтобы судить объ экономическомъ развитіи Россіи, выучился по русски и затѣмъ, „втеченіе долгихъ лѣтъ, изучалъ оффиціальныя и другія изданія, имѣющія отношеніе къ этому предмету", слѣдовательно, мнѣніе его не утопи-

ческаго происхожденія. Нельзя также заподозрить его и въ увлеченіи русскимъ націальнымъ чувствомъ, такъ какъ онъ тутъ же говоритъ, что не раздѣляетъ взглядовъ другого русскаго писателя, „москвича-беллетриста", о неизбѣжномъ обновленіи Европы посредствомъ русскаго духа. Словомъ, оставаясь на строго научной почвѣ, онъ признавалъ для насъ возможнымъ, при желаніи и сотвѣтственной дѣятельности, избѣжать капиталистическихъ перипетій и идти по другому, болѣе цѣлесообразному пути. Только это и нужно знать. Можетъ явиться вопросъ: не поздно-ли? Воды за это время, дѣйствительно, много утекло и задача стала труднѣе, но мы полагаемъ, что пока у народа есть земля, а приростъ и избытокъ населенія можетъ находить таковую, пока сохранилась община и пока капиталистическая промышленность не захватила еще всѣхъ промысловъ и не истребила мелкой народной промышленности*), время еще не ушло для дѣятельности въ лучшемъ направленіи. Кто и какъ будетъ дѣйствовать? На этомъ вопросѣ выѣзжаютъ обыкновенно тѣ, кто не хочетъ самъ ничего дѣлать и чтобы что-нибудь дѣлалось въ этомъ смыслѣ. Очевидно, что дѣятельности нѣсколькихъ отдѣльныхъ частныхъ лицъ недостаточно; мы видѣли, что поддержкою кустарной промышленности и распространеніемъ техническаго образованія были заинтересованы нѣсколько земствъ, городовъ, техническое общество и министерство государственныхъ имуществъ и не въ состояніи были удовлетворить всей имѣвшейся потребности, которой можетъ удовлетворить только все общество, т.-е. государство. Но полагаю, что вышеуказанный вопросъ можетъ одинаково относиться и ко всѣмъ другимъ предметамъ, ко всякаго рода дѣятельности вообще. А съ этой точки зрѣнія отвѣтъ можетъ быть только одинъ, какой мы уже давали, это: каждый долженъ дѣлать все, что можетъ, стараясь сдѣлать возможно больше и привлекая къ своей дѣятельности другихъ. Новый экономистъ не преминулъ, однако, въ своей статейкѣ поставить такой вопросъ. Указавъ на направленіе, которое защищаетъ общинное землевладѣніе и которое онъ назвалъ утопическимъ, онъ спрашиваетъ: что же за силы, на которыя оно

*) Если капитализація промысловъ сдѣлала огромные успѣхи, напр., въ обработкѣ волокнистыхъ веществъ, то имѣются отрасли, которыхъ она почти или даже совсѣмъ не коснулась, такъ что въ общей сложности мелкая народная промышленность и до сихъ поръ еще даетъ гораздо большую сумму валоваго производства и занимаетъ больше рукъ, чѣмъ промышленность крупная, капиталистическая.

полагается? И отвѣчаетъ: это пресловутый общинный духъ (vielgerühmte Gemeingeist) крестьянства и симпатіи незначительной кучки (kleinen Haufens) интеллигенціи. А затѣмъ поясняетъ, въ какой мѣрѣ этого недостаточно противъ логики и силъ капитализма, на сторонѣ котораго было и есть почти все, начиная съ важнѣйшаго—хозяйственнаго успѣха. Въ этомъ послѣднемъ мы нѣсколько сомнѣваемся, но если бы это и такъ было, то неужто интеллигенція только ради того, чтобы не быть въ меньшинствѣ, должна радоваться успѣху многочисленныхъ трактирщиковъ въ думахъ, помогать еще болѣе многочисленнымъ скупщикамъ крестьянскаго хлѣба, смотрѣть сквозь пальцы на ростовщическіе проценты и т. д. Да и въ меньшинствѣ-ли она, если искренно предана и имѣетъ въ виду крестьянскіе интересы? Нелестныя мнѣнія относительно пресловутаго общиннаго духа и русскаго мужика вообще высказывались господами, называющими себя марксистами, и раньше: въ книгѣ Н. — она приведена классическая фраза одного изъ такихъ господъ, что изъ русскаго крестьянина не будетъ толку, пока онъ не выварится въ фабричномъ котлѣ. Только будто бы послѣ этой спасительной ванны онъ и можетъ стать человѣкомъ. Что же касается малочисленности интеллигенціи, склонной къ инымъ, болѣе чистымъ идеаламъ, то это, конечно, очень грустно, если только опять-таки принять это за несомнѣнный фактъ и признать, что остальныя области мысли и дѣятельности, куда она, главнымъ образомъ, направляется, болѣе благотворны и возвышенны. Интеллигенція не мало сдѣлала и дѣлаетъ изобрѣтеній и открытій, благодаря которымъ промышленность развивается, но примѣненіе которыхъ къ капиталистическому производству даетъ одни результаты, а примѣненіе непосредственно къ народному производству—другіе результаты; она руководитъ предпріятіями фабрикантовъ и можетъ руководить народною промышленностью; она имѣетъ дѣло съ общимъ образованіемъ и идеями, которыя также не остаются безъ значенія для общаго хода отношеній; она можетъ приносить народу непосредственную и наглядную пользу и можетъ избрать пути окольные (я не говорю уже о путяхъ прямо противоположныхъ), сдѣлать, напр., изъ капитализма, даже зная его отрицательныя стороны и смотря на него, какъ на преходящее явленіе, цѣлый культъ, настоящій предметъ вѣры, представляющій собою какое-то удивительное совмѣщеніе Ормузда съ Ариманомъ, изъ которыхъ одинъ сперва занимается выводкою народовъ въ фабричномъ котлѣ, а другой послѣ этого тот-

часъ же открываетъ имъ прямую дорогу къ благополучію. Та ничтожная кучка интеллигенціи, о которой говоритъ авторъ, какъ бы мала она ни была, никогда не перестанетъ сомнѣваться въ этомъ культѣ и спрашиватъ: сколько же столѣтій полагается народамъ вариться въ фабричномъ котлѣ? Кто хоть приблизительно знаетъ это? Если столько же, сколько длился феодальный періодъ, то предвидится-ли для существующихъ поколѣній хоть какая-нибудь надежда на облегченіе и радость? Не предстоитъ-ли народамъ, не переживавшимъ феодализма, пережить сначала таковой, и правильно-ли поступаютъ европейцы, что вводятъ неевропейцевъ прямо въ капиталистическій строй? Гдѣ гарантіи, что народы выйдутъ изъ фабричнаго котла невредимыми и обновленными, и гдѣ доказательства, что западно-европейскій рабочій обязанъ своею большею культурностью и развитіемъ именно фабричному котлу, а не другимъ условіямъ и вліяніямъ? Есть-ли увѣренность, что такая варка приведетъ непремѣнно къ благополучію и кто опять-таки хоть приблизительно знаетъ, въ чемъ таковое будетъ состоять? и т. д., и т. д.

Не могу, между прочимъ, умолчать о томъ странномъ положеніи, какое создается для гг. псевдо-марксистовъ ихъ ученіемъ. Если капиталистическій режимъ представляетъ роковую, неизбѣжную стадію развитія, черезъ которую должно пройти всякое человѣческое общество, если передъ этою историческою необходимостью остается только склонить голову, то слѣдуетъ-ли прибѣгать къ мѣрамъ, которыя могутъ лишь замедлять наступленіе капиталистическаго порядка, и, наоборотъ, не слѣдуетъ-ли стараться облегчать переходъ къ нему и употреблять всѣ усилія къ скорѣйшему его наступленію, т.-е. стараться о развитіи капиталистической промышленности и капитализаціи промысловъ, о развитіи кулачества (нѣкоторые видятъ въ кулачествѣ прогрессивный и либеральный элементъ), о разрушеніи общины, объ обезземеленіи населенія и вообще о выкуриваніи лишняго мужика изъ деревни? Чтобы быть послѣдовательнымъ, нужно дать на это утвердительный отвѣтъ, а давъ такой отвѣтъ, нечего уже стѣсняться ни скупкою крестьянской земли, ни открытіемъ лавокъ и кабаковъ, ни иною нечистоплотною дѣятельностью, разъ она соотвѣтствуетъ цѣли. Славныя занятія для интеллигенціи! Къ сожалѣнію, этотъ вопросъ остается безъ разъясненія. Большинство предпочитаетъ, конечно, остаться непослѣдовательнымъ и сидѣть въ комическомъ положеніи между двухъ стульевъ, но нѣкоторые, говорятъ, идутъ на заводы (когда, впрочемъ, пред-

ставляются хорошія техническія и конторскія мѣста), мотивируя свое поступленіе исключительно идеею ускоренія капиталистическаго процесса. Но не лучше-ли идти просто безъ такихъ мотивировокъ? Такая мотивировка всегда будетъ внушать недовѣріе, а если послѣднему не будетъ мѣста, то можно только воскликнуть: O, sancta simlicitas! На деревню господа псевдно-марксисты смотрятъ, по большей части, какъ на дѣло отпѣтое, безнадежное, гдѣ не стоитъ ничего дѣлать. Мы не говоримъ, конечно, что на фабрикахъ нечего дѣлать (и тамъ также много дѣла и по просвѣщенію, и по улучшенію положенія рабочихъ и т. д.), но не можемъ не сказать, что, по одной уже численности населенія, фабрики представляютъ только небольшой кусочекъ жизни, сравнительно съ деревнею. Изъ 120 мил. общаго населенія мы еле насчитаемъ,—да и то скорѣе преувеличивая, чѣмъ уменьшая слагаемыя,—только 1.112 т. чел., занятыхъ въ капиталистическомъ производствѣ, а съ уральскими горнорабочими 1.340 т. чел. *), слѣдовательно, дѣятельность на фабрикахъ, по размѣру, можетъ скорѣе соотвѣтствовать дѣятельности въ какихъ-нибудь сословныхъ и благотворительныхъ учрежденіяхъ; а затѣмъ, она не можетъ быть и такою разностороннею и разнообразною, какъ въ деревнѣ. Когда нѣсколько лѣтъ тому назадъ, нѣкоторыя газеты разсматривали, какія профессіи и какого рода интеллигентные люди нужны деревнѣ, то перечень выходилъ очень большимъ, разнообразнымъ и охватывалъ почти всю жизнь: за докторами и женщинами-врачами слѣдовали фельдшера, фельдшерицы и акушерки, за ними адвокаты, за адвокатами учителя, за учителями устроители библіотекъ и книжной торговли, агрономы, лѣсоводы и вообще люди, занимающіеся сельскимъ хозяйствомъ, техники самыхъ разнообразныхъ спеціальностей (область очень обширная и еще почти нетронутая), устроители и руководители кредитныхъ учрежденій, товарныхъ складовъ и т. д. Никогда не слѣдуетъ также упускать изъ виду нравственной стороны дѣятельности: она непремѣнно должна быть прямой и понятной народу, потому что человѣка, дѣйствующаго по принципу только для ускоренія капиталистическаго процесса, чрезвычайно трудно отличить отъ человѣка, дѣйствующаго по личному, своекорыстному интересу. Къ счастью, люди, которымъ посвящена настоящая книжка, такого смѣшенія понятій не производятъ, но они должны твердо на этомъ стоять и впредь не

*) Николай—онъ: „Очерки нашего пореф. хоз.“, стр. 124.

давать повода къ недовѣрію. Недовѣріе къ интеллигенціи и безъ того велико, культурное общество до сихъ поръ держало себя въ этомъ отношеніи до того легкомысленно и небрежно, что между нимъ и народомъ образовалась цѣлая пропасть, вся глубина которой становится видна только въ такіе моменты, какъ, напр., во время послѣднихъ холерныхъ безпорядковъ, когда били ни въ чемъ неповинныхъ врачей, думая, что они не лечатъ, а морятъ народъ. Очутившись въ такомъ противорѣчіи съ жизнью, трудно что-нибудь дѣлать и прежде всего нужно заботиться о прекращеніи недовѣрія. Родившись въ городѣ или будучи увезенъ ребенкомъ изъ деревни и проучившись до 20—25 лѣтъ, образованный человѣкъ является въ деревню чужимъ человѣкомъ; однихъ его словъ о расположеніи къ ней и лучшихъ намѣреніяхъ ей мало, а тѣ культурные представители, съ которыми она раньше соприкасалась и соприкасается, въ лицѣ нанимателей, судебныхъ слѣдователей, становыхъ и т. п., также не успѣли расположить ее въ пользу общаго довѣрія къ образованію. Затѣмъ, образованный человѣкъ очень часто, утративъ всякія мѣстныя связи, оказывается въ сходномъ положеніи съ бюрократіей, и самъ не чувствуетъ къ деревнѣ особаго расположенія: ему все равно, какая деревня, сегодня онъ здѣсь, завтра въ другомъ мѣстѣ, послѣ завтра въ третьемъ; а это, какъ понятно, въ свою очередь, не можетъ создавать довѣрія и прочной къ нему привязанности.

Чѣмъ человѣкъ будетъ дольше жить на одномъ мѣстѣ, чѣмъ жизнь его будетъ ближе къ деревенской и будетъ имѣть съ нею больше общихъ интересовъ, тѣмъ онъ больше можетъ расчитывать и на расположеніе. Для этого вовсе нѣтъ надобности ходить непремѣнно въ лаптяхъ и сморкаться въ руку, а тѣмъ паче нѣтъ надобности отказываться отъ книгъ, работы мысли и болѣе широкихъ умственныхъ горизонтовъ.

Въ связи съ только-что сказаннымъ, мнѣ хочется сказать еще нѣсколько словъ о личномъ положеніи людей, идущихъ въ деревню. Многіе изъ нихъ просто поражаютъ своимъ безкорыстіемъ и самоотверженностью, и о такихъ необходимо подумать, что ждетъ ихъ въ случаѣ болѣзни, разныхъ случайностей и старости. Другіе, будучи самыми прекрасными людьми смолоду, легко могутъ измѣниться подъ бременемъ жизни и труда, подъ вліяніемъ семейныхъ обстоятельствъ, возраста и т. п. И о нихъ, и имъ самимъ также слѣдуетъ заблаговременно подумать, чтобы этого не происходило. Чѣмъ человѣкъ болѣе одинокъ, тѣмъ

жизнь ему будетъ казаться страшнѣе и тѣмъ больше шансовъ измѣниться, слѣдовательно и въ данномъ случаѣ, какъ въ другихъ, необходима взаимная или какая-либо иная общественная поддержка, но поддержка не временная и случайная, а въ формѣ болѣе постоянной и прочной, на которую человѣкъ могъ бы надѣяться, какъ на право свое. Въ какомъ видѣ выразится эта поддержка (въ видѣ-ли взаимнаго или общаго страхованія, въ видѣ-ли земскаго участія, въ видѣ-ли хозяйственнаго общаго или отдѣльнаго устройства на землѣ, присоединяясь или не присоединяясь къ тому деревенскому міру, на который люди работаютъ, и т. п.), это будетъ зависѣть отъ выбора самихъ дѣйствующихъ лицъ. Ни на одной изъ такихъ формъ я не останавливаюсь, какъ на единственной и наиболѣе совершенной, такъ какъ здѣсь большую роль играютъ индивидуальныя склонности, а говорю только, что нельзя оставлять эту сторону безъ вниманія, какъ въ видахъ помощи и поддержки другъ друга, такъ и въ видахъ взаимной гарантіи отъ нежелательныхъ измѣненій.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Замѣченныя опечатки.

Страница	*Строка*	*Напечатано:*	*Слѣдуетъ:*
3	9 сверху	въ сердцѣ	въ сердце
4	8 „	на землѣ	на землю
—	10 „	мала	мало
10	13 „	визгливы	визгливыя
18	16 снизу	все	нее
19	9 „	приходитъ	происходитъ
20	5 сверху	конпенсировать	компенсировать
—	10 „	альтуризма	альтруизма
25	11 „	а центральные	„центральные
27	19 „	начнешь своими	начнешь хвастать своими
—	12 снизу	дугомъ	другомъ
29	8 сверху	тутъ же сплошь	тутъ же вы сплошь
—	14 „	быть цѣлью	цѣлью быть
32	18 снизу	очеть	очень
35	13 сверху	обязанностей	особенностей
—	21 „	того	этого
—	9 снизу	ти	тя
36	9 сверху	двѣ	всѣ
37	3 снизу	и сатира	и не сатира
38	14 „	землю; братья	землю. За землю братья
44	5 сверху	въ душѣ живетъ	въ душѣ его живетъ
46	9 снизу	всю мысль	свою мысль
49	8—9 сверху	телятъ, а онѣ	телятъ; она давно угнала телятъ, а они.
56	11 „	его	это
—	14 снизу	ведетъ гибели	ведетъ къ гибели
57	3 „	выходятъ	хотятъ
61	2 сверху	радужнымъ	радушнымъ
62	13 снизу	мірѣ	мирѣ
66	1 „	понятію	поднятію
75	19 сверху	мѣнеетъ	мѣняетъ
77	15 снизу	1784 г.	1884 г.
89	5 сверху	основныхъ	основанныхъ
127	17 „	класный	гласный
128	15 „	будетъ	будутъ
166	4 снизу	простираются	простирается
177	13 сверху	баретъ	беретъ
185	3 снизу	тамъ	такъ

Страница	*Строка*	*Напечатано:*	*Слѣдуетъ:*
197	10 сверху	плотники,	бондари,
198	5 снизу	гомъ	томъ
213	11 „	наимѣнѣе	наименѣе
214	12 сверху	предъявилъ	предъявивъ
233	8 „	поѣздахъ	поѣздокъ
238	18 „	52 руб.	25 руб.
247	16 „	Cogrès	Congrès
261	12 „	сильно	сельско
278	4 снизу	быть	было
279	7 сверху	заходятъ	захотятъ
283	12 снизу	нижегорскому	нижегородскому
328	1 сверху	почего	ничего

Знаки:

25	8 сверху	развитія	развитія".
27	8 снизу	объ ограниченіи	„объ ограниченіи
—	— „	что такое	„что такое
33	4 „	надежды;	надежды,
36	3 сверху	молодежь	„молодежь
38	5 сверху	странно;	странно:
40	11 „	потомъ во время	потомъ „во время
42	3 снизу	къ Отцу	къ Отцу"
52	2 „	разладъ	разладъ"
55	12 „	было жить	было „жить
56	16 „	два начала;	два начала:
74	10 сверху	двое семейныхъ	двое семейныхъ:
88	6 „	„не виляя	не виляя
—	7 „	серьезный	„серьезный
93	19 снизу	политикѣ"	„политикѣ"
139	13 сверху	враждой;	враждой:
177	7 „	группы;	группы:
—	14 снизу	есть;	есть:
178	1 сверху	артели; чернятинскую	артели: чернятинскую
269	14 снизу	пороковъ;	пороковъ,
